

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
2 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2014**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Перстование: немец. Часть первая	5
Начало войны: все как один	7
Виктор Гринимаер. «История — свидетель»	8
На берегу Мухавца	8
Однофамильцы	10
Победитель	12
Аркадий Герман, Игорь Шульга. «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде»	14
Виктор Тимченко. «Иосиф Сталин против Генриха Шнайдера»	18
Кто воевал в трудармии	18
Лагерные коммунисты	19
Победа и поражения	20
Александр Нахтигаль. «Их сделали врагами»	21
Металлургический комбинат: история сталинского долгостроя	27
Ричард Блянк. «Дело № 299»	29
В. Быстров. «Начальник строительства»	37
БАКАЛЛАГ (Челяблаг)	45
Леонид Трус. «Реальный социализм: клеточка системы»	45
Начало	46
Метамарфозы	47
Новый режим	48
Рассказывает Генрих Фердинандович Оттен	50
Рассказывает Густав Кондратьевич Гофман	52
Рассказывает Густав Адольфович Шнитке	53
Рассказывает Герхард Робертович Цейтлин:	53
Рассказывает Маргарита Факанкина:	54
Итог	56
Р. Ягудин. «Начало»	59
Александр Нахтигаль. «Жизнь закалила характер»	59
О мероприятиях по оборудованию зон ограждения лагерных участков	64
Лео Герман. «Смилуйся, Господи!»	64
Генрих Дауб. «Шёл парнишке в ту пору...»	71
Гаук Людвиг Фридрихович	78
И. Матовский. «Операция за колючей проволокой»	79
Из записки о расселении спецпереселенцев	80
Александр Нахтигаль. «Нас вылечит правда»	81
О правовом положении спецпереселенцев	83
Герхард Вольтер. «Зона полного покоя»	84
О завершении строительства трех электропечей металлургического завода	87
Александр Нахтигаль. «Судьба Люфтов»	87
Александр Нахтигаль. «Восемь трудармейских лет»	92
Список исправительно-трудовых лагерей, имеющих рабочие колонны немцев	95
Александр Нахтигаль. «Друзья»	95
В.Г. Фукс. «Погром. Из Красной Армии – в концлагерь НКВД»	100
В.Н. Новоселов. «Яков Давидович Рапопорт – крупный организатор промышленного строительства на Урале»	109
Виктор Гринимаер. «Убей его...»	111
Виктор Чигинцев. «Бакал»	113
Александр Нахтигаль. «Мой отец»	115
Из докладной записки министерства внутренних дел СССР	119
Марина Морозова. «Кладбище-призрак уходит под землю»	120
Малахова (Суппес) Амалия Георг-Яковлевна	122
Кварцевый Шихан	123
Виктор Гринимаер. «Буря»	126
Вячеслав Токарчук. «Преданы забвению. Этот ад назывался просто – трудармия»	129
Вамбольд Берта Георгиевна	130
Виктор Чигинцев. «Гранитный камень»	131
Виктор Гринимаер. «Дожили!»	132

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: НЕМЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ВОЙНЫ: ВСЕ КАК ОДИН

С грустью надо признать, что историческое невежество продолжает править нашим обществом и в первую очередь это касается оценки периода репрессий: 1934 -1956 г. г. Слово «репрессии» озвучили, мы только приоткрыли неизведанное, и вершители наших судеб посчитала, что все, достаточно: сейчас немало и других проблем, а прошлое может наше общество расколоть.

Но оно уже давно расколото, еще и из-за того, что до сих пор не рассказана вся правда о репрессиях против наших народов. Ведь о национальных проблемах правители вспоминают только тогда, когда начинает литься кровь. А история - великий учитель, надо только уметь к ней прислушиваться. Еще живы люди, которые пережили репрессии. Их судьбы были растоптаны, и с ними надо бы рассчитаться: и морально, и материально. Ну, хотя бы извиниться. А наши правители очень этого не любят. Тем более сейчас, когда во власть приходят люди, которые объективно, по молодости, ничего не знают о тех печальных страницах нашей истории, в тот период их не было. или они под стол пешком ходили.

Правду нельзя дозировать, ее нельзя скрывать. Если это происходит, общество деградирует. Молодежь и так уже смотрит на все эти темные страницы истории как на что-то далекое, не очень понятное и, что самое страшное, не требующее к себе их внимание. Мы теряем историческую память.

В ноябре 2001 года Фонд «Общественное мнение» провел всероссийский опрос городского и сельского населения и вот что он выявил. Подавляющее большинство россиян (61 процент) убеждены, что массовые политические репрессии ничем нельзя оправдать. Факт отрадней.

Но насколько глубоки их знания о реальных процессах, которые проходили в нашей не-далекой истории? А здесь есть повод для беспокойства: треть (34 процента) не ответили на вопрос о том, против кого были направлены массовые политические репрессии? По мнению 37 процентов опрошенных, от репрессий пострадали не отдельные группы и слои населения, а весь народ страны. В тоже время 20 процентов считают, что репрессии обрушились главным образом на интеллигенцию. Хотя известно, что уничтожалась именно национальная интеллигенция, но респонденты не связывают этот процесс с национальностью.

Главный итог нашего просвещения - только три процента считают, что были репрессированы люди по национальному признаку. Факт вопиющий. Это не только не отражает исторической правды, но и говорит о том, что мы потеряли молодежь. Стоит ли удивляться росту желающих видеть Сталина во главе нашего государства, росту националистических организаций и даже благосклонному отношению, есть такие факты, к ним со стороны правоохранительных структур.

Время все дальше отделяет нас от Великой Отечественной войны. Стремление узнать всю правду до сих пор наталкиваются на яростное сопротивление в разных слоях нашего общества. Уже не секрет, что в предвоенные и послевоенные годы происходили события, которые, мягко говоря, не красят руководство СССР и в первую очередь это касается национальной политики.

Подходы власти к проблеме реабилитации народов менялись в соответствии с тем, как менялась в стране политическая ситуация, а цель этих действий всегда была одна — скрыть, заглушить, свести на нет интерес общества к этой проблематике.

После войны на все наложили гриф секретности, а репрессированные, под угрозой получить 20 лет каторги, дали подписку о неразглашении никакой информации о времени репрессий. Затем часть документов была опубликована, но доступными они стали только для узкого круга специалистов и тех, кто интересуется темными страницами истории Великой Отечественной войны.

Такая политика не могла не сказаться и на отношении общества к теме репрессий. Ее можно сформулировать так: в войну все страдали одинаково и нечего кого-то выделять.

Я не буду с этим спорить. Страдали все, это правда, но я хочу, чтобы все знали, через что прошел мой народ. Невежество и предвзятость не должны нам мешать увидеть правду, почувствовать боль народа, который и сейчас остался непрощенный и забытый.. А ох как трудно правде пробить дорогу к сердцу человека.

Перейдем ко времени Великой Отечественной войны, которая для советских немцев была как к личная война с захватчиком.

Виктор Гринмаер

ИСТОРИЯ — СВИДЕТЕЛЬ

На берегу Мухавца

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

Казарма у Холмских ворот Брестской крепости.

Старшина Мейер не спит. Проверив, как несут службу дневальные в этот трудный предутренний час, и все ли в порядке в казарме, он постоял у окна, выходящего во внутренний двор Цитадели. Брезжил рассвет. Вячеслав проводил взглядом одинокую фигуру прошедшего по каким-то неурочным делам от Инженерной казармы в сторону клуба – бывшей крепостной церкви, младшего командира с красной повязкой на левом рукаве.

Перейдя на противоположную сторону, Мейер залюбовался нешироким здесь Мухавцом с берегами, поросшими травой и деревьями и соединенными между собой аккуратным деревянным мостиком, ведущим от Холмских ворот в Волынское укрепление, где находится полковая школа и госпиталь.

Убедившись, что нет причин для беспокойства, старшина прошел в ротную канцелярию и засел за письмо родным. Возможно, это последнее письмо. Скоро домой. Два года службы пролетели незаметно. Прибыв сюда рядовым красноармейцем, сразу после возвращения Бреста Советскому Союзу, Вячеслав выезжал из крепости только на учения и, однажды, в отпуск на родину, в дорожное Поволжье. Сейчас он старшина, хорошо известный не только в полку, но и во всей крепости.

Недавно в полк прибыло молодое пополнение. Старшина поговорил со многими новобранцами. Среди новичков он встретил нескольких земляков – поволжских немцев. Хорошие ребята, не опозорят, думает, довольно улыбаясь, старшина, можно спокойно ехать домой, из этих выйдут толковые красноармейцы и младшие командиры. А он, отслужив, поедет в родной город Энгельс, – заждались там дела, родители и еще кое-кто...

Мейер взглянул на часы. Часовая стрелка застыла на четверке, а минутная, вздрогнув, перевалила через зенит. Три часа до общей побудки, сегодня воскресенье, и бойцы понежатся в постелях лишний часок.

Но в это же время в нескольких сотнях шагов западнее, за Бугом, уже никто не спал, – у германского руководства были свои планы. Все было готово к артобстрелу. Крепость лежала как на ладони. Фашистам было известно, что в крепости не ожидают нападения, что береговые укрепления в зоне Западного Буга не заняты войсками, а комсостав в большинстве находится в отпусках или в городе с семьями. Генерал Гудериан сомневался: стоит ли проводить артподготовку? Может быть, усилив момент внезапности, тихо переправиться

через реку и захватить спящую крепость без лишнего шума?.. В последний момент он все же отдал приказ провести артиллерийскую подготовку в течение установленного инструкцией времени.

Сидя за столом, старшина Мейер услышал странный гул самолетов, которые, по видимому, шли на большой высоте. Он встревожился, поднялся, подошел к посветлевшему уже окну посмотреть, что это за необычные воскресные ночные полеты затеяли авиаторы. Уже подойдя к окну, он вдруг услышал звуки артиллерийских выстрелов, свиста снарядов и взрывов. Все это произошло так неожиданно, что он, не успев осознать, в чем дело, высунулся в окно. Его вдруг обдало сжатым воздухом, камнями и пылью. Отпрянув, он почувствовал специфический запах стрельбища и чердака. Весь двор Цитадели и крыши зданий вмиг покрылись кустами взрывов, расплзшихся в тучи пыли и дыма.

– Подъем! Тревога! – закричал старшина, выскакивая из канцелярии.

Но бойцы и так уже повскакивали с постелей: кто скакал на одной ноге, стараясь попасть в штанину, кто, схватив в охапку одежду, бросился к пирамидам с оружием, а кто к окну... Казарму сотрясало от взрывов, не пробивающих толстенных стен, снарядов. Стекла сразу повывлетали, были повреждены многие рамы. Раздавались стоны первых раненых осколками, влетающими в окна.

– В ружье! Всем отойти от окон, в простенки! – подавал старшина команды, лихорадочно соображая, что же ему делать дальше.

Он здесь старший. Командиры живут в домах комсостава, пока добегут, и добегут ли, ему придется принимать решения самому, организовать отражение нападения противника.

Вооружив бойцов винтовками, раздав патроны, старшина распределил всех вдоль стен у окон и бойниц казармы-крепости, построенной сто лет назад виднейшими российскими фортификаторами.

Артобстрел закончился так же внезапно, как начался. Мейер выскочил из казармы, решив выяснять, что же произошло, и какие команды последуют от старших начальников. Вскоре он встретил полкового комиссара Фомина. Ранее они виделись всего несколько раз, – комиссар недавно прибыл в полк и жил без семьи в своем служебном кабинете.

Старшина доложил о принятых мерах и потерях.

– Молодец! – похвалил комиссар, испытующе поглядывая на Мейера. – Будьте готовы к любым неожиданностям. Поручаю Вам, товарищ старшина, командование ротой до прибытия старших командиров.

В этот момент к ним подбежал запыхав-

шийся безоружный боец, без гимнастерки, с испуганными глазами.

– Товарищи командиры! – срывающимся голосом прокричал он. – Там немцы! – махал он руками в западном направлении в сторону Тереспольских ворот, откуда доносилась автоматная и винтовочная стрельба.

– Где немцы? – стараясь быть спокойным, строго спросил Фомин. – Сколько их?

Боец встал, как вкопанный, вытянул руки по швам и быстро заморгал глазами:

– Много немцев... Они ворвались в ворота... Они в погранкомендатуре, у церкви и командирской столовой...

– Понятно! Не паниковать! Где ваша винтовка, товарищ красноармеец?

– Я сейчас, сейчас... – виновато бормотал тот.

– Товарищ старшина, возьмите его с собой, вооружите и сделайте из него бойца. Оставьте в казарме одно отделение – пусть смотрят на Мухавец, а остальных выводите срочно во двор, – будем выбивать немцев из Цитадели.

Через пять минут Мейер со своей ротой и Фомин, приведший еще отряд, около двух рот, бросились через двор с криком «Ура!».

Фашистов они увидели очень скоро у клуба, те вели бой с пограничниками, направляя свой удар к Холмским и Брестским воротам. К атакующим бойцам примкнули разрозненные группы из других частей и погранзаставы. Враг дрогнул, начал отходить к тем же Тереспольским воротам.

Фомин устремился вслед за отступающим врагом, а Мейеру поручил принять участие со своей группой в уничтожении засевших в клубе и столовой автоматчиков. Атака удалась. Фашистов выбили из Цитадели. Обратное через Мухавец и Буг никому перебраться не удалось, – защитники крепости били метко.

Вскоре Фомин вернулся. Он собрал немногочисленных командиров. Вместе с капитаном Зубачевым они возглавили оборону Цитадели. Штабом обороны избрали Инженерную казарму, как более удобную для оперативного руководства всеми действиями. Всех командиров распределили по секторам. Мейеру поручили группу подразделений, обороняющих Холмские ворота на берегу Мухавца. В эту группу входила и его родная рота связи.

Фашисты захватили Южный остров с госпиталем и укрепились напротив Холмских ворот, намереваясь захватить ведущий к ним мост. Они предприняли несколько атак, используя все имеющиеся у них средства. По вековым укреплениям велся непрерывный артиллерийский и минометный огонь, не смолкали пулеметные и автоматные очереди. Но атаки не приносили им ощутимого успеха, только ряды защитников неумолимо таяли. Бойцы, расставленные у окон первого и второго этажей, метким огнем срывали попытки переправиться через реку. В критические моменты даже ходили небольшими группами в контратаки...

Однажды стрельба вдруг резко прекрати-

лась. Выглянув в окно, старшина увидел такое, от чего он на несколько мгновений потерял дар речи, такого он не ожидал: фашисты шли в атаку, гоня впереди себя медиков и раненых, взятых ими в плен.

– Стреляйте! Не жалейте нас – закричали несчастные, достигнув середины моста.

– Ложитесь! – громким голосом, дрожащим от негодования, прокричал Вячеслав, и когда его команда была выполнена, из окон и бойниц раздался дружный залп. Уловка фашистам не удалась.

Бой не прерывался ни днем, ни ночью. Люди сбились со счета времени. Фашисты упорно атаквали, делая перерывы только для приема пищи. Ряды защитников таяли. И те, и другие с упорством, достойным лучшего применения, выполняли поставленную перед ними задачу.

Противник нес огромные потери. Наконец с самолетов полетели не только бомбы, но и листовки, которые призывали сдаваться, обещали жизнь и всевозможные блага. В листовках утверждалось, что гитлеровцы уже находятся у стен Москвы. Поверить в такое было невозможно.

Подобрав подобную листовку, Вячеслав прочитал написанное на ней сначала по-русски, потом по-немецки, усмехнулся, достал из командирской сумки карандаши и быстро нарисовал на оборотной стороне листовки свинью с характерными усиками Гитлера и подписал: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Карикатура всем понравилась, бойцы от души посмеялись.

Фомин тоже по достоинству оценил юмор. На просьбу старшины сходить за «языком» он быстро согласился, – нужны были сведения.

Вылазка удалась, попался долговязый ефрейтор. «Выпотрошив» его, стали решать, что с ним делать. У Мейера вдруг загорелись глаза, он что-то зашептал на ухо Фомину. Улыбнувшись, полковой комиссар кивнул и пошел по своим делам дальше, а старшина с увлечением принялся за дело.

Вооружившись карандашами, собрав имевшиеся в изобилии у бойцов листовки, использовавшиеся на самокрутки, он быстро размножил свою карикатуру, снабдив ее надписью о «фашистской свинье» и «советском огороде» на немецком языке. Найдя среди обломков мебели баночку с клеем, бойцы под грохот взрывов, свист пуль и осколков, увлеченно выполнили поручение старшины, изрядно повеселившись. Они с ног до головы обклеили гитлеровца этими бумажками и направили его к мосту через Мухавец. Испуганно озираясь, он, под хохот защитников крепости и настороженную тишину с противоположной стороны, потрусил к своим.

Через несколько минут фашисты яростно обстреляли Холмские ворота, и прилегающие стены – послание дошло!

Дни сменялись ночами, ночи – днями. Бои не прекращались. Все труднее было с продуктами. Людей стала мучить жажда. Рядом

протекала прозрачная вода, отражая в себе небо, берега, деревья, мост... Но эти несколько шагов простреливались засевшими на противоположном берегу автоматчиками. По всей береговой линии были установлены пулеметы. Ночью было светло, как днем – в воздухе непрерывно висели осветительные ракеты. Особенно страдали без воды раненые, обессиленные от потери крови. Военврач Вебер, тоже из поволжских немцев, как мог, облегчал страдания несчастных, но против жажды у него средства не было. Раздавались стоны и мольбы: дать воды. Это угнетало больше, чем опасность смерти. Несколько смельчаков пытались добыть воду, но обмануть бдительность фашистов не удавалось. Каждый из них оставался лежать там, где его настигала пуля. Даже убрать убитых не было возможности, их засыпало выбросами взрывов.

Такая ситуация была по всей крепости. По воле Рока, среди ее защитников всех национальностей здесь было около двухсот российских немцев. Известны имена майора Дулькейта, старших лейтенантов – Шварца и Кролла, красноармейца Дамма и многих других. Никто из них не дрогнул, все с честью отслужили свой долг перед Родиной.

Вячеслав уже несколько дней не пил, однако стойко переносил жажду, как и многие его товарищи. Но стенания раненых он выносить не мог, его отзывчивое сердце разрывалось от чужих мук. В одну из передышек, видимо, фашисты обедали, неожиданно даже для своих товарищей он выскочил в окно, стремглав спустился по крутому, изрытому взрывами, склону к реке, зачерпнул в котелок воды и побежал обратно. Все произошло так стремительно и просто, что, видимо, фашисты опешили от такой наглости. Обратно подниматься было труднее, да и воду нельзя было расплескать. Мейер подбежал к окну, подал котелок обрадованным товарищам, закинул руки на подоконник и подтянулся. В этот миг фашистский пулеметчик, опомнившись, выпустил длинную очередь. Товарищи втащили обмякшее тело старшины и положили его на пол. Открыв глаза, он, с трудом улыбнувшись, пошевелил губами:

– Воду... раненым

Его голубые глаза закрылись навсегда. Котелок с водой стоял рядом. Бойцы, как драгоценность, осторожно отнесли живительную влагу в подвал, раненым – облегчить участь ослабевшим, исполнить последнюю волю своего командира.

Бой продолжался.

...Через два месяца мать Вячеслава, его бабушку, невесту, младшего братишку, сестер и еще несколько сотен тысяч его земляков и соплеменников в срочном порядке депортировали в Сибирь и Казахстан, как потенциальных «шпионов и диверсантов» – такова была воля «отца народов».

Однофамильцы

Хранить верность – это достоинство, познать верность – это честь.

Кому-то война – мать родная, а кому – последний рубеж, дойдя до которого человек оказывается перед дилеммой: остаться человеком с честью и достоинством или перейти в разряд подлецов.

Шел второй месяц Великой Отечественной войны.

Петр сидел в подвале, куда фашисты притащили его, оглушенного взрывом. Он еще не представлял, какие физические и моральные муки ему предстоят.

Находился он здесь уже несколько часов. Сначала его просто бросили бесчувственно, но через некоторое время он им понадобился.

Движение войск остановилось, фронт застыл на месте, и фашистским начальникам стали нужны сведения о противнике на этом участке.

Пленных за последние сутки попало много, да и те все раненные или сильно контуженные. Нужные сведения от них старались получить побыстрее, чтобы уточнить свои тактические задачи и планы дальнейшего наступления.

Петра привели в штаб, под который оборудовали сельскую контору, на допрос к офицеру контрразведки.

– Как твои имя и фамилия, – спросил он. Переводчик повторил то же по-русски. Петр, услышав вопрос на немецком, потом на русском, удивился тому, как четко он понял все на обоих языках. Ничего секретного в его имени, по мнению Петра, не было, его учили, что врагу нельзя сообщать фамилии командиров и номера частей.

– Пётр Миллер, – спокойно ответил он допрашивающему.

– Как-как? – брови у офицера полезли вверх, глаза сверх меры расширились.

Удивленный такой реакцией Петр повторил свой ответ.

– Откуда ты знаешь мое имя? – в замешательстве спросил гитлеровец.

– Я не знаю вашего имени, – ещё больше удивился красноармеец.

– Ты сказал Петер Миллер – это мое имя.

Теперь настал черед Петру делать круглые глаза, – неужели он полный тезка этому лошённому и холеному фашисту. Чудеса, да и только. Такого с ним еще не случилось. И вот – на тебе! Какое неприятное совпадение!

Когда у фашиста прошло замешательство, он, заметно повеселев, спросил:

– И откуда у тебя такое имя?

– От родителей, – кратко ответил Пётр.

– А где живут твои родители?

– В АССР немцев Поволжья.

– Так может быть, ты всё понимаешь по-немецки, и говорить умеешь?

Переводчик, повинувшись сигналу начальника, выжидательно молчал. Петр, подумав немного, неопределённо пожал плечами. Конечно же, такой простой вопрос, ему переводить не было необходимости.

– Чего пожимаешь плечами? Не желаешь со мной разговаривать?

– Почему же? – с трудом переходя на немецкий, от которого он отвык за год службы, произнёс Пётр, – я, конечно, понимаю. Но разговаривать мне трудно.

– Трудно? А ты постарайся. Мы пришли освободить вас от большевиков. Вы должны радоваться и встречать, как это принято у русских, гостеприимно, с хлебом-солью, во многих селениях так делают. А ты уже несколько часов у нас в плену, и только теперь выясняется, что ты – немец. Почему?

– Потому, что радоваться мне нечему. Мы жили хорошо. Если бы не война, я после службы вернулся бы в свой городок, стал бы работать и жить в достатке в своём уютном домике.

– Как ты разговаривал! Станный у тебя диалект, никогда не слышал такого. Откуда твои предки?

– Говорят, откуда-то из-под Альп.

– А-а. С юга. Но и там сейчас так не говорят, очевидно, давно вы покинули Фатерлянд.

– При Матушке Екатерине.

– Что это ещё за матушка такая?

– Была у нас в России в восемнадцатом веке царица Екатерина Вторая.

– Ты смотри на него – какой грамотный! Все-то ты знаешь. А что ты можешь сказать про Германию?

– А что про неё говорить? Не знаю. Она далеко, а вы вот пришли.

– Разве это хорошо?

– Что ж тут хорошего – война ведь, разрушается всё. Если бы не вы...

– Хватит-хватит. Молчать! Ты лучше вспомни и расскажи о своей воинской части, в которой служил.

– У нас хорошая часть.

– Прекрасно! Это ответ хорошего солдата. А чем же она хороша?

– Люди у нас хорошие, и красноармейцы, и командиры.

– Почему же ваших солдат называют не солдатами, а красноармейцами? – с трудом произнес он это сложное для него слово, – и почему эти хорошие воины так спешно и беспорядочно отступают?

Пётр опять пожал плечами. Что тут говорить? Он и сам не мог понять, что все-таки происходит. Не проводить же с этим фашистом урок политграмоты. Вряд ли это имеет смысл.

Пётр чувствовал, что сейчас начнётся самое для него трудное – офицеру, похоже, уже надоела эта бесполезная болтовня, и он потихоньку начинает подбираться к интересующему его вопросу и вот-вот примется за главное. Так и вышло.

– А какое оружие стоит на вооружении в вашей части?

– Разное, – машинально произнёс Пётр и загнулся, прикусил язык – не тайну ли составляет это слово? Да вроде бы – нет. Но дальше надо быть осторожным – сейчас он начнет выпытывать.

Фашист внимательно наблюдал за Петром, от него не ускользнуло, что парень этот вполне развитой и наверняка знает немало, но не с легкостью расстанется с имеющейся у него информацией.

– Назови командира своей части, в каком он звании, как его фамилия.

– Вот оно, – подумал Пётр. Теперь надо молчать, здесь не отговоришься общими фразами. Петр потёр виски, – голова раскалывалась, – сказывались последствия контузии и груз ответственности перед своими товарищами и командирами, нежданно свалившийся на него.

– Что же ты молчишь, Петер. Неужели не знаешь своего командира? Мы все равно всё узнаем от других, но мне бы хотелось получить информацию от тебя, немца. Это важно. Если это случится, я смогу тебе помочь, освободить, отправить в тыл. Ты сможешь уже сейчас зажечь той жизнью, о которой мечтал. Ты поступил бы на службу Рейху, получил бы достойную работу. Здесь на освобождённой территории нужны умные люди, знающие местные обычаи, для организации послевоенной жизни. Так что – говори, и твоя судьба решится в твою пользу.

Пётр слушал офицера, а сам думал о своих однополчанах, – как они там, когда получат подкрепление и перейдут в наступление. Может быть, успеют его освободить до того, как он погибнет. Он вздрогнул, – впервые пришла мысль, что теперь в любой момент он может быть убит вот этим офицером или теми солдатами, что стоят за дверью.

– Ну что ты молчишь? – уже кричал фашист, и этот крик ещё больше укреплял Петра Миллера в решении не выдавать военной тайны, которой от него добиваются.

– Воинское звание, фамилия командира и других начальников, какое вооружение имеется в части, сколько личного состава? – перечислял, повторяя свои вопросы, фашистский офицер, оказавшийся однофамильцем и тезкой по имени пленному советскому бойцу, от которого, во что бы то ни стало, нужно получить необходимые сведения о противостоящем противнике. И, чем скорее, – тем лучше. Для обоих. Особенно для хозяина положения – телефон из вышестоящего штаба без умолку звонит – там обеспокоены остановкой, им нужны сведения.

Выбившись из сил, офицер Миллер приказал подчинённым вывести красноармейца Миллера, применить к нему физическое воздействие, а через один час и пять минут снова привести на допрос. А тем временем он должен пообедать – как раз, до обеденного перерыва осталось пять минут, нужно пойти освежиться, умыться и немного подышать свежим воздухом.

После обеда, в той же комнате, допрос продолжился. Избитого Петра втащили, попытались поставить, но ноги не держали его. Тогда офицер Миллер приказал усадить его на табурет, стоявший в углу.

– Ну что? Надумал говорить, дорогой мой тёзка? Если не надумаешь, – экзекуция повторится. Ты посмотри, как они тебя отделали, искренне изумился он, – что-то уж очень постарались сегодня, впервые вижу такое усердие от моих остолопов.

– Эт-то... они... не меня, а... тебя... били, – с трудом ворочая языком, выговорил Петр.

– Как – меня? – Миллер приподнялся на стуле, – с чего ты это взял?

– Они сказали... раз ты родственник... нашему... шакалу – мы тебя... изуродуем, как бы его...

– Заткнись, остолоп! Это ж надо такое выдумать – родственник! Ты большевистская свинья, я сгною тебя, уничтожу.

Вечером следующего дня однополчане красноармейца Петра Миллера освободили село и нашли тело своего истерзанного товарища. Оно было прибито к воротам того двора, в доме которого квартировал фашистский офицер Петер Миллер.

Похороны Петра Миллера, поволжского немца, были быстрыми, враг торопил, но со всеми почестями, полагающимися герою.

Через месяц после случившегося всё семейство Миллеров, проживавших в городе Бальцере, что на Волге, его мать, трое сестёр, младший братишка, бабушка и дед – бывший будённовец, тряслись в железнодорожном «телятнике», который увозил их из родного Поволжья в Кокпектинский район Семипалатинской области, как возможных шпионов и диверсантов. Эшелон охраняло отборное подразделение Внутренних войск НКВД, а Красная Армия, истекая кровью, теряя лучших своих бойцов, медленно уходила на восток.

Над Землей стояла осень 1941 года...

Победитель

В окруженной фашистами Одессе набирали ополчение, чтобы закрыть брешь в обороне. Здесь жило огромное количество немцев. На это не обращалось внимания – немцы обосновались здесь сразу после присоединения этой земли к России и большинство русских, приехав, обнаруживали здесь немцев, которые воспринимались как местные жители.

Вокруг Одессы раскинулись сотни немецких сел и хуторов (куттор, называли их немцы), кормивших город и флот всеми продуктами, какие произрастали в этом благодатном крае. Селившиеся здесь представители других народов, приезжавшие сюда курортники, воспринимали как данность немецкое присутствие. Никто никогда не оспаривал их право жить здесь, трудиться, выращивать овощи и фрукты, иногда диковинные, свои, «немецкие чудеса».

И теперь в ополчение пошли все вместе

– русские, немцы, украинцы. Так же плечом к плечу и воевали. На немцах еще не было клейма «пособников фашизма, шпионов и диверсантов». В суматохе боев рядового Келлера, уроженца поволжского города Бальцера, приехавшего в Одессу чтобы устроиться на судоремонтный завод к дальним родственникам буквально накануне войны, стали называть Келлеровым. Так и записали, в конце концов, в документах. Он не стал протестовать, оспаривать – что-то уже почувствовал в отношении начальства к советским немцам.

Бои под Одессой шли ожесточенные, одни упорно наступали, другие отчаянно оборонялись. Но силы оказались далеко не равными. Город сдали на милость победителю.

Из Одессы удалось вырваться не всем. Эвакуироваться повезло не многим. Среди этих немногих оказалось несколько человек с немецкими фамилиями. Оказался среди счастливчиков и рядовой Келлеров.

К этому времени советские немцы уже были объявлены неблагонадежными и отправлены в ссылку в восточные районы страны. Были они «изъяты» и из рядов Красной Армии, несмотря на то, что многие из них уже проявили стойкость и героизм на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и даже имели боевые награды. Многие сложили свои головы за Родину, а защитники Брестской крепости, среди которых полегли более двухсот поволжских немцев, заслужили вечную славу, с обнародованием которой не спешат до сих пор.

Не избежали общей для своей нации участи и защитники героической Одессы. Их пропустили через мелкое сито проверки и выявленных немцев, всех до одного, невзирая на заслуги, отправили в ГУЛАГ. Русским и украинцам дали по медали «За оборону Одессы». Самому городу присвоили почетное звание «Город-герой», а немцев заставили валить лес и добывать уголек.

Келлерову повезло, его долго не спрашивали, его оставили на грохочущий рядом фронт.

Война есть война. Здесь всякое случается: отступления перемежаются отчаянными контратаками, а те паническим бегством. И снова: атаки, отступления, оборона, наступление, и так без конца. И все непредвиденно, неожиданно для рядовых исполнителей.

Во время одного из боев Келлеров с группой сослуживцев попали в плотное окружение и, оставшись без боеприпасов, беспомощно попытались отбиться прикладами, кулаками и кольями, но быстро были схвачены здоровенными парнями в германских касках с автоматами в руках и с засученными рукавами. Красноармейцев скрутили и погнали в ближайший поселок, где расположился полевой штаб.

На допросе они не смогли и не захотели дать никаких полезных фашистам показаний. Келлеров с удивлением для себя открыл, что понимает все, о чем говорили между собой

допрашивавшие их фашисты. Настолько он, оказывается, хорошо знал свой родной язык. Но не подал вида. Немцы, нисколько не таясь пленника, потешались над «бестолковыми красноармейцами» вряд ли умеющими читать и писать по-русски, не то чтобы знать что-то о стратегии и тактике своих большевистских командиров. Правда, Келлерова они почему-то выделили среди других – допрашивали с большим пристрастием. В конце концов, старший офицер, в отутуженной чистенькой форме сказал подчиненным:

- Этого завтра утром поставить к стенке вместе с комиссаром, что уже приговорен.

Осмотревшись в камере, в которую был превращен обычный подвал дома, где расположилась комендатура, Келлеров определил, кто из присутствующих был комиссаром. Он подошел к нему и шепотом незаметно для других удостоверился в правильности своей догадки. Комиссар не отрицал своего звания, да это было бы бессмысленно – комиссарская звезда – отличительный знак – красовалась предательски на его рукаве.

- Вас завтра расстреляют, - сказал ему Келлеров, - и меня тоже. Что мы можем сделать, чтобы спастись?

- Откуда знаешь? – вместо ответа спросил комиссар сдавленным голосом.

- Они говорили между собой. Я их понял, - ответил Келлеров, не вдаваясь в подробности. – Надо попробовать бежать.

- Как тут убежишь? Сверху караул, отдушина маленькая.

- Надо ее расширить, она выходит в огород. Я осмотрелся, с той стороны не охраняется. Может быть, к утру успеем выбраться.

Все гуще сумерки собираются по углам, постепенно выползая и заполняя собой все пространство. И в подвале, и в лесостепи северного Причерноморья. Тишина. Только изредка доносится звук далекого разрыва снаряда да топнет солдатский сапог врага в половицу над головой.

Германцы, очевидно, не могли предположить, что фундамент дома может быть сложен их глиняного самана, а не из камня, как у них. Арестантов было немного, но они дружно принялись за дело – руками стали разгребать сухую глину вокруг отдушины. По очереди работали и чутко прислушивались к происходящему наверху.

Перед рассветом лаз был готов. Келлеров выбрался первым, дополз до угла дома, осмотрелся. Было спокойно. Со стороны улицы раздавались шаги часовых и разговор вышедших на крыльцо покурить караульных бодрствующей смены, свободных от несения службы в этот час. Им приходилось выходить из дома и в туалет, и в курилку, так как это не было оборудованное под караульное

помещение здание, а обычный, хоть и просторный, русский крестьянский дом.

Комиссар и другие арестанты тоже выбрались из подвала, стали присматриваться – куда бежать.

Келлеров уже сориентировался и показал рукой направление, в котором он предлагает двигаться, чтобы не быть замеченными. Рассвет уже близился, на востоке небо слегка посветлело, но было еще по южному темно. Но скоро, очень скоро солнце осветит землю своими лучами. Стали потихоньку преодолевать огород. К их счастью сразу за огородом простиралась небольшая поляна, за ней заросли кустарника, дальше раскинулось большое поле, заканчивающееся речкой, а за рекой – располагался лесной массив. На востоке, где алел рассвет, слышалась то слабая, то интенсивная перестрелка – там линия фронта и до нее совсем недалеко.

Дойдя до речки, решили немного пробежать по ней туда, где к ней ближе

подступали спасительные деревья. Выбравшись на противоположный берег, побежали, прячась в низинах и оврагах.

Утреннее небо на востоке легчает, становится прозрачней, подготавливая первый выстрел солнечного луча.

И внезапно, вот оно – солнце – брызнуло искрами, и сразу – стрелами лучей, постепенно заливая все пространство своим греющим золотом.

День пролежали на дне оврага невдалеке от дороги, по которой туда-сюда сновали повозки, автомобили и мотоциклы. По очереди дежурили, особенно наблюдая за дорогой и высматривая местность к востоку. Остальные отсыпались.

На следующую ночь были уже у своих. Им повезло – попали в свою часть и командир принял их с распростертыми объятиями, составил на всех наградные листы, умолчав о пребывании в плену, обрисовав все как разведывательный рейд по тылам противника. Комиссар попросил особо отметить Келлерова.

Вскоре пришли награды. Келлерову вручили Орден. И пошло-поехало. Что ни бой – то награда. Как говорится: лиха беда – начало. Награды не любят пустую грудь, – льнут друг к другу. И то сказать – Келлеров не прячется за спины товарищей, всегда – впереди, отчаянно бьется не страшась. И пули будто огибают его. Несколько осколочных ран и царапин он все же получил, но до серьезного увечья дело не дошло. Но нашивки за ранения ему исправно выдавали, и он скромно складывал их в свой вещмешок. Стеснялся носить эти отметины якобы увечья, полученные, как он считал, за легкие «царапины».

Аркадий Герман, доктор исторических наук
Игорь Шульга, кандидат исторических наук

«НЕ БЫВАТЬ ФАШИСТСКОЙ СВИНЬЕ В НАШЕМ СОВЕТСКОМ ОГОРОДЕ»

(Советские немцы на фронте и в тылу врага)

С началом войны мобилизация в Красную армию советских немцев, насчитывавших свыше 1,4 млн человек, проводилась осторожно: в очень ограниченной количестве и в строго индивидуальном порядке. Как правило, это были коммунисты, которые направлялись на специальную политическую работу. Так, 21 августа 1941 года по указанию Москвы бюро обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья отобрало и отправило в действующую армию 50 немцев — членов ВКП(б). Одновременно на фронте оказались немцы, призванные на военную службу перед войной. Их в начале 1941 года насчитывалось свыше 33,5 тысячи человек. Подавляющее большинство этих людей было призвано из Республики немцев Поволжья.

В числе первых агрессора встретили защитники Брестской крепости — командир полка майор А. Дулькайт, подполковник медицинской службы Э. Кролл, подполковник Г. Шмидт, старший лейтенант А. Вагенлейтнер, старшина В. Мейер, рядовые Н. Кюнг, Г. Киллинг, З. Миллер и другие. Старшина В. Мейер во время боев руководил обороной одного из отсеков казарм Брестской крепости. Когда гитлеровский самолет разбросал листовки с требованием капитуляции, Мейер собрал их целую пачку и нарисовал на каждой свиную морду, а внизу на немецком языке написал крупными буквами: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Вражеская очередь сразила его в момент, когда он пытался оказать помощь раненым сослуживцам. Вячеслав Эдуардович Мейер был посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В тяжелый период отступления советских войск летом и осенью 1941 года орденами награждали редко, за особые заслуги. 10 августа в центральных газетах был обнародован принятый днем ранее Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы фронтовиков. Среди награжденных значились и советские немцы — старший лейтенант А. Шварц и полковник Н. Гаген.

Командир 2-го танкового батальона 35-го танкового полка 18-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса старший лейтенант Альфред Шварц принимал непосредственное участие в боях, происходивших 6-10 июля в районе белорусских городов Лепеля и Сенно. Там развернулось одно из крупнейших танковых сражений начального периода войны. Вот

что говорится о его подвиге в представлении к ордену Красного Знамени, которым он был удостоен: «...У старшего лейтенанта Шварца в батальоне была отличная организация боя, в результате чего противник от огня батальона понес большие потери. Было уничтожено 8 танков противника и 4 противотанковых орудия. Благодаря отличной маневренности батальона на поле боя и правильной системе огня противник был введен в заблуждение и его передовой отряд был полностью уничтожен».

Награжденный орденом Ленина полковник Николай Александрович Гаген до войны несколько лет командовал дивизией, дислоцировавшейся в республике немцев Поволжья. Штаб этой дивизии располагался в Энгельсе. Части 153-й стрелковой дивизии, которой на фронте командовал Гаген, в начале июля около недели сдерживали натиск фашистов на подступах к Витебску, ежедневно отбивая по пять - шесть атак танков и пехоты. После того, как гитлеровцы прорвали оборону на соседнем участке, воины полковника Гагена 18 суток сражались в окружении, пока не соединились со своими войсками. Позднее 153-я стрелковая дивизия в числе первых соединений Красной армии была преобразована в 3-ю гвардейскую дивизию. Вместе с полковником Гагеном в боях отличились красноармейцы К. Целлер, Д. Коб, Б. Бауэр, Г. Финк, А. Беккер и другие советские немцы. За годы войны Гаген дослужился до должности командующего 26-й армии, стал генерал-лейтенантом, участвовал в Параде Победы. Войска под его командованием отличились в Сталинградской и Курской битвах, боях на Левобережной и Правобережной Украине, в освобождении Болгарии, в Кишиневской, Белградской, Будапештской, Балатонской и Венской операциях.

В августе 1941 года под Рогачёвом героически погиб командир окруженной врагами разведгруппы лейтенант З. Эрдман. Оставшись единственным живым в подвергшейся обстрелу группе, он имитировал сдачу в плен: выйдя к немцам с белой тряпкой на палке, громко крикнул по-немецки: «Не стреляйте, я немец!». Когда его окружили германские солдаты, он взорвал гранатой себя вместе с ними.

Осенью 1941 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с агрессором орденом Красной Звезды были награждены летчик А. Миллер, военврач 3-го ранга П. Гезунтер-

ман, разведчик П. Хольц, рядовые П. Шмидт, С. Шваленберг, Я. Диль и другие.

На Севере, в Карелии, один из участков Кировской железной дороги защищала 88-я стрелковая дивизия, в которой воевали 547 красноармейцев-немцев. 14 сентября 1941 года командир дивизии доложил начальнику Генерального штаба, что за все время боев «сдавшихся в плен врагу командиров, политработников, младшего и рядового состава в частях дивизии нет». К началу ноября дивизия в тяжелых боях частично уничтожила противостоявшего противника, а оставшиеся его части отбросила юго-западной и западной от основного направления наступления германских и финских войск. В этих боях отличились и полки, в которых служили советские немцы. 20 ноября 1941 года за проявленный личным составом героизм и стойкость 88-я стрелковая дивизия также была преобразована в гвардейскую.

24 августа газета «Комсомольская правда» под заголовком «Мы отомстим за тебя, товарищ!» рассказала о подвиге красноармейца Генриха Гофмана, призванного в армию села Шёндорф Краснокутского кантона АССР немцев Поволжья. Как писала газета, двадцатилетний юноша, попав в плен, выдержал ужасающие пытки, но не изменил военной присяге. Газета поместила большой фотоснимок обгоревшего с пятнами крови комсомольского билета Генриха. Фашисты прикололи его штыком к груди воина, расчлененного на куски.

28 августа «Комсомолка» опубликовала очерк Цезаря Солодаря «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Вместе со статьей был помещен и портрет воина. Страна узнала об отважном и умелом зенитчике, сбившем четыре бомбардировщика «Юнкерс».

По иронии судьбы материал о Генрихе Неймане был напечатан именно в тот день, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Их депортация в Сибирь и Казахстан была проведена в сентябре 1941-го. За поволжскими немцами до конца года последовало переселение на восток всех остальных советских немцев, проживавших в Европейской части СССР. Депортация предопределила и массовое изъятие военнослужащих-немцев из Красной армии.

Изъятие проходило в течение всей войны. Условно его можно разделить на три периода. Первый продолжался с 30 июня по 7 сентября 1941-го. В это время немцев убрали с фронта на основании директивы № 002367 от 30 июня 1941 года, которая предписывала изъять военнослужащих, «не внушающих доверия» (высказывавших пораженческие настроения, недовольство советской властью, желание сдать в плен). Директива не носила специальной антинемецкой направленности, однако многие командиры огульно зачисляли немцев в число неблагонадежных и стремились от них избавиться «на всякий случай».

В июле 1941 года в войска поступил приказ

о снятии военнослужащих-немцев рядового состава с ответственных должностей. Немцев убрали с должностей пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, радистов, наблюдателей, минометчиков, первых номеров артиллерийских расчетов. Их ставили на второстепенные должности стрелков, номеров расчетов, повозчиков. Этот приказ к началу августа в целом был выполнен.

Второй период — с 8 сентября и до конца 1941-го. Он характеризовался массовым изъятием немцев из армии. Основанием для этого стала директива наркома обороны № 35105с от 8 сентября 1941 года. В памяти немцев-фронтовиков эта директива осталась как «приказ Сталина». Директива предписывала изъять всех немцев из боевых частей и подразделений и направить их в строительные батальоны. Оставлять отдельных военнослужащих-немцев в боевых частях и подразделениях имел право только наркомат обороны и только на основании «мотивированного ходатайства» командиров. Изъятие военнослужащих-немцев происходило внезапно, без всяких объяснений, на фоне известий о том, что их родные и близкие депортированы в Сибирь и Казахы

Чистка армейских рядов от военнослужащих немецкой национальности повлекла за собой определенные трудности в боевых частях. Так, командир 337-го отдельного артиллерийско-зенитного дивизиона докладывал своему начальству: «В случае отправки сержанта Кайль, дивизион остается без оружейного мастера по зенитной артиллерии». Подобных случаев было немало. Несмотря на тщательно спланированную и проведенную акцию по изъятию военнослужащих-немцев из боевых частей, некоторым из них все же удалось остаться на фронте.

Ряд командиров воспользовался возможностью, предоставлявшейся «приказом Сталина» и возбудил через Военные Советы фронтов ходатайства об оставлении у себя отдельных воюющих немцев. Как правило, речь шла о кадровых офицерах, неоднократно доказывавших свою преданность Родине. Некоторых красноармейцев укрывали командиры, поскольку они были нужны им как отменные специалисты воинского дела. Небольшая часть немцев в момент изъятия находилась в госпиталях и после выздоровления вернулась в свои подразделения. Определенное число немцев продолжало поступать на фронт и в порядке мобилизации, по халатности военкоматов. Некоторым немцам удавалось обмануть проверяющих, скрыть свою национальность и даже изменить фамилию. Этому способствовало довольно формальное в боевых условиях выполнение «приказа Сталина» (немцев выявляли, главным образом, путем опроса личного состава), а также из рук вон плохо поставленный учёт во фронтовых частях. Только в конце 1942 года на всех фронтах был проведен учет военнослужащих нерусских национальностей.

К концу 1941-го основная масса

военнослужащих-немцев была собрана в запасных полках дивизий и армий. Их отделили от остального личного состава, они находились под строгим контролем. Далее немцы-фронтовики были направлены в тыл, где из них начали формировать строительные батальоны. Они положили начало так называемой «Трудовой армии», через которую в годы войны прошло почти все взрослое немецкое население СССР.

Третий период изъятия немцев из РККА — с января 1942 по май 1945 года. Он оказался самым длительным и вялотекущим в сравнении с двумя первыми. Сказывался наступивший с осени 1942 года перелом в военных действиях. Изъятие носило локальный характер и осуществлялось уже не командирами, а особыми отделами НКВД при воинских частях. Даже время от времени поступавшие в действующую армию директивы об очередной проверке наличия немцев в частях не могли изменить ситуацию кардинальным образом. Некоторое число военнослужащих-немцев все же оставалось на фронте до конца войны. Практически все они показывали пример воинской доблести и чести.

Осенью 1941 года в обороне Москвы участвовали сержант С. Волибрус, красноармеец Д. Энедерг. Блокадный Ленинград защищали майор Н. Витте, капитан И. Шпиллер, лейтенант А. Кобмахер, младший лейтенант Д. Шибельгуг, сержант Г. Кельбекер, красноармейцы Ф. Гето, И. Алмаер, Г. Шпаер, Я. Гитлин. В Сталинградской битве участвовали рядовые Б. Штеттефельд Н. Гиллер, С. Ваксман, Д. Штосберг, К. Рейсбих. В боях на Курской дуге сражались гвардии сержант Г. Гельфер, рядовой М. Зусман, К. Крегор, А. Брук, С. Мер. 7 августа 1943 года там же от полученных ран во время боя скончался офицер 9-го танкового корпуса полковник В. Бэм. В рядах Красной армии освобождали Украину и Белоруссию старшина А. Мауль, рядовой М. Густимайер, В. Штенгель. Г. Бакман, А. Бромверт, Г. Гаух, А. Шмидт. 8 Прибалтике воевали старший сержант А. Людвиг, младший сержант А. Сальбс, рядовые А. Винтер, Г. Шнайдер; в Польше - старший сержант Б. Дейтер и гвардии рядовой И. Вокнер; в Восточной Пруссии - войска 1-й гвардейской стрелковой дивизии Н. и В. Клейнц. Под Бранденбургом в Германии погиб лейтенант Л. Беккер.

Всю войну командовал 17-й артиллерийской дивизией генерал-майор С. Волкенштейн. Особо его дивизия отличилась в Белинской операции при форсировании реки Нейсе, в боях на дрезденском направлении, за что ему было присвоено звание героя Советского Союза. Такое же высокое звание получил полковник Н. Охман, командовавший 34-й механизированной бригадой 2-й танковой армии.

Еще более высокое положение в годы войны занимал генерал-майор авиации, летчик высшей квалификации Александр Владимирович Борман (1902-1982). Он являлся заместителем командующего ПВО фронта, командующим

1-й истребительной армией ПВО, принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, в Сталинградской битве, в битве за Кавказ, в Будапештской, Венской и Пражской операциях.

Многие из советских немцев для того, чтобы попасть на фронт, нелегально меняли свои фамилии на русские, украинские, азербайджанские. Попав на фронт, они храбро воевали, получая правительственные награды. Так, например, получивший посмертно звание героя Советского Союза за подвиг на Курской дуге лейтенант Владимир Кириллович Венцов на самом деле оказался Вольдемаром Карловичем Венцелем. Петер Левен стал Левиным, лейтенант Бойгель — Бойченко, подполковник Г. Рихтер — Смирновым. Некоторые из этих людей (например, Рихтер) были «разоблачены» военной контрразведкой и, несмотря на заслуги и боевые награды, получив срок лишения свободы, отбыли его в лагерях.

Лишь немногим немцам, прошедшим войну под чужой фамилией, удалось позднее безнаказанно восстановить настоящие фамилию, имя, отчество. Так, при поддержке маршала Г.К. Жукова были возвращены настоящие имя и фамилия Паулю Шмидту, взявшему имя и фамилию своего друга азербайджанца Али Ахметова.

Главнокомандующий Группой советских войск в Германии, генерал армии В. И. Чуйков в 1951 году спас «разоблаченного» офицера Г. Николаева, оказавшегося Эрихом Грибом. Вот как передал Грибу свой разговор с Главнокомандующим его непосредственный командир.

Чуйков спросил:

— Николаев, судя по должности и воинскому званию, служил честно и добросовестно. Это так?

— Да, так точно.

— Значит, оставьте его, пусть служит.

Немало советских немцев сражалось в партизанских отрядах и подпольных группах. Партизаном № 1 гитлеровские оккупанты называли Героя Советского Союза Александра Германа — командира партизанской бригады, действовавшей на территории Ленинградской и Калининской областей. В тех же краях разведчиком партизанского отряда был бывший летчик капитан М. Ассельборн, вместе с ним воевал И. Фризен.

Осенью 1943 года Красная армия стремительно продвигалась к Днепру, чтобы с ходу форсировать его. Партизанский отряд, в составе которого воевал «окруженец» старший лейтенант Роберт Клейн, получил задачу не допустить подрыва моста, по которому должны были пройти советские танки. Переодевшись в форму германского полковника, Клейн прибыл в расположение германского подразделения, готовившего взорвать мост.

Воспользовавшись неразберихой и суетой германских солдат, начавшейся в результате налёта советской авиации, Клейн, как «старший» по воинскому званию, взял командова-

ние на себя и приказал германским солдатам сдаться в плен партизанам. Воины вермахта безропотно повиновались «полковнику». За эту операцию Роберт Клейн был удостоен звания Героя Советского Союза.

Одну из подпольных групп, осуществлявших диверсии в одесском порту, возглавлял Н. Гефт. Ему помогали В. Бурзи, А. Берндт и другие одесситы-немцы. Ставший командиром партизанского отряда «Авангард» Гефт и Бурзи погибли в одном из тяжелых боев, прикрывая выход отряда из окружения из территории Польши.

Известно о массовом пленении советских солдат в первые, неудачные для Красной армии месяцы войны. Не избежали этой участи и многие немцы-красноармейцы. Проведенный анализ более чем 360 фильтрационных дел военнопленных — немцев Поволжья, переданных из архива управления ФСБ по Саратовской области на хранение в Государственный архив новейшей истории Саратовской области, показывает, что только в девяти случаях сдача в плен была осуществлена намеренно, во всех остальных случаях это произошло по независящим от военнослужащих обстоятельствам. Кроме того, изучение дел показало, что, несмотря на выделение этнических немцев в категорию привилегированных военнопленных, большинство советских немцев отказывалось от сотрудничества с германским режимом и предпочитало оставаться в лагерях военнопленных. Для этого многие скрывали свою национальность. Среди них были старший сержант В. Краубнер, рядовые А. Беккер, Г. Гринкраут, К. Корн. Открыто отказались работать на нацистов, служить в германской армии, принимать германское гражданство и за это были направлены в штрафные и концентрационные лагеря Г. Брум, В. Бауэр, И. Равшнайдер, В. Герберг и многие другие.

Многие советские военнослужащие-немцы, оказавшись в германском плену, бежали из

неволи и продолжали борьбу с врагом. Национальным героем Польши, известным под именем Кароль, стал советский офицер-танкист Карл Ерценбергер, раненым попавший в плен. Находясь в лагере на территории Польши, он бежал и вскоре стал командиром батальона в партизанском отряде, действовавшем в районе Пулавы, Краснистов и Янов. Ерценбергер погиб в бою у деревни Францишков. Вырвавшись из плена, в партизанских отрядах сражались И. Кеммер, М. Шиллинг, В. Фриц, Я. Лихт, А. Бекк, Г. Гутьяр. Военнопленный, рядовой 683-го стрелкового полка П. Гейер был этапирован фашистами в глубь Европы. Вместе с своими русскими товарищами он бежал из плена и сражался с нацистами в рядах югославских партизан.

Под видом военнопленных определенное количество советских немцев использовалось советскими разведорганами на территории противника в качестве агентов. Хорошо зная немецкий язык и пользуясь лояльным к себе отношением, эти люди, чаще всего под видом переводчиков, внедрялись в штабы и разведорганы германской армии. Так, взятый в плен германский офицер Ф. Шустер на допросе рассказал, что в их 4-м пехотном корпусе был разоблачен советский агент Бек, немец-фольксдойч, уроженец республики немцев Поволжья. Кроме агента Бека были еще агенты Фатер, Вельд и многие другие, говорить о которых стало возможным только спустя много лет.

Таким образом, даже те немногие из советских немцев, которым довелось быть на фронте, с честью выполняли свой воинский долг защиты Родины, внесли достойный вклад в достижение Победы. И очевидно, что этот вклад мог быть значительно большим, если бы руководство страны не воспрепятствовало стремлению подавляющего большинства советских немцев защищать свое Отечество с оружием в руках.

г. Саратов

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ МЫ НЕ ЗНАЛИ

Виктор Тимченко

ИОСИФ СТАЛИН ПРОТИВ ГЕНРИХА ШНАЙДЕРА

Кто воевал в трудармии

Четыре года Великой Отечественной войны он пропахал «стахановские смены». Но в светлый праздник Победы юбилейную медаль он не получит, как не получают ее еще тысячи других людей, разделивших в годы войны его судьбу.

В холодный апрельский вечер он садится поближе к открытому окну – как будто не достало ему в жизни намерзнуться. Говорит по-русски с волжским говорком — немножко укая. По-немецки мне понять его трудно – то ли выраженный диалект, то ли большая примесь неизвестных мне слов. Да и не мудрено – он свой немецкий учил не на интеграционных курсах. Его немецкий – из глубины веков, каким его законсервировали немецкие переселенцы, искавшие счастья в далекой России.

Генрих Шнайдер родился и вырос в Республике немцев Поволжья. Там и жил до 28 августа 1941 года, когда появился ТОТ указ Президиума Верховного Совета СССР.

Документ основательный, до мурашек по коже, поэтому потратим место – процитируем побольше.

«О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР при-

знал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин Секретарь Президиум Верховного Совета СССР А. Горкин 28 августа 1941 г.»

Ложь видна невооруженным глазом – в преддверии указа, с 22 июня по 10 августа 1941 года, когда НКВДистские ищайки со всех ног бросились ловить этих самых шпионов и диверсантов (чтобы опереться в указе на «достоверные сведения» о «десятках тысяч»), когда дела клепались за кривое слово и за кривую мысль, наскребли они на полмиллиона российских немцев, подлежащих выселению, около 150 человек, «допускавших националистические и профашистские высказывания, распространявшие пораженческие слухи». По обвинениям в немецком шпионаже, террористических и диверсионных намерениях было арестовано лишь 9 человек.

Размаха «по выявлению и задержанию» не было. Верхушка знала – никаких шпионов там нет. Просто – немцев в европейской части СССР не должно было остаться. На сборы давались, по разным сведениям, от 24 до 48 часов. Указ Президиума ВС написали под копирку – двумя днями раньше совершенно секретное решение о переселении народа уже принял ЦК ВКП (б).

Поскольку сталинская партия большевиков никогда не ошибалась, спрашиваю Генриха Шнайдера, были ли после начала войны все же многочисленные проявления открытого недовольства советской властью граждан немецкого происхождения? Да, таковые имелись, ответил он мне: молодые немцы возмущались тем, что им отказывают в призыве в Красную армию и не отправляют на фронт на борьбу

с фашистами.

Начало сентября 1941 года, во всех городах и кантонах – немецких районах, в селах – войска НКВД. Паровозы стоят под парами – товарищ Сталин распорядился выселить немцев «с треском».

Чем занимались в эти последние часы, что паковали, с кем прощались, на чьем плече плакали?

У Шнайдера отец-тракторист умер от голода в 1932-м. Мать - колхозная доярка в последний день перед отправкой в ссылку, из которой десятки (сотни?) тысяч не вернуться в эти места никогда – подоила колхозных коров, а придя домой, довела до ума начатую было побелку дома, постирала занавески

— А остальной народ?

— В поле были – ведь урожай убрать надо было. Какие шпионы? Какие диверсии в коровниках?

До последнего момента – не верили, что народ ни за что могут депортировать. Не помогли уверения: пройдет война – вернетесь. И имущество ваше тут же найдете в целости и сохранности

Но «телячи вагоны» подтвердили: все в указе – правда, и коммунистам все под силу. Они горы свернуть могут, а уж народ переселить – так это в два счета.

Таких народов было много – болгары, понтийские греки, финны, румыны, венгры, корейцы, чеченцы, калмыки, ингуши, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, ногайцы, турки - месхетинцы, курды, крымские цыгане, иранцы

Но самым большим народом, в один миг потерявшим доверие «отца народов», оказались немцы.

Выселялись все, под гребенку, по национальному признаку: коммунисты и беспартийные, комсомольцы и несознательная молодежь, народные избранники всех уровней и их избиратели – всех в «телячий», дверь на засов, у двери часовой с винтовкой, всем – похлебку и кипяток два раза в день, всех – за Урал. Проблему смешанных семей решали просто: глава семьи немец – в ссылку, русский – остается. Были случаи: чтобы не ехать вместе с немецким мужем русской жене – быстро разводились. Шнайдеры оказались в Северном Казахстане.

Сначала там к ним отнеслись хорошо – эвакуированные. Но позже на места были даны разъясняющие указания свыше: «Немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять» – значит, враги. Для врагов было у государства специальное слово – спецпоселенцы. И стало понятно – они потеряли все. Жизнь надо начинать даже не с нуля, а со знака «минус». Они не знали только одного – будет еще хуже.

Лагерные коммунисты

С началом войны в сталинских лагерях народу поубавилось – некоторые зеки даже были

посланы на фронт. Работы же в истекающей кровью стране было невпроворот. Была и другая проблема: из близкого тыла немцев убрали, а в армии они остались. Воюют. Нехорошо — могут с врагом общий язык найти И мудрый Сталин придумал выход: он убрал из действующей армии потенциальных предателей-немцев (более 33 тысяч человек), но не демобилизовал, а создал из них «рабочие колонны» и бросил их на ударные стройки – шахты, лесоповал, на возведение металлургических заводов.

Стране нужен был металл для танков.

Но 33 тысяч оказалось мало. И тогда высшие умы страны решили, что первый раз немцев переселили неправильно – сильно далеко от важных строек народного хозяйства. Теперь надо было их к этим стройкам приблизить. 10 января 1942 года Государственный Комитет Обороны (председатель И. В. Сталин) постановил пополнить «вольными» немцами («мужчины в возрасте 17-50 лет включительно») «трудо-вые колонны» НКВД, которые народ назовет «тудармией». Когда эти немцы истощатся или перемерут – загребут в октябре 1942-го и мужчин «от 15 до 55». Мужчин не хватит – дойдет очередь до женщин «от 16 до 45 лет включительно» — оставят только беременных и с детьми до трех лет. Четырехлетние несмышлениши будут хвататься при расставании за материнские подолы – не поможет.

В числе первых попал в тудармию и семнадцатилетний, серьезно окорнанный в правах («немец – уже виноват») гражданин Генрих Шнайдер.

Слова «трудо-вая армия» меня долго вводили в заблуждение. Представлялись известные по советской жизни армейские стройбаты, или официально — железнодорожные войска, разве что с поправкой на трудное военное время. Потом почитал – и разница стала постепенно проясняться. Многие описывают тудармейский быт простыми словами. Вот воспоминание Александра Швиндта. К «месту расквартирования» их привезли в темноте:

— На утро, когда встали, смотрим – на углах вышки с солдатами, трехметровая деревянная стена, над ней три ряда колючей проволоки, а по обе стороны на три метра от этой деревянной стены — опять колючая проволока.

У моего собеседника Генриха Шнайдера – другое воспоминание:

— 9 февраля Челябинск встретил нас лаем сторожевых собак и площадной бранью охранников Я попал в 15-й строительный отряд. Его предстояло разместить в лесу, на совершенно пустом месте. В пургу и мороз мы разбили на снегу брезентовые палатки, в которых жили до весны

Колючая проволока в тудармии – везде и всегда. Передвижение к месту работы – в колонне, охрана с немецкими овчарками и с приказом стрелять в беглецов. Пути следования на места работы охранялись ВОХР, выставлены скрытые блок-посты, делались засады.

Названия у «мест расквартирования» тудармейцев были такие: Усолылаг, Тагиллаг,

Вятлаг, Ивдельлаг, Унжлаг, Краслаг, Ухтоижемлаг «Лаг» — значит лагерь. «Зековские» лагеря были по соседству — их отделяли друг от дружки еще одной колючей проволокой. Подчинение лагерей «тудармии» — ГУЛАГу. Питание — по нормам ГУЛАГа. Есть свидетельства людей, побывавших в тудармии и в местах заключения осужденных преступников, о том, что «зековская» жизнь была легче, а питание — лучше.

В «Личной карточке мобилизованного» тудармейца кроме анкетных данных содержались также такие сведения (на всякий случай): рост, цвет волос, глаз. Поскольку (случайно) эта карточка была практически идентичной карточке заключенных, то часто их не печатали специально, а сразу брали имеющиеся в изобилии «зековские». В графе «Кем осужден» эти слова вычеркивали, а вписывали от руки «Кем мобилизован». Также на всякий случай у «мобилизованных» снимали отпечатки пальцев: в отличие от «зеков», не один, а два раза — при поступлении в лагерь и после смерти.

Расплывчатым было правовое положение «тудармейцев»: их призывали через военкоматы, но они не причислялись к военнослужащим. В то же время «тудармейцы» не были и заключенными, поскольку они не были осуждены — ни суды, ни трибуналы, ни «особые совещания» не рассматривали их «дела», не предъявляли обвинений.

Поэтому Сталин нашел единственно правильное решение этого сложного юридического вопроса: считать большой честью для немцев-тудармейцев право работать на победу над фашизмом.

Я недаром вспомнил о депортации немцев — коммунистов и комсомольцев. Эта «самая сознательная часть советского общества» тоже попала в лагеря и стала там основой высокой производительности труда. Паспорта у них забрали, а партийные и комсомольские билеты оставили. А политотделы «зон» развернули политраблиту. На партийные и комсомольские собрания мобилизованных немцев водили под конвоем. Там они обсуждали стратегию и тактику перевыполнения плана, с высоких трибун за колючей проволокой клеймили позором отстающих, хвалили передовиков, призывали встать на «стахановскую вахту», изучали «исторические речи и труды товарища Сталина» и «героическую жизнь Зои Космодемьянской», принимали повышенные соцобязательства, исключали из партии и комсомола за «аморальное поведение» и «контрреволюционные настроения». Контрреволюционеров, понятное дело, судили — одних расстреливали, другие получали тюремные сроки.

Протоколы этих партсобраний еще хранятся в архивах лагерей...

Генрих Шнайдер на строительстве Челябинского металлургического завода (был построен тудармейцами за два года) работал сначала на земляных работах: тачка ОСО — «две ручки, одно колесо», таскал кирпичи, раствор, затем на каменном карьере. О запредельной тяже-

сти работы он проронит только одну фразу: некоторые от работы сходили с ума.

Но не это поразительно: в тудармии — в отличие от зековских зон — не было отказов от работы, а наоборот во всех воспоминаниях встречается одна и та же фраза — работали на совесть. На государство, которое заточило их без вины виноватых в лагерь. На Сталина. На Берию.

Стоял на «стахановской вахте» и Шнайдер, перевыполнял план. Передовикам вручали вымпела и фотографировали возле красного знамени.

Я спросил, было ли понимание того, что они — в лагере. Что их ни за что бросили в застенки. Что государство, в котором они жили, цинично использовало их «советский патриотизм».

Бывший комсомолец, а ныне восьмидесятишестилетний старик, сидящий передо мной, не понял моих вопросов и ответил: «Работали на износ, у меня такой характер. И другие также. Знали, что это надо». Политруки добавляли: разобьем врага, поедете домой, будет у вас другая жизнь.

Поэтому работали не из под палки, а сколько было сил. Сил было много. Молодой организм никто не щадил. То, что Шнайдер выжил, — исключение из правила. Правило: молодые умирали в лагере раньше старых. Хотя «стахановцы» получали хлебную пайку больше, но огромного расхода энергии она не покрывала. Герхард Вольтер, один из первых исследователей «тудармии», который отбывал ее в том же Бакалстрое, что и Генрих Шнайдер, вспоминает: «Первыми умирали самые рослые и сильные. Они привыкли и работать, и есть за двоих. Мизерные нормы питания не могли обеспечить жизнедеятельность их некогда могучего организма». Поэтом бывалые лагерники знали: губит не маленькая пайка, а большая. Смертность среди тудармейцев была выше, чем среди по возможности «волынивших» заключенных соседних лагерей. Именно молодые «передовики производства» чаще других оставались навсегда лежать меж осин и берез.

Победа и поражения

Из воспоминаний немки-спецпереселенки Гермины Миллер о дне Победы: «Сосед, живший рядом, узнал вперед всех. И, чтобы сообщить весть о Победе всем сразу, он залез на свой дом, на жердь повесил красный платок и стал кричать, что русские победили. Все население сбежалось к нему. Кто хлопал в ладоши, кто кричал: «Ура!», а кто даже прыгал от счастья».

Победа для советских немцев означала возвращение из ссылки домой. Ведь говорили — «на время войны». И вот война закончилась победой! Значит — конец тудармии, конец спецпоселениям.

Как бы не так Генрих Шнайдер останется в «тудармии» еще на долгих восемь лет и вырвется из нее в год смерти Иосифа Сталина.

Спецпоселенцам будут читать под расписку новые указы. В 1948 году — «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного проживания лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указом устанавливалось, что немцы останутся в спецпоселениях «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». За побег предусматривалась одна мера наказания – 20 лет каторжных работ.

В 1955 году, после смерти вождя, выйдет новый указ — «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Дурак, кто думает, что «снятие ограничений в правовом положении» сняло все запреты. Немцам и дальше запрещалось возвращение в места додепортационного проживания.

В 1964 году указом «О внесении изменений в Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» с немцев снимаются «огульные обвинения» в пособничестве агрессору, однако их возвращение на Волгу и в другие регионы довоенного проживания не предусматривается.

Только в 1972 году принимается Указ «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Через 31 год после депортации немцы получили право вернуться в те места, где они жили до войны.

Клеймо пособников фашистов было снято с них только в перестройку.

Медалей за самоотверженный труд в тылу на Победу они не заслужили у страны до сих пор – Иосиф Виссарионович и в могиле не простил им их происхождение.

А начиналось все еще до войны.

Совершенно секретно

Приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00761 Содержание:

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ИЗ ГОР. МУРМАНСКА И МУРМАНСКОЙ ОБЛ. ГРАЖДАН ИНОНАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

23 июня 1940 г.

В соответствии с решением правительства на НКВД СССР возложено переселение из гор. Мурманска и Мурманской области в Карело-Финскую ССР и Алтайский край 3215 хозяйств – 8617 чел. граждан инонациональностей

Приказываю:

а) в 5-ти дневный срок, начиная с 25-го июня, объявить, всем подлежащим переселению о дне переселения в новые места жительства и порядке переселения. Предоставить всем выселяемым 10-дневный срок для реализации имущества, согласно прилагаемой инструкции,

б) Переселение начать 5-го июля 1940 г. с расчетом погрузки ежедневно 2-х эшелонов и окончания всей операции 10-го июля 1940 года...

г) переселить в Алтайский край 675 семейств в составе 1743 немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев и других для расселения по следующим регионам: ...

Народный комиссар внутренних дел СССР.

**Комиссар государственной безопасности 1 ранга Л. Берия
Нойес Лебен, 1991, 28 августа**

Александр Нахтигаль

ИХ СДЕЛАЛИ ВРАГАМИ

Заглянул в глубины сердца своего:
черeda развалин, больше ничего.
Выходил со свежим ветром в парусах,
а домой вернулся с пустотой в глазах.

**Адам Эмих,
Уфа, 30 марта 1937 г.**

В середине 80-х годов я впервые узнал, что Челябинский металлургический комбинат строили трудармейцы, основной костяк которых составляли российские, а тогда советские,

немцы. Узнал адрес одного из них и поехал к нему в надежде поподробнее узнать, как работали трудармейцы и как они оказались в Челябинске. Но когда я объяснил цель своего

визита к ветерану, он категорически отказался со мной разговаривать на эту тему. Почему?

— Меняются руководители страны, но ничего не меняется для нас. Правду никто не хочет знать. Не хочу, чтобы из-за моих слов пострадали мои дети.

Направляясь к двери, я спросил напоследок:

— А детям-то вы рассказывали о своей жизни?

— Нет. Да и молодежь она не интересуется. Они, говорят, давно это было, - так мне с грустью в голосе ответил трудармеец.

Как же надо запугать человека, чтобы оставить его один на один со своей трагедией?

Я его не осуждал. Видимо, ему пришлось пройти через такие испытания, что до сих пор страшно о них вспоминать. Но не этим ли бездействием мы воспитываем у молодежи беспамятство, циничное и равнодушное отношение не только к нашему прошлому, но и настоящему, и будущему. Нельзя этого допустить.

Но не все остались в тисках страха. Они и помогут нам узнать правду о жизни строителей металлургического гиганта. Десятилетиями носили они в сердце боль, ждали своего часа и справедливость требует, чтобы мы узнали наконец-то путь, через который они прошли.

...В августе 1943 года в газете «Челябинский рабочий» была опубликована заметка начальника «Челябметаллургстроя» генерал-майора инженерной службы А. Комаровского «Вторая Магнитка», в которой он писал: «Полтора года назад здесь было пустынное место, поросшее мелким кустарником. Теперь оно пересекается густой сетью шоссе и железных магистралей и т.д. Уже в начале этого года закончены и пущены в эксплуатацию крупнейший в Союзе электросталеплавильный цех, прокатный, механический, литейный, кузнечный цехи, подсобные предприятия... Многие коллективы строителей и монтажников нашей стройки самоотверженной работой доказали свое право называться подлинными строителями военного времени.

Почетное знамя Государственного Комитета Обороны впервые появилось у нас на стройке ТЭЦ за отличную работу в июле. Теперь оно взвилось над всем строительством». Короткие и лаконичные слова, но что стоит за ними?

Чтобы вы могли представить, что ждало строителей металлургического гиганта, когда они попали на строительную площадку, приведу краткую характеристику начальника строительства.

«Комаровский Александр Николаевич (1906 - 1973), генерал армии (1972), доктор технических наук (1956), Герой Социалистического Труда (1949), лауреат Сталинской премии (1951). В 30-годы был одним из руководителей строительства канала Москва-Волга, где широко использовался рабский труд заключенных.

Специалист по использованию труда за-

ключенных и по безжалостной их эксплуатации. На подведомственных Комаровскому предприятиях смертность была крайне высока. После смерти Сталина как «специалист высокого класса», сохранил за собой руководство Главпромстроем».

Вот под крыло какого руководителя предстояло попасть будущим строителям Челябинского металлургического комбината.

...Когда началась война, жизнь в селе первые месяцы ничем не изменилась и восемнадцатилетний Людвиг Герш продолжал работать в колхозе. Только в ноябре 1941 года мужчин стали призывать в армию, в их числе оказался и Людвиг. Мобилизованных погрузили в товарные вагоны и повезли. Куда? Все мечтали о фронте, но чувствовали - везут не на фронт. Появился слух, что будут работать на заводах.

Так состав прибыл в Челябинск. Его поставили в мельничный тупик, все остались в вагонах до вечера. Как стемнело, прибывших стали выгонять из вагонов. Всех поразило, что состав был оцеплен вооруженной охраной с собаками, их строили в колонны и привели к участку леса, огороженного в три ряда колючей проволокой. Шел февраль 1942 года.

Ночь трудмобилизованные провели у костра, укрыться от холода было негде. Только утром привезли брезентовую палатку. Так встретил Челябинск первых строителей металлургического комбината. В начале начали обустроить строительный лагерь. Номер первый находился на месте нынешнего районного рынка. Все сразу включились в работу, но душу каждого мучили вопросы: почему с охраной, почему за колючей проволокой, мы что враги?

— Только вслух их никто не пытался задавать. Мы деревенские были как слепые котятка, — вспомнил Людвиг Вильгельмович, — Страх и привычка беспрекословно подчиняться власти — крепко в нас сидела.

Откуда же такая безропотность?

...После отмены крепостного права на территории нынешней Житомирской области поселился бывший моряк из Польши Герш. Он купил участок свободной земли и стал крестьянствовать на новой родине. С годами семья росла, и к 1914 году Гершей было уже девять человек: дед с бабушкой, отец с матерью и пятеро детей.

Подшло время великих перемен. Началась первая мировая война, которая круто изменила жизнь каждой российской немецкой семьи. Их стали выселять в глубь России. Официальная версия: для безопасности границ. Это были одни из первых антинемецких действий властей нашей страны. Так Герши добрались до поселений немцев в Поволжье.

С помощью соплеменников Герши думали, будет легче устроиться на новом месте. Взрослые нанялись сезонными рабочими, ведь своего хозяйства теперь не было. Отец подался на заработки в Астрахань. Но мысль вновь стать хозяевами своего земельного надела, его не покидала. Вдруг разнесся слух, что в Туркмении можно получить свободную землю.

Семья вновь бросилась на поиски призрачного счастья. Но вместо земли их встретила эпидемия малярии, которую не пережили трое детей и бабушка.

Только после Октябрьской революции немцам разрешили вернуться в родные места. Отец, несмотря на многочисленные переезды, сохранил купчую на землю, поэтому семье вернули восемь гектаров земли. Жизнь вроде стала опять налаживаться, в 1923 году родился Людвиг.

В 20-е годы началась коллективизация, стали создаваться коллективные хозяйства. В колхоз вступили и Герши. Члены кооператива жили по хуторам, жили дружно, во всем помогая друг другу. Удачным был 1936 год: собрали богатый урожай. Колхозники начали вставать на ноги и жили надеждами только на хорошее.

Но в августе приезжает уполномоченный и объявляет, что через 24 часа все немцы и поляки должны быть готовы к выезду. На месте остаются только украинцы. С собой разрешалось брать только одну подводку с добром. Опять Гершам пришлось бросить хозяйство: корову, овец, свиней, домашнюю птицу, дом, мебель. Взяли с собой только самое необходимое: одежду, постель, еду на две недели.

Что же случилось? Никто в объяснения не вдавался, говорили о каком-то постановлении. Тринадцатилетний Людвиг услышал такую версию: немцы живут недалеко от польской границы и в случае конфликта могут перейти на сторону врага.

Что ж народная молва оказалась права, ведь еще 28 апреля 1936 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял постановление (совершенно секретно) «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств» как политически «неблагонадежных». Вот так власть укрепляла дружбу народов.

Через две недели в товарных вагонах переселенцев привезли на станцию Танга. Это в Северном Казахстане. Простояли в тупике двое или трое суток. Поступает команда: вещи погрузить на машину, а людям идти пешком в степь. И взрослые, и дети пустились в неблизкий путь - около 60 километров. По дороге не встретили ни одного деревца, ни одной деревеньки, только пыль да ковыль. Остановились у двух небольших озер.

Подъехали машины с вещами переселенцев. Все заметили, что в чемоданах, сундуках кто-то рылся, узлы развязанные. Люди этому уже не удивлялись.

На следующий день появилось начальство. Очередное указание: отстраиваться и готовиться к зиме. Шел сентябрь, ночи становились холодными, и надо было торопиться.

Завезли солому - основной строительный материал. Отец Людвиг еще в Туркмении видел, как делают саманный кирпич, поэтому семья сразу взялась за дело. Постепенно степь оживала. Распланировали улицы, выкопали

землянки. Проблем со стройматериалами не было - вода и глина рядом, солому навезли. Не хватало досок, но разбিরали сундуки и из дощечек сколачивали формы для саманного кирпича. Ночевали же пока на соломе.

Осень торопила. Скоро ямы обложили саманом, крышу землянок покрыли соломой. Зимой переселенцы ничем не занимались, руки приложить было не к чему. На каждую семью выдавали хлеб, сахар. Главное цель - перезимовать.

Весной приехало районное начальство организовывать колхоз. Прислали шестерых механизаторов с тремя тракторами С-60, которые вспахали для будущего хозяйства 2000 гектаров целины и засеяли их государственным зерном. Колхозники же продолжали обустраиваться, до земли у них руки еще не дошли. Но осенью урожай уже убирали сами. Зерно государству не сдавали, переселенцам давали закрепить. Этому способствовал и хороший урожай 1937 и 1938 годов. Колхоз разбогател. На один трудодень выдавали по четыре килограмма зерна. Колхозникам разрешили держать скота столько, сколько сможет. Село преобразовали в райцентр.

Людвиг Герш, как все подростки, помогал родителям по хозяйству. А что делать, ведь один год дети не учились: школу еще не построили. Зато потом Людвиг за один год окончил шестой и седьмой классы. Перед войной он уже большой человек в колхозе - учетчик.

Но нашим немцам уже больше не дадут спокойно жить. В 1938 году вместе с несколькими колхозниками «исчез» председатель колхоза Мейда, «пропал» и первый секретарь райкома ВКП(б). Взрослые не могли разобраться во всех сюрпризах, которые преподносила им жизнь, куда уж в этом разобраться подростку. Оставалась только принимать жизнь такой, какой она есть.

Разве мог Герш удивляться тому, что он оказался в Челябинске. Как и прежде все опять надо было начинать с начала. Но раньше рядом были родные, а теперь Людвиг оказался один на один со всеми невзгодами. Но раздумывать было некогда, надо работать.

С утра трудармейцы рубили березы, стволы которых шли на строительство землянок. Они очистили от леса строительную площадку, выкопали углубления. Питевой воды не было, собирали и топили снег. В апреле Людвиг попал на дорожные работы. С каменного карьера, который находился на месте нынешнего Центрального клуба, возили щебень на строительство шоссе Metallургов. Работа тяжелая и на сколько бы хватило паренька неизвестно. Как-то приходит в его землянку старший нарядчик Яков Бергман и спрашивает:

— Кто пойдет в связисты? Такие специалисты очень нужны.

Что это за специальность никто из них деревенских парней не знал, поэтому отбирали тех, кто поздравей. В числе 20 будущих связистов оказался и Людвиг Герш.

Металлургический гигант строили ускорен-

ными темпами. Для чего он нужен понимали все строители, понимали они и то, что война требует от каждого полной самоотдачи. К этому трудармейцы были готовы, но кем они стали для своей Родины: защитниками или заключенными? Ответ на этот вопрос они будут искать всю жизнь и многие не найдут его никогда.

Термин «трудовая армия» является неофициальным, официально их как бы призывали в армию, но для выполнения принудительной трудовой повинности. На государственном уровне все это было оформлено постановлением Государственного Комитета Оборона СССР от 10 января 1942 года «О порядке использования немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет». От мобилизации были освобождены только беременные женщины и женщины, имеющие детей до 3 лет, старше - забирали. Другим постановлением призывной возраст немцев-мужчин был снижен до 15 лет. Практически все советские немцы оказались за колючей проволокой трудовых или концентрационных лагерей, выжить в которых было чудом.

...Порядки в них были суровые, для охранников трудармейцы были хуже заключенных, они были врагами. Бригады строителей на работу ходили только строем, при выходе нарядчик отмечал каждого человека, по возвращению проверялось наличие всех. Если кто-то задерживался, то бригаду не пускали в лагерь до тех пор, пока все не соберутся и это несмотря на дождь и холод.

Тяжелый, непосильный труд быстро доводил людей до полного истощения. Когда человек уже обессиливал до предела, проводили медицинский осмотр. Определялась степень его трудоспособности. Если истощен, то переводили в ОПП - оздоровительно-профилактический пункт, а среди трудармейцев эта аббревиатура расшифровывалась как отдел подготовки покойников т.к. после оздоровления мало кто обратно возвращался. Лечения там никакого не было, обычно переводили на легкий труд: мыть посуду, подметать территорию, считалось, что их поддерживают питанием.

А питание в то время было вопросом важнейшим, от этого зависела твоя жизнь. Как же кормили в трудармии? Сравните: рост Людвиг Герша был 175 сантиметров, а весил он 40 килограммов.

Организация работ на строительстве металлургического гиганта строилась так, чтобы человек работал и выжимал из себя все жизненные соки. Моральные и материальные стимулы заменяла «котловка» - система дифференцированных норм питания в зависимости от процента выполнения производственных заданий. Сложившаяся в 30-е г. для заключенных система «котловки» была перенесена на лагерь репрессированных. В течение 1942 г. она три раза «совершенствовалась» и была доведена до совершенства. Сухие цифры говорят ярче всяких комментариев.

Согласно дифференцированным нормам

питания, которые ввели в ГУЛАГе с 3 декабря 1942 г., то первую норму получали трудмобилизованные, вырабатывающие на основных работах до 80 процентов производственных норм, а на вспомогательных работах - до 99 процентов. По первой норме получали 500 граммов хлеба на человека в день. По второй - те, кто вырабатывал на основных работах от 80 до 90 процентов нормы, а на вспомогательных - от 99 до 125 процентов (600 граммов хлеба на человека в день); по третьей норме - вырабатывающие на основных работах от 100 до 125 процентов, на вспомогательных от 125 процентов и выше (700 граммов хлеба). Вырабатывающие на основных работах от 125 процентов и выше получали 800 граммов хлеба. Те кто не вырабатывал по объективным причинам половины нормы получали на основных работах 400 граммов хлеба, на вспомогательных - 300 граммов. По четвертой норме больничного питания освобожденные от работы по болезни получали 550 граммов хлеба.

Аналогичным образом нормировались и другие продукты питания. Что можно сказать об этом питании? В начальный период войны калорийность питания трудармейцев уменьшилась на 30 процентов по сравнению с довоенным уровнем.

«Котловка», особенно в условиях низких норм питания и низкой калорийности, оставляла строителям ЧМК очень мало шансов на выживание. Минимальная гарантированная норма означала медленную смерть от дистрофии. В то же время лагерная мудрость гласила, что «убивает большая пайка, а не маленькая», поскольку выполнение норм на 150 процентов влекло за собой потерю сил, не компенсируемую повышенным некалорийным пайком. К тому же реально получаемое трудармейцами питание урезалось из-за злоупотреблений лагерного персонала. Так, проверки организации питания трудмобилизованных в стройотрядах «Челябметаллургстроя» весной и летом 1942 г. было установлено, что продукты, предназначенные для котлового довольствия и поощрения контингента, отпускались начальникам отряда и колонны, начальнику отдела общего снабжения, политруку, оперуполномоченному, старшему бухгалтеру, экспедитору и др. Что касается самого рациона питания, то реально его структура сильно отличалась от типовых норм ГУЛАГа.

Особенно трудно было зимой. Строители согревались собственным дыханием. Одевались кто во что мог, а на ногах бурки. Это обувь, у которой подошва из автомобильной покрышки, а голенище - шинельное сукно. День в них поработаешь и заработаешь воспаление легких. Когда мороз всего 10-15 градусов, ноги уже примерзают к подошве, а уральские морозы чаще опускаются ниже. Людвиг Вильгельмович никогда не забудет зиму 1943 года. Мороз минус 42, но работы не прекращались ни на час. Землю копали вручную кирками, лопатами, клиньями, возили ее на тачках. Так строили котлован под фундамент первого

прокатного стана.

А что ждало их в бараках? Антисанитария и отсутствие элементарных бытовых условий, ведь не было вентиляции, деревянных полов и кипяченой воды, зато был холод, была влажность, сырость, большая скученность трудармейцев. Несмотря на это, особым приказом по «Челябметаллургстрою» его начальник А. Комаровский запретил разжигать костры на производстве, а также пускать в зону лагеря трудмобилизованных с дровяными отходами. Только после многочисленных случаев обморожения были запрещены работы на открытом воздухе при температуре минус 40°C и ниже 34 градусов.

Вы спросите, почему я так подробно описываю эти трудности, ведь шла война и всем было несладко? Но одно дело, когда Родина вручает свою судьбу свободным дочерям и сыновьям, и другое, когда, требуя самопожертвования, тебя считают врагом. До сих пор мало кто из россиян в полной мере осознает цену, которую заплатили за Победу. Советские немцы и так готовы были сложить головы в борьбе с фашизмом, они знали, что с ними поступают несправедливо и что они не дали ни малейшего повода для подозрений в массовом пособничестве врагу. Поэтому, захав в себе обиду, терпя унижения и оскорбления, трудармейцы самоотверженно приближали Победу над настоящим врагом и искренне верили, что справедливость все равно восторжествует.

А пока маховик репрессий исправно продолжал крутиться, не давая строителям ни на минуту расслабиться. После работы в 22 часа лагерь выстраивался на проверку. Львиную долю времени занимало чтение приказа по управлению НКВД. Сообщалось, сколько человек расстреляли за побег или попытку побега. Каждый слушал и понимал, если появится желание сопротивляться порядкам, установленным на строительстве, попадешь в приказ, а это или расстрел, или десять лет каторги.

Пока строители стояли на плацу, в бараке перетряхивали все их имущество - постоянно искали какой-то компромат. Вдруг найдут следы какого-нибудь заговора, и можно будет расстрелять еще несколько человек, а за это получить повышение по службе. Во время одного из таких, шмонов у Людвиг Герша из тумбочки пропал комсомольский билет. А надо сказать, что за колючей проволокой продолжали действовать и партийная, и комсомольская организации, которые регулярно проводили собрания.

Людвиг своим билетом очень дорожил, ведь до войны был секретарем комсомольской ячейки в колхозе. Сразу сообщил о пропаже секретарю комсомольской организации лагеря, а он вместо того, чтобы разобраться, только накричал. Через два дня секретарь вызвал Герша, показал ему найденный комсомольский билет и сказал:

— Ты не умеешь хранить билет, и мы ис-

ключаем тебя из комсомола.

Бесправие. Так, пожалуй, можно определить положение трудармейцев. Против них постоянно настраивали вольнонаемных строителей. Охранниками были всегда люди недалекие. Они легко верили небылицам, которые распространяли о наших немцах, и искренне считали, что за колючей проволокой содержатся фашисты. В то время слова «немец» и «фашист» были синонимами.

На строительстве дороги Гершу приходилось таскать камни. Какой величины булыжник мог поднять парень? Ну, 30-40 килограммов, а охранник посчитал, что этого мало и избил Людвиг. После этого он три дня не мог ходить. Герш молчал, как молчали его товарищи. Что они могли сделать?

Но на работе могло быть и по-другому, не все верили официальной пропаганде. Немало вольнонаемных специалистов стремилось помочь трудармейцам. Когда Герш попал в связисты, у них прорабом был Шаповалов. Так он всячески пытался облегчить жизнь своих подчиненных, ходил даже в лагерь и добился, чтобы связистам улучшили питание, а зимой выдали теплую одежду и заменили бурки на валенки.

К сожалению, ряды строителей таяли как снег весной. В этом Герш убедился сам. Как-то зимой 1943 года к Вильгельму, который был уже бригадиром связистов, пришел нарядчик и говорит:

— Подбери лучших ребят. Надо выполнить срочное задание.

Их уже ждала бортовая машина, на которой Герша с товарищами повезли в ... морг. Там они загрузили в машину около 40 замерзших трупов, но за один рейс всех забрать не удалось. На дворе стояла ночь, но водитель хорошо знал дорогу, и они подъехали к месту захоронения, там сейчас находится непрерывно-заготовительный цех. Здесь связисты увидели заранее вырытую огромную траншею. Рядом была уже засыпанная.

Что мог чувствовать двадцатилетний парень, когда брал в руки холодные, голые тела трудармейцев? Возможно то, что среди них завтра может оказаться он. Или о справедливости? Почему тех, кто работает на Победу, хоронят как воров ночью и тайно, даже без указания фамилии? А, может быть, на раздумья и времени не было? Скорей всего именно так и было.

Чтобы быстрее выполнить это печальное задание, решили разделить. Трое уехало за новой партией, а Герш с товарищем остался укладывать трупы в траншею.

Как только машина скрылась в темноте, Вильгельм спрятался от ветра в траншее, его напарник убежал в кусты. Вдруг Гершу показалось что у одного трупа зашевелилась голова. парню от страха почудилось, что тело начинает оживать и поднимается. С криком:

— Гриша, Гриша, — он пулей вылетел из траншеи, — там один шевелится. Пойдем посмотрим, — волнуясь, объяснил Виль-

гельм. Но, естественно, никого в живых там не было.

Приехала машина и они разгрузили остальных. Утром специальная бригада закопала траншею. Рядом была новая, выкопанная заранее, пока пустая.

В заметке «Домны металлургического комбината», опубликованной в газете «Челябинский рабочий» 22 ноября 1943 года, сообщалось: «За семь месяцев на Челябинском металлургическом заводе смонтирована первая доменная печь вместе со всем комплексом сложных вспомогательных сооружений... Механомонтажники смонтировали 1154 тонны металлических конструкций. 6 ноября новая домна была поставлена на сушку.

Прекрасными организаторами и умелы-

ми техническими руководителями проявили себя начальник «Доменстроя» орденоносец т.т. Любарский. Вместе со своими помощниками т.т. Островским, Гавриловым, Брославским, Кирилловым, при активной помощи партийной организации т. Любарский четко организовал выполнение строительных работ. График приобрел силу непреложного закона.

Доменстроевцы в чрезвычайно короткий срок подготовили фронт работ для монтажников, строители работали самоотверженно, напряженная работа шла за каждый кубометр земли и бетона».

Рядовые рабочие были только винтиками, о их вкладе даже не стоит и говорить. А немцев вообще не существует.

Совершенно секретно

О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина и А.А. Жданова И.В. Сталину

28 августа 1941 г.

Совершенно секретно Передано по ВЧ 29.08 в 10 час.

Москва, тов. Сталину

Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек...

Нойес Лебен, 1991, 28 августа

Совершенно секретно

Постановление Государственного Комитета Обороны

№ГКО-626сс

от 6 сентября 1941 года.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ Г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный Комитет Обороны СССР постановляет:

1. Переселить немцев из гор. Москвы и Московской области — 8617 чел. и Ростовской области — 21400 чел. в Казахскую ССР...

4. Разрешить переселенцам брать с собой личное имущество и продовольствие на пути следования до 200 килограммов на каждого члена семьи...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 8. л. 171-172

Совершенно секретно

Из постановления Государственного Комитета Обороны

№ГКО-698сс

от 21 сентября 1941 г.

Москва, Кремль

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ КРАСНОДАРСКОГО, ОРДЖОНИКДЗЕВСКОГО КРАЕВ, ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ И СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

Государственный Комитет Обороны СССР постановляет:

1. Переселить немцев из Краснодарского края — 34287 человек, из Орджоникидзевского края — 95489 человек, из Тульской области — 3208 человек, из Кабардино-Балкарской АССР — 2929 человек...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 10. л. 421-43

Совершенно секретно

Постановление Государственного Комитета Обороны

№ ГКО-702сс

от 22 сентября 1941 г., Москва, Кремль

**О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ ЗАПОРОЖСКОЙ,
СТАЛИНСКОЙ И ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ**

Государственный Комитет Обороны СССР постановляет:
Переселить немцев из Запорожской области – 63000 человек, из Сталинской области – 41000 человек и Ворошиловградской области – 5487 человек в Казахскую ССР...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л.63

Совершенно секретно

Постановление Государственного Комитета Обороны

№ГКО-743сс

от 8 октября 1941 г., Москва, Кремль

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный Комитет Обороны СССР постановляет:
1. Переселить из Воронежской области немецкое население, общей численностью 5125 человек, в Новосибирскую область...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 11, л. 195

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ: ИСТОРИЯ СТАЛИНСКОГО ДОЛГОСТРОЯ

Разработка железных руд Бакальского месторождения началась еще в 50-х годах XVIII века. Тогда руда разрабатывалась симбирскими купцами-староверами Твердышевым и Мясниковым. Всего до 1900 года из земли было добыто около 2 млн. тонн руды - совсем немного, если учесть, что запасы сидеритовых руд Бакала оценивались в почти 1 млрд. тонн. В связи с индустриализацией России, следующие 2 млн. тонн были добыты уже к 1914 году. К началу 30-х годов ежегодная добыча руды составляла тут около 600-700 тыс. тонн. Поскольку возможности для увеличения объемов разработок выглядели весьма оптимистично, то встал вопрос о строительстве куста металлургических предприятий, которые могли бы работать на руде Бакала.

Еще до революции рассматривалось несколько проектов строительства в районе города Сатки крупного металлургического производства — условного «Бакальского завода» - и были проведены геологоразведочные работы. Идею на 10 лет отложили, но большевики, которым для создания новой индустриальной экономики и ее сердцевины - мощного военно-промышленного комплекса требовалось много металла, вернулись к теме создания завода в

начале 30-х годов. 15 мая 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление о необходимости развития горно-рудного района и строительства на Урале крупных металлургических производств:

«Индустриализация страны не может опираться только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири Строительством Бакальского завода, резко увеличивая мощности металлургии Союза по качественным сталям, является крупнейшим фактором в деле создания на Урале главной базы снабжения страны качественной сталью и чугуном».

Будущее предприятие было позиционировано как производитель специальных, жаропрочных сталей, в том числе и с легирующими добавками. Это было не случайно, поскольку в металлургии СССР в 30-х годах остро ощущалась нехватка именно такой продукции. Однако в отличие от других растрасшированных строек сталинской индустриализации - Дне-

проГЭСа, Магнитки, Кузнецкого меткомбината и т.п., строительство Бакальского завода продвигалось крайне медленно. Во-первых, потому, что в высшем руководстве долго не могли определиться с конкретной площадкой будущего завода. Из 18 предполагаемых площадок, делавшие проект завода специалисты Гипромеза (Ленинград) выбрали ту, которая не всех устроила (речь идет о т.н. «Першинской площадке») - в частности, ее противники педалировали вопрос с нехваткой воды для будущего производства. Строительство завода только-только было начато в 1934 году, как в следующем его уже заморозили. Во-вторых, не был решен вопрос с обеспечением нового завода оборудованием - советское металлургическое машиностроение потянуть такой проект было еще не в состоянии, а средств на закупку оборудования за границей то ли не было, то ли сами иностранцы не согласились его продать (США и Германия после 1934 года крайне неохотно стали поставлять СССР оборудование для производства спецсталей).

В замороженном виде Бакальский завод просуществовал до начала Второй мировой войны. В августе 1940 года было принято решение о возобновлении строительства в 1941 году. Еще в течение года решался вопрос с площадкой, пока 12 июня 1941 года специальным постановлением СНК и ЦК ВКП (б) не было решено начать в конце 1941 года строительство Бакальского (на Першинской площадке) и Новотагильского металлургических заводов. Мощность первой очереди Бакальского завода должна была составить 600 тыс. тонн чугуна и 150 тыс. тонн стали в электросталеплавильном цехе (5 печей). Незакранный вопрос с оборудованием для будущего предприятия решился сам собой: с сентября и октября 1941 года на площадку стали прибывать эшелоны с эвакуированными мощностями Алчевского металлургического завода, Электростали, завода «Красный октябрь» (Сталинград), Новолипецкого металлургического завода, Запорожстали.

В декабре строительство Бакальского завода (как Нижнетагильского металлургического и Богословского алюминиевого) было передано Управлению особого строительства НКВД (выступившее подрядчиком Наркомата черной металлургии), которое позже (в 1942 году) переименовали в Главпромстрой НКВД. С 7 августа 1942 года во всех официальных документах появляется Челябинский металлургический завод и, соответственно, Челябинметаллургстрой. Строительство с начала 1942 годом также велось Востокметаллургстроем и Востокметаллургмонтажем. Основной рабочей силой ударной стройки, которую планировали завершить в рекордно короткие сроки, были - помимо мобилизованных рабочих и эвакуированных специалистов - «трудармейцы» и заключенные Бакаллага (действовал с января 1942 года, в августе 1942 года был переименован в Челябинлаг при Бакалстрое Челябинметаллургстроя НКВД СССР). Всего на

конец 1942 года в этом лагере числилось 4600 эков. К 1 января 1944 года их число выросло до 11,5 тыс. человек. Лагерь входил в систему Главпромстроя НКВД СССР, в 40-е годы у него было 8 основных объектов на Урале. На конец 1942 года в Главпромстрое НКВД на Урале числилось до 80 тыс. эков (более 52% от их общей численности по стране в этом управлении). На 1 мая на Урале эков Главпромстроя числилось около 55 тыс. человек. «Трудармейцами» в большинстве своем были репрессированные большевиками советские немцы и их статус, а также существование ничем не отличались от того, что было у «подопечных» системы ГУЛАГа (тем более, что трудармейцы располагались в лагпунктах ГУЛАГа и также охранялись)...

Отряды 5-й армии прибыли на Першинскую площадку (ее площадь составляла до 50 кв. километров, а площадь первой очереди завода - 1200 гектаров!) лишь в феврале - апреле 1942 года. Между тем, строительство там уже разворачивалось. К марту на стройке работало уже более 30 тыс. человек, из которых три четверти были эками или «трудармейцами» (т.е. тоже эками). Из прибрежного ивняка реки Миасс плелись щиты, которые устанавливались на деревянных каркасах. Пространство между щитами забивалось талой глиной, ее добывали из-под двухметрового замерзшего грунта. Щиты составляли верхнюю половину жилищ, нижняя из одного слоя плетенок заземлялась. Леса было крайне мало. Поэтому он шел на каркас и пологие крыши. Сверху на крыши укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн. Получались полужемлянки. В лагере ощущалась нехватка воды. Помимо сооружения домн, электросталеплавильного цеха и огромного прокатного цеха, в первую очередь строительства завода входило также сооружение чугунолитейного, кузнечного, ремонтно-механического и деревообделочного цехов, завода огнеупоров. Необходимо было также построить плотину на реке Миасс с береговой насосной станцией, центральную компрессорную, ТЭЦ и все магистральные коммуникации. На стройке катастрофически не хватало механизмов. По официальной информации, на огромном объекте работало всего 480 износившихся грузовых автомашин, 32 паровоза и 300 вагонов, 15 экскаваторов общей емкостью около 14 кубических метров, 27 бетономешалок и 13 камнедробилок. По воспоминаниям эков и трудармейцев, все работы делались вручную... В отличие от электрометаллургического и прокатного цеха, строительство домн шло медленно. Дело было в том, что несмотря на массовый «героизм», ручное строительство этих огромных объектов шло закономерно трудно. Мало того - не хватало доменного оборудования. В 1941 году на Бакал прибыло оборудование с Новолипецкого металлургического завода, которое, правда, весной 1942 года отправили обратно, поскольку руководство СССР посчитало, что угроза самому Липецку отсут-

ствуется. Жизнь скорректировала эти планы, и в августе 1942 года доменное оборудование с НЛМЗ поехало в очередной раз в обратном направлении, поскольку в виду германского наступления на Юге возникла угроза захвата Липецка. Поэтому доменные были окончательно сооружены лишь весной 1944 года. 30 апреля первая доменная печь (930 кубометров объемом) выдала первый чугун, а 2 августа на коксовой батарее № 1 получен первый кокс. 30 декабря 1944 года вступила в строй вторая коксовая батарея, 31 декабря выдала чугун вторая доменная печь (930 кубометров объемом).

Разумеется, что касается главной стройки, то ее руководство постаралось докладывать о «свершениях как можно скорее.

7 февраля коллектив Челябинского металлургического завода рапортовал Государственному Комитету Обороны о завершении строительства и сдаче в эксплуатацию первой очереди металлургического гиганта. Как пишется в официальной истории, «даже в мирное время «на всем готовом» столь грандиозные работы в такой короткий срок не производились». В реальности же первая эксплуатационная плавка в электрометаллургическом цехе на одной единственной печи (про домы указано выше) произошла лишь 19 апреля 1943 года. Затем еще несколько месяцев понадобилось на отладку процесса. Остальные 4 печи (в цехе их было пять) были запущены с большим трудом лишь к декабрю 1943 года.

Прокатный стан «800» выдал первый прокат 19 июня 1943 года, реально же он был запущен только в конце 1943 года, а прокатный стан «350» начал нормально работать лишь в первой половине 1944 года. Впрочем, официально завод считался запущенным,

и поэтому его ударные строители с осени 1943 года приступили к сооружению второй очереди предприятия. В начале 1944 года в строй вошла ТЭЦ. На начало 1945 года, когда завод нормально заработал в рамках плановых мощностей, в составе ЧМК находились: пять электрометаллургических печей (по 30 тонн каждая); две доменные печи общей мощностью до 600 тыс. тонн чугуна; два прокатных стана («350» и «800»); ТЭЦ (электротурбина на 25 тыс. кВтч); 2 коксовые батареи. Предприятие выпускало шарикоподшипниковую сталь, углеродистую, легированную инструментальную, жаропрочную марки стали. Прокатные станы выпускали круглые и квадратные профили от 30 до 180 мм. Крупнейшим потребителем этой стали и проката был Челябинский тракторный завод. Несмотря на то, что необходимость строительства ЧМК диктовалась нуждами армии, производственные успехи комбината - в силу того, что запущен он был под самый конец войны - сыграли не очень большую роль для советской военной промышленности. И, как следствие, реальный «вклад» комбината в победу был очень скромным. С весны 1943 года по май 1945 года (т.е. за два года) комбинат выплавил лишь 145 тыс. тонн стали, с апреля 1944 года по май 1945 года выдал лишь 300 тыс. тонн чугуна и прокатал с июня 1943 года по май 1945 года 105 тыс. тонн проката.

Хотя предприятие строилось почти целиком на базе эвакуированных производственных мощностей, есть сведения, что некоторое важное оборудование поставлялось странами Антанты. В частности, в ТЭЦ были установлены электрогенераторы из США.

Общая стоимость строительства ЧМК, несмотря на рабский труд эзков и трудармейцев составила на начало 1945 года 497 млн. рублей, что было весьма большой суммой.

Ричард Блянк (г. Дортмунд)

ДЕЛО № 299

26.03.92 № 13\5-92

г. Челябинск

На Ваше устное обращение сообщаю имеющиеся сведения о судьбе Бамбергера А.А.

Бамбергер Александр Александрович, 1913 года рождения, уроженец г. Сталинграда, по профессии летчик, работающий по трудмобилизации на Челябинском металлургическом заводе НКВД СССР по постановлению Особого совещания НКВД СССР от 30 декабря 1942 года за контрреволюционную деятельность по ст. ст. 58-2, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР (подготовка вооруженного восстания, антисоветская агитация), заключен в ИТД сроком на 10 лет.

Освобожден Бамбергер А.А. из Песчаного лагеря Карагандинской области 11.06.52 года. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

Уголовное дело в отношении Бамбергера А.А. пересмотрено и он реабилитирован в 1955 году.

**Старший помощник прокурора области,
советник юстиции**

А.В. Декин

Их было одиннадцать, всего лишь одиннадцать. А могло быть и двадцать, и сорок, и хоть сто — сколько было нужно. Сколько нужно, столько обязательно и было бы.

Одного за другим в июне-июле 1942 года их арестовал оперуполномоченный 5-го стройотряда Челябинского металлургского НКВД СССР младший лейтенант госбезопасности Балашицкий (Белашидский). Тогда я знал их всех, но теперь отчетливо помню лишь трех. Все одиннадцать были старше меня, образованные, видные. По дороге на Урал, когда нас депортировали, некоторые оставались с лейтенантскими знаками отличия. В трудовом лагере они сразу оказались в начальствующем составе, обращаться мне приходилось лишь с тремя-четырьмя, в друзья им не всякий годился, разумеется, и я тоже. Одного только знал я с первой военной осени: нас вместе выселяли из Сталинграда, не раз на дороге длиною в месяц опять-таки вместе мы перегружались с транспорта на транспорт, в одной «теплушке» ехали через весь Казахстан. Там жили неподалеку друг от друга (в Самарском районе), потом десять дней шагали в одном взводе по железной дороге, опять чуть не месяц ехали в одной зарешеченной «теплушке». Одно слово — немцы

Военная стройка

На Бакалстрой мы прибыли, когда стройка, впоследствии ставшая огромной, только формировалась, «вставала на ноги». Нашу колонну, все еще «повзводно», привели к лагерю, который только что покинули заключенные. Он был за колючей проволокой, по углам — сторожевые вышки с охранниками, внутри — ровные «улицы» больших брезентовых бараков. А там — сплошные двухъярусные нары из неструганных, грязных досок, железные «буржуйки» по торцам, полумрак и вонь. В барак селили по 250-300 человек.

Мой добрый знакомый, сталинградец Александр Бамбергер, в двадцать лет стал пилотом истребительной эскадрильи, после какой-то неприятности оказался в Аэрофлоте, летал до аварии, после которой был комиссован. Пришел в трест водоканализации, возглавил ремонтную службу. В лагере его сразу определили в коменданты. На его глазах, сколько мы добирались до той стройки, я возил с собой один и тот же узел с убогими пожитками и студенческими конспектами, был бесприютным и всегда голодным. В дороге он подкармливал меня, а в лагере, оказавшись «при полномочиях», устроил меня в хлеборезку.

Не сплеховали и остальные из тех одиннадцати: тучный, с пылающими щеками Рамих оказался в начальниках отдела снабжения, шустрый, язвительный Винтер — в главных бухгалтерях, энергичный подтянутый Швейцер — в заместителях начальника стройотряда по быту.

По прибытии нас на Бакалстрой, 27 февраля, на меня, как и на моих спутников, конечно, заполнили анкету, по лагерному,

формуляр, мой был под номером 8.127 — я запомнил его намертво, как тремя годами раньше номер комсомольского билета. Пополнение стремительно прибывало, новые стройотряды росли, как грибы после дождя: 76-й, 8-й..., 15-й — он, кстати, поначалу был только из финнов.

Постепенно стройка набирала размах, потом — новый этап — на наших глазах как-то раздвинулась и развернулась, и уже 19 апреля 1943 года, всего-то через год, электросталеплавильный цех выдал первую сталь для уральских танков. К тому дню не одна уже тысяча трудовцев погибла в промерзлых бараках от холода и голода, от каторжного труда, в каменных и песчаных карьерах: полупудовыми кувалдами крушили глыбы, развороченные ночными взрывами, совковыми лопатами выбирали несчетные кубометры земли и глины под фундаменты домен, блюменгов, коксовых батарей, вывозили тачками на 5-7 ярусов. В глухих казематах немало было и порасстреляно «за контрреволюционную деятельность», за побеги. Только с 12 ноября по 6 декабря 1942 года — за три недели! — было расстреляно 163 трудовцев — вполне возможно, что сведения неполные

О первой плавке стали, о рождении будущего нового гиганта металлургии командование стройки и руководство области захлеб телеграфировали в МОСКВУ, многие из среды этих местных верхов получили высокие награды и новые воинские звания. Про замерзших, погибших от дистрофии, пиллагры и сыпного тифа, расстрелянных и сбитых на Колыму в рапортах правительства умалчивали, эти сведения огласке не подлежали.

Через несколько дней после громкой трудовой победы, на 1-2 мая, начальника Челябинского металлургского инженер-полковника Комаровского вскоре произвели в генералы и стройка была переведена на осадное положение. Еще раньше, с 15 января 1943 года, была установлена охрана строящихся объектов, введены суточные и вахтерские посты из 10 охранников при 4 начальниках караула. В праздничные дни «вне зоны общего оцепления» разрешалось вывозить лишь ремонтников для ликвидации аварий — под усиленным конвоем и с ведома самого начальника стройки. Несколько позже были сформированы военные трибуналы Войск НКВД, появился такой и на Челябинском металлургском. Членами трибунала выдали по пистолету ТТ и по 24 патрона.

Но Бамбергер и все другие арестанты не знали о вводе в строй сталеплавильного цеха, об усилении охраны стройки в праздники, о военном трибунале и прочих экстренных мерах обеспечения госбезопасности. Следователи оперативно-чекистского отдела (ОЧО) всеми способами выбивали из них признания в преступной деятельности: в подготовке вооруженного восстания, в контактах с командованием фашистских армий с целью получить оружие и свергнуть советскую власть.

В бараках и забоях

Первые месяцы на стройке были самыми трудными. Лишь 25 января 1942 года Лишь 25 января 1942 года Нарком внутренних дел СССР, комиссар безопасности Берия подписал приказ №00183 «О мероприятиях по обеспечению строительства Бакальского металлургического и коксохимического завода». Этим приказом стройка, как особенно важная, да и возводимая «специфическими» силами от Наркомстроя СССР передавалась Главпромстрою НКВД. Новым начальником назначался полковник А.Н. Комаровский. Ровно через месяц в одном из приказов он отмечал: «за 20 дней февраля умерло 179 заключенных, высокая смертность контингента является следствием плохих бытовых условий. Недопустимо заключенных освобождать из лагерей завшивленными». В конце апреля (приказ от 30.04.42 г.) «В морге Центральной больницы содержались 37 трупов». Один за другим, практически ежедневно, появлялись приказы по санитарно-бытовым условиям 6-го стройотряда лагеря «Рудбакалстрой», о мероприятиях «по оборудованию зон участков», «по изъятию запрещенных к хранению предметов», «по улучшению охраны спецконтингента (немцев), о побегах трудмобилизационных, о профилактике эпидемических заболеваний и т.д. Приказом от 14 марта началась «генеральная проверка всего личного состава стройки» («12401 человек спецконтингента, 3662 заключенных, 4019 вольнонаемных, всего 20082 человека»). Из приказа в приказ, то в одном лагере, то в другом, отмечалось антисанитарное состояние жилых палаток, поголовная вшивость, включая кухонную обслугу и поваров. Говорилось, что санобработка «спецконтингента» не организована или проводится плохо, сушилок нет, на работу люди ходят в мокрой одежде и обуви. Через месяц после прибытия трудармейцев в некоторых стройотрядах все еще не было умывальников, кадок для воды, мусорных ящиков. Пекарня пребывала в антисанитарном состоянии, баня строилась без дезинфекционной камеры.

Не блистали на громкой стройке и производственные дела. Приказом Берии предусматривалось 5 электросталеплавильных печей ввести в строй действующих в 4-м квартале 1942 года, тогда же и прокатные станы №800 и №350, а во 2-м квартале 1943 года – пустить и доменные печи №1 и №2. Но план капитальных работ на 1-й квартал 1942 был сорван. На сталеплавильных печах задание было выполнено на 24 процента, на прокатных станах – на 19,5 и на доменных печах – на 8,4, на заготовке камня бутового – на 18,6, на лагерном строительстве – на 32 процента. Лишь заготовлено песка, сформовано и обожжено кирпича было на 116-158 процентов по сравнению с заданием.

Так же обстояло дело и в дальнейшем: в 1942 году не пустили ни одной сталеплавильной печи, ни одного прокатного стана, и «триумф» с введением в действие одной печи состоялся на полгода позже установленного

срока. При тех условиях и это было грандиозным успехом.

Горячий цех

Уже и в ту пору, на старте, был на Челябинском металлургострое «ударный» участок, работа которого впечатляла своими результатами. Это и был оперативно-чекистский отдел (ОЧО) во главе с капитаном К. Курпасом.

Работа чекистов в СССР, начиная с «рыцаря революции» Дзержинского, всячески возвеличивалась и воспевалась. И строжайше держалось под секретом. В годы войны – особенно.

С конца 1980-х я решил замахиваться и писать в те областные управления КГБ, к которым имел особый интерес, все было попусту, а подступиться к архивам тем более не удавалось. В 1990-м году я прибыл в Челябинск с редакционным удостоверением газеты «Нойес Лебен» и обращением ее главного редактора в обком КПСС с просьбой облегчить мне доступ к документам Челябинского металлургостроя. Куда там! – и обком спасовал. Через год мне оформили доступ к секретным фондам, но я угодил в разгар капитального ремонта в здании областного архива. До разрозненных папок мы с его сотрудниками все же добрались, что-то мне дали, в том числе и все упомянутые здесь приказы начальника Челябинского металлургостроя и наркома Берии. Из них видно, что плановые объемы работ на стройке и сроки их выполнения были провалены.

И тоько чекисты оказались на высоте. Они с первых месяцев трудились не покладая рук, с упоением и мастерством. Это видно и по делу Герлаха, в которое и угодил и Бамбергер.

Сначала возникло дело по другой группе обвиняемых, привлеченных к следствию по расхожей тогда статье 58, пункты 2, 10, 11 и 14. Из него 18 июля было «выделено в особое производство для дальнейшего расследования и привлечения к следствию» дело №299, над которым мне удалось посидеть в июльские дни 1993 года.

Вел его младший лейтенант госбезопасности Виноградов, утвердил заместитель начальника оперчекистского отдела, хотя и тоже младший лейтенант Лобанов. И 19 июня, тут же, по новому делу был арестован Герлах Владимир Филиппович, упомянутый в деле №274. В условиях лагеря делалось это просто и трафаретно: около полуночи старший, по лагерному «кум», приходил в барак. Там дневальный уже дожидался, он же и «стучал» на обреченного, для того и был устроен сюда, а не в забой. Без шума, с предосторожностями, будили того, за кем пришли и уводили в апартаменты за окованной дверью. Там сходу, обескураженного, «тепленького», его подвергали стремительному допросу, «брали быка за рога».

Безотказная методика

Герлаха «повел» тоже младший лейтенант госбезопасности Зелихов, наверно, он был тогда помощником Белашидского, но через

два года ходил уже с майорскими «шпалами». Наверное, и при одном «кубиками» он не сомневался, что «каждый трудармеец, каждый немец – определенно враг народа. Пока, до времени, может, и потенциальный, скрытый. Значит, надо его обезопасить, «расколоть» до полного признания в своей вражеской деятельности, в контрреволюционных замыслах и действиях. И еще надо, чтобы он не скрыл всех своих сообщников, которых у него, у врага, просто не может не быть. Посему от них, младших лейтенантов госбезопасности, постоянно вращающихся среди врагов, зависит безопасность любимой Родины, ее процветание на благо всего человечества. И еще зависит успешное продвижение по службе – и свое, и своих начальников, и майоров, и полковников, они тоже большой свой путь начинали в младших лейтенантах.

Расколоть матерого, затаившегося преступника не так-то просто, но умелые допросы были надежны и безотказны. Сокрушали самого отпетого злодея, приносили успех смекалистому лейтенанту. Уже первый допрос вел к заветной цели, «завязывали узелок», хотя и был обескураживающе прост и совершенно безобиден:

— Расскажите, кем вы работали, кого знаете по работе и быту, о чем беседовали с ними?

Такой обычный, пустяковый, невинный вопрос, от него не уклониться. Каждый с кем-то работает, кого-то знает и «по быту», о чем-то с ними говорит. Этим вопросом и «подсекали» «на крючок», а потом тащили в западню. Не случайна и форма прошедшего времени: работали. Если работе конец, не все так безобидно.

Герлах, человек с головой, так все и понял, ответил по существу, четко: про работу, про тех, кого знает, про что говорили:

— Разговоры были на бытовые темы, других ни с кем не вел.

Если ты с головой, маху не дашь, увильнешь. Но вот тебе вопросик заковыристей, как ты теперь завертишься?

— Но следствие располагает документами: разговоры ваши были контрреволюционного характера. Так? Отвечайте по существу.

— Я не отрицаю, - Герлах решительно отмечает необоснованный наскок, но тут же следует новый:

— Вы арестованы как участник контрреволюционной повстанческой организации, следствие требует дать конкретный ответ!

Герлах не сбит с толку, на явный вздор отвечает, стоя на своем, категорично.

— Никакой контрреволюционной организации не знаю и потому участником ее быть не мог.

В таком духе вопросы тянулись несколько дней. Арестованный не сдавался, упорствовал, отмечал несуразности: «не знаю», «не состоял», «не вел». Упорствовал и Зелихов, однако понял бесполезность пустых препирательств, решил переходить к действенным, испытанным мерам, что и было сделано. С 30 июня на допросах все прошло по-другому, следовательно уверенно, напористо выявил истину, неотвратимо при-

пирал преступника к стене. Осмотрительный, стойкий человек сразу стал признавать все, в чем его обвиняли, словно не подозревая о неминуемых последствиях.

И пошло – поехало

Зелихов на коне:

- Материалами следствия и документами установлено, что вы продолжительное время вели активную контрреволюционную деятельность, о которой упорно не желали давать показания в течение нескольких дней. Намерены ли вы сейчас дать откровенные показания об этом?

Герлах сломлен, сломлен в конец, он теперь знает, что ему предстоит, если опять говорить только правду, стоять на своем. И он произносит пространный монолог, так изложенный в протоколе:

- Прежде чем ответить на этот вопрос, я хочу заявить следствию, что я действительно на протяжении нескольких дней скрывал факты своей контрреволюционной деятельности, но, убедившись в том, что следствию хорошо известна моя преступная деятельность против советской власти, я понял, что мое дальнейшее сопротивление бессмысленно, и решил давать откровенные показания не только на себя, но и о лицах, известных мне по контрреволюционной деятельности.

Ипошло – поехало:

- Что побудило вас?

- С какого времени вы ?

- В чем заключалось ваше ?

- Назовите сообщников по ?

На четкие, конкретные абсурдные вопросы следуют четкие, конкретные, абсурдные ответы, неминуемо обрекающие отвечающего на смерть:

- Не согласен с политикой советской власти

- С февраля 1942 года с момента работы на стройке

Герлах рассказывает и о своей враждебной деятельности, сообщниками называет Бамберга Александра Андреевича, Геллярда Антона Иосифовича и Гельвига Анатолия Иосифовича. Помедлив, прибавляет:

- Особенно резко постоянно высказывался Бамбергер.

На каждый конкретный вопрос Герлах покорно, не замедлив, дает конкретный ответ. Даже на такой:

- Каким образом возник вопрос о вооруженном восстании?

В условиях лагеря это было невозможно, немислимо. Фашистские полчища отбросили от Москвы, не ближе было до них и на всех других фронтах, и все же Герлах «признается»:

- Готовили вооруженное восстание против советской власти с целью перехода на сторону немецкой фашистской армии.

Что и требовалось. Доказать? Нет, доказательствами со стороны ведущего допрос здесь и «не пахнет», нет ни хоть какой-то, хоть малейшей, призрачной улики. Так уж было

заведено: ни тебе доказывают твою вину, а ты докажи-ка свою невиновность. Но это невозможно. От тебя не этого ждут и требуют. Признай свою несуществующую вину, оговори себя и других, - вот что нужно младшему лейтенанту. Придумай что-нибудь приятное ему, в согласии с его замыслом, повтори его провокационный вопрос в утвердительном плане, он радостно впишет твою несусветную чушь в протокол допроса и оставит тебя в покое, примется за кого-то другого, из тех, кого назвал ты.

Это и был путь в западню. Герлах был сломлен, и вход в нее открылся. Протокол этого допроса растянулся на 32 страницы. Сколько надо было спрашивать, сколько пришлось писать, впопыхах недосуг было отметить, когда закончился ужасный допрос. Он славно поработал, будущий майор, а потом, может, и полковник, кто знает. Добрый «улов» выпал ему 30 июня 1942 года, 30 таких страниц много весят.

Круги расходятся...

Поначалу Бамбергер, как и Герлах, твердил одно и то же: «Герлаха знаю, контрреволюционную деятельность он никогда не вел». «Пустые» протоколы допросов: 6-го, в день ареста, и 7 сентября – по 2-3 куцые страницы. Бамбергер увертлив, скользок, умен и все время начеку, «крючки» не заглатывает, обходит, упирается. Цитаты из признаний Герлаха не помогают. К чему время терять, следователь НКВД возьмется за то, что подействует.

Так и произошло, наверное, ночью 7-го, и вот желанный протокол допроса, проведенного на следующий день: начнут в 9.50, окончен в 14.30. На сей раз допрос продолжался почти 5 часов. По времени в самый раз, но исписано всего 6 страниц, куда до Герлаха! Бамбергер за ночь переменялся, но не обмяк, не юлит перед следователем, стоит на своем, старается сохранить достоинство:

- Сегодня я намерен рассказать подробно о своей контрреволюционной деятельности

И – рассказывает, но как – по-своему бунтуя в своей ситуации, взвешивая каждое слово, отбиваясь и упорствуя.

- Для восстания нужно оружие. Где собирались его взять?

- Не знаю.

- Знаете! Оружие должны были получить от командования немецко-фашистских войск?

- Не могу сказать, не знаю.

- Вы хорошо знали! Требую сказать: оружие должно было поступить от командования немецко-фашистских войск.

- Об этом мне ничего не известно.

Бамбергер отбивается, как может, но следователь напорист. Натиск его нарастает и достигает цели: Бамбергер называет «руководителем повстанческой Герлаха», сообщает, что сам вовлек в нее Вайгеля, Гельвига, Шмидта.

Следователь добивается, чтобы Бамбергер назвал «всех участников контрреволюцион-

ной организации» и тут же принимается за Вайгеля, за Гельвига, Шмидта, Гилляра, за Швейцера, Винтера, Рамиха и других, кого назвали Герлах и Бамбергер. Первые допросы, вторые, стремление устоять, удержаться от «признаний». Короткая пауза в допросах, действенные меры и новые, так называемые «признательные» допросы, оговоры себя и других, новые имена, очные ставки.

Два дня сидел я в Челябинском УКГБ над объемистой архивной папкой: 960 страниц такого иезуитского фарса А шел я в Управление лишь узнать, в чем был виноват мой давний благодетель, как вел себя на следствии, на суде. Временами он был мне за доброго старшего брата, в моих глазах выглядел человеком сильным и ярким, умным и щедрым, я целый год опирался на него на том крутом изломе наших жизней. И я с горечью увидел: от допроса к допросу, от одной очной ставки к другой все более снижали его некогда крепкие, безотказные нервы, слабели «тормоза» и он, хотел того или не хотел, как ни отбивался и ни хитрил, но, в конце концов, уступал следователю, «наколосся» все дальше, называл все новые имена. Всего он выдал, имелось в виду, «подставил» 15 человек, «которых знал» по контрреволюционной деятельности – страшные слова и страшная цифра! Но и то правда: по Сталинграду, по высылке, по казахстанским 4-м месяцам знал он куда больше, и многие были тут же рядом в стройотряде. И не обо всех он так сказал: «Знал» Он «подставил» далеко не всех, но и 15 – это ужасно, он выдавал, сколько требовали, и это нельзя простить. Слава Богу, не все они понадобились следствию, но это не меняет дела. А может, на них завели потом новые дела, и они в тех делах вели себя, как Герлах, как и Бамбергер. Ведь и все те, кого называли они и за кого принимались следователи, повели себя именно так, точь-в-точь, как они: сначала все твердо отрицали, потом «вдруг», словно очнувшись, образумившись, оговаривали себя и кого угодно в том, что в действительности не было, да просто и никак не могло быть в условиях лагеря, под строгим надзором, при тщательнейших ночных «шмонов». Уповать на приход гитлеровцев, на их оружие, и совместную борьбу против советского уклада? Абсурд, галиматья, бред!

Такую вот ахинею на себя и друг друга вслед за Герлахом и Бамбергером в безысходности выливали и Владимир Анатольевич Шмидт, бывший начальник штаба полка, и Швейцер, тоже профессиональный военный со щегольской выправкой, и Геллард, и другие. Все кроме одного.

Белые вороны

Как ни истязали его, как и всех остальных «образумился», оказался среди них упорный, несломленный человек, до последней минуты отвергавший все обвинения, не согласившийся с приговором, который обжаловать не позволялось. Все все признавали, а он ни в какую:

на допросах и очных ставках до конца упорно стоял на своем, непреклонно твердил:

- Не считаю себя участником контрреволюционной повстанческой организации и никаких показаний о ее деятельности потому давать не могу.

В его присутствии другие уверяли: был активным участником, присутствовал на наших сходках, а он отметал наветы, будто и не ведал того, во что обходится такое упорство:

- Участником никогда не был, ни на каких не присутствовал, больше сказать нечего.

Раз за разом его припирали к стенке, предательски обливали грязью, и ложью, одни покорялись этой грязи и лжи других, но он оставался непокорен.

- Я снова отрицаю все это и повторяю: участником не был и никогда не присутствовал.

И тоже раз за разом, страница за страницей протоколов:

- Еще раз повторяю: не был, не присутствовал, не признаю.

Это были уроки потрясающего мужества и незапамятной чести, которые, увы, никого не побудили из подследственных поступить так же, как поступал на их глазах один из товарищей по несчастью. Этим смельчаком был Анатолий Иванович Гельвиг, в прошлом старший лейтенант танковых войск, член коммунистической партии с 1930 года.

Столь же достойно, как Гельвиг, но лишь в отдельные моменты выглядел и Федор Федорович Винтер, главный бухгалтер стройотряда, известный его трудармейцам как аккуратист и чистюля, всегда раньше заносчивый и надменный. До конца следствия, тоже раз за разом, он подавлено повторял: «Признаю себя виновным частично, участником контрреволюционной организации не был, но проводил среди трудмобилизованных антисоветскую пораженческую агитацию, восхвалял боеспособность фашистской армии, клеветал на Красную Армию, предсказывал ее поражение в войне».

Не уверен, однако, что он говорил все именно так, слово в слово, следователь мог и прибавить, что захотел. Но если в основном это слова его, а сомневаться в этом вряд ли есть повод, то надо признать, что мужество и честность были ему присущи. Но проявлялись они как-то странно и неразумно, он признавался в том, чего не был, и тоже называл «сообщников», среди них и таких, которых до него не назвал никто:

- Вел контрреволюционные разговоры с К.В. Вальцем и Р.М. Штолем, но о чем, не помню

Похоже, и в этой ситуации, как всегда, Гельвиг оставался самим собою, с реакцией на окружающее зло непредвиденной и порой просто парадоксальной.

Новогодний «подарок»

Так, с ареста до обвинительного заключения, прошли они недолгий и ужасный путь, на котором с них слетело все напускное,

обретенное, «актерское» и все, кроме Гельвига, предстали друг перед другом в виде, явно не красящем их, собственно такими, какими были на самом деле, не напоказ. По их признаниям, только по их самооговору, по лживым показаниям, было составлено столь же лживое, если не больше, обвинительное заключение, в котором всех их объявили виновными в гнусном сговоре и во враждебных действиях против Родины. Именно этого и хотели те, кто стряпал это гнусное «дело».

Дальше все развивалось так. 19 октября старший следователь оперативно-чекистского отдела Управления Челябинского металлургического завода младший лейтенант Госбезопасности Виноградов, подводя итоги «кропотливой» работы своих коллег, начертал: «Дело №299 подлежит направлению на рассмотрение Особого Сопровождающего при НКВД СССР». Заместитель начальника этого отдела старший лейтенант Госбезопасности Рыльский тут же написал под этим заключением непременно в таких условиях «Согласен». И под подписями, виноградовской и своей, и, лаконичное резюме: «Меру наказания всем определить – расстрел». И еще раз подписался.

На этом листе размашисто начертаны еще чьи-то резолюции: «Дело рассмотреть на Особом Сопровождающем НКВД СССР» и «меру наказания определить: Герлах – расстрел, остальным обвиняемым – по 10 лет ИТЛ». На отдельной странице 20 октября выразил свое одобрение по поводу этих заключений начальник отдела капитан Госбезопасности Курпас и 21 октября – прокурор Челябинского металлургического завода Гришин.

Следующая страница «Дела» не может не потрясти красноречивым признанием: «вещественных доказательств по делу нет». Ниже перечислены обвиняемые и указано, что все они содержатся в Челябинской тюрьме №1.

Венчает «Дело» выписка из протокола за номером 103 Особого Сопровождающего при Наркоме Внутренних дел СССР от 30 декабря 1942 года: «Герлаха – расстрелять, всех остальных направить в Ивдельлаг». Вот вам, бедолаги, и новогодний «подарок»!

Через 5 лет к «Делу» подошью дополнительный лист: Центральная комиссия МВД-МГБ и Прокуратура СССР найдет, что заключенный Винтер Ф.Ф. и Рамих А.Я. «подлежат переводу из Ивдельлага в особые лагеря МВД»: один – в Дубравлаг (Кустанай), другой – в Сыктывкар. Приложены и наряды на перевод, указано, что копии их направлены министру КГБ Коми АССР и другим лицам, причастным к почему-то понадобившейся органам госбезопасности акции.

«Дело производством прекратить...»

Так вот и закончилось это постыдное, преступное дело. На его полях кто-то неведомый, похоже, не так уж давno, сделал неопровержимые, хоть и бесплодные пометки: «Чепу-

ха!», «А где взять оружие?», «Руководитель, а не знает». Последнее относится к ответу на вопрос, посылали ли кого за оружием в немецкую армию.

Такой же вывод через годы после новогоднего «подарка» НКВД, 223 августа 1953 года, сделают не анонимные остряки-«прозорливцы», а специалисты высокого ранга: прокурор отдела по спецделам Прокуратуры СССР старший советник юстиции Шарутин и заместитель начальника этого отдела государственный советник юстиции 3 класса Самсонов. Шарутин отметит: «Все обвиняемые в начале их допроса виновными себя не признали и показали, что они, выражая недовольство выселением из Поволжья и других мест, а также мобилизацией на трудовые работы и помещением в условия лагерного режима, организовались в контрреволюционную группу, поставили своей задачей поднять вооруженное восстание, оружие получить от немецко-фашистской армии, разоружить охрану, использовать ломы, кирки и т.д. Эти утверждения неправдоподобны и противоречивы – в условиях лагерного режима и работ под надзором охраны ни при каких условиях не было возможности связаться с командованием немецких армий. Ни одно свидетельство в подтверждение не приведено, и все обвинения основаны только на их собственных «признательных» показаниях».

И далее, «После осуждения Виттенбек, Гельвиг, Геллард, Бамбергер и другие подали в Прокуратуру СССР и правительственные органы жалобы, в которых от показаний на следствии 1942 года отказались, признавали физические меры воздействия». Вывод из этого? Он однозначен и справедлив.

Постановление Особого Совещания НКВД СССР от 30 декабря 1942 года отметить, дело на основании статей 4 и 5 УПК РСФСР производством прекратить и от ссылки освободить».

Мнение Самсонова адекватно: «Согласен».

Не сдался, но...

К объемистому делу №299 подшито и «Дело № 229458 по проверке жалобы Гельвига Анатолия Ивановича в ЦК ВКП(б) товарищу Хрущеву Н.С., бывшего члена компартии с 1930 года». В заявлении, датированным 1 августа 1953 года, Гельвиг просил вызвать его «в Москву для изложения важных фактов по делу №299». Вместо этого заявление Гельвига рассматривали опять чекисты. Что из этого вышло? А вот что

Ответственные работники УКБ по Челябинской области обратились в Карагандинское УКГБ и в КГБ Коми АССР с просьбой «в порядке перепроверки объективности жалобы Гельвига А.Н. передопросить подателя жалобы», а также Гелларда и Бамбергера – никого больше из «подельников» уже не было в живых. Из Караганды получили протокол «передопроса» Бамбергера 27 апреля 1954 года, из Сыктывкара – протокол «передопроса» Гельвига 13 мая. Перед

этим, 27 апреля, председатель КГБ Коми АССР Хайлов и начальник 4-го отдела Стрелков направили в Управление Минлага полковнику запрос на Гельвига и, надо полагать, лишь с получением такого приступили к жалобщику. К «перепроверке» была подключена и прокуратура Челябинской области (письмо и.о. прокурора области советника юстиции Булочникова от 6 апреля).

В результате такой «перепроверки» старший следователь УКГБ капитан Н. Пауков пришел к заключению, что между Бамбергером и Гельвигом «существует сговор об отказе от данных ими показаний на предварительном следствии 1942 года с целью реабилитации себя», что утверждения Гельвига о вручении следователю Виноградову письменного заявления о невиновности в предъявленных ему обвинениях и неоднократных жалобах в МВД СССР, которых в деле нет, являются голословными. Передопросить других осужденных было невозможно «по причине их смерти».

С учетом всего этого старший следователь УКГБ Н.Пауков явил «сверхпрозорливость» чекиста и заключил: «Считаю, что виновность Гельвига А.И. в совершении преступления, предусмотренном ст. 58-2, 10, 11, 14 УК, материалами дела доказано, осужден правильно, поэтому оснований для отмены решения ОСО от 30 декабря 1942 года не имеется (в отношении Гельвига). На основании изложенного полагал бы считать направление Гельвига А.И. в ссылку на поселение в 1952 году правильным. Заявление о пересмотре дела оставить без удовлетворения».

Слепая дальновидность

Вот так мудро поступили уже при ни-спровергателе сталинских порядков, разоблачавшем чудовищные репрессии при них, Н.С. Хрущеве: обратились в ЦК КПСС, а все решил офицер КГБ!

И что еще любопытно. Годом раньше по отношению к тем событиям Указом Президиума Верховного Совета СССР особое совещание при МВД было упразднено, и оснований для этого, надо полагать, было предостаточно. Но его человеконенавистническое решение в духе того кровавого режима, который сложился по воли Сталина, так и осталось по душе капитану Госбезопасности. Да если бы только ему отнюдь! Еще и и.о. начальника следственного отдела УКГБ полковник А. Сафонов без проволочки засвидетельствовал единодушие с проницательным капитаном. А двумя днями позже и начальник УКГБ полковник Сухарев одобрил противоправные заключения своих подчиненных.

Да, не было еще XX съезда КПСС и решений «о восстановлении ленинских норм партийной жизни», не подвергся осуждению зловещий культ личности Сталина. Но уже больше года назад к тому времени был разоблачен и расстрелян Берия, произошли и зримые перемены в структуре и в курсе, в личном составе КГБ. Да и Прокуратура СССР помимо общих установок

по этому конкретному делу почти год назад до того, как было вынесено заключение следователя капитана Паукова, высказалось вполне определенно, ее решение находится в этом «Деле». Но челябинские чекисты, как видно по этому заключению, а также начальников капитана, были солидарны с пагубным курсом НКВД и незыблемо стояли на его порочных позициях, ретиво защищали методы Курпаса и его усердных проводников в жизнь.

Слепая их «дальновидность», профессиональная закостенелость и недобросовестность вскоре были заслуженно посрамлены. В 1955 году невиновные, несчастные люди, которых курпаносовская рать истязала, оболгала и представила изменниками Родины, пособниками фашизма, были реабилитированы. Я сужу об этом по сообщению мне о реабилитации Бамбергера. Но если оправдан он, не в такой ли же степени это применимо к его «подельникам»? Только к тому времени почти никого из них не осталось в живых, они безвременно умирали на подходе к сорока или чуть за сорок

* * *

Такая вот скорбная история произошла полвека назад с одиннадцатью несчастными. Виноваты в этом и сами они? Ведь лгали, наговаривали на себя и один на другого. Да, виноваты, но ведь даже если бы они устояли, как устоял Гельвиг, участь их была предрешена задолго до арестов, с ними в любом случае поступили бы так, как поступили.

А закончить это горестное повествование надо бы добрым словом про давнего моего заступника и старшего товарища Александра Андреевича Бамбергера, память о котором привела меня уже в 90-е к челябинскому прокурору, а потом и в УКГБ. Так я узнал все, о чем здесь рассказал. И еще о том, что 27 апреля 1954 года, работая сменным мастером на Карагандинском кирпичном заводе, при злополучной «перепроверке объективности жалобы Гельвига», на вопрос следователя УКГБ Попова «какие вы дали показания?» (в 1942 году) Бамбергер ответил пристойно и честно:

- Точно не помню, но оклеветал Гельвига,

дал ложные показания о якобы принадлежности его к антисоветской организации, хотя об этом совершенно ничего не было мне известно.

Не Бог весть, какая доблесть? Но вот Геллярд, в то же время все сказал, как и в 1942 году, и даже обвинил Бамбергера и Гельвига в сговоре их обелить себя.

Но их обеляют сами обстоятельства раздутого, преступного дела №299. Они не стали героями. Но ведь и сподвижники Ленина в подвалах Лубянки вели себя отнюдь не героически. А то, что их палачи были по своей профессиональной «квалификации» не чета челябинским лейтенантам, ничего не меняет.

И мне очень хочется, чтобы Александр Андреевич и сейчас был жив, как живы некоторые его ровесники, перенесшие Челябметаллургстрой – сущий ад и без чекистских пыток. И хочется, чтобы он узнал: его признание в заведомой лжи я считаю достойным уважения. Я храню о нем добрую память, и дай-то Бог, чтобы он еще жил в родном Волгограде или в казахском поселке, если «прирос» к нему почти за полсотни лет. И пусть кошмары ужасного следствия, долгого заключения и последовавшей затем ссылки не тревожат его сны, не терзают страдавшую душу.

Челябинский металлургический завод, который мы построили в каторжных условиях, впоследствии разросшийся в мощный комбинат. До развала надменного и воинственного СССР был флагманом советской металлургии, был удостоен множеством почестей и наград. Не так давно, несмотря на развал, он отметил полувек юбилей и понуро бредет по шестому десятилетию. И мало кто знает, в юбилей о таком не говорят, что стоит он на костях тысяч и тысяч его подневольных первостроителей. Среди них преобладали немцы, но было и немало финнов, на исходе войны привезли болгар, венгров и румын из освобожденной Украины, поляков – из Белоруссии. Были даже итальянцы, евреи, цыгане и многим из них выпала участь Герлаха и Бамбергера – и болгарам, полякам, итальянцам тоже.

Безвременно погасли их жизни, имена канули в лету. Светлая им память

«Neues Leben», 1992 г.

От составителя: Один из самых сложных вопросов прошлого, как относиться к сталинским руководителям разного уровня. Кто они специалисты, честно выполнявшие свой долг или палачи? Сейчас персонально ни о ком не говорят, все спорят вокруг личности Сталина. Мы-то прекрасно знаем, что все великие стройки коммунизма в 30-е годы возводились силами заключенных, в которые попадали по социальному, политическому, биографическому, родственному или национальному признаку, фантазия у власти была богатая. Каждая тонна земли вырытая на строительстве каналов, заводов, фабрик оплачивалась жизнями десятков людей. Не были белыми и пушистыми и руководители Бакаллага. Но почету-то нам навязывают только один образ этих руководителей и ни слова не говорят о тех, кем и как они руководили.

В. Быстров, полковник

НАЧАЛЬНИК СТРОИТЕЛЬСТВА

«Генерал армии Александр Комаровский»

«Моя военная специальность — строитель», — писал о себе генерал армии Александр Николаевич Комаровский. На первый взгляд есть в этих словах что-то противоречивое. Война всегда связана с разрушениями, а строитель по самой сути своей — творец, созидатель. Но если вдуматься, то противоречия здесь нет. Необходимость защиты советской социалистической Родины, обеспечения условий для строительства нового общества — коммунизма вынуждает людей самых мирных профессий свои знания и талант направлять на службу делам военным, обеспечивающим оборону страны. Раскрывая тайны природы для блага мирной жизни, физики и химики вынуждены заниматься созданием грозного оружия. Облегчая человеческий труд, делая его все более могущественным, конструкторы и инженеры в то же время создают разнообразную военную технику.

Так сложилась и жизнь Александра Николаевича Комаровского. Как инженер-строитель, руководитель крупных строек, как теоретик строительного дела Александр Николаевич многое сделал для счастливой мирной жизни советских людей, для выполнения планов экономического развития нашей Родины. Вместе с тем как советский военачальник генерал армии Комаровский внес большой вклад в достижение нашей победы в Великой Отечественной войне, сыграл важную роль в укреплении обороны, военного могущества Советского социалистического государства...

...15 июня 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о строительстве канала Москва — Волга...

Окончательный вариант проекта канала был рассмотрен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Сразу же широким фронтом развернулись изыскательские, проектные и первые строительные работы. Комаровский упорно рвался «на передовую» — непосредственно на строительство, и в апреле 1934 года в результате настоятельных просьб он был назначен заместителем начальника работ Южного (Московского) района, а в мае 1934 года начальником Центрального района канала Москва — Волга. Нужно было проявить разносторонние знания, большие организаторские способности, чтобы заслужить такое доверие. Ведь каждый район строительства канала являлся сам по себе значительным объектом. Достаточно сказать, что гидросооружения одного только Южного района по масштабам превосходили такую крупную стройку, как Волховстрой.

Строительство велось быстрыми темпами, круглосуточно. Рабочий день Комаровского

начинался в 6 — 7 часов и заканчивался зачастую поздно вечером. Нередко приходилось оставаться на строительных объектах и в ночное время. Бывало, одолевала усталость, требовала своего молодость. Кого не тронут слова самого Комаровского, когда он, уже седым генералом, писал о том далеком времени: «Ведь было-то мне всего двадцать семь лет, хотелось и песен, и улыбок»...

...22 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение:

«Поручить бригадному инженеру Комаровскому — ком. 5-й СА, людей, освободившихся на оборонительном рубеже Сталинградской области (строительных организаций Наркомстроя) в составе: инженеров и техников — 400 чел., мастеров и квалифицированных рабочих — 6 тысяч чел., вместе с автотранспортом и строительными механизмами направить на Бакалстрой».

Это означало, что 5-я саперная армия формировывалась, а ее коллектив должен был стать ядром коллектива Бакалстроя. Решение ГКО сообщил Комаровскому начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. В письме маршала содержалось категорическое требование как можно скорее перевозить личный состав и грузы к новому месту работы...

...Это слово для Комаровского не было новым. Еще до войны, вращаясь среди руководящих кругов строительных ведомств, он знал, что на Урале на базе Бакальского рудного месторождения в начале 30-х годов было намечено соорудить завод качественных сталей. Но в 1935 году начатое строительство пришлось законсервировать. В августе 1940 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение с 1941 года возобновить работы по сооружению металлургического завода и пустить его первую очередь в 1944 году. Но началась война, и небольшой еще коллектив Бакалстроя был переброшен для выполнения срочных работ в Челябинске.

— По сути, все придется начинать с нуля, — разъяснили Комаровскому в ЦК ВКП(б). — И если по довоенному плану первую очередь завода намечалось пустить в 1944 году, то вы должны дать сталь не позже второй половины 1943 года. Для победы нужны металл, качественные стали, производство которых должно быть развернуто на будущем заводе. Потребитель будет рядом. Ведь Челябинск — крупный промышленный центр.

Работник ЦК, помедлив, решительно добавил:

— На особую помощь не рассчитывайте. Обкому даны указания всемерно помогать вам. Но вы не один будете у него. Челябинская область перегружена эвакуированными предприятиями. Словом, считайте себя на фронте,

находите решение сложных вопросов сами. В Сталинграде, как мы тут знаем, вы умели это делать. Но во всех случаях сталь должна быть в 1943 году.

В феврале — апреле 1942 года на место будущей стройки прибыла основная часть коллектива бывшей 5-й саперной армии. Это были высококвалифицированные кадры инже-

неров и техников, строителей и монтажников, люди, хорошо узнавшие, почему фонт лиха на строительстве оборонительных рубежей. С удовлетворением всматривался Александр Николаевич в их лица, обветренные, решительные, а многие и знакомые. С ними он готов был возглавить любую стройку, такие не подведут.

Будни строительства

Приказ по Управлению Строительства Бакалстроя НКВД СССР

№248

18 мая 1942г.

Содержание: О задержании и предании суду трудмобилизованных, бежавших с производства.

В мае месяце 1942 года, с целью уклонения от выполнения трудовой повинности, со строительства совершили побег следующие трудмобилизованные:

Крафт Эдуард Генрихович, Рейхерт Александр Федорович, Геккер Иван Иванович, Дебус Яков Андреевич, Шпотгауф Яков Давидович, Мессершмидт Эвальд Адольфович, Роппе Александр Готфридович, Швебе Эмануил Яковлевич.

Принятыми мерами розыска перечисленные выше дезертиры задержаны и арестованы по месту жительства в Северо-Казахстанской области.

Крафт Эдуард Генрихович и Рейхерт Александр Федорович областным судом осуждены по 10 лет лишения свободы осуждены по 10 лет лишения свободы каждый, остальные находятся под судом.

Приказываю:

Всем начальникам стройотрядов и колонн объявить о задержании и аресте дезертиров и решении суда.

Объявить всему личному составу по отрядам, колоннам и бригадам, что за попытку к побегу и дезертирство виновные будут предаваться суду по законам военного времени.

Начальник Управления Строительства БМК НКВД СССР
Бригинженер Комаровский

Но если трудности закаляли людей, сделали их стойкими, упорными, то этого нельзя было сказать о технике — ее тяжелые испытания, как известно, укрепить не могут. Комаровский только сокрушенно покачивал головой, осматривая прибывавшие вместе с людьми изношенные машины, выдавшие виды, обшарпанные, с вмятинами строительные механизмы. «И всем этим работать будем, — несколько подавленно отмечал он про себя. Ничего другого не дадут, об этом ведь прямо сказали в Москве».

Времени на раскочку война не давала. Прибывавшие подразделения строителей сразу же включились в дело. Отсчет времени строительства металлургического завода под Челябинском велся с момента прибытия на место первых небольших подразделений военных строителей из 5-й саперной армии. Позже, 2 августа 1942 года, в соответствии с решением СНК СССР строительство получило новое название: стало называться Челябинский металлургострой и под этим наименованием яркой страницей вошло в летопись героического подвига труженников советского тыла, воинов-строителей в годы Великой Отечественной войны.

Территория будущего завода общей пло-

щадью 1200 гектаров и вся округа на многие километры представляла характерную для Южного Урала лесостепь и была покрыта глубоким слоем снега. «Действительно все нужно начинать с нуля, — сказал Комаровский, осматривая с группой инженеров местность, и, поехившись от пронизывающего холода, добавил:

— Пожалуй, с абсолютного нуля.

Обстановка складывалась очень тяжелой. Сложными были организационные вопросы. Теперь Комаровскому вновь приходилось руководить смешанным коллективом, состоявшим из военнотружеников и гражданских работников. Нужно было организовать управление их деятельностью. Прежняя армейская структура была отменена, новая еще вырабатывалась. Особенно ощущалось отсутствие на строительстве партийно-политического органа. Давили хозяйственные заботы. Задачи со многими неизвестными возникали одна за другой. Где расселять людей? Из чего строить жилища, если кругом снежная пустыня? Где взять питьевую воду, если вода в единственной здесь реке Миасс пригодна только для технических целей?..

...Комаровский не ошибся. Именно тяжелые

условия, трудности, стоящие перед коллективом строителей, сознание того, что даст будущий металлургический завод фронту, оказали на строителей огромное мобилизующее воздействие. «Работать по-фронтовому, преодолевать трудности как на фронте, выполнять задания как боевые» — таков был общий смысл решений собраний строителей.

...Этот случай отложил важный след в сознании Комаровского. Он вспомнил строительство канала Москва — Волга. За короткий срок тогда на строительные площадки были собраны многие тысячи инженеров, техников, рабочих. И нередко невозможно было удовлетворить их насущные нужды. Основная масса строителей канала, особенно в глубинных районах, жила хуже, чем жили инженерно-технические работники и рабочие других строек и предприятий.

Но люди предпочитали эту худшую жизнь, мирились и с бараками, и с отсутствием клубов и парикмахерских, и с перебоями в подвозе продовольствия. Почему? Потому что каждый из них знал, что он делает, понимал значение своего труда, свое место в нем. Именно поэтому так стойки, так инициативны были люди и на строительстве оборонительных рубежей. Там также каждому был ясен смысл и значение его работы. «Политическая сознательность, патриотизм людей, — подытожил свои мысли Комаровский, — это великая сила, если придать ей конкретное содержание. Нужно, чтобы каждый строитель видел непосредственную связь своего труда с большими и важными задачами, стоящими перед всем коллективом».

Будни строительства.

ПРИКАЗ

по управлению Челябинметаллургстроя НКВД СССР за 1942 г.

Содержание: «О результатах суда по саботажникам»

6 декабря 1942 года

№876

г. Челябинск

В октябре-ноябре м-цах с.г. на объектах строительства были установлены факты проявления активного группового и одиночного саботажа на производстве со стороны трудмобилизованных — Проведенным расследованием было выявлено и арестованно целый ряд лиц, по которым дела были закончены и переданы суду.— Судом вынесены приговора, которые приведены в исполнение —

Растреляны нижеследующие —

Лир Иван Кондратьевич

Визнер Иван Кондратьевич

Горн Егор Егорович

Шпет Вильгельм Андреевич

Низент Яков Кондратьевич

Верфе Иван Иванович

Вебер Вильгельм Васильевич

Ритер Иоганес Кондратьевич

Герцог Яков Яковлевич

Штерц Давид Давидович

Бошман Яков Гергардович

Гольцрихтер Петр Васильевич

25. Даль Абрам Генрихович

13. Вейнгард Фридрих Фридрихович

14. Штобе Абрам Петрович

15. Герцен А.М.

16. Унру Андрей Яковлевич

17. Унру Василий Яковлевич

18. Берг Петр Антонович

19. Гилль Лев Александрович

20. Ведлер Мартын Иосифович

21. Клейн Андрей Николаевич

22. Вахнер Федор Андреевич

23. Ветц Иван Эдуардович

24. Остердах Егор Егорович

Всем начальникам стройотрядов настоящий приказ объявить всему личному составу колонн и бригад.

Начальник Управления Челябинметаллургстроя НКВД СССР
Полковник (подпись) /Комаровский/

В дальнейшем как на Челябинметаллургстрое, так и на других стройках отличительной чертой деятельности Комаровского как руководителя было стремление довести до сознания каждого работника конкретное значение его труда, добиться, чтобы все и каждый четко знали свое место и роль в общем деле. «Этим многое определяется, — говорил он руководителям строительных районов, участков и различных служб,— и дисциплина, и трудовое рвенье, и инициатива в работе»...

...Мобилизовывать людей на выполнение стоящих перед ними задач оказалось легче, чем решать, как выполнять эти задачи. Как бы воодушевлены и сознательны ни были люди,

они не могли просто прийти в занесенную снегом степь и начать строить. Где-то надо и жить, нужна не только пища, но и прежде всего вода, которой вообще не было, наконец, нужно было иметь, чем и из чего строить.

Обстоятельно изучив обстановку, Комаровский и его помощники пришли к выводу, что начинать строительство с сооружения самого завода нельзя. Было решено первоочередной задачей считать (и на ее решение направить все силы) обеспечение строителей жильем, сооружение дорог и линий электропередачи, создание подсобной строительной базы. Только после этого можно было приступить к сооружению самого завода...

Будни строительства

ПРИКАЗ

по Управлению Строительства Бакалстроя НКВД СССР

18 мая 1942г.

№ 431

гор. Челябинск

СОДЕРЖАНИЕ: «О результатах суда над саботажниками, дезертирами и другими преступниками»

В мае и июне месяцах 1942 года некоторые трудмобилизованные, с целью уклонения от выполнения трудовой обязанности, проводили организованный саботаж и дезертировали с мест производства работ со строительства Бакальского комбината и кроме того, занимались другими видами преступлениями.

Суд рассмотрев дела указанных трудмобилизованных - приговорило:

а/ К высшей мере наказания – расстрелу:

1. Шнайдера Владимира Яковлевича	7. Пфляум Христиан Христианович
2. Юнглы Христана Христиановича	8. Кноль Григорий Иванович
3. Шнейдера Готлиба Генриховича	9. Пауль Лео Яковлевич
4. Дик Андрей Андреевич	10. Шеленберг Корней Гергардович
5. Леопольд Александр Иванов.	11. Фризен Николай Мартынович
6. Винс Николай Генрихович	12. Дош Леонид Рудольфович
13. Гауз Анатолий Михайлович	
14. Аман Иван Андреевич	
15. Боксбергер Фридрих Фридрихович	

б/ К 10 годам тюремного заключения:

1. Шнейдер Генрих Яковлевич	7. Фик Александр Яковлевич
2. Рутковского Яков Сергеевича	8. Штоля Ивана Ивановича
3. Гемерик Иософ Казимирович	9. Шлюссер Михаил Христианович
4. Кауц Зунат Фридрихович	10. Красных Андрей Андреевича
5. Ланге Эдуард Бениаминович	11. Валентин Александр Генрих.
6. Миллер Яков Яковлевич	12. Шнора Фридрих Карлович

в/ К 5-6 годам тюремного заключения:

1. Миллер Яков Яковлевич	7. Альберх Федор Давидович
2. Виль Карл Андреевич	8. Зальцман Иван Горимович
3. Гафнер Роберт Эдуардович	9. Дик Александр Генрихович
4. Штрик Александр Иванович	10. Ортман Иосиф Гаспарович
5. Зарецкого Андрей петровича	11. Домме Степан Егорович
6. Беккер Петр Андреевича	12. Вольфертес Геннадий Иванович
13. Гисс Виктора Яковлевича.	

Всем начальникам стройотрядов настоящий приказ объявить всему личному составу отрядов, колонн, бригад.

Начальник Управления Бакалстроя НКВД СССР
Бригинженер Комаровский

По указанию обкома партии облисполком выжимал все, что мог. Строителями и их семьями были уплотнены многие квартиры в Челябинске, все дома в расположенных не-вдалеке от будущего строительства поселках Першино, Казанцево, на хуторе Миасс. В распоряжение управления строительства облисполком передал пустовавшее здание дома отдыха «Каштук». С Соликамского домостроительного комбината стали поступать сборные двухэтажные дома и компактные общежития. Их монтировали, работая круглосуточно, в три смены. Семейных кое-как удалось поселить.

Нужно было срочно обеспечить жильем располагавшиеся в палатках подразделения военных строителей и трудармейцев — военнообязанных, которых по разным причинам (Каким? – **А.Н.**) военкоматы не призывали в действующую армию и направляли на трудовой фронт. В марте на строительстве было уже 30 тысяч рабочих

Строительство их было объявлено ударным

делом. Сотни людей дни и ночи плели щиты, сооружали полуземлянки, оборудовали их крышами и печками. В таких же полуземлянках и щитовых казармах размещались штабы подразделений, столовые, медпункты, бани, прачечные. К концу 1942 года было построено 12 рабочих поселков общей площадью 40 тысяч квадратных метров.

Изыскивавший возможность чаще бывать на стройке, Патоличев, видя, как вырастает огромный земляночный город, не переставал удивляться:

— Сюда бы кинооператоров. Ведь потом не поверят, что так вот работали и жили.

Пусть это будут наши «невидимые миру слезы»,— сказал как-то Комаровский.

— А кинооператоров пригласим снимать завод, когда его построим. Там тоже будет чему удивляться. Во всей Европе нет такого.

— А успеете?

— Тогда зачем все это, все муки этих людей? С такими все построим! Ни одной жалобы за

все время. А ведь и голодные бывают. С подвозом то продуктов туго. Да и скучно порой.

Да, по-боевому, строго, по-фронтовому упорно строители превозмогали и злые зимние вьюги, и свирепый холод, и другие невероятные трудности.

— Теперь легче будет? — спросил Комаровского Патоличев, довольный успехами строителей.

— Самое трудное только начинается, — ответил Комаровский. — Как представишь, что и в какие сроки нужно построить, — голова кружится.

Что же относилось к первой очереди завода? Это прежде всего электроплавильный цех из пяти печей, производительностью по 30 тысяч тонн стали в год каждая, и почти полукилометровый прокатный цех. По мощности в то время не было в Европе таких цехов. В первую очередь строительства завода входило также сооружение чугунолитейного, кузнечного, ремонтно-механического и деревообделочного цехов, завода огнеупоров. Необходимо было также построить плотину на реке Миасс с береговой насосной станцией, центральную компрессорную, ряд других объектов и все

магистральные коммуникации. Одновременно закладывался город металлургов с таким расчетом, чтобы в год сдавать по 20-25 тысяч квадратных метров жилья...

В дальнейшем как на Челябинском металлургском, так и на других стройках отличительной чертой деятельности Комаровского как руководителя было стремление довести до сознания каждого работника конкретное значение его труда, добиться, чтобы все и каждый четко знали свое место и роль в общем деле. «Этим многое определяется, — говорил он руководителям строительных районов, участков и различных служб, — и дисциплина, и трудовое рвение, и инициатива в работе»...

...Мобилизовать людей на выполнение стоящих перед ними задач оказалось легче, чем решать, как выполнять эти задачи. Как бы воодушевлены и сознательны ни были люди, они не могли просто прийти в занесенную снегом степь и начать строить.

Где-то надо и жить, нужна не только пища, но и прежде всего вода, которой вообще не было, наконец, нужно было иметь, чем и из чего строить.

Будни строительства.

ПРИКАЗ

по управлению Челябинского металлургского НКВД СССР за 1942 г.

Содержание: «О результатах суда по саботажникам»

6 декабря 1942 года

№876

г. Челябинск

В октябре-ноябре м-цах с. г. на объектах строительства были установлены факты проявления активного группового и одиночного саботажа на производстве со стороны трудмобилизованных - Проведенным расследованием было выявлено и арестовано целый ряд лиц, по которым дела были закончены и переданы суду.-

Судом вынесены приговора, которые приведены в исполнение -

Растреляны нижеследующие -

1. Лир Иван Кондратьевич	13. Вейнгард Фридрих Фридрихович
2. Визнер Иван Кондратьевич	14. Штобе Абрам Петрович
3. Горн Егор Егорович	15. Герцен А.М.
4. Шпет Вильгельм Андреевич	16. Унру Андрей Яковлевич
5. Низент Яков Кондратьевич	17. Унру Василий Яковлевич
6. Верфе Иван Иванович	18. Берг Петр Антонович
7. Вебер Вильгельм Васильевич	19. Гилль Лев Александрович
8. Ритер Иоганес Кондратьевич	20. Ведлер Мартын Иосифович
9. Герцог Яков Яковлевич	21. Клейн Андрей Николаевич
10. Штерц Давид Давидович	22. Вахнер Федор Андреевич
11. Бошман Яков Гергардович	23. Бетц Иван Эдуардович
12. Гольцрихтер Петр Васильевич	24. Остердах Егор Егорович
25. Даль Абрам Генрихович	

Всем начальникам стройотрядов настоящий приказ объявить всему личному составу колонн и бригад.

Начальник Управления Челябинского металлургского НКВД СССР
Полковник (подпись) /Комаровский/

...Комаровский особенно был обрадован созданием на строительстве политического отдела. Отсутствие специального партийного органа, который обладал бы определенными правами и мог бы целиком сосредоточиться на партийно-политической работе на строительстве, ощущалось с самого начала. Тем более что значительная часть строителей и

многие его участки целиком состояли из военнослужащих...

...Призыв «Давайте помозгуем» нередко раздавался на совещаниях у начальника строительства. И творческая мысль инженеров, возбуждаемая и направляемая Комаровским, подчас давала возможность строительству выходить из сложных ситуаций, наращивать

темпы работ, снижать их стоимость. «Обмозговывались» и возможности удовлетворения личных потребностей строителей. Из производственных отходов изготавливалась мебель различного назначения, металлическая посуда, репродукторы для радиотрансляционной сети. Лаборатория строительства выпускала даже некоторые медикаменты, например стрептоцид. На базе отходов деревообрабатывающей промышленности был построен цех производства гидролизных дрожжей. В определенной дозировке дрожжи добавлялись в супы, что являлось серьезным подспорьем в питании рабочих.

С развешиванием строительно-монтажных работ увеличивалась потребность в квалифицированных кадрах каменщиков, плотников, арматурщиков, слесарей. Большинство же прибывавших на стройку трудармейцев не имело строительных квалификаций. «Учиться в ходе работы» — этот принцип, оправдавший себя на строительстве сталинградских оборонительных рубежей, лег в основу и подготовки кадров массовых профессий.

Широкий размах получило бригадное ученичество, прикрепление опытных рабочих к молодым. В итоге, строительство всегда располагало необходимыми кадрами рабочих — строителей разных квалификаций.

Важнейшее значение придавал Комаровский контролю за работой всех звеньев строительства. И раньше и в дальнейшем это был один из основных методов его руководства, один из «секретов» успеха его деятельности. «Как организовать контроль исполнения?» — к ответу на этот вопрос начальника управления Челябинского металлургического завода должен был быть всегда готов каждый руководитель строительно-монтажных работ или подсобного предприятия. Способность организовать контроль рассматривалась Комаровским как один из важнейших показателей при оценке деловых качеств инженерно-технических работников...

...Благодаря особой инспекции Комаровский добивался своевременного и четкого выполнения своих приказов и распоряжений, всегда в деталях был осведомлен о ходе выполнения планов и соблюдении графика работ, знал, чем занимаются и как живут все подразделения строительства. Он своевременно узнавал о всех неполадках и недочетах, мог принять оперативные меры по их устранению и предупредению. Деятельность особой инспекции была важна и для воспитания ответственности командиров производства. Каждый знал, что положение и ход дел на вверенном ему участке находится под неусыпным контролем, что любое его упущение сразу же подвергнется всестороннему анализу и немедленно станет известно начальнику управления строительством. Характеризуя роль особой инспекции, Комаровский впоследствии писал, что «была она весьма эффективна и способствовала правильному и своевременному сооружению большинства объектов»...

— Мы добиваемся подлинной действитель-

ности соревнования, — ответил Комаровский. — Стараемся, чтобы оно помогало выявлять и устранять недостатки и их причины. Ведь в невыполнении плана тем или иным объектом повинны разные люди и обстоятельства. Иногда флаг спускается не по вине соревнующихся. Скажем, не подвезли раствор или металлоконструкции оказались некомплектными. Иногда при рассмотрении причин спуска флага столько узких мест обнаруживается, что приходится многое перетрясать. Это один плюс. Второй вытекает из первого: за каждый поднятый или снятый флаг несут ответственность не только те, кто работает на данном объекте, а и те, кто обеспечивает их работу, вплоть до начальника управления строительством. И третий плюс: соревнующиеся понимают, что соревнование — не формальность и малейшая их нерадивость сразу же отзовется по всей цепи, сразу же становится известна мне и политотделу. Красные вымпелы установлены и для бригад, выполняющих нормы свыше 125 процентов. Тут тот же порядок: вымпел снят, сразу же звонок в управление строительством и в политотдел. Так что удерживать вымпел не легче, чем его завоевать...

Количество переходит в качество. Пришло время, и этот непреложный жизненный закон, казалось, сразу изменил весь облик стройки. Ровно через девять месяцев после выгрузки первого эшелона военных строителей — 7 февраля 1943 года коллектив Челябинского металлургического завода рапортовал Государственному Комитету Обороны о завершении строительства и сдаче в эксплуатацию первой очереди металлургического гиганта. Даже в мирное время «на всем готовом» столь грандиозные работы в такой короткий срок не производились. Рапорт был опубликован в центральной печати. О замечательном свершении строителей узнала вся страна...

19 апреля после отладки оборудования и опытных плавов электроплавильный цех выдал первую эксплуатационную плавку. Производство качественных сталей для военной промышленности на гиганте металлургии — Челябинском металлургическом заводе началось. И вскоре отгрузка металла на танковые и другие предприятия оборонной промышленности стала делом обычным. Но отправка первых эшелонов была волнующим для всех строителей событием. «И сейчас встает комок в горле, — писал после войны Александр Николаевич, — когда вспоминаешь дни отгрузки первых эшелонов нашей челябинской стали на танковый завод, митинги в цехах, полные горячего патриотизма речи рабочих и инженеров, принятие новых обязательств».

Создание первой очереди такого предприятия, как Челябинский металлургический завод, и по современным масштабам — дело крупное. Нынешний молодой инженер-строитель, представив себе объемы строительства, изумится, узнав, что оно было осуществлено всего лишь за 9 месяцев! Что он почувствует, что передумает, если ему сказать, что такая крупная

стройка, сработанная столь поразительными темпами, имела всего 480 почти износившихся грузовых автомашин, 32 паровоза и 300 вагонов, 15 экскаваторов общей емкостью около

14 кубических метров, 27 бетономешалок, 13 камнедробилок! Поверит ли он в такую, с позволения сказать, механизацию?

Будни строительства

ПРИКАЗ

по управлению строительства Бакалстроя НКВД СССР

№ 247

18 мая 1942 г.

Содержание: О предании суду за саботаж трудмобилизованных Кремера, Шенке и др.

За систематическое уклонение от выполнения работ на производстве арестованы и судом проговорены:

Кремер Готлиб Готлибович — к высшей мере наказания — расстрелу.

Шенке Иван Иванович — к 10 годам лишения свободы.

Видовский Ренгольд Иванович — к 8 годам лишения свободы.

Шиц Яков Александрович — к 5 годам лишения свободы.

Жин Корн Эмануилович — к 5 годам лишения свободы.

Всем начальникам стройотрядов объявить о результатах суда всему личному составу колонн и предупредить, что от уклонения от работы и выявления саботажа виновные и в дальнейшем будут преданы суду.

**Начальник Управления Строительства БМК НКВД СССР
Бригинженер Комаровский**

И когда поверит, поймет: здесь в годы Великой Отечественной войны был совершен массовый подвиг строителей, охваченных неодолимым стремлением сделать все возможное и невозможное для победы.

Так это понималось и тогда, в суровые годы войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1943 года большая группа работников (! — А.Н.) Челябинсталлургстроя была награждена орденами и медалями Родины. Этим же указом был удостоен ордена Ленина и Александр Николаевич Комаровский.

Коллектив Челябинсталлургстроя отдавал делу победы не только свои силы, весь свой труд. В феврале 1943 года строители сдали в фонд обороны более 5 миллионов рублей, за что получили благодарность Председателя ГКО И. В. Сталина. В этом же месяце они торжественно проводили на фронт подготовленный на строительстве из молодых рабочих лыжный батальон численностью 1750 человек.

С осени 1943 года начали сооружать вторую очередь завода и ряд вспомогательных предприятий. Работали соревнуясь: металлурги старались дать больше металла, строители досрочно сооружали объекты. Успехи и неудачи переживали вместе. Общей была радость металлургов, когда 12 ноября 1943 года на завод пришла телеграмма заместителя Председателя СНК СССР В. А. Малышева. В телеграмме говорилось:

«Коллектив Челябинского металлургического завода перевыполнил в октябре задание Государственного Комитета Обороны по поставке металла заводам танковой промышленности, чем обеспечил выполнение плана по производству танков и танковых моторов.

Надеюсь, что коллектив вашего завода и впредь будет обеспечивать металлом производство танков, столь необходимых в настоящее время нашей Родине для окончательного разгрома врага».

Общей была и радость, когда строители досрочно сдали в эксплуатацию ТЭЦ мощностью 25 тысяч киловатт, за что были удостоены благодарности Государственного Комитета Обороны, соорудили две доменные печи, объемом 930 кубических метров каждая, ввели в строй коксовую батарею, что также было отмечено благодарностью ГКО.

Ввод в действие в самый разгар Отечественной войны первой очереди Челябинского металлургического завода помог стране получить значительные ресурсы качественных сталей. Так создавалось превосходство СССР над фашистской Германией в производстве военной техники...

Грустно было Александру Николаевичу расставаться со ставшей ему родной стройкой. Но это уже область личных чувств. Да и чувства противоречили сами себе: «Кому же, как не Челябинсталлургстрою, поручить новое большое дело! — с гордостью думал Комаровский.— Производственный аппарат развит и сложен, стройка укомплектована высококвалифицированными кадрами. Все это, конечно, взвесили и учли в ЦК ВКП(б)»...

В конце своей жизни Александр Николаевич Комаровский писал:

«Если бы собрать всего лишь по несколько кадров от каждой крупной стройки в нашей стране, то получился бы увлекательный многосерийный фильм. О месте строителя в нашей стране, о том, как буквально на голом месте — в пустыне, в тундре или в тайге — по воле человека возникает жизнь, поднимаются корпуса предприятий, растут новые города...»

Абстрактные строители, места захоронения многих неизвестны их имена скрыты в архивах. Они не получили благодарности от генерала. Он работал по принципу: цель оправдывает средства. Ценность жизнь при таком подходе минимальна. Цинизм ситуации в том, что подвиг строителей-трудармейцев до сих пор

официально не признан. Зато заслуги А. Комаровского превозносятся до небес. Совсем недавно даже учредили медаль «Генерал армии Комаровский» — ведомственная медаль, Министерства обороны Российской Федерации учреждённая приказом Министра обороны Российской Федерации № 175 от 2 мая 2006 года.

«Согласно Положению, медалью «Генерал армии Комаровский» награждаются:

- военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, за безупречную службу в Службе расквартирования и обустройства Министерства обороны Российской Федерации, воинских частях и организациях расквартирования и обустройства войск в течение 10 лет и более в календарном исчислении;

- военнослужащие, проходящие военную службу в Службе расквартирования и обустройства, воинских частях и организациях расквартирования и обустройства войск, за

мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга и специальных задач;

- лица гражданского персонала, Вооружённых сил проработавшие в Службе расквартирования и обустройства, воинских частях и организациях расквартирования и обустройства войск 15 лет и более в календарном исчислении, ветераны военной службы за большой личный вклад в развитие военно-строительного комплекса, организацию расквартирования и обустройства войск, а также другие лица, оказывающие содействие в решении задач, возложенных на Службу расквартирования и обустройства, воинские части и организации расквартирования и обустройства войск.

Награждение медалью производится приказом начальника. Службы расквартирования и обустройства Министерства обороны Российской Федерации. Повторное награждение не производится».

Дело и дух прошлого не выветривается.

Из положения о питании трудмобилизованных и заключенных Челябинского НКВД СССР

Беременным женщинам-заключенным (3 месяца до родов) и кормящим грудью матерям (4 месяца после родов) по представлению соответствующей справки начвоенчасти (врача) в ЧОС выдается дополнительно к полученному питанию в месяц: жиров животных - 800 г, сахара - 600 г, крупы - 1200 г, молока - 1 л.

По истечении льготных сроков, также в случае смерти ребенка, выдача дополнительного питания прекращается, и довольствие производится на общих основаниях...

Приготовление пищи для беременных и кормящих грудью женщин производится на кухнях стационаров.

Питание детей ясельного возраста до 4-х лет производится по нормам, указанным в положении, и выдается через ясли (при наличии их) или в руки матерям в сухом виде...

Начальник отдела общего снабжения Челябинского НКВД СССР В. Михайлов»

Женское лицо Победы (100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945)/ Гл. ред. А.П. Финадеев, отв. сост. Е.П.Турова. - Члб:Книга, 2001. - С. 153

Совершенно секретно

Постановление Государственного комитета обороны от 10 января 1942 года № ГКО - 1123 ее.

Москва, Кремль. О порядке использования немцев — переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет. В целях рационального использования немцев — переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, Казахскую ССР мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны, передав из этого числа: а) НКВД СССР — на лесозаготовки — 45 тысяч человек; НКВД СССР — на строительство Бакальского и Богословского заводов — 35 тысяч человек. б) НКПС СССР — на строительство железных дорог Сталинск-Абакан, Сталинск-Барнаул, Акмолинск-Карталы, Акмолинск-Павлодар, Сосье-Алапаевск, Орск-Канда Гог, Магнитогорск-Сора — 40 тысяч человек. Проведение мобилизации возложить на НКО (тов. Щаденко) совместно с НКВД НКПС. К мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года.

2. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия.

3. Обязать НКПС и Управления Военных Сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев в течение января с доставкой к месту работы не позже 10 февраля.

4. Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину, обеспечив высокую производительность труда и выполнение производственных норм.

5. Поручить НКВД СССР дела в отношении не явившихся по мобилизации немцев на призывные пункты или на сборные пункты для отправки, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн, рассматривать на особом совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания.

6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР. Обязать Наркомторг СССР выделять НКВД СССР и НКПС СССР на всю численность мобилизованных немцев продовольственные и промтоварные фонды по этим нормам полностью.

7. Наркомзему СССР выделить в течение января-февраля месяца для НКВД СССР на лесоразработки 3500 лошадей. Наркомзагу СССР выделить на 3500 лошадей дополнительные фонды фуража.

8. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обзаведению.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

БАКАЛЛАГ (ЧЕЛЯБЛАГ)

Лагерь строителей Бакальского (Чел.) металлург. з-да (см. Челябинметаллургстрой). Находился в подчинении Управления особого стр-ва НКВД и ГУЛАГа. Существовал с нояб. 1941 по май 1947. Осн. рабочая сила Б. – заключенные, рабочие колонны, строит. батальоны и отряды, укомплектованные представителями разных национальностей, преим. немцами. (см. Трудмобилизованные немцы). В кон. 1943 стали прибывать военнопленные немцы, затем интернированные граждане Германии и др. европ. стран. На 1 февр. 1944 трудмобилизованные немцы составляли 59,8 % всего лагерного контингента (20 696 чел.). 13 авг. 1942 Б. был переименован «Челябметаллургстрой» (Челяблаг). Б. сформирован по образцу крупных лагерей НКВД, входивших в систему ГУЛАГа. Здесь функционировали оперативно-чекистский отдел, учетно-распределит. часть, культ.-воспитат. часть, отдел кадров и ВОХР, укомплектованные кадровыми сотрудниками НКВД. Весь контингент Б. был разделен на 4 лагучастка, укомплектованных заключенными, и 16 стройотрядов (трудармейцев). Числ. мобилизованных в стройотряды колебалась от 1 тыс. до 7 тыс. чел. Крупные стройотряды состояли из колонн по 1023 чел., к-рые делились на бригады по специальностям (10–25 чел.). Рук-во осуществляло Управление лагеря при Б. Осн. стройплощадка представляла собой лагерь,

раздел. на зоны по кол-ву строящихся объектов: Жилстрой (стройотряд № 1); Тэцстрой (стройотряд № 3), Доменстрой (лагучасток № 1 – стройотряды № 15, 16), Кам. карьер (лагучасток № 2), Ремзаводстрой (стройотряд № 13), Предзавстрой, Огнеупорстрой. Кроме осн. стройплощадки Б. имел вспомогат. объекты на терр. области: лесозаготовит. участки, шахты в Коркино и Копейске, Тургорское рудоуправление, агломерационную ф-ку, подсобные х-ва и др. Каждый из объектов был организован по типу отд. лагпункта, огорожен колючей проволокой, ограничен контрольно-следовой полосой с наблюдат. вышками. Охрану несли 7 дивизионов ВОХР, включавшие от 2 до 5 взводов. В основе производств. деят-ти лежала гулаговская система принудит. труда: строгая дисциплина, поддерживаемая карат. мерами; дифференцированное питание, организованное по нормам ГУЛАГа и полностью зависящее от выполнения производств. заданий; выплата заработной платы при условии выполнения плана, хорошей дисциплины и вычетов за питание, коммун.-бытовые услуги и госзаймы; изнурит. 10–11-ч рабочий день. В 1947 Б. был ликвидирован, а трудармейцы переведены на режим спецпоселения, к-рый сохранялся до 1956.

(Энциклопедия «Челябинск»)

Леонид Трус

РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ: КЛЕТОЧКА СИСТЕМЫ

После лагеря мне довелось несколько лет проработать на Челябинском металлургическом заводе. Работники завода, гордившиеся его особостью - он входил в систему Главспецстали, — любили рассказывать новичкам, что

он строился во время войны, что его строительству придавалось такое значение, что на него перебросили саперную армию из-под Сталинграда — в декабре 1942 года!

В то же время на заводе и в заводском по-

селке - он тогда уже был Metallургическим районом Челябинска - было много немцев, бывших спецпоселенцев, которые строили этот завод, будучи то ли заключенными, то ли стройбатовцами. Во всяком случае здесь был лагерь. В единую картину все это не укладывалось....

Запомнился рассказ нашей лабораторной уборщицы. Она во время войны жила в белорусской деревне, была связана с партизанами. Кто-то донес на нее немцам, ее арестовали, пытали (ломали пальцы, зажимая их тумбочной дверцей), но она - даром, что совсем девчонка была - никого не выдала. Так ничего от нее не добившись, отправили в Майданек. Там она сотрудничала с антифашистским подпольем, заслужила уважение союзниц. По освобождению была отправлена на поправку в санаторий Чебаркуль близ Челябинска, а выйдя из него, не захотела возвращаться в родную деревню: ей написали, что выдавший ее немцам человек спокойно здравствует и в фаворе у власти. Устроилась на ЧМЗ, вышла замуж за спецпоселенца, после чего ее вызвал спецкомендат и потребовал, чтобы она встала на учет как спецпоселенка. Видимо, тот, как сейчас говорят, пытался выйти за пределы правового поля. По крайней мере, после того, как женщина швырнула ему в лоб чернильницу, он отстал от нее. Но нельзя и отказать ему в наличии своего рода логики - логики кастовой системы: выйдя замуж за парию, женщина должна автоматически стать парией тоже. Иначе кем потом прикажете считать детей от этого брака? Вот ведь и мужее попал в спецпоселенцы тоже по некоей высшей логике, и только на первый взгляд - по недоразумению, Он бессарабский еврей, для которого Советский Союз стал родиной только в 1939 году - после того, как Бессарабия по пакту Молотова - Риббентропа стала советской, русского языка не знал совершенно, а фамилия у него была Фогель. И

вот с таким русским языком и с такой скорее немецкой чем еврейской фамилией он стал воином непобедимой Красной Армии, которую ее Верховный Главнокомандующий решил для еще большей непобедимости очистить от пусть и советских, но немцев и прочих инородцев.

Его и отправили на Урал вместе с немцами, превратившимися в одночасье из доблестных воинов в подозрительных «трудмобилизованных». На все его уверения, что он не немец, никто не реагировал ввиду двусмысленности ситуации: формально-то считалось, что причина отзыва из действующей армии такой массы боеспособных людей вовсе не национальность (боже упаси вас так подумать про наше государство - оплот пролетарского интернационализма!), а некие высшие соображения. Так и остался Фогель немцем, о еврействе которого вспомнили, кажется только в 1952 году, когда с особой силой проявились чудесные свойства замечательного сплава советского интернационализма с советским же антисемитизмом. По счастью, будучи рядовым слесарем, он не был обвинен в сионистском вредительстве, даже после того, как один из заслуженных сталеваров ЧМЗ, Герой Социалистического Труда, выступая на очередной пятиминутке ненависти, заявил, что если с его глаз уберут «этих жидов», то он удвоит выплавку стали с каждого квадратного метра вверенных ему печей.

Где можно было дознаться правды в то время? Да еще и человеку, самому только что выбравшемуся с островов известного архипелага.

Но после славной победы нашей великой демократии я выхлопотал командировку в Челябинск и попытался это сделать. И то, что мне удалось узнать, имеет, на мой взгляд, значение, выходящее за рамки частного сюжета о строительстве Челябинского металлургического завода.

Начало

Началом строительства ЧМЗ можно считать 17 июля 1940 г. В этот день СНК СССР принял постановление о строительстве Бакальского Metallургического завода - так первоначально был назван будущий Челябинский Metallургический. В Челябинском областном архиве нет документов, предшествовавших этому постановлению. Когда они будут разысканы, станет, может быть, ясно, на какую рабочую силу было рассчитано это строительство. Возможно, что вначале имелся в виду обычный для того времени «оргнабор», вербовка рабочей силы. Плюс, перевод рабочих с других строек. Во всяком случае, в постановлении СНК № 1568 «О строительстве Бакальского Metallургического завода», принятом почти 11 месяцев спустя - 12 июня 1941 г., записано: «17. Обязать СНК Башкирской АССР (т. Ваганова) и Кировский Облисполком (т. Иволгина) в течение июня - июля 1941 г. направить на строительство БМС по тысяче рабочих» Но уже

с 9 января 1941 г. строительно-монтажное управление (СМУ) Бакалметаллургстрой оказалось в ведении Главпромстроя НКВД СССР, что, конечно же, означало ориентацию на «спецконтингент». Хотя, в Уставе СМУ БМС, утвержденном заместителем наркома строительства П.А.Юдиным 11 января 1941, написано: « 4. Строительное управление является самостоятельной хозяйственной организацией, действующей на началах полного хозяйственного расчета» И ни слова о спецконтингенте.

Впрочем, заботы М.А.Шильдкрота, назначенного в конце 1940 г. начальником только что созданного СМУ, пока вовсе не о рабочей силе, а о ее будущем пропитании. 18 апреля 1941 г. он пишет Юдину: « Чтобы не допустить падежа скота прошу Вашего разрешения на расходование 30 тонн сена и 8 тонн овса из имеющегося на строительстве для нашего подсобного хозяйства»

Ориентация на спецконтингент естественным

образом сочетается с социалистическими перспективами. Так, свой протест против решения Сосновского райисполкома о чрезмерном отводе земель сельхозартели «Красный Бор» Шильдкрот мотивирует не только тем, что «это не даст возможности разместить сооружения Metallургического завода», но и «закрывает возможность развития Соцгорода». Под Соцгородом подразумевался всего лишь заводской поселок - то была не только приверженность нормам тогдашнего новояза, люди, и вправду верили, что, коль скоро поселок не складывается стихийно, а проектируется каким-нибудь Гражданпроектом, то он будет воплощением Города-солнца, одним словом - Соцгород... Как бы то ни было, Сосновский райсовет удовлетворяет запрос Бакалметаллургстроя.

Правда, земельный вопрос возник не на пустом месте и решился не одними лишь протестами Шильдрота. Из письма последнего заместителю председателя СНК СССР Н.А.Булганину от 3 марта мы узнаем, что «все еще ...отсутствует утвержденное проектное задание, равно как и переутверждение площадки завода... не передали до сего времени техническую документацию даже на первоочередные мероприятия по строитель-

ству: подсобных предприятий, подъездных путей и др. Наркомчермет до сего времени не добился в СНК СССР возвращения 12700 кв.м. жилой площади - занятой Челябинской школой Наркомзема СССР... стройка до сего времени не имеет ни транспортных средств, ни строймашин и оборудования...»

Впрочем, все это - обычная неразбериха, сопутствующая любой стройке в условиях, как тогда было принято выражаться, «социализма, победившего по всему фронту». Обычные «трудности». Не в них главное. Главное то, что стройка разворачивается. Вот-вот прибудет квалифицированная рабочая сила. Приказ № 52 от 6 мая требует для ожидаемых в конце мая выпускников школ ФЗО: «а) подготовить общежитие на 530 человек ... б) полностью обставить общежитие кроватями, постельными принадлежностями, мебелью, приводя общежитие в культурный вид. Комната на 4-х рабочих должна иметь: тумбочек - 2, столов - 1, тубареток - 4, урну-плевательницу - 1, на окнах шторы - цветы, в коридорах - простые дорожки. (Свидетельствую: до подобного уровня комфорта рабочие общежития ЧМЗ поднялись лишь к концу 50-х. Правда, к этому времени «тубаретки» уступили место стульям).

Метамарфозы

Мы не располагаем документами, показывающими, как было воспринято Бакалстроем начало войны. Но уже на следующий день, 23 июня, признавая «недовыполнение производственных программ», причина чего усматривается в «недообеспеченности нашего строительства рабочей силой», приказ № 83 переводит на сверхурочную работу (по 2 часа ежедневно) почти всех работников БМС (за исключением, пока 2-й смены). Разумеется, сверхурочные - не выход, но и слова о «недообеспеченности рабочей силой» - не дежурная ссылка на «объективные трудности». Для развертывания стройки нужна «рабсила», т.е., имея в виду принадлежность треста наркомату внутренних дел, «спецконтингент».

Правда, перспективы строительства сомнительны: уж очень круто развертываются перипетии войны. Но в августе 1941 года сомнений уже не было: стройка будет не просто продолжаться, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16.08.41 она включена «в состав ударныхстроек». Это, разумеется, означало особый спрос за особо жесткие сроки. Недаром уже 18 августа 18 рабочих, «самовольно сбежавших с производства», отдаются под суд «для привлечения ... по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.40». Что имелось в виду под «самовольным побегом», мы никогда не узнаем, но достоверно известно, что суд в подобных случаях никого не распускал, а просто «оформлял» обвиняемому заключение в ИТЛ сроком на 5 лет

В качестве рабочей силы в это время использовались стройбаты. «Спецконтингент»

та» еще нет. Судя по фамилиям командиров взводов (Черный, Давыдов, Шевелев - какое это имеет значение будет видно из дальнейшего), стройбаты укомплектованы обыкновенными красноармейцами, надо полагать, нестроевыми. Во всяком случае, в приказах по Стройуправлению они именуется рабочими-красноармейцами или бойцами. Кормежка, правда, явно «оставляет желать»: завтрак заканчивается в 7 утра, ужин - в 21 час. Рабочий день устанавливается продолжительностью 11 часов, выходные дни систематически отменяются. Неудивительно, что такие порядки нравятся не всем. Но попытки выразить свое отношение путем отказа от работы пресекаются недвусмысленно: «голосующих ногами» предают суду по вышеназванному Указу. Увы, жестокость этих мер, по-видимому, не вызывает трудового подъема: 4 ноября Шильдкрот в своем приказе отмечает «совершенно неудовлетворительные результаты по выполнению норм как отдельными взводами..., так и в целом всей стройколонны. Средний процент выполнения норм ... не превышает 70%. Особо плохие результаты по взводам а) 4 взвод 1-го отряда - 33%, б) 3 взвод 3-го отряда - 40,8%, в) 2 взвод 4-го отряда - 51,5%, г) 4 взвод 2-го отряда - 42,5%». Производительность труда, и в самом деле, чудовищная. Причиной тому и «недостаточная требовательность командного состава Стройколонны» и «неорганизованность и недостаточная подготовка рабочих мест со стороны командного состава Бакалметаллургстроя». Судя по организационным мерам, вводимым приказом, на строительстве

отсутствует элементарный порядок в распределении и учете работ. Но одного наведения порядка явно недостаточно, необходимо как-то изменить отношение к труду самих рабочих. По-видимому, действующая система оплаты труда совершенно не увязана с его производительностью, поэтому 3-й параграф приказа предлагает начальнику Стройколонны капитану т. Носову «установить поощрительную систему оплаты труда бойцам и комсоставу..., а также применить карательные меры воздействия к бойцам, не выполняющим нормы, путем регулирования представленными в распоряжение командования ресурсами питания». Речь, по-видимому, идет о наказании невыполнивших норму путем урезания пайка.

Подобные «карательные меры» не вписыва-

ются в армейские уставы, они скорее взяты из арсенала ИТЛ, но никого это не смущает. Правда, одним «регулированием... ресурсами питания» меры по повышению выработки не ограничиваются. С 16 сентября вводятся «дополнительно три сверхурочных часа для всех рабочих, ИТР и служащих».

Но все это уже особого смысла не имеет. Объединенный приказ Наркомстроя и НКВД № 345Н/392Н от 24 ноября 1941 года передает Байкалметаллургстрой в ведение НКВД. С 4 декабря оперативное руководство по строительству Бакальского металлургического завода принимает Особстрой НКВД.

Личинка превратилась во взрослую особь по имени Особстрой БМК (Бакальский металлургический комбинат).

Новый режим

В приказе по Особстрою № 3 от 17 декабря 1941 года впервые звучит лагерная тема: «§1. Организовать на площадке Строительства БМК нижеследующие хозяйства на самостоятельных балансах:... Отдел Общего Снабжения - по обеспечению продовольственным и вещевым довольствием лагерного населения; Контору Торгового Питания - по обеспечению питанием и по снабжению промышленными товарами вольнонаемного персонала строительства. §2.... Лагерный участок № 1 (Начальник т. Толстов) включить в Контору Подсобных Предприятий (КПП - Л.Т.) на правах II звена. Временно, до организации других лагерных участков, обслуживание подсобного и складских хозяйств возложить на лагерный участок КПП с ежедневным акцептом предоставляемой рабсилы потребителями.» (Пояснение для несведущих: на лагерном диалекте советского новояза «на правах II звена» означало весьма скудную - хотя и не самую тощую - «пайку» и заработную плату; «акцепт предоставляемой рабсилы потребителями» объяснить сложнее; речь о расчетах предприятий, использовавших труд заключенных, с лагерем, предоставлявших им этих заключенных: оплата шла по числу поставленных работников, акцептированных т.е. «подтвержденных» предприятием; так конюшня получает оплату за предоставленных ею заказчикам лошадей - по числу голов последних). Иными словами, к 17 декабря на строительстве БМК уже трудились заключенные.

Если передача стройки Особстрою НКВД преследовала цель наведения должного порядка методами, присущими этому ведомству, то приходится признать, что заметных успехов в достижении этой цели документы не фиксируют. В канун нового, 1942 года начальник автобазы получает выговор «за необеспечение автотранспортом перевозки з/к з/к», работающих на строительстве железнодорожной ветки Баландино - Стройплощадка, расположенной в 10 - 12 км от лагеря, «вследствие чего з/к з/к на работу были отправлены пешком порядком». Не дает заметного эффекта и бес-

правность заключенной рабсилы. Хотя рабочий день для з/к установлен 11,5 часов (включая 30-минутный обеденный перерыв), т.е. почти в полтора раза больше 8-часового, дневные нормы по сравнению с 8-часовыми удается повысить всего на 10%.

Между тем эксплуатация «на износ» голодной заключенной рабсилы приводит к столь плачевным результатам, что не склонный к сантиментам Уполномоченный начальника УОС (Управления Особого Строительства) БМК НКВД СССР Финкельштейн приказывает: «В целях улучшения физического состояния лагерного контингента... 1. На первом комендантском участке организовать: а) команду для слабосильных не работающих - на 50 человек, б) команду слабосильных работающих - на 50 человек. 2.... разместить в одном бараке и кормить по 9 и 10 котловому довольствию».

Эти меры подкрепляются приказом № 44 (с грифом: «не подлежит оглашению»): «... в целях предупреждения износа рабочей силы... 1. Ввести утвержденную... номенклатуру работ с распределением их на группы по тяжести... 2. Расстановку рабочей силы по видам работ производить в строгом соответствии с физическим состоянием и категорией трудоспособности каждого заключенного...»

Но на войне - как на войне. Эксплуатация «лагконтингента» подчинена задачам ударного строительства. И в те же дни начальник ОТиЗ (отдел труда и заработной платы) УОС НКВД СССР изобретает «порядок расчета с заключенными», нацеленный, естественно, не на «улучшения физического состояния», а на выжимание пота: «Денежное довольствие начисляется... по результатам работы за весь расчетный период (месяц) только при выполнении норм на 100% и выше (курсив мой - Л.Т.; выделенные слова означают, что при невыполнении норм работа не оплачивается вовсе!) Денежное довольствие состоит из 3-х частей: а) премвознаграждение, выплачиваемое при выполнении норм на 100%, б) сдельная оплата, выплачиваемая за переработку норм свыше

100%, в) прогрессивные доплаты, выплачиваемые за переработку норм свыше 100% по шкале прогрессивной оплаты... Из общей суммы заработка... удерживается стоимость дополнительного хлеба и премблюда по норме № 3 котлового довольствия, а оставшаяся сумма зачисляется на его (заключенного - Л.Т.) лицевой счет (т.е. заработанных им денег ударник, как и все обычные з/к, не увидит до конца срока, если доживет до него - Л.Т.)... Бригадирам доплачивается 25% от средней денежной части заработка... на одного работающего (так называемые «горловые» - Л.Т.) Звеньевой ни в каких случаях доплат не получает».

Каждому, кто хотя бы понаслышке знает о действительных порядках в лагерях, понятно, какой простор для бригадирского произвола предоставляла эта инструкция. Предприятие платит лагерю, а не заключенному, чья рабочая сила в полном противоречии с основным законом социализма (гласящим, что при социализме рабочая сила не является товаром) оказывается товаром, имеющим стоимость. По крайней мере, так написано в цитируемой Инструкции ОТиЗ УОС НКВД СССР. Правда, порядок определения этой стоимости таков, что фактически она равна стоимости труда (во все бессмыслица с точки зрения марксистской трудовой теории стоимости), объем которого определяется по известным нормативам в человеко-днях, потребных, для выполнения данного объема работ («При участии гужсилы, -скрупулезно высчитывает Инструкция, - учитываются и нормы на коне-день»). Предприятие платит лагерю. А как та часть этой оплаты, которая дойдет после всех вычетов до бригады, будет распределена в ней - это дело бригадира, за то он и получает свои 25% «горловых»: кому счетчик нужнее запишет 121 и 151%, кому - и 50% не запишет. В профсоюз не пожалуешься. (Подробнее об этом см. в работе автора «Зеркало реального социализма...»).

Но все эти начальственные придумки относительно стимулирования инициативы заключенных, направленной на повышение степени собственной эксплуатации рассыпаются при столкновении с лагерной стихией и бестолковостью (или недобросовестностью?) управленцев и инженерно-технических работников. Констатация: «... руководящий инженерно-технический персонал... пренебрежительно относится к лагерной рабочей силе, не проявляя заботы об эффективном и рациональном использовании ее... не проверяют обеспеченность работ инструментом, приспособлениями, техническим руководством (речь-то о нулевом цикле строительства, инструменты здесь - кайло, лопата, а приспособления - тачка, и если заключенные вынуждены работать без таких инструментов и приспособлений, то это значит, что они работают голыми руками или не работают вовсе; много ли поможет в таких условиях прогрессивно-премиальная система оплаты труда? - Л.Т.)... составляют заявки на рабсилу без учета возможности обеспечения

ее фронтом работ... наличие многочисленных фактов простоя рабсилы, бесцельные переброски заключенных с работы на работу...» Характерно для системы отношений реального социализма, однако, что, упрекая подчиненных в необоснованных заявках на «рабсилу», которую они не умеют обеспечить работой, само начальство с нетерпением ждет пополнения этой самой «рабсилы». Ждет и готовится: обносит колючей проволокой лагерные участки, обеспечивает наружное освещение их зон, предлагает их начальникам «развернуть среди заключенных трудовое соревнование...», борясь за... досрочное выполнение графика строительства лагерей». И тоже забывает подготовить главное (или колючка - запретка - наружное освещение и есть для начальства главное?) - жилье для ожидаемого пополнения. Потом, правда, спохватываются - появляется приказ: «Оборудовать для прибывающего контингента рабочей силы для размещения 1200 человек 5 жилых землянок и 4 палатки». Это в феврале! Да ведь прибыть должны не только эти 1200. Для остальных строится такое же жилье.

Что же это за спецконтингент, прибытия которого ждут, «развертывая трудовое соревнование»? Документы на этот вопрос прямого ответа не дают, но по косвенным признакам можно судить безошибочно: везут немцев. Во-первых, это назначение начальником оперативного отдела Бакалстроля капитана Госбезопасности Курнак К.С. «с освобождением его от работы в Особом отделе 5-й саперной армии». Известно, что 5-я саперная армия была укомплектована, в основном, как принято выражаться канцелярским высоким штилем, лицами немецкой национальности. И то сказать, уже издан знаменитый, хотя и секретный, Указ ПВС СССР от 28.08.41 г. о ликвидации Республики немцев Поволжья и различных немецких национальных районов депортации в России и Украине и о депортации немцев из мест их многовекового обитания. И не менее известный и столь же секретный приказ самого Сталина об отчислении из действующей армии всех немцев, в каких бы чинах-должностях они ни состояли. И куда же их - тех и других - не на произвол же судьбы! Впрочем, это все соображения общего порядка.

Но никаких сомнений не остается после того, как мы видим, что с февраля 1942 г. в приказах появляются немецкие фамилии. И в положительном контексте: «Рабочий Рау Фридрих Адамович получил задание изготовить 2 шестерни к шпалорезке... проявил сознательное отношение... проработал 3 смены подряд с 2-часовыми перерывами, пока не сдал изготовленных шестерен. ... за сознательное отношение... объявить благодарность с занесением в личное дело... Поощрить ларьковыми товарами на сумму 10 рублей и премировать 50 рублями». И в отрицательном контексте: «Объявление приговоров суда по делам мобилизованных осужденных за совершенные ими преступления в Баклаге НКВД. Некоторые мобилизованные немцы... вместо добросо-

вестного и честного отношения к труду стали на путь нарушения трудовой дисциплины, совершают дезертирство, самовольные отлучки, отказываются от работы, совершают кражи и т.п.

...1. К. И. И. (1 стройотряд, систематическое нарушение трудовой дисциплины, невыход на работу «мотивируя тем, что болен, а фактически был здоров») за умышленный саботаж на производстве по статье 59.6 УК РСФСР... к лишению свободы сроком на 7 лет.

2. В. Г. П., В. О. П. (хищение продуктов на кухне, похищено 1,5 кг рыбы, 2 кг макарон и 400 г сахара) - ст.162-г УК РСФСР - 1,5 и 2 года лишения свободы.

3. Ш. И. П. и М. П. И. (побег, задержаны в 20 км от лагеря) - ст.59.6 УК РСФСР - расстрел и 10 лет лишения свободы.

4. Е. А. И., Ш. Я. Я., Д. О. И. («будучи... в ночной смене, занимались хищением Государственного имущества... <похитили> кожаный ремень для использования на подошвы обуви») - ст. 162-д УК РСФСР - 5, 4 и 3 года лишения свободы.»

И т.д. и т.п.

Хотел бы, однако, привлечь внимание читателя не столько к поощрениям и наказаниям, коими начальство награждает вышепоименованных лиц немецкой национальности, а к их статусу. Он в это время определен совершенно туманно.

С одной стороны, все они - формально свободные люди, не отягощенные ни виной, ни приговором суда, военнослужащие РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Недаром перед их прибытием издается приказ о формах поощрений и наказаний, ориентированных не на заключенных, а на свободных, хотя и мобилизованных граждан: «...20... взыскания: а) личное внушение, б) личный выговор перед строем..., д) предание суду военного трибунала. 21... поощрения: а) благодарность перед строем, б) благодарность в приказе, в) выдача денежных и иных премий, перевод на лучшую работу, зачисление на курсы по повышению квалификации».

В ряде приказов по Особстрою БМК проводится четкое различие: вольнонаемный состав, стройбатальоны и спецконтингент - даже когда для всех для них вводится единая тарифная сетка.

В то же время на «бойцах» стройбатов лежит печать государственной опалы. Соответственно и отношение к ним - как неким потусторонним (по ту сторону колючей проволоки) существам. Специальным приказом запрещается предоставлять им какие бы то ни было увольнительные для личных дел. Точно также запрещается

«покупка, обмен и продажа каких-либо вещей с мобилизованными немцами». Их трудовое использование настолько не отличается от использования заключенных, что порой трудно понять, о ком идет речь в приказе: «... 1. Создать при Тавдинском лесокомбинате отдельную колону № 2 из спецконтингента в составе 500 человек... 2. Обеспечить направление 500 человек мобилизованных немцев 4-го стройотряда в распоряжение отдельной колонны № 2». Как сказано выше, самым строгим наказанием для них является предание суду военного трибунала. Но приказом № 227 от 9.05.42 «трудмобилизованный» Т. Р. Э. отправлен на гауптвахту (такое наказание не предусмотрено положением), а материалы по его преступлению передаются Оперативному отделу БМК НКВД СССР, т.е. гуглаговской структуре.

Формально свобода «трудмобилизованных» ограничена только воинскими уставами, а фактически они повсюду находятся под конвоем. В этом отношении они и заключенные вполне взаимозаменяемы. Вот характерный сюжет: «... В связи с отправкой заключенных в другие лагеря и прибытием нового пополнения за счет мобилизованных немцев... 1. 1-й лагерный участок ликвидировать. 2. Создать 15-й Стройотряд, подчиненный непосредственно Управлению строительства, с размещением последнего (видимо, не Управления, а Стройотряда - Л.Т.) на территории 1-го лагучастка. 3. 15-й Стройотряд укомплектовать за счет прибывающих на строительство мобилизованных немцев. 4. Начальником 15-го Стройотряда назначить начальника 1-го лагерного участка тов. Бородкина А.Г.... Главному диспетчеру Строительства тов.Рубинштейну обеспечить разрядку рабочей силы, содержащейся в 15-м Стройотряде». О снятии колючей проволоки и прочих лагерных атрибутов - ни слова. Не, потому, разумеется, что это подразумевается само собой, по умолчанию. Как раз наоборот. Подразумевается обратное. Недаром начальником над свободными трудармейцами назначают начальника ликвидируемого лагерного подразделения. Как, впрочем, недаром и начальником всего Особстроя поставлен гуглаговский чин А.Н.Комаровский, под начальством которого другие заключенные будут позднее строить металлургический завод в Рустава и здание университета на Ленинских горах в Москве. О том же свидетельствует и обозначение рабочей силы 15-го Стройотряда: она в нем содержится.

Так кто же они такие, содержащиеся за колючей проволокой?

Рассказывает Генрих Фердинандович Оттен:

«Я работал в Тбилисском НИИ Сооружений, научный сотрудник. В Тбилиси было много немцев, целая немецкая колония. Немецкая школа была, в ней, между прочим,

сын Берии учился, жена Берии была членом родительского совета; когда он окончил школу, ее закрыли.

В октябре 1941 года пришло постановление

о выселении немцев, и нас в один день - и брата моего и сестру - уволили с работы. Потом пришли из милиции, сказали, что нам дается 3 дня на сборы. Тут же в паспорте поставили штамп: «Разрешается проживание только в Казахстане»... Привезли нас на станцию Великая Алексеевка под Ташкентом, откуда нас стали разбирать директора окрестных совхозов и председатели колхозов. Как на невольничьем рынке, только что в зубы не заглядывали. Нашу семью обходили: две женщины, трое детей, работник - я один. В конце концов мы попали в захудалый колхоз километрах в 50 от станции. Глинобитные дома без окон, без дверей. Сказали: будете убирать хлопок... Меня назначили гидротехником что ли... в общем по оросительным системам: строительство новых оросительных систем. И - ничего для этого строительства нет - ни проекта, ни геодезического инструмента - ничего. «Вот здесь, - сказали, - стройте». А где начало, конец, какие уклоны? «Вы же инженер - вот и стройте»... К моему счастью это продолжалось два месяца. Потом всех мужчин мобилизовали. Отвезли на станцию, погрузили в теплушки и повезли. Две недели мы ехали неведомо куда. 21 февраля приехали: Челябинск, Мельничный тупик. Баня - нечто потрясающее: пол покрыт коркой льда (не топили, видимо, Бог весть сколько времени) каждому выдали по шайке горячей воды, на голову положили по ложке зеленого мыла. Правда, из прожарки-вошебойки выдали нам горячую нашу одежду, и мы после бани смогли кое-как согреться. Повели нас по просеке (сейчас шоссе Металлургов) в сторону теперешнего ЧМЗ. Там (почти у нынешней Доменной проходной) был наш 7-й лагерь: две землянки в лесу, забитые снегом, замороженные. Они были рассчитаны на 80 человек каждая, а нас - около 200 человек. Поселили. Сплошные двухъярусные нары - в середине и вдоль стен. По торцам печки. Их сразу затопили, но пока прогреется... О том, чтобы раздеться не могло быть и речи. Спать легли, закутавшись во все, что у кого было... Больше месяца мы не то что не меняли белье - не брились, не мылись! Как мы тогда не перемерли от сыпного тифа!

Из приказа № 137, 18 марта 1942 г.: «.. Для борьбы с эпидемиями сыпного и брюшного тифов на строительстве организовать чрезвычайную пятерку в составе....»

...А питание - вырыли яму, над нею на треноге повесили котел, в нем варили для нас еду. Зима 42-го года была холодная, 30 - 40 градусов мороза. Вода в котле не могла закипеть. Мы, бывало, завтракали только к вечеру. Хлеб рубили топором: он сырой был, пока его привезут, весь промерзал, хрустел на зубах, как будто грызешь камень. Воду топили из снега и давали утром один ковшик: хочешь - пей, хочешь - умывайся.

Первым делом начали строить собственный лагерь, зону, колючую проволоку натягивать... Потом - бараки, землянки, кухню. Мне, как знающему геодезию, дали карту, поручили

спланировать нашу жилую зону. План у меня был, я размечал места под фундаменты и т.д. Прорабы у нас были вольнонаемные, рабочие - немцы. Рабочие они были очень хорошие. Немцы, знаете, умеют работать, тем более колонисты, жившие до того в деревне. Все они знали всякую строительную работу и работали очень хорошо, никому и в голову не приходило как-то уклоняться от работы. Вдобавок половина этих рабочих были люди с высшим образованием - инженеры, агрономы. Прорабам нашим вольнонаемным поэтому жилось легко. Они только давали чертежи: «Вот, стройте», и - сидели в конторе, наслаждаясь жизнью, как умели... Начальник лагеря (видимо, отряд - Л.Т.) был абсолютно безграмотный человек из НКВД (потом, когда лагерь расформировали, ему ничего не досталось другого, как быть чернорабочим на каменном карьере), он только командовал. Потом, правда, назначили более опытного начальника, тоже из НКВД. Этот приехал с целой командой - оперуполномоченные и т.д. Появился и начальник строительства (по-видимому, Доменстроя - Л.Т.) Наполеон Брониславович Лобецкий. Очень хороший инженер и очень справедливый человек. К нам относился без всякой предвзятости. Не в пример многим другим.

... У меня, как видите, было привилегированное положение, всегда в тепле. Но на открытых работах было очень тяжело. Обмундирование? Первое время, месяц почти, ничего не выдавали, а мы ведь из-под Ташкента приехали - ботиночки, кепочки: поморозилась масса народу. Потом стали выдавать какое-то тряпье. У меня - как привилегированного - были ватные бурки с подошвами из автомобильных шин, ватные штаны, телогрейка... Но, как ни странно, интенсивное вымирание началось не в эту, а в следующую зиму. Первую зиму как-то еще держались, может быть старые запасы помогали. А вот на следующую зиму... Истощение крайнее. Бывало идешь - канаву какую-то переступить - усилие на пределе. Питание - капустные листья зеленые плюс ложка муки, следы масла - это щи. Половина, наверное, разворовывалась... Смертность была огромная... И еще - клопы. Это невообразимо - сколько их было. У печки они сплошным покровом на потолке были, и оттуда прыгали на нас; нары нашпигованы были ими. И крысы. У умывальника всегда дежурили 10 - 15 крыс. Они бегали по нам - мы оставались безучастны. И к крысам и к клопам. Все мысли были направлены на еду.

Мертвых зимой складывали штабелями где-то за нынешним Коксохимом. Весной взрывники сделали яму, трупы туда побросали и зарыли.

На работу, с работы нас водили под конвоем. Инженерно-техническому персоналу потом дали пропуска, но рабочих водили под конвоем до конца. Лагерь? Обычный лагерь - зона, прездзонник, вышки, собаки, ночные «шмоны» (обыски) - все как полагается. Хотя

официально нас называли не заключенными (боже избави!), а трудмобилизованными. Рядом с нами были военнопленные, они были в гораздо лучшем положении. Их и одевали лучше и кормили. Они все удивлялись этому. Лагерная «инфраструктура» - повара, на-

рядчики, бригадиры, УРЧ - комплектовались, в основном, из партийцев, они жили получше, имели отдельные комнаты и т.п. (это, конечно, позже, когда мы из землянок в бараки перебрались).

Рассказывает Густав Кондратьевич Гофман **(из Ростовской области, мобилизован в декабре 1941 г. из-под Ташкента, куда попал, естественно, в силу Указа ПВС от 28.08.41, первые полгода его стройбат работал в Магнитогорске)**

«... Нас привезли сюда в июне 42-го. Поселок назывался Бакал (там сейчас кинотеатр «Союз»). Кругом голая степь. Везли нас как солдат. Построили в Магнитогорске, посадили в вагоны, в Челябинске выгрузились и в сопровождении нескольких военных на трамваях (№ 3) повезли на Кислородный завод (он и сейчас стоит там), опять построили и повели в зону. Там возле Мельзавода был пешеходный мостик, нас через него перевели, тут была баня - санобработка, прожарка и т.д. - и повели нас в 5-й отряд. Это был самый тяжелый участок - каменный карьер (я здесь отработал 30 лет). Мы увидели тех, кто там работали. У некоторых были боевые награды. Но они все уже были доходяги. Поселили нас в палатке на 187 человек, всех в одну палатку. Вечером дали крапивный суп с рыбой. Я его есть не стал, невозможно было есть. Утром подъем. А мы - нас пятеро друзей было - не встали. Всех остальных погнали уже в карьер, а мы оделись, но никуда не идем, сидим на нарах. Приходят человек пять военных, с ними начальник лагеря. Два раза выстрелил из пистолета вверх и говорит: «Кто в течение двух минут не выйдет на построение, расстреляю на месте!» Ну, мы вышли, построились. Тут он нам сказал, что все мы «враги народа». И кто не будет подчиняться, он тех будет лично расстреливать. И повели нас в карьер.

Из приказов по Особстрою: «За систематическое уклонение от выполнения работ на производстве трудмобилизованные (следует перечень фамилий - Т.Л.) приговорены лагерным судом (? причем тут лагерный суд - они же не заключенные! - Л.Т.) к высшей мере наказания - расстрелу. За уклонение от трудовой повинности... трудмобилизованный 5-го стройотряда... лагерным судом приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах».

«...Трудмобилизованные (перечень фамилий- Л.Т.)... уклоняются от выполнения трудовых работ путем невыхода на работу или ... уклонения от работы. ... предать суду по статье 58-14 УК РСФСР («контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата... вплоть до высшей меры... - расстрела» т.е. данная статья ничего общего с тем, что ин-

криминируется названным выше «трудмобилизованным», не имеет, но именно такова была «правоприменительная» практика - Л.Т.)

Так мы проработали три дня. Потом нас подняли ночью, погрузили в три вагона и отправили на Рудбакал, 14-й Стройотряд (всего было 18 стройотрядов), там строился алюминиевый завод. Шло рытье траншей. Нас, 180 человек, поселили отдельно в палатку с двухярусными нарами - 2 м. на 5 человек. Ни постели, ни чего-либо другого. В чем работали, в том и спали. Никакого обмундирования не выдали. Инструменты - лопата, кирка, тачка, носилки. А вокруг лагеря - колючая проволока в три ряда. Там до нас жили заключенные, а теперь поселили нас, трудармейцев. И производственная зона тоже в ограждении. Если тебя поймают за тем ограждением, то ты считался дезертиром. На работу водили под конвоем - впереди 2 человека с винтовками, по сторонам через каждые 5 - 6 м - тоже, сзади - опять двое, плюс начальник конвоя и 2 собаки! Так вели через поселок Рудбакал, а жителям было сказано, что это военнопленные. Люди специально выходили смотреть (здесь в том время военнопленных еще не было, они стали поступать только в 44-м году), а мы - в гражданском - идем и разговариваем по-русски. Там мы пробыли 4 месяца. Потом опять нашу группу подняли ночью и перевели в 7-й Стройотряд, а на наше место опять заключенных привезли. Несколько человек наших остались там навеки...

Медобслуживание было такое: мой товарищ по нарам обратился вечером в санчасть, так начальник санчасти обозвала его фашистом, работать, мол, не хочешь; а утром я смотрю - он уже мертвый. Со мною тоже было такое - заболел животом, корчусь от боли, пошел в санчасть, а там: «Вон отсюда, фашист...» Кто меня спас, так это начальник конвоя, он вообще кое-что понимал, относился к нам по-человечески. Вытащил он меня из траншеи, сам привел в санчасть: «Проверьте этого парня, он больной». Она: «Ты был в санчасти?» Я говорю: «Вчера был у вас лично» - «Ну, и что?» - «Ну, вы знаете, что вы мне сказали». Ну, меня осмотрели, дали освобождение.

В ту зиму, 42-- 43 года были сильные морозы. Помню, 31 января нас, семерых доходяг четверо вооруженных конвоиров повели на кладбище копать могилы (это за копровым цехом сейчас). Когда подошли к кладбищу,

увидели с правой стороны - белая гора метра 2 высотой и 40 - 50 метров в длину. А сверху по ней собаки бегают. Подошли ближе - оказалось, это штабель трупов. Трупы трудармейцев. И бегают по ним не собаки, а лисы. Жрали мясо этих трупов...

...И вот, два с половиной года, до августа 44-го у нас не было ни одеял, ни подушек, ни матрацев - ничего! Голые нары... Зарплата? Я первый раз зарплату получил после войны. А за всю войну - ни разу. Мало того, что с нас удерживали за наш же конвой, колючку, охрану, и за питание-обмундирование, конечно, так если что после этих удержаний оставалось, то мы на полную сумму «добровольно» подписывались на военные займы.

Когда Комаровского от нас забрали, на его место приехал Рапопорт. Он объехал всю стройку, во всех бараках побывал. И поехал в Политотдел к Воронкову (начальнику Политотдела), где поставил вопрос о том, что в условиях такой острой нехватки людей недопустимо, что такая масса здоровых мужчин занимается вместо работы конвоированием трудармейцев, которые вовсе не собираются убегать. Вот тогда была убрана колючка, вместо нее поставили штакетник и калитки - иди

куда и когда хочешь. А охрану передали в качестве рабсилы на завод и на стройку...

И еще Рапопорт привез нам матрасы, байковые одеяла и наволочки. Привезли соломы, набили матрасы, подушки. Вот только когда - в 44-м - стали мы спать раздевшись. А до того спали в верхней одежде. Ватные брюки приспустишь, внизу завяжешь, чтобы ногам было тепло, сверху бушлатом укроешься...

Мы всю войну считались трудмобилизованными. В июне 1947-го нас передали тресту Челябинметаллургстрой. Это тоже НКВД, но мы стали гражданскими, нам и карточки выдали, и паспорта. Но в октябре, кажется, нас взяли на спецучет. Собрали всех в клуб и объявили, что с сего дня мы являемся «вечными» спецпоселенцами. Представили спецкоменданту: «К нему будете ходить отмечаться два раза в месяц. Без его разрешения не имеете права отлучаться никуда - ни в Каштак, ни в район, ни в Челябинск. Наказание - 100 руб. штрафа или 20 суток ареста». И так - до 56-го года. Спецпоселенцы. Даже учиться без разрешения коменданта не могли, если с выездом... В 56-м режим сняли. Но без разрешения вернуться в родные места. нас специально предупредили. И еще подписку взяли «о неразглашении».

Рассказывает Густав Адольфович Шнитке (родом из села Норвеги Черниговского р-на Запорожской области):

«Меня в армию призвали еще в 1940 году, служил в Москве, в 41-м участвовал в параде на Красной площади. Войну начал под Винницей, отступал до Сталинграда. А в августе - приказ Верховного Главнокомандующего: «Всех немцев... снять с фронта и отправить в тыл». Без объяснения причин. Но отправили нас с фронта только в феврале. Прямо в Свердловск, в распоряжение УралВО. А УралВО отправил нас на станцию Кумыш Пермской области. Там в леспромхозе пилили лес. Работали без всякого конвоя, донашивая при этом воинскую форму. Летом меня отправили в г.Асбест, а оттуда сразу в Челябинск, на строительство Челябинской ТЭЦ. Здесь тоже работали без конвоя. Я выучился на шофера и

до 56-го тут и работал. Кто мы были, трудно сказать. Во время войны все ведь считались как бы мобилизованными. Но паек мы получали обычный гражданский. Жили в бараках. Утром и вечером поверка, как в армии. нас ведь не демобилизовали. Правда, назывались мы теперь «трудармейцами». Но в столовой мы за обед платили. Переписка не ограничивалась. Меня как-то в командировку послали в Курганскую область, неделю добирался. Документы? Какие у солдата документы - шоферские права, да комсомольский билет. Да еще рейсовые карточки продуктовые. А вот после войны нас перевели на положение спецпоселенцев, и стали мы подчиняться спецкоменданту.

Рассказывает Герхардт Робертович Цейтлин: (родом из г. Елемендорф - ныне Ханлар - вблизи Кировобада (Азербайджан))

«В октябре 41-го нас собрали и объявили о выселении. Сказали: с собой возьмите сколько унесете на себе. Мне было 19 лет. Еще были мать и сестра малолетняя. Отца расстреляли в 37-м. Багаж погрузили на грузовики, а нас - 6 тысяч человек - автобусами отправили на железнодорожную станцию в Кировобад. А там - Баку - теплоход «Багиров» - Красноводск - опять железная дорога. Запихали в товарные вагоны по 60 - 80 человек и повезли. Под охраной. Правда, охрана как бы своя, какой-то крупный работник НКВД, немец из Баку, с ним несколько сотрудников, целый вагон

занимали. Но особых строгостей не было. На остановках можно было выходить... Привезли в Семипалатинск, посадили на баржи и теплоходы и - вниз по Иртышу, и по 20 - 30 человек высаживали в прибрежных селах. В пути от самого Елемендорфа не кормили ни разу; что с собой было то и ели. На левом берегу первым был Майский район (недалеко от теперешнего ядерного полигона), лесные места. Мне повезло, я попал туда. Колхоз «Кзыл-Орда». Работы для нас никакой, местные, казахи сами голодали. Пайков, конечно, никаких. И никакой медицинской помощи. Мы

считались ссыльными, два раза в неделю приезжал комендант, проверял наличие...

В апреле 1942-го военкомат вызвал меня на комиссию. В Павлодаре из нас был сформирован взвод для отправки в Челябинск. (А уже отрывочные сведения были про лагерь - в Свердловске, Ивделе. Ивдель особенно страшный лагерь был. Уже возвращались даже оттуда сактированные или по увечью. Но про Челябинск еще не знали). Взвод - человек 40, во главе старший лейтенант, сам немец... В Челябинске к Бакалстрою пришлось идти пешком мимо Цинкового завода (там был лагерь, заключенные работали), дошли до Мельзавода, до моста, повернули направо - пункт санобработки. Никакой охраны. Вышли оттуда - охрана. Вот те на! И под конвоем уже повели в тот самый лагерь, мимо которого только что прошли. Отпечатки пальцев, фотографии - профиль, фас... Мы все в шоке. Но что сделаешь? Разбили по бригадам и на следующий день - под музыку! - повели на работу. Под конвоем: «Шаг вправо, шаг влево считается побег - конвой применяет оружие без предупреждения». Привели к железнодорожному тупику, на базу оборудования, прибывавшего по эвакуации. Сортировка, ремонт. Тут мне крупно повезло: главный механик предложил мне работать у него чертежником. Он, видимо, и понятия не имел, что я заключенный. И долго еще мое начальство не могло в толк взять. Я им объяснял, что они каждые 3 дня должны мне для лагеря давать справку-процентку - для «котловки» - чистая липа. Они мне: «Ты узнай, если надо, мы тебе 600 процентов поставим». И давали мне справку

как электро-слесарю, выполнение норм писали 150 - 200 %. Что говорить - повезло. Но тем, кто на общих работах был - котлованы и т.п. - у них нормы были практически невыполнимыми.

Называли нас не «немцы», а «фрицы» - это еще ничего, а то и «фашисты». Я видел сам, как издевались над штрафными бригадами. Их в морозы заставляли раздеться, и они работали в одних гимнастерках - а охрана в тулупах грелась у костра. Многие тут же падали, замерзали... Но смертность страшная была не только у штрафников. Каждое утро из лагеря вывозили мертвецов - кожа да кости. На вахте им кувалдой проламывали черепа - чтобы исклчить такую возможность побега. (Гулаговское изобретение - Л.Т.)

Мы - «фрицы», «фашисты», и мы же - комсомольцы и даже коммунисты. Правда нового приема в комсомол и в партию не было до 56-го.

Потом я схлопотал и 58-ю статью, и попал в лагерь уже не как трудмобилизованный, а как заключенный по всей форме. Но в этом лагере все же было лучше, чем в трудармейском. И вот что интересно. В 52-м я освободился из Озерлага и отправлен в Североенисейск на поселение. И уже на поселении с меня по моей жалобе 58-ю статью сняли, дали мне чистый паспорт, и я могу ехать куда хочу. Но ко мне успела приехать жена с ребенком, второго ожидаем. Так ей со мною выехать не разрешают: она числится за спецкомендатурой! Пишем во все инстанции - не помогает. Такая вот свобода. Хорошо что месяца через три режим спецпоселения отменили.

Рассказывает Маргарита Факанкина:

«Я родом из Крыма, из Джанкоя. 18 августа 1941 года нас из Крыма «эвакуировали». Сначала на Кавказ. Поездами, под конвоем, по 120 человек в вагоне. Оказались мы в результате в станице Наурской над Терекком; отсюда нас через месяц уже не «эвакуировали», а «переселили». Причем разрешили взять с собой до 500 кг вещей. Так ведь когда «эвакуировали», разрешено было только 12 кг взять!... Еще 20 дней пути в таких же товарных вагонах по 120 человек на вагон. Ни хлеба, ни денег, ни топлива - ничего. Было мне 15 лет, а семья - мама, две сестры, у старшей сестры 2-летний мальчик, да она еще двоих близнецов в дороге родила. Я - общая помощница... Куда везли, мы не знали. Воронеж(бомбежка) - Урал - Северный Казахстан, Петропавловская область - и все под конвоем. Выгрузили на станции Токуши, оттуда подводами в село Яковлевку в 20 км от железной дороги...

В начале зимы 42-го года начали забирать в трудармию мужчин, через год мобилизовали моих сестер. Все трое детей у нас к этому времени умерли от истощения. Сами мы ели только затируху, картошку в мундирах, и - если украдешь в совхозе зерна - то кашу. Хлеба не было вовсе... Дети умерли в три недели. Сестра

заболела, мы думали, и она умрет - нервное потрясение, но она выздоровела. И сразу же обеих мобилизовали. А еще через два года повестку о мобилизации вручили и маме. Я, чтоб не расставаться с мамой, прибавила себе возраст и отправились мы с нею вместе... Нас, всех мобилизованных женщин повезли товарняком в Челябинск. В Челябинске нас поселили в освободившееся овощехранилище (его, правда, к нашему приезду успели побелить). Выдали нам военные гимнастерки и юбки. А через два дня отправили на Балакинское подсобное хозяйство - овощи, фермы: коровы, свиньи. Какие-то дикие нормы были, да я и не приучена была к такой работе. Да я еще в штрафную бригаду попала.

Оперуполномоченый ко мне приставать стал, а я ему - пощечину. Ну он мне и устроил... Попала на Багарякский алебастровый завод. Щебенку грузили. Я еле лопату держу, а эту щебенку на машину бросать. Спас меня замдиректора, спросил какое у меня образование, у меня 8 классов было, это в то время считалось много. Вот он меня и поставил учетчицей... Все равно было тяжело. Мне ведь семнадцать лет было, девчонка. Маму по болезни освободили, и осталась я одна. Каждый вечер я выходила

за овощехранилище и плакала. А этот оперуполномоченный - он с Волго-Дона приехал, там прорабом был, а здесь вот такую карьеру сделал. И Комаровский - бывший строитель Беломорканала, сюда приехал со своей саперной армией. И они все здесь охранниками были.

Уже после войны мне разрешили вступить в комсомол. Я такая счастливая пришла в райком. Мне велели подождать, а в кабинете там шла проработка женщины, которая, не спросив никого, вышла замуж за немца. Как на нее кричали. А она: «Я не за немца, я за человека вышла». А ей: «Да ты понимаешь, что случится что - его в ссылку, в тюрьму, а ты...» ...Мы для них были не люди, а - немцы.

Ну, это она чересчур. Вот ведь в приказе № 264 их даже «товарищами» называли. Прямо так и написано: «За правильно составленный проект массового взрыва, хорошую организацию работ и отличный результат... объявить благодарность трудмобилизованным товарищам: Келлер В.Р., Мартин Г.А. (и др. - всего 20 человек - Л.Т.). Начальнику стройотряда Левину указанных трудмобилизованных премировать пайковым довольствием на сумму 15 руб.»

Правда, когда речь идет о вольнонаемных, суммы премий отличаются чуть ли не на два порядка: «... Объявить благодарность всей бригаде, премировать особо отличившихся товарищей:... - 1000 руб., ... - 800 руб., ... - 600 руб. (и т.д. - Л.Т.). Выдать промышленные и продовольственные товары на 25% премии».

Но что там премии - шуба с барского плеча! Немцам просто не выплачивают даже скудную их заработную плату. И даже грозный приказ № 321, Которым Комаровский обязывает «всех начальников подразделений с 1/VI с.г. произвести выдачу на руки причитающихся сумм по заработной плате за вычетом всех удержаний за питание, коммунально-бытовые услуги,... обязательным платежам - налогам и сборам и госзаймам...» содержит важное уточнение: «выдача заработной платы может быть произведена только тем мобилизованным немцам, которые не имеют особых замечаний или взысканий по своей производственной работе, дисциплине и выполняют заданные нормы». Т.е. все тот же произвол, присвоение результатов неоплаченного труда.

Зато моральное стимулирование выдается полной мерой, без оглядки на сомнительный статус трудмобилизованных: «... На всех объектах... выполняющих план, поднимать на мачте красный вымпел. Размер вымпела... При невыполнении плана вымпел должен быть опущен. О подъеме и спуске... специальным донесением сообщать мне и Начальнику Политотдела».

Да и вообще... Разве о тех, кого не считают людьми, может быть проявлена такая забота? «Проверкой состояния 3-го Стройотряда установлено... дисциплина среди трудмобилизованных нечеткая, последние, при обращении к ним начальствующего состава лагеря, отвечают сидя, держат руки в карманах и т.п.

Дневальные... при входе команду «Смирно» не подают, полы не мыты, в отдельных бараках отсутствует в кадках кипяченая вода,... кадки... не запираются... Территория... не убрана... На кухне пища... приготавливается совершенно не соленая. Суп... жидкий и невкусный. Меню не вывешено... Дежурный по кухне в момент выдачи производственного завтрака отсутствовал... В бане грязно... Среди больных стационара обнаружена вшивость... У одного из хлеборезов тоже обнаружена вшивость. Настой хвои в течение нескольких дней лагнаселению не выдается... Начальнику Стройотряда... и политуку... строгий выговор с предупреждением. Начальнику санчасти... выговор. Обязать... немедленно устранить отмеченные недочеты и полностью выполнить...»

В сопоставлении с приведенными выше рассказами бывших трудармейцев об их лагерном бытовании этот приказ Комаровского выглядит несколько странно. Они лишены постельного белья, да и самих постелей, у них нет спецодежды, они изнурены непосильным трудом, массажи умирают от голода и болезней, их труд организован бестолково - не может быть, чтобы начальник Особстроя БМК всего этого не знал: даже если Медсанчасть не докладывала ему о физическом состоянии «лагнаселения», то сведения о его смертности он не мог не получать, как не мог не получать сведений о производительности труда на стройке.

Впрочем, если «за ценой не стояли» на фронте, то тем менее эта «цена» учитывалась в тылу, да еще на стройке, под «ударный» статус которой всегда можно выбить все новые и новые сотни и тысячи человек спецконтингента. Главное было - отрапортовать о выполнении плана. В этом отношении 1942 год был для Комаровского вполне благополучным: план работ по Челябинскому металлу был выполнен на 116%. И это - при обеспеченности рабочей силой всего на 97%. Правда, что-то с этой «труднедообеспеченностью» было не так. Почему-то выработка на человеко-день составляла смешные 79,8% к плановому показателю. Получается, что либо план был, что называется, облегченным, либо заявка на рабочую силу была завышена этак на 30 с лишним процентов. В любом случае эти 79,8% могут служить некоей нижней оценкой степени бестолковости организации труда на строительстве БМК.

В следующем, 1943 году трудообеспеченность стройки была еще ниже - 91%, но это не заставило относиться к рабочей силе бережней и, хотя выработка на человеко-день повысилась и стала на 1% выше плановой (правда, не в силу повышения производительности труда, а в результате уменьшения почти на 10% планового норматива), план работ по строительству оказался выполненным всего на 89,3%. Не известно, какими аргументами оправдывал А.Н.Комаровский такой оглушительный провал, а, может быть, это «у них» и не считалось провалом. Во всяком случае, он не только не был наказан, но вскоре стал

начальником одного из важнейших управлений НКВД - Главного Управления промышленного строительства, которое впоследствии занималось реализацией «атомного проекта» (его же заключенные строили здание Московского Государственного Университета на Ленин-

ских горах). Так или иначе, новый начальник Особстроя БМК генерал-майор инженерно-технической службы Я.Д.Рапопорт радикально изменил режим содержания трудармейцев и добился выполнения плана строительных работ на 118,5%.

Итог

«Что ж, - скажет склонный к рефлексии читатель, - все это ужасно, спору нет. Но вот вы обличаете бестолковость организации труда, расточительное его использование. Послушать вас, так ЧМЗ просто не мог быть построен. А он ведь, вот, стоит. Не так уж, стало быть, все было расточительно и бестолково. А что жертвы - так ведь какая война была. Люди гибли не только на фронте».

Признаться, я и сам склонен к рефлексии, и подобные мысли посещали и меня. Поэтому я с особым вниманием вчитывался в «Акт сдачи-приемки Челябинметаллургстрой из системы МВД СССР в систему Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии», составленный в Челябинске 31 мая 1947 года и утвержденный Министром внутренних дел Кругловым, Министром черной металлургии Тевосяном и Министром строительства предприятий тяжелой индустрии Юдиным. Вот какие сведения содержит Приложение № 20. Особое мнение представителя МЧМ СССР к разделу II (Характеристика работы ЧМС):

«... 2. Качество выполненных ЧМС отдельных работ низкое: в течение 5 лет строительства планировка территории завода и рудников не производилась, что привело к заболачиванию площадок.

Для стенового материала применяется трепельный кирпич часто низкого качества, имеющий трещины и свилю... Вследствие неморозоустойчивости... в сырых местах быстро разрушается. Наружная штукатурка зданий из трепельного кирпича не производится. Большая часть столярных изделий... изготовлялась из сырого леса, коробится, рассыхается и приходит в негодность. Грунтовка столярных изделий олифой не производится. Скобяные изделия устанавливаются черные, низкого качества. Кровли из рулонного материала укладывались без соблюдения Технических Условий (ТУ)... вследствие чего крыши протекают...

Шпалы для железнодорожных путей укладывались непропитанные. Балласт для путей ЧМЗ применялся низкого качества... Значительная часть металлических конструкций устанавливалась негрунтованной и сдавалась в эксплуатацию непокрашенной. Магистральные водопроводы технической воды смонтированы некачественно (водопровод к прокатному цеху с 1943 г. имел 294 аварии, главный водопровод от береговой насосной за 1945 и 1946 гг. - 133 аварии, водопровод Бакальского рудника за два года - более 200 аварий).

За все время строительства не сдано заводу и рудникам в эксплуатацию ни одного метра

гужевых дорог, начатые дороги построены без соблюдения ТУ.

Жилые дома сдавались без благоустройства... и наружной штукатурки зданий. Печи в домах выкладывались из трепельного кирпича, что не допускается ТУ. Значительная часть печей в домах Бакальского рудника разваливается...»

Столь же удручающая характеристика сдаваемого жилья приводится и в основном тексте Акта: «Жилой фонд лагеря в основном состоит из землянок, построенных зимой, из сырого леса. Большое количество сооружений заражено «грибком»... Жилой фонд для вольнонаемного состава состоит, главным образом, из барачных и землянок шатрового типа, построенных в 1941-43 гг...»

Иными словами, на каждом шагу выявляется знаменитая лагерная «туфта» - мошеническая имитация позитивного результата.

Впрочем, так ли, этак ли - ЧМЗ, и правда, вот он: «существует - и ни в зуб ногой». Но на этот факт никто и не покушался. Результаты же выполненного автором исследования можно кратко изложить следующим образом.

1. Мы убедились, что поначалу проект БМС не был ориентирован на «спецконтингент». Скорее всего, вопрос об обеспечении его реализации рабочей силой в нем изначально не рассматривался никак. Разумеется, когда реализация проекта началась, этот вопрос не мог не возникнуть. По-видимому, к его решению пытались привлечь только что учрежденный Наркомат Трудрезервов, свидетельством чему могут служить те 530 выпускников башкирских школ ФЗО, к приезду которых согласно приказу № 52 готовили в мае 1941 года роскошное по тогдашним меркам общежитие. Но, конечно, ни числом, ни опытом эти подростки не могли претендовать на заметную роль в трудоустройстве предстоящей громадной стройки. Ориентация на «спецконтингент» возникла не в силу каких-либо предпроектных или проектных разработок, а автоматически - в силу передачи БМС наркомату внутренних дел.

2. Отличие Бакалстроя (позже - Челябинметаллургстроя) от прочих подобных строек заключалось не в использовании в качестве основной рабочей силы «спецконтингента», а в том, что «спецконтингентом» оказались «трудомобилизованные» немцы. Заранее это, разумеется, не планировалось, но на характер их эксплуатации и обращения с ними не повлияло. И то и другое можно охарактеризовать только как насилие, не ограниченное даже соображениями целесообразности.

3. Никакой видимости следования каким-либо нормам закона или хотя бы соблюдения его формальных процедур в переводе «трудмобилизованных» в статус заключенных не было. Но этот статус, судя по всему, не был однозначно предписан «сверху»: в одно и то же время на разных объектах трудармейцы содержались по-разному, различным было их положение и на строительстве ЧМЗ при разном начальстве.

4. Тот факт, что такое незаконное понижение гражданского статуса оказалось возможным по отношению к трудармейцам, означает, что в принципе оно было возможно по отношению ко всем жителям СССР. Иными словами, это означает, что все жители СССР были не гражданами этого государства - как бы ни трактовать термин «граждане», - а контингентом, подведомственным НКВД. Различные категории населения страны отличались друг от друга не объемом или характером прав, а лишь степенью законвоированности. В этом смысле формула судебного решения «лишение свободы» представляла собой типичный оборот советского «новояза»: самый свирепый палач не может лишить человека чего у него нет.

5. Вывод о поголовной подведомственности НКВД всего населения СССР требует признания того, что закона как способа «закрепления или санкционирования государством определенного порядка отношений» в СССР не было. Т.е. формально законы были, и люди и учреждения ими руководствовались, но ни один из этих законов не был последней инстанцией, определяющей «порядок отношений». Такой высшей инстанцией были распоряжения, исходившие из недр НКВД. (Разумеется, сам НКВД был всего лишь орудием сталинской власти, но в рамках настоящего рассмотрения это можно вынести за скобки).

6. Сказанное выше означает отсутствие в СССР и самого государства как организации, обладающей высшей властью в стране. Всевластие НКВД превращало всю совокупность «государственных» институтов, не исключая прокуратуру и суд, во вспомогательные структуры «органов». (Такое устройство управления иногда называют «гарнизонным государством»).

7. Низведение трудармейцев на уровень заключенного «спецконтингента» не было «наказанием» за какие-либо провинности, репрессией (тем более - политической репрессией) в собственном смысле этого слова. Просто руководству Особстроа - чиновникам НКВД - такой способ управления кадрами был привычен и казался наиболее удобным. Но тем самым «обесценивалась» вся пенитенциарная система СССР как система наказания за определенные преступления. Вся она включалась в круг хозяйственных и/или политических интересов «гарнизонного государства». Поставка рабочей силы, наименее критичной относительно условий труда и быта, - одна из важнейших функций этой системы.

8. Отсюда следует, что, такие структуры,

как НКВД - НКГБ хотя и осуществляли репрессивные функции, но не являли собой «подсистему страха» (Г.Попов). Весь режим в целом был системой тотального насилия, и НКВД - НКГБ были не подсистемой, а становым хребтом этой системы. Строго говоря, собственно репрессии - т.е. силовое противодействие, пусть и упреждающее, каким-либо антиправительственным или антиконституционным деструктивным акциям - занимали относительно незначительную часть объема деятельности этих органов. Главной их функцией были не репрессии, а насилие как способ управления обществом. Репрессивными они были в первом десятилетии Советской власти. Но уже коллективизация не может рассматриваться как репрессия. Это был такой способ управления социальной структурой общества. Так возница не репрессирует лошадь, дергая поводьями, он просто управляет ею. Разумеется, люди не лошади, поэтому одной из функций «органов» была «лошадизация» людей, населявших СССР, и поддержание их в этом состоянии. Но эту функцию осуществляли все подсистемы советского режима, без исключения.

9. Бесчеловечные условия, в какие были поставлены «трудмобилизованные» немцы, не были сообразны с какой бы то ни было целью. По-видимому, они были результатом сочетанного действия многих факторов, из которых едва ли не главным было присущее всей деятельности НКВД полнейшее безразличие к людям, в которых это ведомство видит лишь объекты своего манипулирования, помноженное на обычную бюрократическую неразбериху. Людям, имеющим достаточную степень свободы, чтобы самим позаботиться о своих питании, одежде и быте, эти безразличие и неразбериха, хотя и осложняют жизнь, но не лишают возможности как-то выкручиваться, для тех же, кто такой свободой не обладает, ведомственная стихия, во власти которой они оказываются, оборачивается катастрофой.

10. Вместе с тем, неразбериха и безразличие, о которых здесь идет речь, имеют свою логику: ни один чиновник, виновный в бессмысленной растрате «человеческого фактора», никогда не был предан суду за саботаж («... сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата»), как отдавали под суд именно «за саботаж» трудармейцев, «уклонявшихся от труда», хотя ущерб, наносимый подобным «менеджментом» многократно превышает ущерб, причиненный невыходом на работу обессиленного голодом и непосильным трудом человека. Скажут: не было ведь «специальной цели ослабления власти...» Возражу: а у тех изможденных трудармейцев - была «специальная цель»?

Целью данного исследования было - на примере истории строительства ЧМЗ выявить, во-первых, каким образом подобные стройки - со всем их персоналом - становились элемен-

тами структуры ГУЛАГа, и, во-вторых, каким образом обыкновенные советские граждане, вполне лояльные по отношению к государству, партии, идеологии, превращались в «лагерную пыль».

Полагаю, что, несмотря на заметную неполноту архивных источников, проведенное исследование позволило, по крайней мере, в предварительном порядке не только ответить на поставленные вопросы, но и прийти к выводу, что насилие советского «гарнизонного государства» по отношению к собственному народу в рассматриваемом периоде (примерно с начала 30-х и до середины 50-х годов) нельзя характеризовать как политические репрессии.

Это было нормальное функционирование сложившейся к тому времени системы, известной в науке как «азиатский способ производства», основным производственным отношением которого является насилие. Насилие в такой системе пытается выступать не как выражение мести, злобы или агрессивности (все это присутствует здесь как, хотя и закономерный, но эксцесс), а как производительная сила. Непродуктивность и даже контрпродуктивность насилия как производительной силы бросается в глаза в материалах данного исследования. Последующие десятилетия выявили эту контрпродуктивность до такой степени, что, не сумев ее преодолеть, система просто развалилась.

№248
УТВЕРЖДАЮ
Зам. народного комиссара
нефтяной промышленности СССР
Карягин
20 марта 1943 г.

Совершенно секретно
СОГЛАСОВАНО
Зам. народного комиссара
внутренних дел СССР
Чернышов

Инструкция о порядке демобилизации инвалидов и нетрудоспособных немцев, находящихся в рабочих колоннах на предприятиях и стройках Наркомнефти СССР

1. Немцы, мобилизованные в рабочие колонны, согласно постановлению ГОКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. и признанные медицинской комиссией на месте, предприятию или строительстве инвалидами и больными, не могут быть использованными ни на каких физических работах — демобилизуются распоряжением начальника строительства или директора предприятия. Основанием для демобилизации является акт медкомиссии, устанавливающей инвалидность или наличие одной из болезней, препятствующей использовать мобилизованного на физической работе...

3. Демобилизации подлежат немцы, прибывшие на предприятия и стройки данных пунктов в состоянии инвалидности или непригодности к труду или ставшие инвалидами в результате заболеваний и травматизма за время пребывания в рабочих колоннах.

4. Направление немцев на медицинскую комиссию производится только после проверки через администрацию стройки, что состояние инвалидности не явилось результатом умышленного членовредительства.

Такая категория инвалидов демобилизации не подлежит и передается органам милиции НКВД для предания суду.

Таким же порядком надлежит поступать и с немцами, в отношении которых умышленное доведение себя до инвалидности будет установлено медицинской комиссией.

5. На каждого признанного инвалидом составляется акт, в котором обязательно отражаются следующие данные: а) фамилия, имя и отчество; б) год и место рождения; в) каким военкоматом мобилизован; г) когда и откуда прибыл; д) полное описание физического состояния и диагноз болезни; е) заключение медицинской комиссии.

Акт утверждается управляющим трестом, начальником строительства или директором предприятия, и это является распоряжением на демобилизацию немцев из рабочей колонны.

6. Управлением треста, предприятия или стройки демобилизованному выдается на руки справка, в которой указываются причины и основание демобилизации, куда направляется на жительство и в какой райвоенкомат обязан обратиться для взятия на военный учет, а также паспорт и военный билет (если таковые у мобилизованного имелись).

Отправка демобилизованных производится в районы расселения немцев — Казахскую ССР, Красноярский и Алтайский края, Новосибирскую и Омскую область, по месту жительства их семей.

Образец справки прилагается.

7. Отправку демобилизованных немцев к месту жительства производить за счет предприятия или строительства, которые оплачивают проезд по всем средствам сообщения и выдают продукты на все дни пребывания в пути по следующей норме на человека: хлеб ржаной — 500 грамм в день; сельди — 100 гр (амм) в день; сахар — 15 гр [амм]; чай суррогатный — 3 грамма в день.

Выдача продуктов производится путем отоваривания продовольственных карточек...

Зам. начальника Главведкадров Болдышев
ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 148. Л. 177-178.

НАЧАЛО

«Заводоуправление и руководство стройки разместилось в каменном двухэтажном здании, расположенном на берегу Миасса. Рядом со «штабом» построили два жилых барака...

Всё оборудование поступало на станцию Шагол, где весь мельничный тупик был им завален. Горы сгруженных станков производили тягостное впечатление. Трудно было поверить, что из этого хаоса когда-нибудь возродятся металлургические цехи.

Начальник УКСа А.Л. Рубинштейн навел учет прибывающего оборудования и места разгрузки в учётной карте. Вдоль путей выросли дощатые сараи, на которых было углём написано: «Электросталеплавильный цех», «Домены», «Прокатный»... От сараев-цехов во все стороны уходили протоптанные дорожки к ближайшим деревьям, там нашли приют приезжие - это села Першино, Казанцево, Каштак, станция Шагол и Баландино.

А в это время строились бараки вдоль реки Миасс (которые прозвали «Бакал»), на территории Коксохима, позднее появились другие поселки на территории завода...

24 ноября 1941 г. «Бакалстрой» был передан НКВД СССР. Приказ № 181/1 от 4.12.41... Куйбышевский «Особстрой», подчиненный все-

сильному ведомству, наложил на строительство свою тяжелую руку. С 1 декабря 1941 г. вступил в исполнение обязанностей уполномоченный начальника управления особого строительства НКВД СССР БМЗ С.Г. Филькенштейн... В декабре на станцию Шагол прибыло несколько вагонов «Особстроя», десятки машин, электрокабельная продукция, другие строительные материалы, и даже папиросы. К тому времени на Першинской площадке находилось около 5 тысяч узников ГУЛАГа. Определяя на жилье, вновь прибывших выводили в чистое поле и там ставили брезентовые палатки, а «городок» обносили колючей проволокой...

По приказу от 11 февраля стали создавать стройотряды из числа спецконтингента. были сформированы: стройотряд №1 - для «Жилстроя» (начальник Костров), стройотряд №2 - для ремонтно-котельного цеха (начальник Лагунов), стройотряд №3 - для конторы техснабжения (начальник Кайфман), стройотряд №4 - для «Киркомбината» и стройотряд №5 - для «Жилпоселка» (начальник Толстов)».

Ягудин Р.Г.

Востокметаллургмонтаж-1: Опыт, надежность, профессионализм (книга посвящена 60-летию предприятия) .- Члб:Пантограф, 2001.- С.67-68

Александр Нахтигаль

ЖИЗНЬ ЗАКАЛИЛА ХАРАКТЕР

Бросайте вслед нам вашу грязь!
К нам все равно дерьмо не липнет.
Вам нашу гордость не украсть.
Издевка ваша – пусть охрипнет!

**Зельма Вюртц
27.12.1941 г.**

...В 1916 году призвали в царскую армию поволжского немца Ивана Гетца, и с тех пор восьмилетний Андрей отца больше и не видел. А дома, хоть и мал он еще был, но на его плечи легли обязанности хозяина: кормил и чистил лошадей, в десять лет Андрей косил сено, легко управлялся на молотилке. Хозяйство у Гетцев было небольшое, но крепкое: четыре лошади, две коровы, мелкий скот и участок земли. На зиму кололи свинью, пару овец, готовили окорока, колбасу. Это было типичное крестьянское хозяйство, в котором каждый работал от зари до зари, и все для своих нужд производили в собственном хозяйстве.

До четырнадцати лет Андрей учился в церковно-приходской школе. Но она работала

только зимой, а летом ее закрывали - надо было помогать родителям в поле.

Октябрьская революция ничего не изменила в размеренной крестьянской жизни Гетцев. С матерью осталось пятеро детей, чтобы выжить, надо было работать и тут не до политических вихрей.

Во время засухи 1921 года у них пала лошадь, осталась одна корова, на ней и пахали, ее и доили. Медленно, но хозяйство Гетцев поднималось. В 1929 году они вступили в колхоз «Ленинск Виртшафт» с двумя лошадьми. В 1930 году Андрея призвали в Красную Армию. Осенью 1934 года коммунист, младший командир Гетц вернулся в родное село. Так входила в жизнь вся советская молодежь.

А в деревне горячая пора - уборка урожая. Но не все шло гладко. Колхоз выполнил план сдачи хлеба государству, но срывался план засыпки семян. В хозяйстве приехал первый секретарь обкома партии Вельш. Собрали партийный актив, естественно, пришел и Андрей Гетц.

Отчет председателя был краток: семян нет, и не спасает повторный обмолот соломы. «Гость» из области требовал безусловного выполнения плана и угрожал, если он будет сорван, наказание будет суровым. Поднялся председатель сельского Совета и, обращаясь к первому секретарю, сказал:

- Товарищ Вельш, у вас еще шуба есть, она на вешалке висит.

Так, не вступая в дискуссию, он пояснил, что, если ничего нет, так и взять негде.

Председателя сельсовета под конвоем вывели из зала и сразу назначили выборы нового.

- Кого предложите? - обратился Вельш к колхозникам.

Все молчали, никто не хотел подставлять ни себя, ни других - уж очень должность беспокойная. Тут он увидел Гетца:

- А я предлагаю выбрать вот этого молодого военного.

Так единогласно его избрали председателем сельсовета.

Мог ли он представить, что его ожидало? Вряд ли. Он считал, что главной его обязанностью будет служба людям, но это было заблуждение. Как-то позвонил ему председатель райисполкома Беккер. Поинтересовался, сколько засыпали семян, обсудили еще несколько проблем, а потом Беккер попросил Гетца проконтролировать отправку в районную столовую мяса, масла, муки. Такая забота очень просто объяснялась: через нее получали продуктовые пайки сотрудники райкома партии, райисполкома, прокураторы и милиции. Гетц ответил:

- Я только председатель сельсовета и у меня ничего нет. Позвоните председателю колхоза.

Такое непочтительное отношение к просьбам высоких руководителей, которые должны не обсуждаться, а выполняться, не остается безнаказанным. Во время очередного совещания в райисполкоме Беккер пригласил Гетца к себе в кабинет и без предисловий вернулся к прежнему разговору:

- Почему не посылаешь продукты?

- Не могу, - чистосердечно признался Гетц, - в нашей деревне тиф, школа закрыта, там лежат больные, люди умирают. Почему вы не спрашиваете, чем я их кормлю?

Но эту тему Беккер не хотел продолжать, только с угрозой предупредил Андрея: «Ты этот день запомни».

Весной 1937 года, когда в колхозе приступили к боронованию, к ним приехал с проверкой Беккер. В машине у него уже сидел новый кандидат на пост председателя сельсовета. Они заехали в конную бригаду, и вдруг

приходит известие, что контролеры там раскрыли группу вредителей. Это выразилось в некачественном бороновании. Беккер сразу позвонил секретарю райкома партии Люцеву и доложил:

- Я нашел в колхозе «Ленинс Виртшафт» вредительство. Предлагаю снять с работы председателя сельсовета и отдать его под суд.

Немедленно приехала комиссия, составили акт на порчу 20 гектаров. Это произошло в субботу-воскресенье, а в понедельник в селе все было готово к суду. Перед его началом стало известно, что в конюшне повесился председатель колхоза Фогель, которого тоже привлекали к ответственности. Теперь отвечать должен был один Гетц. Свидетелем стал бригадир, который выполнял боронование.

Что могло спасти Андрея Ивановича? Он наивно считал - только, правда.

- Товарищи судьи, я стою перед вами только потому, что не выполнил распоряжение председателя райисполкома о поставках продуктов в столовую, а вредительства не было. И требую это занести в протокол.

Его правда никого не интересовала, и суд был недолгим. Во вторник приехал прокурор, Гетца исключили из партии и сняли с работы. Он легко отделался - стал рядовым колхозником. Казалось бы, все затихло. Но его вызывают в сельсовет, а там Андрея Ивановича встретил милиционер, от которого он услышал короткое: «Вы арестованы».

В селе жил доносчик Цорн, которому и поручили отвезти Гетца в райцентр, в ОГПУ. Следователь Васильев показал ему исписанный лист бумаги и Андрей Иванович узнал почерк. Автором доноса был Цорн. Васильев не стал вдаваться в содержание текста и отпустил его, предупредив: «Об этом путешествии никто не должен знать».

Гетц понимал, что он до сих пор на «крючке». Почему все это произошло? Кто мог тогда ответить на этот вопрос. А ведь Гетц мог домой и не вернуться. Судьба оказалась к нему благосклонной и не подошла его очередь бесследно исчезнуть.

Но грамотные специалисты всегда нужны и через год Андрей Иванович опять председатель сельсовета, а 1939 году его избрали председателем колхоза, и он стал участником первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Разные годы пережил в колхозе Гетц, но инициативы, крестьянской смекалки для преодоления трудностей ему занимать не приходилось. Осень 1939 года выдалась в Поволжье неурожайной. Те колхозы, у которых не было кормов, вынуждены были весь скот перегонять в западные районы Казахстана. Но это очень хлопотно и гибло много животных по дороге. Гетц стал искать выход на месте.

Рядом с колхозом был зерносовхоз «Спартак», в котором солому никогда не скирдовали, а сжигали. Гетц обратился к директору за помощью, и соседи разрешили ему солому

вывезти. Кормов появилось столько, что даже стали закупать скот у населения. Им кормить его было нечем, и везли коров, быков, телят со всего района. Из тюков соломы даже стали строить дополнительные телятники. В итоге в бескормицу в колхозе не только не допустили падежа, но даже и увеличили поголовье животных.

Хороший урожай 1940 года вдохновил колхозников. На трудодень выдавали до 10 килограммов зерна, хотя была установка - не более трех. И здесь Гетц проявил самостоятельность, за которую начальство по головке не погладит.

Поехал председатель колхоза в район с годовым отчетом. Его, естественно, вызвали в райком партии:

- Как посмел заниматься самоуправством и разбазарил столько зерна?!

- А в уставе сельхозартели записано, - доказывал Андрей Иванович, - если рассчитался с государством, остальное зерно можно разделить между колхозниками. Я так и сделал.

Им остались очень недовольны, но снимать с работы не стали.

А в колхозе появились свободные средства, закупили для строительства металл, лес, приступили к электрификации села. Даже заказали музыкальные инструменты для духового инструмента, построили школу, дом культуры. В феврале 1941 года Гетца вызывают в райком партии и вручают партийный билет. Его восстановили даже без личного заявления. «Значит, все же есть справедливость», - думал Гетц. До начала войны оставалось несколько месяцев.

22 июня 1941 года Андрей Иванович собрал правление колхоза, чтобы обсудить подготовку к уборке урожая. Его позвали к телефону: война. Настроение у всех стало тревожным.

Через две-три недели в каждый районный центр прибыл батальон солдат. Жители недоумевали: «Идет война, а солдаты в тылу». Но дело военное: забрали машины, трактора и лошадей, но людей не мобилизовали. Брат Гетца работал в МТС, и у него были друзья в областном управлении, и они сообщили ему: «Готовься к худшему. Будет указ о выселении немцев Поволжья».

28 августа только в газетах, издающихся в Республике немцев Поволжья, был опубликован Указ Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

После публикации Указа военные сразу разъехались по всем деревням. В машины стали грузить вещи, вывозить на железнодорожные станции. С собой разрешали брать только самое необходимое. Десяткам тысяч землякам Гетца пришлось неделю под дождем, без палаток ждать отправления.

Их вывозили в Северный Казахстан. В деревнях всем места в домах не хватало, поэтому занимали и бани, и конюшни, и сараи. Переселенцев сразу направляли на работу, ведь в полях зрел хлеб.

Чем все это закончится, Гетц не знал. Но бездействовать он тоже не собирался, не мог он смириться с тем, как быстро из наших немцев сделали врагов. Объявили мобилизацию в трудармию. Надеялся на работу ради Победы и верил, что справедливость когда-нибудь восторжествует.

Десятки эшелонов с трудармейцами, в одном из которых был Гетц, прибывали в Челябинск. Здесь их встретили не с цветами, а с автоматами наперевес и со сторожевыми собаками.

Жизнь продолжала преподносить сюрпризы.

В книге «От преступления к труду», которая вышла в 1936 году под редакцией А.Вышинского, я познакомился с таким умо-заключением: «Первый принцип, выработанный в практике лагерей НКВД - принцип концентрации работ на гигантских объектах. Концентрируя работу лагерей на небольшом количестве строителств, поражающих воображение своей грандиозностью - строителств, сделавшихся возможными лишь в реконструктивный период, лагеря добиваются особой наглядности, особой эффективности и пафоса строителства».

В 30-е годы этот принцип эксплуатации сотен тысяч бесправных заключенных оттачивался при сооружении Беломоро-Балтийского канала, водного пути Москва-Волга. Сам Генеральный прокурор А. Вышинский обеспечивал юридическую поддержку процессу, при котором НКВД не испытывало недостатка в новой рабочей силы.

Не было сомнений, если в мирное время сооружение всех важных объектов промышленности поручалось главному детичу НКВД - ГУЛАГу, то с началом Великой Отечественной войны у всех строек будет один хозяин. Только теперь объектами эксплуатации становятся не только социальные слои, но и целые народы. Тем более что они теперь становятся народами-преступниками. А «в условиях советской власти и пролетарской диктатуры насилие само по себе имеет иное, принципиально иное значение, чем насилие эксплуататоров». Видимо, поэтому пролетарскому насилию надо только радоваться, и им восхищаться.

...Итак, 34 летнего Гетца привезли на строителство металлургического комбината. Учитывая опыт, его назначают бригадиром и направляют рыть котлован под фундамент малого проката первого сталеплавильного цеха. Ломами и кувалдами вгрызались трудармейцы в землю. И надо было немало потрудиться, чтобы выполнить норму и выкопать 1,25 кубометра грунта. И это надо было сделать обязательно, ведь от этого зависела твоя жизнь.

Нормы питания были такие. Землекопы получали по первому котлу два раза баланду и 400 граммов хлеба, по второму котлу - три раза баланда и 600 граммов хлеба, по третьему - три раза баланда и 800 граммов хлеба. Баланда - это похлебка на воде, в которой можно было выловить кусочек капусты или картошки,

калорийность ее была минимальной.

Но на какой котел тебя поставят, больше зависело даже не от выполнения нормы, а от учетчика. Один из них, у которого с Гетцем были доверительные отношения, показал ему секретный документ. На нем мелким шрифтом было написано «совершенно секретно, с возвратом», в котором Андрей Иванович прочитал о строгом указании не допускать перевода землекопов на второй и третий котел.

В обращении с трудмобилизованными власть всегда оставалась цинично-двуличной: внешне подчеркивался их формальный статус свободных советских граждан, вместе со всем народом кующих победу над врагом. В пропагандистской работе среди них всячески использовалась «трудармейская» риторика, зародившаяся в трудармиях в начале 1920-х гг. и успешно применявшаяся на Беломорканале. К советским немцам, «мобилизованным» в лагеря ГУЛАГа, обращались: «Товарищи бойцы!», а побегу их из охраняемой зоны в официальных документах упорно именовались «дезертирством». Политотделом «Челябметаллургстроя» в октябре 1942 г. в стройотрядах были даже прочитаны лекции на такие темы: «Текущий момент Великой Отечественной войны и наши задачи», «Революционная бдительность - закон военного времени», «Всестороннее соцсоревнование - лучший источник укрепления оборонной мощи СССР». Особый статус трудмобилизованных позволял власти быть особенно циничными: их труд отмечали теми же наградами что и труд других производственных структур, ведь они работали они хорошо. Так строителям металлургического завода были присуждены в октябре-ноябре 1942 года переходящие Красные знамена, как лучшим стройотрядам. Лучшим колоннам и бригадам присуждались почетные эмблемы. Широко использовалась опробованная в 1930-х гг. в ГУЛАГе и за его пределами фабрикация «маяков»: для бригады или для одного человека создавались особые условия, подкрепленные пропагандистским обеспечением в многотиражках и стенгазетах. В июне 1942 г. на Челябметаллургстрое была организована такая кампания вокруг стахановца С.Г. Вернера, выполнившего норму на 1020 процентов. Для поддержания почина было отобрано еще восемь трудмобилизованных. П.Д. Мезлер выполнил 980 процентов нормы, Я.Ф. Ресслер - 800, Н.В. Николаев - 720, А.Г. Бош - 660, И.И. Кошпер - 660, И.И. Ланг - 580, Я.Г. Юстце - 501, Ф.Р. Шмидт - 500 процентов.

Но внутри системы: условия содержания, питание, организация труда – были жесточайшими, даже смертельными. Жизнь человека ничего не стоила, а жизнь трудармейца вообще в расчет не принималась.

В лагерях люди из-за голода забывали об опасностях, о зонах и об охране. При первой возможности шли на поиски чего-нибудь съестного. Часто такими местами становились свалки отходов у столовых, где питались вольнонаемные. И вот у Гетца пропал рабочий. Бригадир не сомневался - он ушел на поиски

еды - и надеялся, что к раздаче баланды беглец вернется. Но к вечеру рабочий не появился. Андрею Ивановичу пришлось об этом сообщить коменданту лагеря.

На следующий день на утренней проверке он слышит приказ генерал-майора А.Комаровского: «Бригадир Гетц потерял человека - 20 суток штрафной бригады». Его тут же арестовали.

Штрафники жили в отдельной землянке. Когда Андрей Иванович переступил ее порог, половина ее обитателей даже не подняли головы на новенького. Они лежали обессиленные и истощенные на полу, ждали подвоза баланды. У Гетца еще были силы и его послали на станцию разгружать бревна. Некоторые из штрафников еле передвигали ноги и нередко срывались с вагонов, так как не могли удержаться на ногах. Вечером товарищи несли некоторых совершенно обессиленных в землянку на руках.

Андрей Иванович был уверен, что с ним поступили несправедливо, и попросил у бригадира Кирша разрешения сходить к начальнику лагеря. Но он отказал и тогда Гетц пошел самовольно.

Как только он переступил порог начальника лагеря, то его поразило присутствие там человека, которого он хорошо знал. Это был бывший политрук эскадрона, где служил Гетц, Александр Дель. Теперь он оказался секретарем партийной организации лагеря. Естественно, в первую очередь Андрей Иванович спросил сослуживца, как он оказался в Челябинске.

- Особый отдел направил меня в командировку для формирования новой воинской части. Доехал до Челябинска. Здесь ко мне в купе зашли двое с наганами и спросили: «Дель Александр? Вы арестованы». Потом привезли в особый отдел, сорвали петлицы. Почему со мной так поступили, никто не объяснил. И вот я на строительстве.

Такую быль типичную для многих советских немцев рассказал Дель. Гетц в свою очередь поведал о своих путешествиях, коснулся и истории получения 20 суток штрафной бригады. Начальник лагеря сделал вид, что ничего не знает, и молча написал записку: «Освободить немедленно».

Опять, уже в который раз над Гетцем рассеялись тучи. Кто знает, может благодаря этой встрече и записке, Андрей Иванович остался жив. Кстати, на следующий день, потерявшийся рабочий нашелся, он ходил по зоне и собирал объедки. Но из штрафной зоны Гетц вышел таким обессиленным, что не могло быть и речи о его допуске на основные работы.

Андрея Ивановича направили в ОПП. Эта слабосильная команда никогда не испытывала недостатка в кадрах. Да и как могло быть иначе, если в баланде, к примеру, на человека давали 20 граммов муки, пять граммов жиров, а в основном в ней плавала капуста, крапива, которые как раз и собирала ослабевшая команда на пустырях или на полях подсобного хозяйства после уборки урожая.

Могли ли трудармейцы надеяться на понимание со стороны власти реального их по-

ложения? Однозначно - нет. В марте 1943 года состоялось одно из партийных собраний. Парторг ЦК Воронков собрал коммунистов, строящих СПЦ-1. Слово взял оперуполномоченный и, показывая на немцев-коммунистов, сказал:

- Мы знаем, это ваша работа, из-за вас люди не могут выйти на стройплощадку.

Гетц и другие сидели, опустив голову, и молча выслушивали эти беспочвенные обвинения. Стали бы защищаться, могли бы обвинить еще и в саботаже, а это минимум 10 лет заключения. Безопасней со всей соглашаться.

Эта политика морального и физического подавления трудармейцев умело направлялась. Политотдел ГУЛАГа в циркулярном письме начальникам политотделов лагерей отмечал, что создание первичных комсомольских организаций в отрядах и колоннах себя оправдало. Это позволяло собирать средства на формирование танковых колонн и распространение среди «спецконтингента» облигаций военных займов. Однако при этом в лагерях не принимали в партию и комсомол новых членов. Более того, партийное руководство лагерей проводило линию на сокращении численности «немецких» парторганизаций. На «Челябметаллургстрое» к апрелю 1943 г. было исключено из ВКП(б) 74 человека, из них 23 кандидата.

Резко отличаются оценки правового и политического статуса «мобилизованных немцев», которые давались в ходе пропагандистской работы среди самих немцев и среди вольнонаемных работников лагерей и предприятий. В первом случае у людей, «мобилизованных» в ГУЛАГ, опять же всячески старались сформировать чувство причастности к трудовому подвигу народа, несмотря на реалии их фактического положения. В отряды даже приходили поздравительные и благодарственные телеграммы от Верховного Главнокомандующего «мобилизованным немцам», адресованные в лагеря «Главпромстроя» НКВД. Совсем другие речи звучали в выступлениях руководства лагерей и партийных функционеров на закрытых от немцев-коммунистов партийных конференциях и собраниях. Вот только некоторые из этих выступлений. Сохраним стиль оригинала.

А.Н. Комаровский, начальник Челябметаллургстроя: «Юридически они являются полностью правными, но не вполне... Надо понимать, с кем имеем дело. Этот контингент недаром зовется спецконтингентом».

А.Г. Воронков, начальник политотдела: «Раньше мы имели один контингент, теперь другой... в том числе есть чистокровные фрицы. Имеются сигналы саботажа со стороны узбеков. Это получается потому, что происходит взаимосвязь... между узбеками и мобилизованными немцами».

Лобанов, начальник оперотдела: «Небезызвестно - немец является такой национальностью, которая связана по крови с немецким фашизмом... Этой национальности партия не доверяет вполне правильно. Как показал опыт

работы с немцами, они проявляют свои националистические чувства как высшая раса, связь с немецким фашизмом, который из данного контингента черпает шпионские и диверсионные кадры до настоящего времени. Большинство немцев, проживающих в Советском Союзе, имеет родственные связи с Германией. Следовательно, этот контингент является основным, на который опиралась гитлеровская Германия... За контрреволюционную деятельность, т.е. проведение профашистской работы в тылу исключено из партии 33 человека... Среди них руководящие работники, бывшие секретари райкомов Республики немцев Поволжья. Они стали прямыми организаторами повстанческих и диверсионных групп... Приведенные примеры показывают, что собой представляет парторганизация трудмобилизованных. Поэтому к ним нужно быть бдительными. Хочу предупредить, чтобы члены партии своевременно пресекали связь с трудмобилизованными в корне, в зародыше».

Подобная «двойственность» идеологической работы не была случайной. Дело в том, что советские немцы являлись не только источником дешевой рабочей силы, но и идеальным объектом для создания культа врага, который является неотъемлемым элементом идеологической системы. Обычно для этой цели из граждан вычленялась группа людей, которая может стать общепризнанным врагом для широких слоев населения. На придуманного таким образом врага возлагалась вина за трудности жизни. Это позволяло народное недовольство направлять в нужную сторону и стимулировать трудовой энтузиазм масс на «отпор врагу». Идеальным для этой функции являлся такой «внутренний враг», черты которого позволяли связывать его с «врагом внешним». Немцы для этих целей становятся суперидеальным объектом.

...19 апреля 1943 года сталеплавильный цех выдал первую плавку. Строителям подняли норму питания, стало немного легче. Metallургический гигант вступил в строй и заработал на Победу. В мае 1943 года был опубликован Указ: «В Народном Комиссариате Обороны. За образцовое выполнение заданий Правительства по строительству заводов черной металлургии Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина начальник Челябметаллургстроя НКВД А.Н. Комаровский». Орденами и медалями награждаются начальник политотдела А.Г. Воронков, главный инженер В.А. Сапрыкин, директор ЧМЗ Я.И. Сокол, а также еще одна группа особо отличившихся специалистов, без которых строительство завершить было невозможно. Это начальник политотдела ГУЛАГА НКВД П.С. Буланов, прокурор Н.А. Гришин и другие сотрудники НКВД, начальники охраны, стрелки. Но не найдете в Указе ни одной фамилии рабочего или монтажника. Дело винтиков исполнять волю вождей. Тут уж не могло быть и речи о публичном признании заслуг немцев-трудармейцев. Но несмотря ни на что надо жить, работать и приближать Победу.

О мероприятиях по оборудованию зон ограждения лагерных участков

« 1 апреля 1942 г. Секретно.

До сего времени зоны лагерных подразделений остаются необорудованными, что затрудняет охрану их и способствует совершению побегов.

Для немедленного надлежащего оборудования зон приказываю:

Начальникам стройуправлений до 5 апреля с.г. закончить полное оборудование зон с устройством вышек и освещения в точном соответствии с требованиями Устава караульно-конвойной службы ВОХР ГУЛАГа НКВД.

До 10 апреля с.г. на всех лагерных участках достроить и сдать в эксплуатацию помещения вахт.

Все выстроенные зоны привести в надлежащий порядок, очистить прилегающую территорию с обеих сторон, на 10 м от снега, мусора, строительных отходов и пней. Устроить предупредительные зоны...»

Комаровский А.Н. Приказ начальника управления Бакалстроля НКВД СССР о мероприятиях по оборудованию зон ограждения лагерных участков //Тогда была война...1941-1945: Сб. документов и материалов /Под ред. А.П. Финадеева.- Члб: Книга, 2005.-С.28

Лео Герман

СМИЛУЙСЯ, ГОСПОДИ!

Германн Л. Смилуйся, Господи! Воспоминания. — Берлин, 2003. 239 с.

Лео Германн родился в селе Тигенорт, что расположено недалеко от древнего греческого города Мариуполь на Азовском море. Жизнь так сложилась, что он в 1943 году попал в Германию. В 1944 году он был призван в вермахт. Защищая от бриттов г. Ганновер, получил ранение и попал в английский плен. Судьба была к нему благосклонной - он выжил.

Англичане передали немецкого солдата с российским прошлым советским оккупационным войскам. После этого начался ад кромешный. Отбив Соликамскую каторгу, угодил в новую - в трудармию. Свою «провинность» отбывал в Карагандинских шахтах.

После смерти Сталина получили некоторое послабление. Лео Германн решил учиться. Он поступил в Карагандинский горный техникум на вечернее отделение и успешно его за-

кончил. Работал маркшейдером. Вскоре был направлен на целину. Трудился землемером в Актюбинской и Кустанайской областях, но желание учиться дальше было неистребимо. Поступил на заочное отделение строительного института, по окончании которого работал на возведении Казахстанской Магнитки.

17 лет возглавлял ПМК и СМУ, вырос до главного инженера строительного треста. В Германии, вторым заходом, с 1992 года. За это время издал пять книг.

Смилуйся Господи!

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепости нам, Боже правый,
Злодейства ближнего прощать,
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, страшный час.

Предисловие

Эту книгу можно было бы назвать - хроника коммунистического гнета, который пережили российские немцы, имевшие несчастье родиться в России. Пусть этот труд - о характере нашего народа и его трагической истории - еще раз напомним ныне живущим, о неимоверно тяжелом пройденном пути, в сплошных кочках и колдобинах, о тех бесчеловечных мытарствах и страданиях российских немцев, когда приходилось выносить невыносимое. Пусть никогда не сотрется из памяти людей то безысходное прошлое, которое выпало на долю многострадального народа.

Мы, старшее поколение, понемногу уходим с арены жизни, молодые, не жившие в сталинскую драконовскую эпоху, уже не сумеют передать те ужасы, свидетелями которых были их отцы и деды. Правда со временем возвращается, не возвращаются люди, чьи жизни безвинно загублены, а те, которым удалось выжить в дремучем коммунистическом аду, остались, как правило, физическими и духовными инвалидами.

Человеческая память - это тяжелый гнетущий груз, от которого невозможно избавиться. Многие считают, лучше жить без памяти, которая постоянно возвращает к прошлым, пережитым страданиям, но вряд ли такая жизнь достойна человека. Как порой ни тяжела память, но именно она, в первую очередь, отличает человека от животного. Мы, оставшиеся в живых, обязаны воссоздать ту историческую картину, события сталинской эпохи, в период с 1941 по 1956 год, к которой каждый, кто пережил это страшное людоедское время, мог бы приложить, умножить многотысячные собранные факты, которые ему известны, с которыми он сам или кто-либо из его семьи сталкивались. Такие свидетельства могут стать частью всеобъемлющей исторической картины.

Я посчитал долгом перед своим народом собрать и составить свидетельство о преступном бесчинстве советской власти по отношению к российским немцам.

Не было причин обвинять российских немцев в нелояльности к власти. Специалисты из НКВД и МГБ инсценировали гнусную провокацию о том, что в немецкой республике Поволжья якобы готовится массовое предательство, созревает пятая колонна с целью оказания содействия фашистской Германии, чтобы быстрее оккупировать страну. На эту фальшивку сразу же отозвался коммунистический членоконенавистник, публицист Илья Эренбург. Он первым одобрил этот чудовищный указ от 28 августа 1941 года, призвал уничтожить, выкорчевать с корнем все немецкое. Призывал даже уничтожать младенцев в люльках, утверждал, что из этих младенцев вырастут потенциальные враги народа.

Один из его верных последователей - ныне живущий в Германии Борис Хазанов. Его мифотворчество называлось - «По ком звонит потонувший колокол». Этот пасквиль был напечатан в журнале «Страна и мир» за 1986 год.

Как только этому клеветнику в горло лезет немецкий хлеб, и как он этим людям, которых оплевал, теперь в глаза смотрит? Были и другие советские писатели, которые не стеснялись плеснуть ковшиком помоев на российских немцев. А русский писатель Владимир Личутин публично требовал загнать в резервации национальные меньшинства России. Эти несуразные требования прозвучали не в дикие сталинские времена, а в декабре 1988 года, на достопамятном пленуме правления Союза писателей РСФСР.

Провокация в отношении немцев Поволжья была осуществлена комиссарами НКВД, эти злые измышления после были опровергнуты российскими исследователями. После августовского, драконовского Указа начали рьяно осуществлять депортацию самым бесчеловечным образом. Она имела катастрофические последствия для нашего народа. Матильда Гольц рассказывала, как депортация происходила в их селе. Вечером военные, с петлицами НКВД, обходили дома и предупреждали жителей, чтобы к восьми часам утра все собрались у правления колхоза. Вещей разрешали брать с собой столько, сколько можешь унести. Предупреждали, что до станции 18 км, идти придется пешком и свой скарб нести на себе. В половине восьмого уже начали бить в подвешенный лемех от плуга, это был сигнал на сбор. Сельчан уже поджидала кучка военных, всех проверяли по списку. Принесли на носилках парализованную женщину, положили ее у ног энкаведешника. Дед Фридрих Дик спросил у старшего, как быть с этой больной, парализованной женщиной.

- Можете ее положить на телегу, но предупреждаю, дополнительного транспорта не будет, - заявил лейтенант. - Ваши вещи тогда будете тащить на себе.

Сельчане согласились нести свои узлы, не бросить же живого человека на верную гибель!

Когда все были в сборе, прозвучала команда: «Шагом марш! Трогайте!» И печальное шествие пришло в движение. Это были первые шаги в неумолимую, печальную историю, которая вела нас в неотвратимое изгнание. Впереди процессии шла горбатая, безродная старушка Агата Вайс, одетая в жалкие лохмотья, на ногах - не по размеру большие, рваные резиновые боты. Когда уже стали выходить из села, старушка Агата вдруг жалобно запела протяжную похоронную песню, женщины подпевали ей со слезами на глазах. Так прощались сельчане с родными местами, с могилами предков. Было такое ощущение, говорила Матильда, будто идешь за собственным гробом. Дорога назад, в родные места, ссыльным была заказана.

На станции людей, как скот, загнали в грязные -телячьи- вагоны. Перед самой отправкой произошел трогательный эпизод. Большой бурый пес - Джульбарс, деда Фридриха Дика, провожал своих хозяев до самой станции. Когда все загрузились, Джульбарс стоял возле

открытых дверей, с печальными глазами, словно спрашивал: на кого же вы меня бросаете, возьмите меня собой, я же ваш... Но как его взять, когда вагон и без того набит, как селетки в бочке. Елизавета Гужековская вдруг всплеснула руками, стала громко причитать:

- Господи всемогущий! Люди добрые, посмотрите, собака плачет, как человек! - и сама не выдержала, заплакала навзрыд. Действительно у пса из глаз покатились одна, вторая скупая слеза...

- Даже животное не выдержало, плачет, что же нам, горемыкам, тогда остается, кроме как горючими слезами обливаться и проклинать наших угнетателей, мучителей. - жалобно причитала Мария Шварц.

К вагону подошел энкапедешник. Он собрался закрыть дверь, замахнулся на пса, хотел его отогнать, но тот оскалился и зло зарычал. Энкапедешник выхватил из кобуры револьвер и два раза выстрелил в собаку. Джульбарс упал на бок, жалобно заскулил, скорчился. В дверях показался дед Фридрих.

- За что же ты такого доброго пса убил? Ирод!

- Еще одно слово и ты, старый педераст, будешь лежать рядом со своим вонючим псом, - взревел конвоир.

Дед Фридрих ничего больше не сказал: понутив голову, пробрался в глубь вагона.

В этом утомительном путешествии, точнее сказать, арестантском этапе, никакое пропитание людям не выдавали, кроме кипятка на узловых станциях. Каждый должен был заботиться сам о себе, но как заботиться, если везут под усиленным конвоем? Скотские условия не выдержала парализованная фрау Флаум, промучилась немного больше недели.

Беды сопровождали ссыльных постоянно, с каждым днем становилось все тяжелее и тяжелее. Теперь встал вопрос: как предать земле тело умершей старушки? Дед Фридрих обратился к начальнику эшелона, но тот в ответ только накричал на него:

- Ты что думаешь, я тебе остановлю поезд и организую пышные похороны? Идет война, кругом под снегом валяются трупы наших доблестных воинов. Она что, лучше наших солдат? Выбросите ее в сугроб, и больше не приставай ко мне с идиотскими вопросами.

Так был решен вопрос. Кто может себе в полной мере представить, какие душевные муки была вынуждена вынести дочь - оставить любимую мать в снежном сугробе, в диких казахских степях... Какое должно быть сердце, чтобы такое выдержать! Дочь упала голыми коленями в снег, у снежной могилки матери, и так надрывно рыдала, что, казалось, небо разверзнется над головой. У бедной дочери все в груди обуглилось. Если бы эти невероятные страдания можно было правдиво изложить на бумаге, они сотрясли бы весь мир от такого коммунистического зверства.

Казалось, не было в мире больше нации, которой выпала бы такая горькая участь. Четырехлетняя внучка Аннушка со слезами на

глазах допытывалась у горем убитой матери, почему «выбросили бабушку». Что могла ответить измученная мать своей малолетней дочурочке-несмышленишу?

Одним росчерком пера вся нация была скопом осуждена на вечные скитания. Обворованы до последней нитки, лишены не только имущества, но и равноправия с другими людьми. При коммунистической системе вся правда заключалась в кобуре с большим «маузером». Необузданная злоба и дикое самоуправство дохнули на наш горемычный народ, которому предстояло выносить невыносимое. Будет ли когда-нибудь написана истинная история российских немцев, без ретуши, где были бы отражены все невыносимые страдания, унижения и оскорбления, выпавшие на их долю?

Проклятая война стала для российских немцев настоящим бедствием, их, в первую очередь, преследовали по национальному признаку. Можно почти с полной уверенностью сказать, что нет ни одной семьи среди российских немцев, где бы ни орудовал кровавый сталинский топор, прореживая семейные ряды, как кукурузу в поле, а некоторые семьи этот монстр полностью вырубил. Наши люди потеряли все, не только свои дома, живность и долгими годами нажитое имущество, они потеряли самобытную культуру, язык, традиции и веру. Могилы наших людей разбросаны по всей обширной стране, многие ушли на удобрение тундры и бесплодных, голодных казахских степей. Нас лишили возможности поклоняться могилам, где покоятся наши родители, братья и сестры. В большинстве случаев они зарыты, как падший скот, в безымянных ямах, котлованах и экскаваторных траншеях. Никто из арестованных трудармейцев не был удостоен даже самого захудалого креста. Если он был захоронен в отдельной могиле, тогда в изголовье торчала ржавая арматурина с прикрученной к ней проволокой, биркой с лагерным номером замордованного, выбитым гвоздем на кусочке жести, вырезанной из консервной банки.

Первое кладбище трудармейцев в «Челябметаллургстрое» было расположено там, где после был возведен шлакоотвал. Когда домна выдала первый чугун, расплавленным металлом - шлаком заливались эти кладбища. В провалы мелко выкопанных могил попадала расплавленная масса, все, что еще оставалось от немца-трудармейца, сгорало, из могилки поднимался дымок, воняло паленым мясом и горелыми костями. Тотальный советский режим не давал людям жить нормально, теперь еще и покоя в могилах лишили. Здесь уместно вспомнить прекрасные стихи нашего замечательного поэта Виктора Графа:

Умирая, мама нас просила
Праху низко поклониться.
И будь я в стае журавлей,
Летящей в высокой сини,
Я поклонился бы могиле
И святой памяти твоей.
Но нет ни стаи, ни могилы,
Жива лишь боль в душе моей.

К началу зимы депортированных российских немцев доставили к месту пожизненной ссылки. Никто, конечно, не приготовил хотя бы элементарные помещения, пригодные для жилья. Местом ссылки, как правило, выбирали самые захудалые, нищие колхозы, расположенные в глубинке, в гиблых местах, мало пригодных для жизни людей - в Сибири и Казахстане. В этих селах и аулах местные жители сами терпели вопиющую нужду, жили впроголодь, а тут еще пригнали «вражьи фашисты». В большинстве, особенно в русских селениях, ссыльные немцы поначалу были приняты как враги, которые повинны в кровавой войне. Советская пропаганда в этом направлении работала на всю мощь, чтобы еще больше усложнить жизнь обездоленным людям, что-то, а это коммунисты умели делать отлично.

Изгнанных из своих мест ссыльных размещали в развалах, сараях, кошарах и скотских дворах, прямо вместе со скотом. Некоторые матери укладывали своих детей под бок лежавших коров, чтобы хоть как-то обогреть ребенка. Немцы были уравнианы со скотом, порой и того хуже. Скот кормили три раза в день, а ссыльные должны были сами за свое существование беспокоиться. Для того чтобы спасти детей от голодной смерти, родители снимали с себя последнюю одежду, выменивали ее на продукты.

В адских условиях тысячи людей погибали неестественной смертью, особенно много умирало грудных младенцев и малолетних детей. Установить, хотя бы приблизительно, сколько погибло российских немцев в этом коммунистическом кошмаре, не представляется возможным, потому что учет никто не вел, никому такой учет не нужен был. Погибают, ну и пусть погибают, это же немцы-фашисты!

Это было только началом того предстоящего ужаса, который уготовила нашему народу «родная коммунистическая партия». В это время за высокими стенами Кремля готовили новый удар по немецкому народу России. 10 января 1942 года вышло новое драконовское постановление, которое гласило: всех российских немцев мобилизовать в трудармии. На деле, выглядело все по-другому. О какой-либо

трудармии, в нормальном, человеческом понятии, и речи не могло быть. Всех насильно мобилизованных с первых же дней загоняли как уголовных преступников за колючую проволоку. С ними обращались жестоко, как с настоящими врагами, принуждали к двенадцатичасовому каторжному труду. На работу и с работы водили под дулом винтовок и автоматов, в сопровождении натасканных, постоянно оскаленных овчарок.

Позже вышло еще несколько постановлений - от 14 февраля и 7 октября 1942 года, 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 года. И каждое последующее постановление все больше ужесточало и без того ужасное положение российских немцев. Если в первых двух случаях речь шла только о мужчинах от 17 до 50 лет, то уже по третьему постановлению на каторжные работы мобилизовали мужчин от 15 до 55 лет, а женщин - от 16 до 50 лет, кроме беременных и имевших малолетних детей в возрасте до трёх лет.

Можно сказать, что коммунисты бросили смертельный вызов немецкому народу. Поединок был жестокий и беспощадный, отразить натиск было почти невозможно. Если бы проклятия, которые были посланы «родной коммунистической партией» и предсмертные стоны замученных могли дымиться, то вся великая Русь задохнулась бы от едкого дыма. Наш народ пережил настоящий коммунистический апокалипсис.

Разумеется, все концлагеря смерти, где содержались немцы, перечислить просто невозможно, ибо вся страна была тогда окутана колючей проволокой. Назову лишь самые злоешие, где людей уничтожали голодомором: «Воркуталаг», «Вятколаг», «Бокалрудстройлаг», «Челябметаллургстройлаг», «Севлаг», «Ивдельлаг», «Солекамсклаг», «Печерлаг», «Усольлаг», «Желдорлаг – Котлас» и сотни других. В этих советских концлагерях смертность была столь высока, что за два года лагерный контингент заключенных российских немцев уменьшился более чем наполовину. Эти слова подтверждаются документально, приведу в пример две архивные справки.

СПРАВКА

Изучение представляемых лагерей НКВД, данных о естественной убыли из рабочих колонн мобилизованных немцев показывает, что в ряде лагерей с этим вопросом обстоит крайне неблагоприятно.

По неполным данным, в течение января-июня 1942 года, за неполные шесть месяцев, только по пяти лагерям с общим списочным составом на первое полугодия с.г. в 43856 человек мобилизованных немцев, - умерло 5781 человек.

Особо высокая смертность отмечается на «Солекамскстрое», где за неполные шесть месяцев умерло 2687 чел., что составляет 27,6 % списочного состава; «Богославстрое» - за этот же период умерло 1694, или 17,8%, а в «Севжелдорлаге» за три месяца умерло 1876 человек, или 24,9 % списочного состава.

Причиной такой высокой убыли является ослабление рабочего фонда, доведение его до состояния инвалидности и непригодности к труду...

Начальник ОУРЗ ГУЛАГа НКВД капитан Госбезопасности Грановский

Далее, со второй половины 1942 - первой половины 1943 годов, численность умерших (естественная убыль) еще более возросла и стала доходить до 50 %, а в некоторых лагерях и больше. Это закономерно, так как питание

наших рабов - трудармейцев было таким, что, даже не работая, выжить становилось почти невозможно. Приведу ещё один короткий документ.

СПРАВКА

Секретно.

300 гр. хлеба и суп-вода. Люди слабеют до такой степени, что не поддаются нормальному ведению допросов.

П.П. Честных

А. Комаровский

Знакомая фамилия, не правда ли? Да, это тот самый генерал-палач из «Бокалрудстроя». Обратите внимание на концовку этой коротенькой справки. Черный генерал беспокоится о том, что нельзя будет нормально вести допросы. На остальное ему наплевать.

Еще одна справка. Российский историк Татьяна Сабурова, изучив дела этнических немцев, хранящиеся в архиве ФСБ Архангельской области, в своей работе, озаглавленной «Этнические немцы Севера», приводит ужасающие факты: в местах лишения свободы Архангельской области в 1941-1942 годах «был расстрелян каждый третий, а в некоторых лагерях и того больше - каждые два немца из трёх».

Самым страшным для немецкого народа России был последний уничтожающий удар, когда была объявлена мобилизация женщин немецкой национальности. Матерей отрывали от малолетних детей. Оголтелые коммунисты ставили своей целью, в первую очередь, разрушение немецких семей. Наши дети, лишённые родителей, были брошены на произвол судьбы, бродили, как голодные волчата, по завьюженным казахским степям в поисках пропитания, ходили по аулам с протянутыми, исхудалыми ручонками, просили милостыню. Многих замерзших детей находили по весне, когда растаивал снег, некоторые были обглоданы до костей дикими зверями. Кто может определить, какие неземные муки были вынуждены перенести бедные малолетние сироты? Известно, что самая ужасная смерть - это умерщвление голодом. Такое «счастлирое детство» уготовил нашим детям «отец народа».

Умышленные семейные разрывы, эти варварские деяния оголтелых коммунистов, обернулись для российских немцев, утратой материальных, моральных и нравственных качеств. По другому и не могло быть, все вело к этому. Брошенные на произвол судьбы дети, немощные пожилые люди, оставленные без средств к существованию, были заведомо обречены на страдания и мучительную смерть.

Немецких сирот не везде брали в детские приюты. Я знал немецкую женщину-мать Марту Гофман, на руках у которой, после мобилизации в трудармию немецких женщин, остались 14 детей от пяти до десяти лет. Это была настоящая мать Тереза, скольких детей она спасла! Она со своими детьми жила впроголодь, а тут ей навязали ещё беспризорных сирот. Она была

вынуждена поменять ребятишкам фамилии, чтобы хоть как-нибудь пристроить брошенных детей. Наконец ей удалось определить сирот в «политический дом приюта», где содержали дети врагов народа. Этот приют был мало похож на «детдом», больше смахивал на зону, где за высоким сплошным дощатым забором содержали малолетних политических заключённых. В приюте был сходный тюремный режим.

В этом заведении детей-сирот вши поедали поедом, у многих детишек тела покрылись коростой, в сплошных гнойниках. Директор, «товарищ» Прокопьев, работник НКВД, был здесь полновластным хозяином, безжалостно, как и полагалось, обходился с потенциальными врагами советского народа. При малейших шалостях Прокопьев избивал детей плеткой до кровоподтёков. В этом детском приюте была очень высокая смертность. Детей хоронили без гроба, бросали в общую яму и засыпали землей. Хотелось бы спросить германских политиков, которые так рьяно ратуют за чистоту нации: как могло это поколение сохранить свою историческую культуру и родной немецкий язык? На улице за произнесенное слово могли нещадно избить.

В страшную сталинскую эпоху российские немцы потеряли около 40 % детей, замученных беспощадным голодом и разбросанных по чужой земле на вечное блуждание. В этом кошмарном водовороте коммунистические притеснители и гонители не только растоптали жизнь взрослого населения, но и не пощадили обездоленных сирот. Детей отрывали от матерей, немецких корней, древней самобытной культуры. Без содрогания невозможно воспроизвести рассказ Отильды Шмидт о том, как женщин загружали в «телячьи» вагоны, как дети кричали: «Мамочка, родненькая, на кого же ты меня бросаешь!» Плачущих детей энкаведешники грубо отрывали от матерей, отталкивали в сторону. Один мальчишка укусил энкаведешника за руку, когда тот отрывал его от юбки матери, обозленный конвой ударил мальчишку по лицу, да так сильно, что малец опрокинулся в снег, а плачущую мать затолкал в вагон. Душераздирающие крики, наверно, еще долго звучали в ушах матерей. Какие кровавые зарубки должны были остаться на истерзанных сердцах бедных немецких женщин. Казалось, никакое человеческое сердце не способно вынести жуткий детский вопль.

Монстр в человеческом образе, который так бесчеловечно, жестоко расправился с целым народом, будет навеки покрыт позором в памяти потомков.

С мужским немецким населением обошлись еще круче. В «Челябметаллургстрое», в этом лагере смерти за колючим многорядным заграждением, немцам откровенно говорили, что они подлежат уничтожению. Оказалось, такой окончательный исход был предусмотрен верховной властью страны, это можно было понять из того, как кормили заключенных трудармейцев. Дневной рацион при двенадцати-часовом рабочем дне, на тяжелых каторжных работах, состоял из двух черпаков шлёмки, один в обед, второй на ужин. Этот так называемый приварок был приготовлен из плохо очищенного дробленого ячменя, и 700 граммов черного, как земля, сырого невыпеченного хлеба, из которого при желании можно было лепить разные фигурки, но изможденным людям было не до фигурок.

Любому здравомыслящему человеку понятно, что такого скудного питания было совершенно недостаточно, чтобы восстановить силы после тяжелого труда, где основными инструментами были кирки, клинья, ломы, лопаты и тачки или носилки.

Из российских немцев-трудармейцев неимоверным сталинским прессом выдавлены все жизненные соки. За короткое время - два три месяца - люди были настолько измучены постоянной борьбой за жалкое существование, борьбой за самое необходимое - за кусок черного хлеба, что окончательно выбились из сил. Особенно страдала интеллигенция: учителя, врачи, музыканты, журналисты, ученые и т.д. Бывшим колхозникам было легче переносить эту тяжесть, они привыкли к голодному пайку и беспросветному труду от зари до зари, за пустой, подлый трудодень.

Коммунистические изверги очень быстро произвели среди лагерного континента нивелировку - выравнивали всех под общий советский шаблон. Люди через полгода превратились в «получеловеков» - полуобезьян: небритые, изможденные до костей, живые, движущиеся скелеты, от этих доходяг несло за пять шагов специфическим лагерным запахом, которым была пропитана вся одежда. И не мудрено, в баню водили один раз в месяц, для мытья выдавали кусочек серого мыла, размером со спичечный коробок, только тоньше, отвратительно вонявшего карболкой. Попробуй при таких бесчеловечных условиях соблюдать необходимую гигиену! Со вшами, которые поедом поедали, боролись только дустом, но и дуст не всегда помогал, казалось, вши на этот порошок уже мало реагируют.

Но еще больше донимали несчастных людей клопы. Тот, кто не испытал на своем теле эту мерзость, не может себе представить, какая это гадость. Между прочим, это лагерный атрибут, неотъемлемая принадлежностью всех советских концлагерей. Маленькие красные паразиты, клопы-кровососы, причиняли

смертельно уставшим людям немало неприятностей, отравляли и без того жестокие часы отдыха. Там, где проходил по телу клоп, оставался след, словно строчка после швейной машинки, и вызывал страшный зуд. Порой было такое ощущение, будто кто-то провел по телу раскаленной проволокой.

Как могли арестанты отдыхать после тяжелого каторжного труда в таком «обществе», можете себе представить. Это тоже было своеобразное издевательство над невольниками.

В Соликамских лагерях практиковали новый метод истязания. Несчастного раздевали догола, привязывали руки назад, к дереву, и отдавали на съедение комарам и мелкому гнусу. На первый взгляд, казалось бы, ничего страшного не происходит. На самом деле это страшная пытка, какую только коммунисты могли придумать. Уже через полчаса все тело горит, словно его опалили паяльной лампой, как забитую свинью. Ни инквизиция, ни нацисты не могли додуматься до такой «безобидной» ужасной пытки. Лицо подопытной жертвы напоминало красное отбивное мясо, а тело словно пузырилось, превращалось в кроваво-красную корженину. Невозможно передать обычными словами, какие адские муки при таких пытках терпел человек.

Жизнь российских немцев-невольников с каждым днем становилась чудовищнее и беспросветнее. Большая костедробилка заработала, и с каждым днем набирала все больше оборотов. Злосчастный гулаговский механизм за семь месяцев перемолол треть всего лагерного континента. Сколько людей погибло ни за что, ни про что в многочисленных советских концлагерях, и не какие-нибудь подонки, а хорошие люди, в основном труженики полей. Люди с большой буквы, которые кормили страну. В лагере «Челябметаллургстрой» лютые надзиратели были щедры на зуботычины. Особенно среди этой банды выделялся «товарищ» Вахрушев со своим сочным, многоэтажным матом, в котором упоминался вес род несчастного трудармейца до третьего колена: мама, папа, бабушка и прабабушка.

В этом лагере смерти имелась даже санитарная часть, но туда принимали только таких, которые весили меньше 45 килограммов. Взрослые мужчины в действительности были живыми скелетами, из которых до последней капельки выжали все жизненные соки. Иными словами, кости обтянутые серой кожей.

Каждый день, перед тем как отправиться на строящийся объект, замполит держал перед невольниками-трудармейцами речь в коммунистическом стиле, где, кроме лжи, ничего не было, никто его, конечно, и не слушал. В одно ухо влетало, в другое вылетало, ничего из сказанного не задерживалось в памяти.

Замполит называл заключенных трудармейцев «товарищами», призывал все силы отдавать фронту, а за его спиной на заборе висел призывный плакат – «Убьешь немца-гада, душа рада!» Коммунистический плакат призывал убивать немцев - не фашистов, не врагов-

нацистов, а немцев. Здесь, в Челябинске, не было фронта, значит, уничтожению подлежали эти изможденные, с втянутыми в плечи, от лютого мороза, «товарищи» в грязных стеганных, без воротников, телогрейках, по-другому этот плакат нельзя было понять. Обозленный на все немецкое лагерный вертухай - надзиратель Вахрушев - часто показывал рукой на плакат, висевший на заборе, и саркастически разглагольствовал. Дескать, он тоже радуется, когда видит, как по утрам вытаскивают из жилых бараков остывшие трупы трудармейцев.

Что можно было сказать дегенерату, садисту с красной книжечкой в кармане?

На стройплощадке, во время обеденного перерыва, раз в неделю появлялся представитель политико-воспитательного отдела и зачитывал приказы об осужденных на расстрел «саботажниках». Поначалу приказы подписывал генерал Александров, затем генерал Рапопорт. В «Бокалрудстрое» эти функции выполнял генерал Комаровский. Вначале «Бокалрудстрой» и «Челябметаллургстрой» были одним лагерем, но затем они разделились.

Эту тройку черных генералов можно причислить к лютым палачам, человеконенавистникам. Они нанесли нашему народу невосполнимый урон. У этих убийц немецкого народа не только руки по локоть, но и ноги по колени в крови.

Нормальному человеку такая откровенная коммунистическая подлость не уложится в сознание. Сами подумайте: какой же это саботажник, если он едва ноги передвигает? Такой доходяга и без расстрела долго бы не протянул, максимум недели полторы. Отстрел дистрофиков производился тоже не просто так, оперативники должны были представить все в таком свете, будто в этом лагере кишмя кишели предатели, саботажники, враги советской власти. Они делали видимость, что рьяно защищают тылы советской власти. Если бы они не производили постоянный отстрел доходяг, их бы самих давно уже отправили на фронт. А фронт - это война, там могут и убить, поэтому трудились здесь в поте лица.

Глядя на эту ужасную картину, подумаешь, до какого состояния может довести людей коммунистический бандитизм, этот богомерзкий маразм, который господствовал во всех этих трижды проклятых уральских, советских концлагерях.

Российские немцы были незаслуженно дискредитированы и доведены до такого состояния, что смотреть на них было больно. Наш народ влачил в уральских концлагерях жалкое существование. Люди были доведены до последней грани, испытывали постоянную физическую и моральную подавленность. Уцелеть, выжить в земном коммунистическом аду - минимальные шансы; казалось здесь «смертный сквознячок» тянется синей ленточкой изо всех щелей. Коммунисты поступали с российскими немцами, как нацисты с евреями, только та разница, что не сжигали в газовых камерах. Хотя умереть медленным, продолжительным

голодомором нисколько не легче, чем быть сожженным в газовой камере. Я понимаю, уже одно такое сравнение недопустимо - это кощунство... Смерть есть смерть!

Это какой-то невообразимый идиотизм - как можно обвинить всю нацию! В каждой нации есть порядочные, добрые люди и есть сволочи и мерзавцы. Всех чохом обвинить, это не что иное, как очередной вывих туполобых правителей. Что же это получается, еще не родившийся, в утробе матери ребенок становится обреченным, не родившийся уже виноват перед коммунистами, и его нужно уничтожить.

Настоящее людоедство! Какой страшный звериный оскал у кровожадных коммунистов! Кому хоть раз пришлось вблизи заглянуть в открытую волчью пасть, тот уже никогда этот ужас не забудет. Все мерзопакостные картины особенно отчетливо отражали ночью лагерный ужас. Бесчеловечные людские страдания - скрученные в три погибели на полу, в проходах, полуживые трупы, их душераздирающие стоны - правдиво отразить на листе бумаги под силу разве гению. Эти ночные завывания, глухое уханье, доносившееся из каждого угла и прохода, как из черных бездонных провалов. Сердце не выдерживает, инеем покрывается от этих жутких всхлипов, глухих протажных предсмертных вздохов, леденящих душу стонов... Казалось, в гигантском людском водовороте истощенные люди дошли до последней грани жизни, еще полшага - и пропасть.

Измученные люди потеряли способность нормально думать, все мысли, которые кружились в голове, крутились вокруг сухой корки хлеба и жидкого черпака баланды. И вопреки этому, наши наивные люди еще на что-то надеялись, когда уже не на что было надеяться. В «Челябметаллургстрое» в зимнее время трупов не хоронили, их складывали в высокие, до двух метров, штабеля, как дрова. Человекомогильник располагался в Баландинском березовом лесу. Откуда-то появились полчища крыс, вероятно, они перебрались из ближайших сел. За зиму крысы обгрызли все конечности у мертвецов, уши, носы, губы, пальцы... Нижние ряды в штабелях были полностью обглоданы. Весной выкопали экскаватором траншею, и пожарными баграми стаскивали трупы в траншею как попало, как палый скот. При вывозе из зоны трупов, поначалу им в шлюзе на ККП прокалывали штырями груди, но когда уже штабелями стали вывозить, трупам пробивали кувалдами головы, так было легче и проще. Палачи усовершенствовали свой труд. Был случай, когда одному «мертвецу» прокололи грудь, и он застонал, рассказывал Филипп Бальцер. Контролер по-черному выругался, сказал с откровенной издевкой, что нужно было раньше стонать. Так его и отправили, полуживого, в общий человекомогильник. Такое изуверство забыть невозможно, если бы даже очень хотел. Создается такое впечатление, что людей уничтожали так жестоко с какой-то непонятной целью, будто это были вовсе не люди, а какие-то вредные твари - грызуны.

Доктор Раймунд Ваннер

Генрих Дауб

«ШЁЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ...»

Я много общался с Эвальдом Абрамовичем Федерату по телефону, встречался с ним. И сегодня, несмотря на букет болезней и уже солидный возраст (87 лет), чувствуется в этом человеке внутренняя сила, жесткий стержень. Он из тех, кого жизнь била, но он от этого становился только крепче. Поражает его память: он вспоминает такие детали, что кажется, все это происходило с ним только вчера. Воспоминания свои сопровождает цитированием мудрых мыслей, может неожиданно начать декламировать стихи: то это Сергей Есенин, то Гёте, то вдруг какой-нибудь забытый немецкий поэт 18 века. На русском языке, на немецком... Слова, которые Владимир Высоцкий сказал о себе, могут быть отнесены и к Эвальду Федерату:

**«И вкусы и запросы мои – странны,
Я экзотичен, мягко говоря:
Могу одновременно грызть стаканы –
И Шиллера читать без словаря».**

Стаканы он сегодня, конечно же, не «грызёт», все больше капли, прописанные врачами, но чувствуется – были времена... Хотя бы и в этом: не могу себе представить, чтобы он когда-нибудь мог потерять контроль над собой. Не из таких.

Он из того поколения российских немцев, которые буквально со школьной скамьи попали в трудармию – в жернова системы ГУЛАГ. Прошёл все круги ада, но они его не сломали. Записывая его воспоминания, я ещё раз убеждался, что мы можем гордиться поколением наших отцов. И, закончив обработку этого текста, понял, как мы должны торопиться записать воспоминания тех из них, кто еще жив, кто еще находится среди нас. Ведь сегодня из них остались единицы, те, кто тогда были практически пацанами. Те, что были старше их, уже ушли... Эти воспоминания – ценнейший исторический источник для потомков. И поэтому мой призыв обращен ко всем, кто может писать: отбросьте все – запишите воспоминания наших стариков! Если мы не сделаем этого, грош нам цена и грош цена нашим клятвенным утверждениям, что мы патриоты, что мы любим наш народ.

Я, Эвальд Абрамович Федерату, родился 31 октября 1923 года в деревне Огуз-Тобе Ленинского района Крымской области (также Огуз-Тебе, Окуз-Тебе, до 1917 – Таврическая губерния, Феодосийский уезд, Владиславская волость. В советский период – Крымская АССР. Меннонитское село, основано в 1884 году. Расположено к северу от Феодосии. Земли 1600 десятин. В 1926 году имелась начальная школа. Жителей: в 1915 году – 91 человек, в 1926 – 185, из них 155 – немцы. Ныне село Красноармейское. Брат Эрих родился 6 апреля 1921 года там же. Советская власть пришла в Крым в 1920 году. В 1927 году родилась сестра Зельма, она сейчас живет в Дармштадте. Огуз-Тобе, несмотря на татарское название, было немецкой деревней. Все ее жители имели свое хозяйство, строили из ракушечника, которого в этих местах много, дома были очень красивые. У каждого сразу за домом был сад, виноградник. Жили хорошо, не бедствовали.

В гражданскую войну в деревне квартировали офицеры-белогвардейцы, которые держали оборону Перекопа. В нашем доме стоял на поселении белогвардейский полковник, который регулярно приезжал привести себя в порядок. Моим родителям он рассказывал, что там идет не война, а убийство. Потом они все убежали – кто в Керчь, кто в Феодосию, чтобы уплыть на кораблях в Турцию.

С 1930 года началось выселение раскула-

ченных. В Крыму процесс раскулачивания и выселения начался с греков, имевших подданство Греции. Большинство людей выселяли в основном на Урал. В нашей деревне было приблизительно 20 дворов. После «раскулачивания» сохранились нетронутыми 5 дворов. Мы уехали в Бердянск, где у нас жили родственники Классен'ы. Отец работал там на Первомайском заводе сельхозмашин. В 1930 году я пошел в Бердянске в школу – в 1 класс. Ходил в школу мимо церкви, видел, как ее взрывали. В начале 30 годов было много беспризорников, голодных детей, да и взрослых тоже. Помню, что нам не разрешали ходить в школу мимо базара, где милиция в 1933 году делала облавы, ловили беспризорников, загружали полные машины и увозили в горы и там расстреливали. Там погибли взятые вместе с беспризорниками несколько моих друзей из соседних классов. Помню строчки из песни, которую тогда пели: «Курочек и гусочек мы Франции продали, а конницу Буденного мы сами сожрали»

В 1937 году посадили отца. Помню, мать плачет, а он говорит ей: «Это недоразумение, я скоро вернусь». Начальником тюрьмы был некто Радзинский, его сын Додик учился со мной в одном классе. Мать ходила в тюрьму с передачами, узнала фамилию следователя, который вел дело отца – Халецкий. Однажды мама пришла домой и плачет: «Он не может кушать». Отцу переломали все пальцы. Ему

дали 6 лет, он попал в Соликамск, какое-то время мы получали от него письма, потом связь потерялась, и мы его больше никогда не видели. Уже в 90-е годы мы получили бумагу, в которой было сказано, что наш отец умер в 1945 году. В ней значилось, что он был невинно осужден. По другим каналам я узнал, что мой отец был расстрелян в 1938 году. Не вернулось и преобладающее большинство остальных немцев, забранных в это время.

Эрих в 1937 году с отличием закончил машиностроительный техникум, в 1938 году он был по 3% квоте для отличников принят в Харьковский машиностроительный институт, а меня с сестрой отправили к бабушке в Огуз-Тобе, там жили еще мои дяди и тети, которые продолжали нас поддерживать.

Сестра училась в школе в 3-4 классах в соседней деревне Акмонай. Эти 5 километров она ходила пешком, а я закончил уже 5 класс, и у меня началась трудовая деятельность – пас коров. В мои обязанности входило также обслуживание 30 волов. Вставал в 4 часа утра, в 6 часов за волами приходили, к этому времени они уже должны были быть напоенными и накормленными. Я обучал волов ходить в упряжке. Там я работал 2 года. Потом пошёл в Акмонай в 6 класс и закончил там на «отлично» 7 классов. Председатель колхоза Тресеев давал мне книжки читать, а потом отпустил учиться в Феодосию в гидрометеорологический техникум.

В начале занятий директор вызвал к себе и сказал, что приемная комиссия не пропустит меня из-за того, что я немец и сын врага народа. Тогда я сдал документы в Феодосийский педтехникум, в котором и учился с 1940 по 1941 годы. Учились у нас представители всех народов Крыма: русские, много немцев, греки, крымские татары, болгары.

Техникум и общежитие техникума, в котором я жил, находились в одном здании. В нашем же общежитии жили и студенты пединститута, которые были одновременно курсантами Качинской авиашколы.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года один из наших студентов, Истомин, пошел во двор в туалет, а наше здание находилось у морского порта, напротив него лежит остров Двухякорный. Истомин вернулся и сказал, что над островом (там минный завод!) летают санитарные самолеты, а на минном заводе взрываются мины. Мы выскочили все во двор, слышим гул, прожектора освещают небо, там кружат самолеты, вокруг них вспышки. Кто-то из ребят из авиашколы сказал: «Какой х – санитарные самолеты!.. Это фашистские самолеты, а по ним бьют наши зенитки. Война началась». Немецкие самолеты бомбили порт и минный завод. На наших глазах один из немецких самолетов был подбит, задымился и упал в море. Так для меня началась война. Шел мне тогда восемнадцатый год.

Утром мы все поехали на вокзал, что напротив музея Айвазовского, чтобы разъехаться по домам. На всю жизнь запомнился мне такой

момент: сижу я вместе с нашим студентом по фамилии Пархоменко – был он племянником того самого героя гражданской войны Александра Пархоменко – и слушаем речь Молотова. Пархоменко мне в этот момент вдруг сказал: «Во всех войнах особенно тяжело было людям, которые принадлежали к тому же народу, что и противник. Я тебе сочувствую. Потому что, как немцу, в этой войне тебе будет нелегко. И тебе и всему твоему народу придется очень тяжело». Умный был парень – как в воду глядел.

Я приехал домой 22 июня. Пошел к бухгалтеру Лукьяненко, который меня не просто уважал, но любил. Он послал меня работать учетчиком-весовщиком. В это время уже шла уборка – убирали ячмень, потом, в июле, пошла уже уборка пшеницы. 17 августа мы уже всюю косили в греческой деревне Джантар. Вдруг на поле прискакали всадники с винтовками наперевес: «Всем домой!». Мы подумали, что будет какое-то торжество. Говорю: «Мы сходим искупаемся сначала». И направились с другом в сторону моря, но один из всадников закричал: «Идите, садитесь в бричку!» Мы не послушались и пошли дальше, он снял с плеча винтовку, щелкнул затвором, нацелился на нас и закричал: «Если не пойдете, сейчас пристрелим!» Мы, конечно, испугались и поняли, что тут что-то не то. С этого и началась наша немецкая военная судьба.

В деревне возле каждого двора уже стояли брички с извозчиками из других ненемецких деревень. Жителям немцам был отдан приказ за несколько часов собраться и быть готовыми к тому, что их увезут на несколько дней. Никто нам не объявил, что нас увозят надолго. Поэтому мы и не успели прихватить с собой всё необходимое. Я, правда, успел ещё добыть полмешка муки. Мама тоже здесь была, она на лето приехала, а брат Эрих работал учителем математики в еврейской деревне Кенегез. Он к этому времени стал заочником. На станции Семь Колодезей мы с ним встретились.

Дорога следования к станции по всему пути была уже предварительно оцеплена военными. Нам даже не давали за скирдой нужду справиться. Это испытали на себе наши женщины, которые для этого пошли за копны, там они натолкнулись на спрятавшихся с винтовками наизготовку солдатами, которые погнало их обратно. По прибытии на станцию Семь Колодезей, нас вместе с большим количеством привезённых сюда же немцев из других деревень погрузили в товарные вагоны и повезли на север в Мелитополь. Вагоны были забиты битком – в каждом человек по 60. Конвой закрыл двери. Приехали на узловую станцию Мелитополь. Наш поезд поставили в самый дальний угол. Смотрим – все забито и воды негде добыть.

Все первые пути были забиты пассажирскими поездами, в которых эвакуировали партийно-большевистскую элиту Украины и евреев. Эти поезда пропускали в первую очередь. Тогда же на вокзале я услышал от воз-

мущённых людей: «Драпают на ташкентский фронт». Всё обслуживание вокзала работало только на них, все продукты везли им, мы же не могли достать не то что кипятка – даже холодной воды!

Наш поезд ехал очень медленно, останавливались только на полустанках, где не было горячей воды. Отправлять нужду разрешали только под вагонами. Доехали до разъезда Чертково, там всего-то один домик стоял. Здесь над нашим эшелонем пролетели 3 немецких самолета. Вдруг они развернулись и начали сбрасывать на наш эшелон бомбы. Женщины бросились с детьми под вагоны, мы с Эрихом легли в воронку от бомбы. Помню, одна из бомб вошла между шпалами и не взорвалась. Женщины стали махать платками пикирующим самолетам и они перестали нас обстреливать. Видел, как наши конвоиры после первого захода стали срывать с себя погоны и побежали к лесу – паника. Наконец самолеты улетели. Конвоиры вернулись, как ни в чем не бывало, сопровождали нас потом дальше. Но мы долго не могли тронуться – из-за бомбы, которая торчала между шпалами. Наконец пришел трактор, бомбу вытащили, и мы смогли ехать дальше.

Нас довезли до Буденовска, возле Каспийского моря, там выгрузили. Месяц мы провели в казачей станице Прасковая. Ее жители приняли нас очень приветливо, разобрали всех по своим домам. Запомнилось, что все у них утопало в садах и виноградниках. Потом нас опять погрузили в поезд и повезли дальше на восток. Довезли до станции Мамлютка, что в Казахстане – не доезжая до Петропавловска. Нашу семью повезли в село Белое. Было уже начало октября. Здесь нас люди встретили очень враждебно, они сами жили бедно, к этому времени пришло уже много похоронок с фронта. Нам было запрещено выезжать из деревни.

С 1939 года здесь проживало много ссыльных поляков. Один из них, Врублевский, взял меня помощником в овечью кошару. Я помогал кормить овец и охранять их по ночам. Рядом была молочная ферма. Я на ней грелся, а потом часа в 4 шел в овчарню и уносил родившихся ягнят на молочную ферму. Там же впервые в жизни пришлось познакомиться с волками

6 февраля 1942 года 18 человек немцев, в том числе и я, были вывезены в Мамлютку, в военкомат. Нас погрузили в вагоны-ледники и в них при температуре минус 30-35 градусов шесть суток везли до Челябинска. А на нас крымская одежда, мы ведь не сибиряки! У моего земляка Дани Пеннера отца посадили еще в 1937 году, на нем было отцовское пальто, на мне тоже, мама перед отправкой меня в трудармию перешила мне его. Шел мне девятнадцатый год. Забегая вперед, скажу, что из этих 17 человек в живых к концу войны осталось только двое: я и Геральд Шперлинг, который умер уже здесь, в Германии, два с половиной года назад.

В Челябинске нас определили в бараки Бакалстроя, народу – полно! На следующий день выбрали нас, 250 человек, и повели по снегу пешком. Шли гуськом 20 километров, передние протаптывали дорогу, остальные шли за ними. Дошли уже в полночь до места назначения, позже узнали – недалеко от станции Баландино. А место назначения такое: среди степи стояли вагоны, с щелями между досок в палец и больше. В вагонах нары. Я каждое утро примерзал к стенке вагона. Работали мы от рассвета до заката, кормили нас овсянкой, но готовить ее было сложно: пищу варили в казане, в открытом поле на костре, на холоде и на ветру. Если ветер был сильный, то пища получалась полусырой. Одежда никаких не было, спали в той же одежде, в которой работали. В середине вагона была печка, которую топили солярой с того момента, когда нас пригоняли с работы. В поле работали кайлами, ломками. Через короткое время у нас появились вши, мы прокалывали свою одежду над раскаленной печкой. Обувь на нас вначале была своя, когда она снашивалась, мы носили самодельные, так называемые, ЧТЗ – делали их из покрышек и шинелей. Из медперсонала у нас был фельдшер, был еще доктор Ничке. Недалеко была станция Потанино, где делали кирпичи, о ней написано у Герхарда Вольтера. Там люди на разгрузке-погрузке кирпичей выдерживали 2 недели, потом умирали. Даже самые крепкие изменялись внешне, становились сутулыми, не ходили, а таскали за собой ноги. Весной привезли 200 штук стригальных машинок, и мы друг друга постригли.

Когда насыпь была более или менее готова и началась укладка рельсов, нашему фельдшеру упавшая рельса перебила ногу. Доктор Ничке заставил нас искать дощечки, из которых соорудил шину для переломанной ноги.

Регулярно ночью кого-нибудь забирали, а потом мы читали приказы о приговорах: к 10 годам заключения, к расстрелу Доктора Ничке тоже однажды забрали.

Даня Пеннер наскреб из ящика полкружки протравленной пшеницы. Я отнял у него половину и съел ее. Взрослый мужчина Даня Пеннер плакал как ребенок. А мне было все равно – я хотел есть! Мы уже были лишены всяческих эмоций – и положительных, и отрицательных. У нас ко всему было полное безразличие. После того как мы съели эту пшеницу, у нас обоих в течение двух дней был кровавый понос. Так я, невольно, спас Дане жизнь. Но позже он все равно умер.

Потом у меня появился флюс: страшная боль, рот я открывать не мог, не мог и есть. По приказу прораба меня увезли на грузовой машине в 6-й лагерь. Там были врачи из Республики Немцев Поволжья. Доктор Сабельфельд скальпелем, но без обезболивающих вскрыл этот флюс и выдавил гной. Он мне сказал, что если бы прошел еще один день, то я умер бы, а теперь все зависит от того, будет ли заражение крови или нет. Но все обошлось.

Вольнонаемные специалисты строительства

постоянно ругались с начальниками режима, с лагерным руководством, надзирателями из-за нашего состояния. С одной стороны, они хотели, чтобы производительность была выше, с другой – мы замечали, что у них было и сочувственное к нам отношение. Они стремились показывать такую производительность, которая позволяла нам получать паек получше. Среди бригадиров помню Ротермеля, из немцев Поволжья, который старался всегда, чтобы мы получили нормальные пайки и выжили. Ротермеля позже приговорили к расстрелу. И еще помню Валендера Александра Ивановича из наших крымских немцев, тоже был хороший человек.

В начале 1943 года я получил письмо от матери, что сестра Зельма тоже забрана в трудармию через год после меня и брат Эрих тоже – через 3 месяца после меня. Зельме тогда было 15 лет, Эриху – 22 года. Эрих находился в 7-м лагере в Челябинске, а Зельма в Краснокамске Молотовской области. Зельме тоже пришлось тяжело. Она вспоминала позже, что когда их гоняли копать траншеи, то вели через поселок, так там жители двухэтажных деревянных домов лили на их головы помои и обзывали фашистами. Земля там была мерзлая, они, девочки-подростки, пытались кострами разогреть землю да и сами погреться возле них, но конвоиры все это разбрасывали, а их не отпускали, пока норму не сделают. Когда Зельма совсем обессилела, ее стали водить на строительство зданий. Из-за того, что ноги были опухшие и в ранах, она шуткатурила на коленях. Прораб у них был некто Морговский, и когда он это увидел, пнул её из всей силы в бок ногой в сапоге, а после того как она упала, продолжал ее топтать и избивать. Ее подруга Ирма Юстус, рассказывая мне об этом, сказала: «Я думала, она живой не останется».

Нас, несколько сот человек, каждое утро выстраивали на так называемые разводы на плацу и зачитывали приказы начальника Челябинского металлургического генерал-майора Комаровского: столько-то человек приговаривали к расстрелу, столько-то – к разным срокам заключения. Называли и фамилии. На одном из таких разводов в один из ноябрьских дней 1943 года я, уже находясь в 6-м лагере, услышал, что мой брат Эрих приговорен к расстрелу. В возрасте 23 лет он, молодой учитель, стал в сталинском СССР «врагом народа» и не имел больше права жить. Чтобы узнать правду, я после войны писал в разные инстанции, начиная с 1950 года, но мне не отвечали. После того как я написал уже отсюда из Германии, мне в 1989 году ответили. После первого приказа обычно зачитывался второй приказ Комаровского о награждении конвоиров, застреливших мобилизованных немцев «при попытке к бегству». Побегом считалось, если в два плеча высунулся из строя или в карьере сделал шаг за ограждение из колышков, вбитых в землю.

В 6-м лагере, в котором был я, находилась

вся элита советских немцев – профессора, академики, артисты, руководство Республики Немцев Поволжья. В нашей бригаде был один артист. Конвой до 1943 года были нерусские, кто – точно не знаю, мы их всех называли «звери». Нас вели колонной, с правой стороны шел этот артист, вдруг он бежит в сторону и кричит: «Три карты, три карты». Раздается выстрел, подходит один из «зверей», перевернул его ногой – глаза открытые, изо рта кровь. На разводе нам сообщают: «За предотвращение побега трудмобилизованного немца наградить такого-то»

Однажды на разводе был такой случай. Перед строем упал один парень. Руководство лагеря в чистых белых полушубках и яловых сапогах подскочили и все начали его пинать. Парень был эпилептик, и упал он оттого, что случился приступ. Его на наших глазах забили насмерть.

Другой эпизод. В карьере мы должны были долбить лунки, чтобы туда вкладывать взрывчатку. Конвоиры огораживали камнями и колышками для нас «зону», то есть определяли границу, за которую мы не имели права выходить. Карьер находится в углублении, конвой сидит сверху. Один из наших пошел по нужде за другую бровку временной железной дороги. Люди все равно стеснялись друг друга. Сел опраться, «зверь» сверху, как сидел на бровке карьера, так спокойно, даже не вставая выстрелил в него и убил сразу насмерть. Это один пример из сотен. «Звери» были заинтересованы в таких «подвигах», за них они могли и отпуск получить. И снова на следующий день на разводе звучал приказ Комаровского – наградить за предотвращение побега А ведь убили парня несмотря на то, что бежать было некуда: вокруг этого конвоя был еще конвой. Если кто-то все же сбегал, то поднимали конвой всего Челябинского металлургического строя. На этих людей конвой был настолько злой, что, как правило, после того как поймают, затаптывали их насмерть.

В конце 1943 года, если мне не изменяет память, в наш лагерь привезли несколько сот советских немцев-офицеров с фронта. Я был свидетелем того, как их, около сотни, заводили, шедших строем, без конвоя. У входа в ворота от них потребовали снять погоны и награды. Офицеры возмущались, стали раздаваться крики: «Не ты нам их давал, нам их Сталин дал». На этот случай вохровцы хорошо подготовились: были заранее заготовлены арматурины, откуда не возьмись повыскакивали они с ними несколько десятков человек и начали ими избивать наших земляков-офицеров и затаптывать по одному в зону.

Еще одна картинка из моих воспоминаний. Была осень 1943 года, уже начал порошить снег. Мне навстречу попался знакомый вольный немец, опухший от голода. Мы встретились с ним на шпалах. «Как я боюсь, что снова наступает зима», – сказал он мне. Я постарался его воодушевить. Тут проходит маневровый поезд, я прошел еще шагов 20,

оглянулся, а он лежит – бросился под паровоз, покончил жизнь самоубийством. Андрияша Горн из нашей деревни тоже был со мной в лагере. Из карьера нас приводят до ворот, вводят – и он сразу бежит бегом к помойке, где отходы от кухни, и выбирает, что еще есть съедобного. На костре это вываривал и ел. Я видел рядом с уборной людей, которые поджаривали собственный кал на палочке и ели. Это делали не все, но некоторые доходили до такого состояния. Это были опустившиеся люди.

Питание у нас было такое: если не выполнял рабочую норму – получал 300 граммов хлеба на день и кипятков, если норму выполнял, то получал 800 граммов. Военнопленные получали до 1 килограмма, заключенных тоже кормили лучше, чем нас. Андрияша Горн перестал выполнять норму, его отчислили из нашей бригады в доходяги. Там они получали 300 граммов хлеба и кипятков. Я пошел его проведать и не узнал совсем. Он уже лежал, достал мне 3 пайки хлеба: «Я не хочу, мне не надо». Откинул одеяло: голени – голая кость на обеих ногах. А выше колена он одной рукой ногу свою обхватывает. Я хлеб у него не взял. А ночью не спал: мучила мысль, надо было взять хлеб – другой кто-то съест. Целый день с этой мыслью жил, а вечером после работы бегом туда, а его и других умерших уже грузят на телегу.

На проходной их всех протыкали три раза специальной пикой. Так и называлась эта штука – «пика». Мертвых вывозили голыми, на ногах бирка с номером, и сгружали штабелями возле шлакоотвала. Специальное задание имел Эмиль Бельский, зубной врач. Он брал меня часто с собой как телохранителя, я никого не боялся, мог подраться с любым. Поскольку лагерь наш был ИТРовский, то была в нем вся элита, как я уже говорил. Поэтому у многих людей были золотые коронки. Эмиль выбивал у мертвых такие зубы и там в камерке отделял золото от кости. Из этого золота он потом всему лагерному начальству зубы золотые сделал.

Сегодня мало кто это знает, но изредка среди немцев-трудармейцев были и евреи. У нас был Арон Гиттенштейн – еврей из Варшавы. Меня он обожал, потому что я его защищал. Когда он сбежал в СССР от наступающих войск вермахта, его обвинили в том, что он немецкий шпион, пытали. Он мне все говорил, что его родители спрятали много золота в укромном месте и что после войны «и нам хватит, и нашим детям». Потом я потерял его из виду. Был еще Мозес Роттенберг, тоже из Варшавы. Он тоже был сначала сослан в Архангельск. Там его пытали так, что у него были искалечены руки. Все «поляки», сосланные в Архангельск были евреи. После войны его сослали в Ташкент, там он женился на сосланной крымской татарке.

В 1943 году наше положение стало очень плохим. В это время была и высшая точка жестокости по отношению к нам. А в конце 1943 года у нас заменили руководство на

раненых офицеров-фронтовиков. Они были намного человечнее прежних. В начале 1944 года у нас заменили также и конвой на русских солдат, получивших на фронте ранения, но еще мобильных. Теперь нас конвоировал один солдат с автоматом, а до этого сопровождали 4 «зверя» с винтовками. И после этого в нашей жизни начались послабления. Помню, вывел нас фронтовик за зону, мы идем строем, а дальше лес, и вдоль реки Миасс идет железная дорога. И он нас спрашивает: «Почему я вас охраняю?» Я ему объяснил, что потому что мы – немцы, нас надо охранять. Он: «А зачем, ведь вы же свои. И бежать вам некуда». На другой стороне реки Миасса деревня Казанцево – там все мужики на фронте. И наш охранник попросил меня его отпустить(!) Он себе там подружек нашел. Стали мы с этого времени в лесу ягоды собирать, траву всякую съедобную, кое-что поворовывать с полей. И мы ожили. А для тех, кто работал на копке котлована для Челябинского металлургического завода и в это время ничего не изменилось.

От голода люди умирали, многих «активировали», то есть, чтобы снизить показатели смертности в лагере, составляли акт о непригодности по здоровью и отпускали домой. Чаще всего просто забрасывали человека в вагон – и он уезжал умирать. Если удавалось добраться, то умирал дома, часто умирали в пути. Мой друг Федя Бергман тоже был активирован. На одной из станций, чувствуя, что никуда он не доедет, выполз из вагона поезда, дополз до базара и лежал там с протянутой рукой. Увидел его один старый казах, положил в свою телегу, помазал ему губы айраном. Федя умолял дать еще, но старик знал, что делал: казахи с голодом знакомы были не понаслышке. Он только мазал ему губы. Потом дома выходил его старик-казах айраном и кумысом. Федор Бергман сегодня тоже живет в ФРГ.

9 мая 1945 года я вообще никак не запомнил. В июне 1945-го умерла моя мама в селе Белом. Об этом я получил телеграмму. Я пошел с ней к начальнику лагеря, попросил отпустить меня на похороны. Он посмотрел на телеграмму и спросил меня: «Какая сволочь тебе ее дала?» Я сказал, что мне её вручили. Он порвал телеграмму и заорал на меня: «Вон отсюда!» В тот день, когда мама умирала, я неожиданно проснулся в 2 часа ночи и подскочил на нарах. Рядом лежащий товарищ спросил, почему я подскочил? Я ему говорю, что меня мама позвала. Позже я узнал, что она умерла именно в это время.

15 апреля 1947 года мы стали бесконвойными, через проходные для нас с этого времени был свободный проход. Многие местные жители были против этого, они считали нас преступниками. На нас часто нападали, между нами и ими происходили настоящие бои. Мы держались вместе и защищались. Постепенно местные поняли, что мы для них не опасны, и это утихло. Но свобода эта была тоже относительной: хотя вокруг лагерей сняли колючую проволоку, то есть лагеря открыли,

мы ежемесячно отмечались в комендатуре. Я продолжал там еще работать как «вольный» до 1949 года. В 1949 году я поехал в Молотовскую область к сестре, которую поселили в совхозе под комендатуру.

После войны еще в Челябинске, находясь в лагере, я выучился на бухгалтера-финансиста. Прямо в лагере были преподаватели из заключенных: доктора и кандидаты наук. Они меня и учили, занимались мы после работы.

Из Кукетского совхоза Молотовской области я переехал в город Гремячинск этой же области, на шахты. Там работал бухгалтером. Постоянно повышал квалификацию. В 1959

году переехал в Алма-Ату, где прожил 30 лет и дослужился до должности номенклатурного работника Министерства энергетики СССР. Всю жизнь я был финансовым работником.

Когда я был ещё подростком, мне отец однажды сказал: «Когда-нибудь откроется возможность уехать в Германию. Ворота откроются ненадолго – торопитесь успеть». Я уехал, бросив все, в декабре 1989 года.

**Со слов Эвальда Федерая
записал Генрих Дауб**

**«Russlanddeutsche Online-Zeitung»,
Berlin**

ПРАВИЛА ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ТРУДОВОГО УСТРОЙСТВА
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ – КАЛМЫКОВ, КАРАЧАЕВЦЕВ, ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ, БАЛКАРЦЕВ И НЕМ-
ЦЕВ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ГУЛАГОМ НКВД СССР

8 марта 1944 г

Секретно

Общие положения

1. Все трудоспособные спецпереселенцы, водворяемые на новые места расселения, в целях создания им нормальных условий существования, должны быть в самые короткие сроки устроены на работу.

Крестьяне (колхозники), расселенные в сельских местностях, устраиваются в сельском хозяйстве, а рабочие и служащие трудоустраиваются в соответствующие промпредприятия, на стройки, хозяйственные и кооперативные предприятия, организации.

2. Хозяйственное и трудовое устройство спецпереселенцев осуществляется Совнаркомом союзных и автономных республик, краевыми и областными исполкомами Советов депутатов трудящихся в соответствии с решениями СНК Союза ССР.

Органы НКВД оказывают содействие спецпереселенцам в их хозяйственном и трудовом устройстве...

3. Основными задачами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев являются:

а) обязательное вовлечение всех трудоспособных переселенцев в общественно полезный труд;

б) содействие в обзаведении спецпереселенцев домашним скотом, птицей и индивидуальными огородами с целью обеспечения их семей нормальными условиями существования.

Отбор спецпереселенцев для хозяйственного и трудового устройства

4. В целях наиболее правильного хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев, а также исключения возможности проникновения враждебных элементов на оборонные промышленные предприятия, районные поселковые спецкомендатуры проводят отбор спецпереселенцев по следующим группам:

а) к первой группе относятся все социально опасные спецпереселенцы и те из них, которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовавшие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам;

б) ко второй группе относятся все спецпереселенцы, не являющиеся по своему составу социально опасными: члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ, бывшие сотрудники органов НКВД, руководящий состав и ответственные работники советских учреждений, профсоюзных организаций, а также все рабочие, служащие, колхозники, которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства не являлись пособниками немцев.

5. Для второй группы спецпереселенцев должны быть созданы наиболее благоприятные условия трудового устройства, как-то:

а) первоочередное предоставление возможности устройства на работу по своей производственной квалификации или специальности.

б) предоставление работы не только в районах расселения, но и в пределах других районов данного края (области).

в) разрешение самостоятельного устройства на работу членам и кандидатам ВКП(б), членам ВЛКСМ, высококвалифицированным специалистам (врачам, инженерам, аг-

рономам, артистам и т. д.) в пределах своего района расселения, с обязательным уведомлением об этом спецкомендатур...

6. Хозяйственное и трудовое устройство первой группы спецпереселенцев, являющейся по своему составу социально опасной, проводится в условиях, обеспечивающих постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД, для чего:

а) хозяйственное и трудовое устройство этой группы спецпереселенцев проводится только в районах их расселения;

б) допускается использование их на работе и не по специальности;

в) не допускаются самостоятельные переходы с одной работы на другую без разрешения спецкомендатур НКВД.

Хозяйственное устройство спецпереселенцев, расселенных в сельской местности

7. Хозяйственное устройство спецпереселенцев, расселенных в сельских местностях, проводится путем массового вовлечения или индивидуального приема их в существующие сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы...

9. В случае необходимости организации новых колхозов для спецпереселенцев СНК союзных и автономных республик, исполкомы совместно с НКВД (УНКВД) устанавливают:

а) пункты организации новых колхозов;

б) характер производства этих колхозов (зерноовощеводческие, животноводческие, рыболовецкие, хлопководческие, плодово-ягодные и т. д.);

в) порядок и нормы обеспечения спецпереселенцев во вновь организованных сельскохозяйственных и рыболовецких колхозах жилплощадью, продуктами питания и всеми предметами хозяйственного и домашнего обихода.

10. Спецпереселенцы, расселяемые в сельских местностях: а) по решению СНК союзных и автономных республик, краевых и областных исполкомов обеспечиваются земельными участками или водоемами, необходимыми для организации сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов;

б) при участии в работе в существующих колхозах получают натуральную и денежную оплату труда на равных условиях с другими членами колхозов;

в) получают через сельхозбанк денежные ссуды на хозяйственное обзаведение в размерах и порядке, установленным соответствующими решениями правительственных органов;

г) через местные органы Наркоммясомолпрома, Наркомлеспрома и Наркомзага порядком и в сроки, установленные решениями правительственных органов, получают взамен сданного на месте при выселении рабочий и продуктивный скот, птицу, семена зерновых и овощных культур как для вновь организованных колхозов, так и для индивидуального пользования;

д) по решению СНК союзных и автономных республик, краевых и областных исполкомов обеспечиваются необходимыми продуктами питания до получения первых урожаев, жилплощадью путем расселения в имеющихся постройках, индивидуального строительства жилых домов с необходимыми надворными постройками.

Трудовое устройство спецпереселенцев

11. Трудовое устройство спецпереселенцев, помимо вовлечения их в общественно-полезный труд, имеет своей целью обеспечение им нормальных материально-бытовых условий существования...

13. Разработка мероприятий по трудовому устройству спецпереселенцев осуществляется СНК союзных и автономных республик, край облисполкомами совместно с НКВД-УНКВД...

17. Для организации и развертывания производственной деятельности промкооперативных артелей разрешается привлекать на работу отдельных специалистов и квалифицированных рабочих из местного населения.

18. Допускается организация промкооперативных артелей по пошиву и ремонту обуви и одежды для обслуживания нужд спецпереселенцев, занятых на работе в промышленности и сельском хозяйстве. Такие артели могут быть организованы при фабриках и заводах, где работают спецпереселенцы, а также при крупных совхозах и колхозах.

19. Лица с высшим и средним специальным образованием (инженеры, врачи, техники, агрономы и пр.) используются на работе преимущественно на тех предприятиях, где работают спецпереселенцы, только по своей специальности. Специалисты (медики) в первую очередь должны быть использованы на работе по своей специальности в лечебных учреждениях, расположенных в пунктах расселения спецпереселенцев.

20. При невозможности использования квалифицированных специалистов в пределах района расселения спецпереселенцев народные комиссары внутренних дел и начальники УНКВД разрешают таким специалистам индивидуальное устройство на работу по их специальности в пределах области (края).

21. Спецпереселенцы и их семьи, занятые на работе в колхозах, промпредприятиях и других хозорганизациях, наравне с рабочими и служащими этих предприятий, обеспечиваются жилплощадью, питанием, медпомощью и культобслуживанием.

22. Спецпереселенцам разрешается в порядке собственной инициативы или через соответствующие организации обзаводиться домашним скотом и птицей, иметь в личном пользовании огороды (при наличии к тому возможностей), быть участниками коллективных огородов, организуемых рабочими и служащими предприятий и учреждений по месту работы.

23. Никаких специальных денежных удержаний из зарплаты спецпереселенцев не производится, за исключением налогов и сборов, установленных действующим законодательством для всех граждан Союза ССР...

Контроль за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев

25. Контроль за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев осуществляется Отделами спецпоселений НКВД-УНКВД, районными и поселковыми спецкомендатурами НКВД.

26. Контроль за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев имеет своей целью:

а) не допускать самовольного перехода определенной группы спецпереселенцев (см. пункт б) с одного места работы или службы на другое;

б) не допускать по распоряжению администрации предприятий и учреждений перебросок спецпереселенцев на работу с одного предприятия на другое, расположенное вне пунктов расселения спецпереселенцев;

в) устранение обнаруженных недочетов в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев.

27. О ходе хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев, а также о выявленных недочетах и возникающих затруднениях в этой области работы НКВД-УНКВД сообщают в отдел спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР в соответствии с циркулярным распоряжением НКВД СССР № 53 от 15 февраля 1944 г.

Начальник Отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР Мальцев

ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д. 182. Л. 160-163 об.

ГАУК ЛЮДВИГ ФРИДРИХОВИЧ

(Из воспоминаний)

«Жил в Крыму. Призвали в армию 5 апреля 1941 года. 22 июня началась война, стали бомбить города и села. Я стоял на вышке, строился коксохимический завод. Нас перекинули на укрепление, мы по ночам копали противотанковые рвы. Приехал политрук и сказал, что по приказу маршала Тимошенко нас отправляют в тыл. До позднего вечера мы таскали инструмент. Затем нас отправили в Днепропетровск. Не доехав до него, передали, что он занят фашистами. Нас загнали в тупик, где простояли два дня. Нас начали тренировать, как пользоваться винтовкой. Отправили в Казань, где тоже стояли двое суток. И лишь потом прибыли в Златоуст, где попали в трудармию. Сначала жили в палаточном лагере, потом перевели клуб, где я работал в котельной, там и жили. Там я и продолжал работать, сначала в «Златоустметаллургстрое», потом на автобазе.

За все эти годы я и заработал свои награды. Работал со всеми одинаково, образ-

цово. Исправно ходил на учет и ни на кого не жаловался. Выдавали нам паспорта сначала месячные, потом на полгода, потом годовые и наконец постоянные. С учета меня сняли, когда узнали, что есть члены семьи, русские по национальности. Моя мать умерла в 1947 году. Моя сестра жила в колонии на ЧМЗ. Они ходили на работу под охраной. Я ходил вольный. В 1943 году три месяца проработал на танковом заводе с ленинградцами. Строили в Златоусте жильё, улицу К. Маркса.

Я всю жизнь мечтал играть на скрипке. Она досталась мне от дяди, но так и не удалось научиться. Имею медали «Ветеран труда», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «50-летие Победы», «60-летие Победы», «За трудовое отличие».

**«Не может быть забвения...»
Статьи, воспоминания, биографии.
Златоуст, 2013**

И. Матовский, заслуженный врач РФ

ОПЕРАЦИЯ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Судьба этого мужественного человека была трагической. Он был замечательным хирургом, интеллигентным, высокообразованным человеком, свободно владевшим тремя языками. И биография его была безукоризненной: солдат первой мировой, красноармеец гражданской, блестящий студент Саратовского университета, кандидат наук, заведующий кафедрой хирургии мединститута, член ВКП(б). Но он носил немецкую фамилию, потому все остальное не имело никакого значения.

В апреле 1942 года Александр Александрович Руш попал в челябинский лагерь трудармейцев. 45-летний хирург экстра-класса в ужасающих условиях строил металлургический завод, работал каменщиком в карьере. Отморозил стопы.

Больных в лагере было множество. Металлургический район в то время находился далеко от города, и связи с ним не было. Поэтому администрация лагеря вынуждена была открыть лазарет с хирургическим отделением прямо в бараке. Начальником лазарета был назначен Руш.

Молва о блестящем хирурге распространилась быстро. Все больше челябинцев стремились попасть к Александру Александровичу. И в лазарете за колючей проволокой был организован постоянный консультационный прием для вольнонаемных и населения Челябинска.

У коллег и пациентов Руш пользовался непререкаемым авторитетом, а в отделении всегда были идеальный порядок, безукоризненная чистота. Вспоминают, как во время ночного дежурства А.А. Руша к прооперированной по поводу аппендицита женщине пришел ее муж в валенках, шубе. Когда ему сделали замечание, мужчина заявил, что он директор металлургического завода. «Для меня это не имеет значения. Порядок должен соблюдаться, невзирая на лица», - и Александр Александрович выставил его за дверь.

Он был жестким, требовательным, суровым руководителем, но на него никто не обижался, так как все знали, что это делается ради блага больных, и в сущности это добрый, отзывчивый, незлопамятный и скромный человек. Эта скромность была во всем – поведении, скудной обстановке его квартиры, одежде. Он просто не придавал этому значения. Об этом в Металлургическом районе ходила легенда. Свою старую зимнюю шапку Руш носил много лет, хотя работал уже в медсанчасти ЧМЗ. Однажды в санитарном автобусе, который вез врачей в город на заседание хирургического общества, один из молодых хирургов снял с него эту злополучную шапку и выбросил в окно. «Мы сбросимся и купим вам новую шапку!» Каково же было удивление коллег, когда на следующий день они увидели Александра Александровича все в той же шапке.

Оказывается, вечером к нему пришел не-

знакомый человек, он принес найденную им на улице шапку Руша. Это ли не свидетельство популярности доктора и уважения к нему?

В 1945 году А.А. Руш был расконвоирован в пределах Челябинска, его восстановили в партии; вернули ученую степень. Через год он оставляет работу в больнице Челябинска и переходит в медсанчасть ЧМЗ, где руководит крупным хирургическим отделением и одновременно назначается заместителем главного врача по лечебным вопросам.

В эти годы в больницу пришли выпускники Челябинского и Уфимского мединституты, молодые сестры. Александр Александрович демонстрировал и блестящий педагогический талант, занимаясь с молодыми специалистами. Каждому давалась тема, и ежемесячно проходило собеседование. Проводил разбор сложных для диагностики заболеваний. Он был значительно старше своих сотрудников, и они приходили к нему за советом по своим домашним и семейным проблемам. Всегда найдет время, внимательно, не перебивая, выслушает и даст разумный совет. Как вспоминает врач И.П. Ерошкина, его боготворили. Это был человек с острым умом, с большим юмором, очень дружелюбный. В отделении была спокойная, творческая обстановка, никаких интриг, сплетен. Коллектив хирургов был молодой, и заведующий в любое время суток безропотно приезжал в больницу, когда возникала в этом хоть малейшая необходимость.

Это был врач с блестящей эрудицией, отличной хирургической техникой с широким диапазоном деятельности. Одним из первых в городе он под местной анестезией делает операцию по удалению легкого, симпатикотомии при облитерирующем эндартериите. Семь часов оперирует больного с раком пищевода. Как рассказывает участвующая в операции медсестра А.Ф. Самусевич, они снижали уровень наркоза, чтобы дать хирургу возможность отдохнуть. Он работал много. В дни плановых операций, случалось, делал по три резекции желудка. Блестяще владел пластической хирургией. Вспоминает много лет проработавшая в медсанчасти начмедом кавалер ордена Ленина В.И. Ефремова.

- Я свидетель, как после его операции больной с обезображенным лицом стал человеком приятно наружности.

- Моему отцу было 80 лет. Никто не брался за его лечение. Александр Александрович на пять лет продлил ему жизнь. Он много читал и знал о новых методах лечения. Вообще это был человек-легенда, - рассказал ветеран Челябинского металлургского треста А.С. Черный.

Перенесенный невзгоды, тяжелый физический труд, плохое питание не прошли для

него бесследно. Он страдал облитерирующим энтеритом. Начинаясь гангрена ноги. И тогда по его требованию и указанию врач Н.А. Крысина проводит ему высокую ампутацию бедра. Но и находясь в отделении после операции, Руш продолжает работать. Молодые дежурящие хирурги в сомнительных, сложных случаях на каталке привозили к нему больных, и он безотказно консультировал, ставил диагноз, давал рекомендации.

Теперь за ним домой медсанчасть направляла лошадку с кошечкой, и он продолжал работать, оперировать. Самое сложное делал он, заканчивали операцию его ученики. С ним в операционной работала санитарка Эрна Ивановна Пономаренко. Во время перерывов в операции она снимала ему протез, чтобы он отдохнул, а потом вновь включалась в работу.

Суровые испытания уготовила ему судьба. Он перенес тяжелый инфаркт. У его постели круглосуточно дежурили хирурги. Лежал он, как это было целесообразно, не в терапевтическом отделении, а у себя в хирургии. Постель его была обложена книгами, к нему по-прежнему привозили на каталке для консультации сложных больных. Ставили каталку параллельно его койке, чтобы он мог осмотреть пациента. Врачи вспоминают случай, когда был доставлен больной с ранением шеи с повреждением трахеи. А.А. Руш продиктовал весь ход и последовательность

операции. Раненый был спасен.

А вот еще один эпизод. Поздно вечером привезли рабочего с производственной травмой – почти без руки. Дежуривший молодой хирург растерялся, не знал, как поступить. Александр Александрович тогда еще только начинал ходить по палате, но он пришел в операционную и диктовал хирургу каждый этап операции.

Таких случаев было множество. Через некоторое время он вновь начал оперировать, но мешала болезнь. Его консультировала заведующая терапевтическим отделением заслуженный врач РСФСР Т.М. Маркова. Она долго, внимательно его прослушивала. Александр Александрович взял ее за руку.

- Ну что вы, милочка, мучаетесь, у меня левожелудочковая недостаточность и явление отека легкого.

В сентябре 1952 года его не стало. Ему было 55 лет. Остались ученики: заслуженный врач РСФСР доцент Э.Я. Ильг, много лет работавшая заведующей урологическим отделением И.П. Ерошкина, доцент Т.И. Попова, А.Г. Воротеляк, Е.И. Езикова и многие другие. Осталась созданная им хирургическая школа. Сейчас здесь работают ученики его учеников. Остались его бывшие пациенты.

На приеме у врачей Металлургического района иногда бывают пожилые люди с нитевидным, едва заметным послеоперационным рубчиком. Они не без гордости сообщают: «Меня ведь оперировал Александр Александрович Руш. После его операции никогда никакого дискомфорта не ощущаю».

В прошлом году исполнилось 100 лет со дня его рождения. Хотелось бы, что бы добрая память об этом замечательном враче, самоотверженном, талантливом хирурге, человеке с трагической судьбой жила среди его коллег и всех челябинцев. Он это заслужил.

ИЗ ЗАПИСКИ О РАССЕЛЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

17 февраля 1950 г.

...По состоянию на 1 января 1950 г. на учете органов МВД состоит 2 572 829 выселенцев и спецпоселенцев (вместе с членами семей).

Из этого количества 2 102 174 человека составляют выселенцы, в том числе немцы – 1 099 578 человек, чеченцы и ингуши – 372 189, карачаевцы – 59 340, балкарцы – 32 645, калмыки – 77 673, крымские татары, армяне, греки, болгары – 193 467, турки, курды, хемшины – 86 164 человека... В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. эти лица расселены в местах поселений навечно.

...Выселенцы и спецпоселенцы расселены в следующих районах Советского Союза: в Казахской ССР – 894 432 человека, в Средней Азии – 352 375, на Урале (Молотовская, Свердловская, Челябинская и др. обл.) – 313 489, в Западной Сибири (Алтайский, Красноярский края, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Тамбовская обл.) – 560 146, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 310 461, в Центральной полосе СССР – 141 926 человек.

По состоянию на 1 января 1950 г. остаются не установленными 6410 выселенцев и спецпоселенцев из 2 572 829 человек, состоящих на учете в органах МВД. В это время их обслуживали 3069 спецкомендатур. Количество побегов в 1949 г. по сравнению с 1948 г. сократилось более чем в 4,5 раза. В течение 1949 г. из общего количества 2 572 829 выселенцев и спецпоселенцев совершили побег 1675 человек, из них задержаны и арестованы 1430 человек. За 1949 г. Особым совещанием при

МВД СССР за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения осуждены по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1948 г. 1932 выселенца к 20 годам каторжных работ.

По состоянию на 1 января 1950 г. из 689 360 семей выселенцев и спецпоселенцев 278 636 семей жили в собственных домах, 625 404 семьи имели личные огороды, 363 573 семьи имели домашний скот.

Все трудоспособные выселенцы и спецпоселенцы в количестве 1 483 039 человек заняты на работах в сельском хозяйстве и в различных отраслях промышленности.

Министр внутренних дел СССР С.Круглов

Иосиф Сталин – Лаврентию Берия.

«Их надо депортировать» / М., 1992. С. 250-251.

Александр Нахтигаль

НАС ВЫЛЕЧИТ ПРАВДА

Несет в душе страдания скорбящий мой народ.
Надежд осуществления он с болью в сердце ждет.
Затянет раны временем? И будет ли ответ
правдивейшим решением, ленинский Декрет?

Герман Арнгольд

За год строительство металлургического завода существенно поредели бригады строителей. Эшелоны продолжали везти новые партии трудармейцев. В феврале 1943 года оказался в Челябинске 22-летний Эвальд Шульмайстер. Ему пришлось пройти другой путь. Он был в числе тех, кого в трудармию забирали из армейских частей и их сразу везли под охраной и с решетками на окнах вагонов.

Эвальда с товарищами не сразу отправили в лагерь, в начале они оказались на «карантине» - в пересыльную тюрьму. В камеру на 20 квадратных метров набивали по 70-80 человек, здесь невозможно было ни сесть, ни лечь. Простоял там Эвальд десять суток.

Затем его и еще несколько десятков человек построили в колонну, и они покинули тюрьму. Целый день они шли 10 километров до района строительства. Когда переходили мост через реку Миасс, то увидели вышки охраны, ограждения из колючей проволоки. Трудармейцы поняли - они прибыли на место. Колонну подвели к зданию Челябинга, сейчас там туберкулезный диспансер. Новичков разделили, Эвальд попал в 15 лагерь на строительство коксохима. До барака он добрался уже к 12 часам ночи.

Для начала всех опять поместили в карантинный барак. Он не отапливался и к утру шинели, которыми бывшие бойцы укрывались, примерзли к нарам. Так прошли еще две недели, а впереди еще распределение на работы.

Как-то к Шульмайстеру подошел комендант, бывший летчик, орденосец, финн по национальности. (В 15 лагере работали не только немцы, но и советские граждане других национальностей: финны, болгары, румыны, венгры). Он сказал Эвальду:

- Слушай парень, ты слаб. Если попадешь на общие работы - загнешься. Соглашайся на любое дело, но оставайся у меня. Тебе надо обязательно окрепнуть.

Два месяца провел Эвальд в 15 лагере. Это спасло ему жизнь. До сих пор он благодарен тому летчику, ведь Шульмайстер видел тех, кто проработал на строительстве год. Они ходили как тени. Каждый вечер хоронили десятки человек. Не успевали копать могилы и мерзлую землю просто взрывали. И было несложно оказаться в числе этих несчастных.

Всего при строительстве комбината в Челябинге было организовано 16 стройотрядов и пять отдельных колонн. Они располагались на основной стройплощадке у поселка Першино - первый, 13, 15, 16 стройотряды. А далее в следующих населенных пунктах: в Верхнем Уфалее - 13 штрафной стройотряд, на станции Сатка - четвертая отдельная колонна и Единовер - первая отдельная колонна, у поселка Сулея в районе Кыштыма - пятая отдельная колонна, в Потанино - четвертый стройотряд, Коркино (12 стройотряд) и в районах сел Багаряк, Каштак, Тургояк, Баландино, Нижнеуфевельский, городов Катав-Ивановск, Копейск. Они также работали на отдельных, так называемых, лагкомандировках Челябинга в районе г. Тавда Свердловской области (11 стройотряд и вторая отдельная колонна). Численность «мобилизованных немцев» в лагере Челябинметаллургстроя на 1 марта 1942 года составила 11 708 человек, на 31 декабря 1944 - 27 703, на 1 января 1944 - 20 648, на 31 декабря 1944 года - 22 509, что является максимальным показателем численности этого контингента среди лагерей истроек НКВД. Челябинметаллургстрой НКВД выделялся тем, что «мобилизованные немцы» составляли там

самый многочисленный контингент - 59,8 процента от общего количества занятой рабочей силы на 1 января 1944 года. Советские немцы, мобилизованные в промышленность, содержались также на территории Челябинской области в отдельных зонах в Каслях, Челябинске, Копейске, Коркино, Вахрушево, Еманжелинске, а также Полтавском районе общей численностью на 1 января 1944 года 13 932 человека. Всего по Уральскому региону мобилизованных немцев работало на начало 1944 года 119 358 человек, что составляло треть от численности по СССР.

Как же ими управляли? В то время знали один метод - страхом. Трудармейцев держали в постоянном напряжении. Администрация лагеря искала любой предлог, чтобы усилить психологическое давление, зародить у строителей недоверие друг к другу.

Однажды в лагере показали американский фильм. На один из сеансов сводили и Эвальда Шульмайстера. Ночью его вызвали к оперуполномоченному: «В кино ходил. Что слышал?» «Ничего не слышал, я фильм смотрел». «Нет, ты разговоры какие-нибудь слышал?» «Ничего не слышал, я фильм смотрел». «Ты слышал, к примеру, как фильм хвалили?» Эвальд ответил: «Я в кино не слушать хожу, а смотреть».

Тут оперуполномоченный не выдержал: «Я тебя в штрафную бригаду пошлю, через месяц сдохнешь».

Эвальд понимал, что от него ждали доноса, но молчал, хотя и знал, чем это для него грозит. С Шульмайстера взяли расписку, чтобы молчал о разговоре, и отпустили.

За время стройки он уже забыл, что когда-то учился на агронома, но его личное дело, видимо, просматривали. Через некоторое время Эвальда перевели агрономом в подсобное хозяйство. Теперь от его работы зависела жизнь очень многих товарищей, поэтому энергично принялся за дело. Расширил поля хозяйства, вспахал часть земли у поселка Першино, посадил дополнительно картофель, посеял овощей.

На работу в подсобное хозяйство часто присылали ослабевших трудармейцев. Они особенно нуждались в помощи. Эвальд им всегда говорил: «Готовьте и ешьте картошки, сколько хотите. Только в лагерь не берите, поймают и я, и вы пропадете».

Проработает трудармеец на земле две недели и сразу видно как постепенно к нему возвращается жизнь.

Так доработал Эвальд Шульмайстер до Победы. Победа! Сколько с ней было связано надежд. Если войной еще как-то можно было объяснить жестокость к советским немцам, то теперь все ждали перемен. Эвальд хотел перейти агрономам в какой-нибудь совхоз, но его не отпустили. Война закончилась, но в жизни немцев мало что изменилось. Шульмайстер женился на русской девушке, естественно, без официальной регистрации, ведь личных документов у трудармейцев не выдавали. У жены была комната в соцгороде, не немцев

там не прописывали. Он жил в ней нелегально, а во время облавы жена прятала его в подвале. Поиск врагов продолжался.

Эвальд потерял надежду вернуться к любимой работе и домой. После смерти Сталина несправедливость была узаконена: Президиум Верховного Совета СССР принял Указ от 13 декабря 1955 года, который гласил: «Установить, что снятие немцев с ограничения по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». За нарушение это предписание можно было получить 25 лет каторги.

Чтобы обеспечить семью, нужна специальность и Эвальд Иосифович успешно окончил монтажный техникум. На заслуженный отдых он ушел с должности начальника планового отдела треста «Уралстальконструкция», где проработал более 38 лет.

Кто скажет, что его жизнь не удалась? Конечно, в ней были горькие страницы, но прожил он их достойно. А душу до сих пор сжимает и к горлу подступает комок. На вопрос «В чем я виноват перед Родиной?» он до сих пор не находит ответа и, вспоминая прошлое, не может сдержать слез. Эвальд Иосифович выполнил перед Родиной свой долг, как и десятки тысяч других трудармейцев. Но память не дает покоя. Что сейчас напоминает в Челябинске о подвиге трудармейцев? Ничего. Зато есть улица имени Комаровского.

Не просто сложилась послевоенная судьба и остальных наших героев.

...В мае 1946 года трудармейцев перевели на вольнонаемные условия, и Гетц получил 12 дневный отпуск. Первое желание - как можно быстрее съездить к родным. Для этого требовалось только разрешение из Москвы. Но пока его дождешься, и отпуск кончится. Андрей Иванович решил ехать без разрешения.

До места он без приключений добрался на крыше вагона, встретился с родными. Наконец-то счастье посетило семью Гетцев. Но на следующий день утром его вызывают в сельсовет - кто-то уже успел донести. Сразу потребовали документы. Гетц показал справку об отпуске. «Это не документ». Тогда он достал партийный билет, который документом тоже не признали. В итоге требование: в 24 часа покинуть село. Утром приехал милиционер и отвез Гетца на станцию, а ведь могли и арестовать. Так окончился его отпуск, так он глотнул пьянящего послевоенного воздуха.

Трудармейцев освободили из лагерей, но вместо этого ввели комендантуру, и советские немцы должны были, как преступники, раз в месяц отмечаться. Их заставили подписать бумаги, в которых отказывались от прежнего места жительства и от требований возмещения отобранного имущества. Бывшие трудармейцы остались без паспортов и были, как крепостные, прикреплены к производству, поэтому не могли по своему желанию сменить работу и переехать в другой район или город.

... Наши немцы научились терпеть лишения и унижения, но они верили, что уждетей эта доля не коснется. Суждено ли сбыться этим надеждам?

В 1951 году соединили свои судьбы Людвиг Вильгельмович Герш и Анна Самойловна Пархоменко, но зарегистрировать свой брак они не могли: у жениха не было паспорта. В 1952 году у них родился сын. В свидетельстве о рождении у него записано «родился без отца». Отец даже не мог дать первенцу свою фамилию.

Только в 1955 году супруги смогли расписаться, в 1957 году родился второй сын. Он тоже стал Пахоменко.

- Наши дети носят фамилию матери. Почему? Мы так рассуждали: мой дед, отец и я страдали из-за того, что мы немцы. А что будет с детьми? Пусть они будут украинцами, людьми России, раз мы оказались не россиянами, - к такому грустному выводу пришел Герш.

Нелегко мне было слушать исповеди трудармейцев, а им вспоминать. Ведь их впервые выслушали до конца, впервые они рассказали правду о своей жизни.

Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось как бы возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, такие депортации - это наказание даже не за потенциальное предательство, а лишь за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война. В этом принципиальное отличие ситуации второй мировой войны от первой, когда депортации угрожали исключительно «враждебно подданным», то есть гражданам государств, с которыми шла война. В Советском Союзе удары пришли по собственным гражданам, национальность которых совпадала с титульной нацией врага.

Однако известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство проявляли представители всех народов СССР - и те, кого сразу депортировали, и те, кого «не тронули». Так, в первые же месяцы войны были мобилизованы более 17 тысяч

чеченцев и ингушей, на фронт ушли 40 тысяч турок-месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тысяч погибли. Из 137 тысяч крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 году на войне погибли 57 тысяч. Среди Героев Советского Союза - десять чеченцев и ингушей, девять немцев, восемь калмыков, один балкарец.

Поэтому обвинения в «предательстве» были не только несправедливы, но и лицемерны, потому что общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60-65 миллиона человек. По меньшей мере, более миллиона из них делали это весьма активно (а многие и просто с энтузиазмом), запятнав себя невымысленной изменой и кровью соотечественников: каждый из них по отдельности заслуживал обвинения в предательстве и пособничестве врагу, судебного разбирательства и, после выяснения всех обстоятельств, сурового наказания. Несомненно, что среди таких граждан были и представители позднее «наказанных народов», но подавляющее большинство среди них составляли украинцы и русские, за что эти народы, как известно, тотального наказания, тем не менее, не понесли.

Но несправедливость не в этом, а в самом прецеденте «наказания народа», которое подменило судебное разбирательство против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и безусловным преступлением против человечности, наравне с взятием и расстрелом заложников.

... Не раз я бывал в Металлургическом районе и до этих встреч никогда не догадывался о том, что всего 70 лет назад тысячи людей прошли эту долгую дорогу. Для многих из них она стала последней. Десятки тысяч их захоронены в братских рвах, без почестей и даже скромных надгробий, мы не знаем их имен, и может быть, никогда не узнаем.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР № 35

Москва, Кремль

8 января 1945 г.

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением.
2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом.

В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях.

За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы расселения обслуживаемой спецкомендатуры, рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы – главы семей или лица, их заменяющие, обязаны в 3-дневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД о всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.д.).

5. Спецпереселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД.

За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергаются административному изысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток.

**Зам. председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР Я. Чадаев**

Герхард Вольтер

ЗОНА ПОЛНОГО ПОКОЯ

**(Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев)
(отрывок из документальной повести)**

«Десятки тысяч немецких узников Бакалстроа были буквально загнаны в угол – колючая проволока и солдатские штыки наглухо отгородили нас от остального мира. Нам не полагалась зарплата, не дозволялось получать переводы и иметь деньги, дабы никто из нас не мог вступить в «преступные связи с вольнонаёмными», т.е. купить что-нибудь из еды. Письма домой приходили наполовину затушёванными цензурой: никто не должен был знать, что творил НКВД в особо секретных лагерях ГУЛАГа.

Всё здесь делалось «чисто», с потрясающим цинизмом. Никаких видимых следов от морального насилия и массовых смертей не оставалось. Словом – зона полного покоя.

Иного трудно было и ожидать. К несчастью, напряжение на фронте нарастало с каждым днём. Не успела Красная Армия оправиться от разгромных поражений лета 1941 года, как развернулись судьбоносные для страны события на юге.

Летом 42-го вермахт предпринял новое крупное наступление на Восточном фронте, стремясь добиться полного разгрома советских вооружённых сил и завершить до конца года войну против СССР. «В общих рамках (Второй мировой войны) летнее наступление 1942 года означает ещё одну попытку добиться того, чего не удалось достичь осенью 1941 года, а именно: победоносного окончания кампании на Востоке, чтобы тем самым решить исход всей войны», – говорилось в директиве Верховного командования вермахта № 41 от 5 апреля 1942 г.

Очередная наступательная лавина гитлеровцев вызвала в нашем лагере откровенный, едва скрываемый страх. Было боязно за себя, за всех российских немцев, за страну. Мозг сверлила страшная, вслух не произносимая

мысль: «А что, если...?» Всем ведь было ясно, что наша судьба и положение на фронте слиты в одно неразрывное целое.

Чудовищно, но факт: нас снова, как и в Первую мировую войну, поставили на одну доску с теми, кто находился по ту сторону линии фронта. С врагами, которые должны быть унижены, оскорблены и, согласно известному изречению «великого пролетарского писателя» Горького, уничтожены. Даже если они не сопротивляются, как показал уже опыт Большого террора 30-х годов.

Кровно необходимую информацию о положении на фронте мы получали не из официальных источников. (Газет и радио в 1942 г. не было, видимо, ни в одном «немецком» лагере, не только в Потанинском.) Её, более или менее верную, передавали друг другу вполголоса, доверительно, наедине. За это можно было поплатиться расстрельной 58-й статьёй. И такие случаи действительно бывали: попробуй убедить «опера», что вести о военных катастрофах тебя глубоко огорчают, а не радуют, как ему требовалось доказать.

В достоверности тревожных слухов о положении на фронте мы убеждались прежде всего по содержанию наших котелков. Пайка хлеба, которая была фактически единственным средством поддержания нашей жизни, в немалой мере зависела от человечности прорабов, подписывавших наряды на котловку. А их загоняли во всё более жёсткие рамки, и хлеба нам перепало всё меньше.

С осени 1942 года наше питание стало ухудшаться день ото дня. В так называемом супе не было больше ничего, кроме нескольких крошек брюквы или кормового турнепса. Иногда попадалась пара горошин или овсяных зёрен. О

жирах не могло быть и речи. Всё происходило по немецкой пословице: «В супсмотрят два глаза, а оттуда – ни один». Рыба присутствовала лишь запахом, иногда давая знать о себе парой косточек, которые, конечно, тоже съедались. На немецком акценте, с которым говорило большинство «трудармейцев», это трёх- или двухразовое мутное пойло называли ёмким словом «палянта» (баланда).

Да простит меня читатель, но я опять говорю о еде. Дело не только в том, что она – краеугольный камень нашего бытия. Словами свидетелей мне хочется рассказать о той «еде», посредством которой нас поставили на тонкую грань между жизнью и смертью.

Если взглянуть в корень, то заключённых в нашей стране никогда не содержали по-людски. По самобытной российской «традиции» лишение свободы само по себе ещё не считается достаточным наказанием за преступление. Тюремное заключение должно быть непременно связано с аскетичным образом существования, физическими и моральными лишениями. Чтобы другим неповадно было...

Созданная тоталитарным режимом лагерная система довела вековые порядки до изуверского совершенства. Она должна была подавлять волю людей, причинять физическую боль, наказывать недоеданием и голодом. Новые порядки вытекали не только из идеологии и морали большевистского «социализма», но и из его неизменного спутника – продовольственного дефицита. У каждой машины, как говорят, свой заглот, больше которого она не может переработать. Во времена «Большой чистки» 30-х годов численность заключённых выросла до таких астрономических размеров, что ГУЛАГу было просто не под силу содержать и кормить всю массу «врагов народа», уголовников и разной преступной «мелкоты». К разрядку едоков надо причислить, конечно, и гигантский собственный персонал НКВД.

Выход из чрезвычайного положения был найден силами самих «органов». Они устраняли «лишние рты» путём массовых расстрелов по знаменитой 58-й статье. Но поскольку она не применялась к уголовным элементам, то подлинными преступниками фактически попадали в лагеря под защиту Закона. Партия всегда рассматривала их как родственную пролетариату социальную силу.

За палачами дело не стало. Нас «содержали» и «опекали», как было сказано в упомянутом Приказе наркома НКВД от 12.01.1942 г., «лучшие чекисты-лагерники». Те, кто вершил суд и расправу в годы Большого террора, расстреливал польских офицеров, уничтожал заключённых в тюрьмах прифронтовых городов.

Пока же эту задачу решал изначально запущенный конвейер постепенного и планомерного умерщвления голодом. Как ни цеплялись за жизнь «трудмобилизованные» немцы, он уносил всё новые и новые жертвы. Их численность ещё больше возросла с осени 1942 года, когда истощение и голодные болезни усугубились уральско-сибирскими морозами.

Уверен, сказанное без колебаний подтвердят редкие теперь уже очевидцы, которым удалось удержаться тогда на краю пропасти и перешагнуть роковой рубеж 1942-43 гг. О физических и моральных муках того времени рассказывает узник Бакалстроя Яков Кох, проживавший в 1992 г. в Челябинске, на том самом месте, где он отбывал «трудармию».

После окончания строительства бетонного завода, пишет он, их бригаду перевели в 3-й стройотряд и направили работать на погрузочно-разгрузочный комбинат (ПРК). От прежних грузчиков почти никого не осталось: одни сошли в могилу, других направили туда же через ОПП («райские ворота» или «пересадочный пункт»), третьих приставили к «лёгкой» работе за 600 граммов хлеба.

Работа на ПРК была сущим адом. Вручную, без каких-либо механизмов приходилось выгружать вагоны с металлом и лесом. Кто хоть раз видел, как это делается, знает, что значит верёвками поднимать со дна полувагонов тяжеленные металлические балки и толстые брёвна с тем, чтобы перебросить их через высокие борта на землю.

А сил было – в обрез. Люди «дошли» и оборвались до предела. Морозы в декабре были не менее 40-50°. Мест для обогрева не имелось, конвоиры запрещали отходить от вагонов и разжигать костры. Кох отморозил обе пятки и большие пальцы ног. Один палец начал гнить, но на работу всё равно выгоняли. Всюду слышалось только одно: «Давай-давай!»

На строительстве бетонного завода тоже приходилось вкалывать будь здоров, пишет далее Я. Кох. Но там прораб Мартынов всегда выводил котловку по третьему котлу. На ПРК те же 800 граммов хлеба и «премблюда» можно было получить только в случае работы после смены до тех пор, пока не разгружены все вагоны.

Но и на высшем, третьем котле долго никто протянуть не мог, поскольку кроме хлеба и супа-водички ничего больше не выдавалось. Якову запомнился случай, когда на обед привезли «гороховый суп». Бочка была большая, раздатчик старался помешивать содержимое черпаком, но до дна достать не мог. Поэтому первым в очереди – самым голодным и нетерпеливым – досталась одна жижа.

Среди них был и Яков. Жадно припав к котелку, он с нетерпением ждал, когда из мутной водички покажутся долгожданные горошины и можно будет хоть что-то отправить в голодный желудок. Увы, на доньшке не оказалось ничего, кроме половинки горошины!

Вмиг справившись с «обедом», Яков с алчным любопытством стал наблюдать за теми, кто получил баланду из нижней части бочки. И от обиды заплакал. В их котелках было не менее, чем по 10 горошин! Значит, с горечью подумал он, там находился и тот горох, который должен был достаться ему. А до вечерней баланды оставалось ещё 5 часов работы.

В следующий раз Я. Кох был умнее, и ему стало попадаться на несколько горошин больше.

Но это, конечно, ничего не могло изменить. После двух месяцев работы на ПРК он окончательно ослаб, а его бригада стала распадаться. Первым от голода умер бригадир, за ним ушли на тот свет ещё пять товарищей по несчастью.

К концу проклятого 42-го года «похудел» и третий котёл. Хлеб превратился в какое-то глиняное месиво. В «супе» теперь охотились уже не за горошинами или крупинками овсянки, а за клочками капустных листьев и кусочками турнепса. Всё напоминало приближение библейского Страшного суда: их почти перестали кормить и не выдавали одежду взамен окончательно измочаленной.

Большая память тех страшных лет и сегодня не покидает «трудармейцев». После десятилетий вынужденного молчания они пытаются восполнить пробелы в истории особо засекреченных «рабочих колонн» НКВД, чтобы не ушла она вместе с ними в небытие. О степени замалчивания этих событий свидетельствует уже тот факт, что даже А. Солженицын, скрупулёзно описавший основные преступные акции НКВД, вообще не упомянул о таких «островках» Архипелага ГУЛАГ, как «трудармейские» лагеря.

К числу умелых летописцев «трудармии» принадлежит и Иоганн Эйсер. Мы уже цитировали его подробные записки. Обратимся к ним ещё раз, чтобы глазами очевидца и чувствами свидетеля воспринять страшные реалии лагерей Вятлага в наиболее критический период – 1942-43 годах:

«На следующий день после прибытия в Муриц нас после короткого инструктажа отправили на лесоповал. Большинство из нас, поволжских немцев, такого моря деревьев никогда не видело и навыков работы в лесу не имело. Тем страшнее был для нас этот неведомый каторжный труд.

Полуголодные, плохо одетые, мы несколько километров брели гуськом по глубокому снегу и добирались до места уже обессиленные. А впереди был целый день работы.

Сначала приходилось очищать снег вокруг дерева, чтобы было видно, какой высоты оставить пень. Да и для себя место освободить нужно. Пилить дерево надо умеючи, чтобы оно в намеченное место упало, никого из соседнего звена не убило, волчком на комле не завертелось и самих вальщиков не задело. Бригада ведь должна была работать на небольшом пятчке, который конвоиры лыжной очерчивали. По ошибке выйдешь за неё – получишь пулю за «попытку к бегству».

Сваленное дерево утопает в снегу, и его надо откопать на всю длину. После этого начинается обрубка сучьев и разжигается костёр, у которого можно согреться и немного отдохнуть.

Работы много, а толку чуть. Даже с хорошего дерева (толщина 30-40 сантиметров, ровный ствол, мало веток) больше кубометра делового леса не возьмёшь. А чтобы полный паёк, 750 граммов хлеба получить, нужно выдать на каждого лесоруба по 6 кубов. Для этого все 11 часов в поте лица ишачить надо.

Но где сил набраться, если еда с каждым днём становится всё хуже?

Первый выходной дали только через полтора месяца. И то – для того, чтобы мы починили привезённую с собой одежду и обувь. Почти год в своём проходили, окончательно оборвались, а казённое выдать нам не спешили. Мёрзли – страшно сказать как! Видимо, сверху ждали, когда мы все перемерём.

Кроме того, в тот день надо было наши полуметрашки от снега откопать. Их сугробами почти до крыши занесло. И это называлось – выходной!

В бараке те, кто помоложе, располагались на верхних нарах, а пожилые – внизу. В свободное время мы говорили о фронте, вспоминали о Поволжье, о семьях. Все рассуждения обычно сводились к еде:

— Эх, мужики, дали бы мне сегодня то, чем мы дома собаку кормили! Я бы ей свою баланду отдал, только не знаю, стала бы она её есть или нет...

А те, что постарше:

— Нас весной по домам распустят. Все мужчины на фронте, кто хлеб сеять и убирать будет? На одних женщинах далеко не уедешь...

Когда наступало время еды, мы усаживались по своим местам, как цыгане на базаре: ноги согнуты, локти на коленях, руки подпирают голову. И все взоры устремлены к входной двери. Сначала раздают хлеб, который тут же съедается. Потом выпивается баланда и пальцами начисто вытираются глиняные чашки, из которых мы «ели».

И опять продолжают разговоры о еде. Но уже лёжа...

К концу 1942 года мы окончательно обессилели. Норму никто уже выполнить не мог. А после того, как хлебный паёк урезали до 600 граммов, и до леса едва добирались. Все превратилось в скелеты, многие умерли от голода.

Умер и мой дядя Филипп. Его, как дистрофика, поместили в стационар, из которого чаще уходили на тот свет, чем возвращались к работе. Он всё ждал, что его «сактируют» и отпустят к шестерым детям, выселенным в Казахстан. Мы с отцом часто навещали больного, но помочь ничем не могли.

Помню, в последний вечер сидели на его койке. Он тоже сел, и я увидел, что от него остались только кости, обтянутые тонкой кожей, через которую было видно, как пульсирует кровь по синим венам. Говорил очень тихо, почти шёпотом. Отец успокаивал брата, просил набраться терпения. Мы простились, пообещав прийти через день.

— Знаю, вы очень устаёте и рады отдохнуть после работы. Я не обижусь, – еле слышным голосом сказал дядя.

Когда мы пришли снова, нам сказали:

— Его вчера утром вывезли...

Значит, он угас уже ночью после нашего посещения, и его вместе с другими умершими отправили за «зону», на общий могильник.

Я ещё держался кое-как, но ноги передвигал с трудом. По пути на работу мы метров

сто шли по проезжей дороге, прежде чем повернуть в сторону леса. Несколько раз мне везло: на дороге попадался лошадиный навоз. Я собирал его в сумочку, которая всегда была при мне. Думал, у костра подсушу, провею, а зёрна овса поджарю. Но не мог выдержать, продувал его на ходу и съедал зёрна сырыми. Очень вкусно было!

Иногда у лагерной помойки мне удавалось найти кое-какие кости. Я обжигал их дочерна в топке сушилки, а затем обгрызал. И так повторял до тех пор, пока не съедал кости до конца. Вряд ли в них были питательные вещества, но в желудок что-то попадало, и не так сильно мучил голод.

Я выжил, но в Вятлаге остались дядя Филипп и мой 45-летний отец. Из нас троих погибло двое – таково было соотношение между жизнью и смертью в 1942 году».

Фридрих Лореш в статье «Тимшер и другие», на которую мы уже ссылались, пишет,

до чего может дойти изголодавшийся человек. «Свою порцию хлеба мы получали в бараке, – вспоминает он. – Обычно пополам – утром и вечером. Зимой при его раздаче дневальный зажигал лучины – другого света у нас не было. Суп был без жиров и, конечно, без мяса, а чай с сахарином. Немного каши полагалось только при перевыполнении нормы. При таком скудном питании в туалет, извините, ходили по-большому раз-два в неделю. Голод довёл одного моего знакомого до такого состояния, что он однажды спросил меня:

— Я тут видел – наш повар оправлялся... Как думаешь... А нельзя ли это попробовать съесть?..

— Не смей даже думать об этом!!! – ответил я ему.

Павшие лошади у нас даром тоже не попадали. А кошек и собак здесь давно уже не было. Выброшенные кухонные отходы подбирались начисто...»

О завершении строительства трехэлектропечей металлургического завода

«Докладываем: к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции в сталеплавильном цехе металлургического завода полностью закончены строительные и монтажные работы по трём 30-тонным электропечам, всё подготовлено к плавке стали.

Коллектив строительства и завода, начавший строительство в апреле 1942 г., борется за сдачу ко Дню Конституции остальных двух печей сталеплавильного цеха, прокатного цеха со станками 800, 450 и 350, литейного, механического, кузнечного, модельного и ряда подсобных цехов.

Начальник «Челябметаллургстроя» Комаровский.
Начальник политотдела «Челябметаллургстроя» Воронов.
Секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Патоличев»

О завершении строительства трех электропечей металлургического завода // Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945: Сб. документов и материалов.-Члб:ЮУКИ, 1981.- С.140

К ноябрю 1945 г. на территории ЧМЗ и прилегающих к нему подсобных предприятий и посёлков числилось около 22000 чел. спецконтингента и 17000 чел. остального населения

(ОГАЧО, ф. Р-220, оп.13, д.21, л. 6-7)

На 1 февраля 1944 г. общая численность лагеря Челябинского металлургического завода составила 34605 чел. После войны трудармейцы были переведены на положение спецпоселенцев.

(ОГАЧО, ф. Р-1619, оп. 2, д. 26, л. 1-2,5)

Александр Нахтигаль

СУДЬБА ЛЮФТОВ

Я – немец с искореженной судьбой,
Уставший от наветов и неправд.
О, родина, я чист перед тобой,
И не тобой лишен гражданских прав.

Лео Майер

История каждой семьи уникальна. Каждый человек приходит на эту землю, чтобы совершить что-то хорошее. И как бы не складывались обстоятельства, если человек не сломался,

сумел противостоять жизненным ветрам, то жизнь прожил не зря и выполнил свое историческое предназначение. Беда только, что чаще всего сам человек об этом ничего не

знает и думает, что его небольшие дела, личные заботы не повлияли на ход истории. Это глубокое заблуждение.

История человечества как гигантская мозаика составляется из многочисленных клеточек-жизней конкретного человека, если больше людей прожило достойную жизнь, то и человечество прогрессирует, движется вперед. Только вот выбрать свой жизненный путь не так просто. А если жизнь постоянно проверяет тебя на прочность, то выстоять может только сильный. Виталий Иванович Люфт именно из таких.

Его предки попали в Россию из Франции. На границе с Германией проживает 1,5 миллиона немцев. Его прадед был графом. Они жили в Поволжье и имели большое хозяйство. После Октябрьской революции, прадед снабжал Красную Армию лошадьми, фуражом, сеном. Что с ним стало, правнук так и не узнал. Деда по отцу Виталий Иванович помнит, и видел, его звали Яков Адамович Люфт. Виталий Люфт родился в 1928 году, и многие исторические события обошли его своим вниманием. О многом он теперь вспоминает со слов родителей.

В 1930 году коллективизация пришла в родное село Майгейм Федоровского района, Саратовской области. Был разрушен вековой уклад жизни, у сельчан все отобрали: землю, скот. Отец и мать Люфты с тремя детьми перебрались жить в Ташкентскую область, на станцию Голодная степь. Думали, в теплых краях будет легче, а степь оказалась действительно голодной. Купили домик и участок земли, но воспользоваться южными благами так и не успели. От голода и болезней умерла сестра. Чтобы как-то выжить, отец устроился бухгалтером в МТС, мама не работала.

Легче не становилось. В 1933 году семья переехала в город Мирзачюль. Виталий пошел в школу, у него родились сестра и брат. А счастье теперь стало обходить дом Люфтов стороной. В 1938 году ночью пришли милиционеры и увели отца. Больше его никто не видел. В чем он обвинялся неизвестно. Виталию исполнилось девять лет.

В начале Великой Отечественной войны жизнь в селе не очень изменилась. Край многонациональный и наших немцев горожане особым вниманием не одаривали, ведь теперь у всех была одна беда. Но это продолжалось недолго. В апреле 1942 по немецким дворам прошли милиционеры и предупредили: «Вам 24 часа на сборы и всем двигаться на станцию. С собой брать вещей не более 60 килограммов».

Куда собираются людей увести, никто не знал. На станции Голодная степь всех собравшихся загрузили в товарный вагон. Везли на запад, в сторону Самарканда, 240 километров ехали шесть суток. В пути съели все продукты, которые взяли с собой. Доехали до станции Джума. Там уже ожидали возчики на арбах. Людей распределили по колхозам. Люфты оказались в колхозе имени Максима Горького, который находился от Самарканда в 25-26 километрах.

Виталий не окончил 6 класс и в начале мая уже начал работать как равноправный колхозник: без выходных и без оплаты. В журнале отмечали только трудовни. В этом же 1942 году маму, Марию Федоровну, забирают в трудармию. В доме остались самый старший 13 летний Виталий, шестилетний брат и девятилетняя сестра.

Мама работала в Орске на военном заводе три года, и все это время ее дети были брошены на произвол судьбы. Колхоз их не кормил и эти три года они за работу ни копейки не получили.

В жестоких условиях оказались не только немцы.

- Как-то привезли к нам евреев, - вспоминал Виталий Иванович, - но они называли себя крымчаками с Крыма. Их положили на землю, на поляну за колхозной усадьбой, как дрова. Одеты они были в лохмотья. Для властей они не существовали, сограждане медленно умирали от голода. Они распухли, а в таком состоянии человек уже не чувствует голода и не борется с ним. Каждый день выделяли подводу для вывоза трупов. Среди крымчаков был у меня товарищ. Я не мог смотреть на этот кошмар, подошел к нему и говорю: «Пойдем, найдем что-нибудь покушать». У нас сороки могли яйца отложить. Вот мы их собирали. Он нашел гнездо, в котором уже были птенцы, и живьем, вместе с перьями, съел. Я тоже питался яйцами, но живых сорочат не ел. Так вот мой товарищ остался жив, а остальные умерли. Их закопали в общей яме.

Как же можно было выжить? В эти годы дети выросли быстро. В войну колхоз выращивал сахарную свеклу. Посадили ее впервые и, если на Украине вес корнеплода достигал 300-400 грамм, то на узбекских полях вес корнеплода доходил до 16 килограммов. Свеклы народилось столько, что не хватало транспорта для ее вывоза, и собирали все, что можно было использовать: ишаков, лошадей, запрягали их в телеги и повозки. Корнеплоды грузили день и ночь, и все равно не могли вывезти весь убранный урожай.

Спасти Люфтов могла только свекла. Виталий работал на вывозке урожая, и он решил ею запастись, вырыл яму, в которую прятал свое спасение. И это был их единственный источник питания. От такой еды животы у людей напоминали животы беременных женщин, хотя на самих были кожа и кости.

- Мы стали натуральными рахитами, - вспоминает Виталий Иванович, - Надеяться можно было только на себя. Я не видел эти годы ни копейки, ни нитки, ни иголки. Если надо было что-то заштопать, из хлопка сам прятал нитки и шил. До сих пор удивляюсь, почему я не стал бандитом и пьяницей.

Люфты научились хорошо разговаривать на узбекском языке. Это местному населению нравилось. Они просили детей то травы нарвать, то дров нарубить и за это давали то кусочек лепешки, то немного фруктов. Доброту людскую Виталий Иванович никогда не забывал.

Но даже в свои 14 лет и при такой жизни, Виталий всегда стремился хорошо работать, и один раз ему даже дали премию: один килограмм сахара и два килограмма пшеницы. Больше за три года войны он ничего не получал.

В декабре 1943 года колхоз послал Виталия на курсы трактористов, где преподавали на узбекском языке. В январе 1944 года он их окончил и до сих пор хранит полученное свидетельство. Но трактористом работать не дали, так как был щуплым и худеньким.

В марте 1945 года Виталий познакомился с товарищем из племсовхоза имени Сталина Вильгельм Бригом и рассказал ему о том, что три года работает и ничего не получает. Вильгельм предложил: «Переходи к нам работать. У нас хоть зарплату платят». Виталий собрал свои нехитрые пожитки, пригнал ночью из совхоза подводу, погрузился и уехал. У него никаких документов не было. В кармане лежало только свидетельство об окончании курсов трактористов.

Люфт временно поселился у Вильгельма. На следующий день пошел в отдел кадров и устроился на работу. Его поставили пасти молодняк лошадей и дали оклад 120 рублей. А килограмм хлеба на базаре стоил 180 рублей. Вот и судите, как он мог жить на эти деньги. Да и то их давали в полгода один раз.

Через шесть-семь месяцев Виталий пришел получать зарплату, думал наконец-то что-то получит на жизнь то, что ему полагается. А его огорчили - получать нечего и он еще должен. Как должен? Оказалось, без его согласия Люфта подписывали на военный заем, сумму писали, какую хотели, то из расчета месячного заработка, бывало и больше. Прибавьте к этому налоги. К тому же была еще одна хитрость. В совхозе работала столовая.

- Не скажу, что хорошо кормили, - вспоминал Виталий Иванович, - но для того времени терпимо. Я иногда заходил туда пообедать. Поскольку денег ни у кого не было, суммы записывали в тетрадку. Сколько писали, это проконтролировать было невозможно. Потом узнал: делали так, покушаешь один раз, а могли записать, что пять или десять раз. Поэтому я кругом остался должен. В дальнейшем, естественно, я отказался от услуг этой столовой.

Руководство племсовхоза узнало, что у него есть права и перевели работать на колесный трактор.

Наконец-то он получил дело, о котором мечтал всю жизнь, дело настоящее, мужское. Шел 1946 год. Люфта, как и всех немцев, поставили на учет в комендатуре, где он должен был отмечаться каждый месяц. Но новая работа отвлекала от грустной действительности.

Трактор был не на ходу. Хотя опыта у Виталия было немного, но приступил к делу как настоящий мастер. Разобрал трактор до последнего винтика, проверил каждый узел. Ремонт требовался непростой. У маховика трактора, который весит более 70 килограммов, был

сорван болт, и нужно было его высверлить. Для этого маховик надо было перетащить в мастерские, метров за 200. Восемнадцатилетний Люфт все сделал сам: отнес маховик на своей спине, высверлил отверстие, нарезал резьбу и принес агрегат обратно. Желание все сделать самому и быстро, окрыляло его и трудностей работы Люфт не замечал.

Но для молодого и неокрепшего еще организма тяжесть работы не могла пройти бесследно. И утром Виталий не смог встать с кровати: спина раскалывалась от острой, нестерпимой боли. Медпункта в селе не было, и вызвать врача было невозможно. Через день Виталий пришел на работу. В то время были скоры на расправу. Сразу же собрали показательный суд и ему присудили три месяца принудительных работ, с удержанием из заработной платы 25 процентов. Люфту было очень обидно, но он ничего сделать не мог.

Но, несмотря на все беды, трактор он прекрасно отремонтировал и в 1948 году, когда Виталия послали на помощь отстающему колхозу, он выполнил восемь годовых норм. Для этого он работал день и ночь.

- По всем показателям занял первое место не только в совхозе, но и в районе, - рассказывал Виталий Иванович, - Я даже спал в поле. Мне выделили отдельно повара, и он кормил меня три раза. Выделяли в день килограмм мяса, риса и хлеба вдоволь. Я хорошо заработал. Прислали даже районного фотографа.

Результаты его работы были настолько впечатляющие, что руководство совхоза решило поощрить Люфта поездкой на ВДНХ. Собрали все необходимые документы, но как только наверху узнали, что он немец, все отменили: немцу не положено ехать в Москву. Виталию опять стало обидно. Чуть ослабило душевную боль то, что на заработанные деньги, он купил корову, двух поросят и даже патефон, правда, не новый.

Но в то время бдительно следили за тем, чтобы личное хозяйство не развивалось, чтобы жизнь впроголодь становилась нормой. Раз есть корова, значить полагается сразу обложить налогом: ежегодно требуется сдавать 40 килограммов мяса, четыре килограмма масла и деньгами рублей 100.

Инспектор из финотдела регулярно ходил по домам и собирал налоги. Но поскольку было очень сложно ежегодно сдавать натуральное мясо, то однажды инспектор предложил сдавать налог деньгами. Получалось так: они на базаре закупали скот и сдавали бы его государству, естественно, имея от этого свою выгоду.

И решил Люфт выплатить налог деньгами на год вперед, получил квитанцию и стал спокойно жить и работать. Год прошел спокойно. Но вдруг приходит новой инспектор и говорит, что он должен заплатить налог за два года и плюс пеня за то, что год не платил. «Как не платил, - возмутился Виталий, - вот у меня квитанция».

- А это фальшивая квитанция, - ответил фининспектор. Спорить с ним было бесполезно, и Люфту пришлось отдать корову в счет уплаты долгов.

Вот так у него проходила жизнь в совхозе. Но никогда не покидала Виталия мечта вернуться на родину, в Голодную степь и добиться возврата дома и хозяйства. Только в 1950 году Люфт все-таки добился этого. В январе он от коменданта получил разрешение, и в сопровождении инспектора в военной форме доехал до станции Голодная степь. Там его передали на учет в местную спецкомендатуру. Но дом ему не вернули потому, что на руках не было ни одного документа подтверждающего законность требований, хотя их и не выдавали.

Виталий устроился работать на машино-экскаваторную станцию в начале слесарем, а потом перевели помощником машиниста на экскаватор. Бригада была дружная и работали от души. Однажды, когда он уже был машинистом, бригада поработала очень хорошо. Но при расчете их обманули: не заплатили даже половину того, что заработали. И Люфту стало очень обидно. Он пошел к директору предприятия Диметренко, написал заявление на расчет и указал причину увольнения. Директор порвал, выбросил заявление на глазах рабочего и сказал: «Никуда я тебя не уволю». Виталий тоже был настырный, все бросил и ушел без увольнения, даже трудовую книжку оставил.

Устроился в машинно-дорожную станцию. Там знали, что он хорошо работает, и охотно Люфта приняли и выписали новую трудовую книжку. Около полугода он проработал и вдруг к нему приходит повестка в суд. Оказывается, его привлекали к ответственности за то, что он не работает в прежней организации, и самовольно оставил рабочее место. Суд был недолгим. Когда его спросили: «Чего вы хотите?» «Хочу, чтобы меня уволили», - ответил Люфт. За этот проступок он получил четыре месяца тюрьмы, которые отсидел в лагерях общего режима в Ташкенте. В то время были такие дикие законы: если начальник или директор не хотят тебя уволить, то можно было уволиться только через тюрьму. Позднее эту статью отменили, и она не стала считаться судимостью. Но все это произошло потом, а сейчас новая обида поразила его сердце.

Когда Виталий вернулся из тюрьмы, он уже боялся официально устраиваться на работу. И появилась у него мысль покинуть насовсем Среднюю Азию. У Люфта был двоюродный дядя, который жил в Челябинске, он здесь прошел трудармию, его звали Самуил Иванович Унгефунк. Дядя работал начальником участка на коксохиммонтаже металлургического завода, часто приезжал к родителям в Узбекистан и Виталий с ним виделся. Однажды он его спросил: «Можно к вам приехать и устроиться на работу?».

«Можно», - ответил Самуил Иванович. Но в то время все было не так просто, ведь существовала комендатура, где требовалось

регулярно отмечаться. Чтобы сняться с учета, необходимо получить справку, что Люфт будет принят на работу на новом месте. Такую справку ему прислали. А в Челябинске Люфт вновь встал на учет в комендатуре, которая находилась у поселка ТЭЦ, где сейчас остановка трамвая «Доменная».

Поселился Виталий у дяди за коксохимом, в поселке центральных пошивочных мастерских. Там жили по соседству и трудармейцы, и военнопленные. В 1957 году получил квартиру по улице Б. Хмельницкого, в 15 доме. Так Виталий Иванович и проработал в коксохиммонтаже 34 года до ухода на пенсию, никуда уже больше не уходил.

За то, что «немец», слышал иногда упреки, бывало, говорили: «Не по своей земле ходишь». Очень долго Люфт боялся публично признаться, что он немец. Был даже такой случай. В 1964 году, когда он был в командировке в Липецке, и как-то заместитель начальника управления Баженов разговорился с ним и спрашивает: «У тебя странная фамилия, Люфт. А кто ты по национальности?» Он отвечает: «Немец». Баженов глянул на меня широко раскрытыми глазами и метра на два отскочил в сторону. Немного погодя спрашивает: «Как ты к нам попал?» Виталий Иванович стал ему объяснять, но ведь до каждого не достучишься. Таких эпизодов было немало.

А немцы приспособивались. Во время войны, когда Люфт работал в колхозе, с узбеками он разговаривал по-узбекски. Они думали, что он татарин. Когда Виталий говорил, что немец, они смотрели на него как на прокаженного. В то время на немцев везде рисовали карикатуры и их изображали в виде чертей с хвостами и с рогами.

Но открыто Люфт не слышал от руководителей негативного отношения к своей национальности. Его работой всегда были довольны, но вот на поощрения были скупы. Все же немец. Ни каких наград - только значки и грамоты. Зато работы хоть отбавляй, объехал все коксохимпроизводства бывшего Советского Союза: Липецк, Череповец, Темиртау, Новокузнецк, Чебаркуль.

Люфту очень хотелось побывать за границей, посмотреть на мир, тем более что там ему тоже хватало бы работы. Однажды он не выдержал и спросил, почему его не посылают в заграничные командировки? Управляющий трестом Александр Владимирович Уступный прямо сказал: «Ты немец и не имеешь права ездить за границу. Тем более что все немцы стремятся уехать в Германию». После этого Виталий Иванович отступил, но стало обидно.

В 1988 году Люфт ушел на пенсию и решил стать фермером. Написал заявление с просьбой выделить ему 20-40 гектаров земли. Заявление ходило по кабинетам облисполкома, все чиновники пытались Виталия Ивановича отговорить. Но он не поддавался и просил земля не далее 50-60 километров от Челябинска, чтобы сыновья-горожане могли помочь. Чтобы отвязаться от настойчивого посетителя

послали в совхоз Красное поле, где подписали заявление на выделение 20 соток, хотя этого очень мало. Ведь будущий фермер хотел иметь замкнутый цикл производства, но делать нечего, пошел в сельсовет. А там - плати 100 рублей за сотку. Люфт спрашивает: «Я отдам деньги за землю, а на что буду строиться? Вы мне поможете?» «Нет» - услышал он в ответ.

- Я еще ничего не имею, а уже требуют с меня деньги, - грустно говорил несостоявшийся фермер, у которого уже и сил обижаться не было.

Во время нашей беседы супруга Виталия Ивановича, Эмилия Павловна, скромно сидела в стороне и не вмешивалась в нашу беседу. Но потом выяснилось, что она тоже прошла в трудармию, только на другом предприятии Челябинска – Заводе им. С. Орджоникидзе.

- У меня получилось все не так страшно, - стала рассказывать Эмилия Павловна – Я жила в Омской области. В глухой немецкой деревне, куда мои деды приехали во время столыпинской аграрной реформы. Это было в 1902 году, отцу шел 14 год, а родители мамы прибыли в 1905 году из Волынской губернии, ей было 8 лет. По-немецки разговаривать не могла только по-русски, но потом научилась.

На новом сибирском месте семья неплохо обжилась, хозяйство росло. Все богатство создавалось кропотливым трудом всех членов семьи. А она была большая, детей только восемь человек. В 1929, когда стали создавать колхозы, у них был полный двор скотины: 12 коров, молодняк, свиньи, куры, овцы. И случилось неизбежное. В декабре стоял сильный мороз и шел снег, в дом постучали представители колхоза, без церемоний сбили топором все запоры и выгнали во двор всю скотину, только курей оставили. И погнали стадо животных.

- Мы дети кто, в чем был, выскочили на улицу и повисли на шее одной коровы, - вспоминает Эмилия Павловна, - нам ее и оставили. Живучесть нашего российского народа любой национальности просто поразительна: к 1933 году мы уже имели две коровы, в общем, с голоду не умерли.

В 1943 году ее забрали в трудармию. Из-за снежных заносов эшелон простоял в Омске

11 дней. Пока пути чистили, они жили по 60 человек в комнате 18-20 квадратных метров. Затем их отправили в Челябинск на военный, 78 завод им. С.Орджоникидзе. Эмилия Павловна из крестьянки стала токарем и точила снаряды.

- Когда привезли в Челябинск, я думала, что попал в рай, - рассказывала она, - Для нас были выстроены бараки, выдали чистое белье, нары, правда, были трехэтажные. После деревни, где мы тоже работали день и ночь, зерно возили под дождем и в слякоть, за 80 километров и на себе мешки таскали. А тут рай. По приезду сразу в баню, конвоя не было. Потом в столовую, там нас ждал очень хороший обед: хлеба ешь сколько хочешь, куриный бульон с пшенной кашей. Утром строем под заводской охраной, через проходную шли на завод. Дней семь убирали территорию вокруг завода: пока оформляли пропуска. Я попала в 22 цех, очень хороший. Нас не учили, только показали простую операцию. Так поработала два месяца, ко мне, видимо, присматривались, а потом дали станок. Они были несложные, и я разобралась быстро. Работали по 12 часов и, хотя я уставала, но все равно позже всех спать ложилась: любила варежки вязать себе, подружкам. В бараках жили по национальному признаку. Я не голодовала, работала хорошо, получала по килограмму хлеба. Но бывало и по-другому: вместе с нами работали молдаване, болгары, узбеки. Очень много поумерало узбеков: часто идешь по цеху, а они мертвые лежат на полу. Умирали и от голода, и от холода.

После войны трудармеек стали отпускать домой, а Эмилия Павловна не торопилась: в деревне ее ждала более трудная доля. Тут нашла свое личное счастье и осталась в Челябинске.

До последнего времени Виталий Иванович Люфт боялся рассказать детям о своей, как он говорит, жалкой жизни, в которой его очень часто угнетали и унижали. В паспортах все дети написали себя не немцами. Вот и решил он всей семьей уехать в Германию. Не хочет он, чтобы дети его страдали из-за чиновничьей глупости.

Приложение к постановлению СНК СССР №34-14с то 8 января 1945 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О СПЕЦКОМЕНДАТУРАХ НКВД

1. Общие положения

1. В целях обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством НКВД СССР создаются спецкомендатуры.

2. Спецкомендатуры НКВД создаются в районах расселения спецпоселенцев и дислоцируются в населенных пунктах в центре территории, на которой расселены обслуживаемые ими контингенты спецпереселенцев

3. Спецкомендатуры НКВД в своей административной и оперативной деятельности руководствуются действующими законами, постановлением Совнаркома СССР «О правовом положении спецпереселенцев», а также приказами и инструкциями НКВД СССР, НКВД союзных и автономных республик и управлений НКВД краев и областей.

4. Непосредственное руководство спецкомендатурами НКВД осуществляет РО НКВД по территориальности.

5. Работники спецкомендатур НКВД во всех правах и в отношении зарплаты приравниваются к соответствующим им по должности оперативным работникам РО НКВД.

2. Обязанности и права комендантов спецкомендатур НКВД

6. На комендантов спецкомендатур возлагаются следующие обязанности:

- а) учет спецпереселенцев и надзор за ними в целях предотвращения побегов с мест поселения и выявления среди них антисоветских и уголовно-преступных элементов;
- б) организация и производство розыска бежавших спецпереселенцев;
- в) предупреждение и пресечение беспорядков в местах поселения спецпереселенцев;
- г) осуществление контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев в местах их поселения;
- д) прием от спецпереселенцев жалоб, заявлений и обеспечение по ним необходимых мероприятий;
- е) выдача спецпереселенцам разрешений на право временного выезда.

7. Комендантам спецкомендатур НКВД предоставляется право в случае нарушения спецпереселенцами установленного для них режима и общественного порядка в местах поселения налагать на них административные взыскания в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток. Наложение административного взыскания должно быть утверждено начальником РО НКВД, а применение ареста должно быть санкционировано прокурором.

Наложение административного взыскания оформляется постановлением коменданта спецкомендатуры, которое вместе с объяснениями нарушителя отправляется на утверждение начальника РО НКВД.

8. На комендантов спецкомендатур возлагается производств. во расследования по делам о побегах и других преступлениях спецпереселенцев.

О каждом возбужденном деле комендант должен сообщить начальнику РО НКВД и районному прокурору. Более сложные дела принимаются начальником РО НКВД к своему производству или, по предложению прокурора, передаются последнему.

По делам о контрреволюционных преступлениях коменданты спецкомендатур производят лишь первичные следственные действия, после чего передают следственный материал в РО НКВД.

9. Дела о побегах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях направляются через соответствующие НКВД-УНКВД на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Все остальные – в судебные органы направляются обычным порядком.

10. Прокурорский надзор за деятельностью спецкомендатур НКВД осуществляется соответствующими органами прокуратуры.

ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.48. Д.3205. Л.25-28.

Александр Нахтигаль

ВОСЕМЬ ТРУДАРМЕЙСКИХ ЛЕТ

Фукс Виктор Генрихович (р.1912 ?) летчик-истребитель

1912 (?). — Родился в семье этнических немцев в России.

1938, начало. — Старший лейтенант Военно-воздушных Сил (ВВС), летчик-истребитель.

1938, конец. — Арест как шпиона; пребывание в течение нескольких месяцев в камере пыток Брянской тюрьмы; во время смены руководства НКВД отпущение на свободу ввиду отсутствия компромата. Демобилизация из армии по причине ареста.

1940. — Восстановление на военной службе.

1941. — Участие в боях с немецкой авиацией в качестве командира эскадрильи истребителей.

1941, конец. — В соответствии с приказом Сталина об этнических немцах отправление из действующей армии в тыл, в г. Магнитогорск.

1942, февраль. — Мобилизация, без исключения из членов ВКП(б), в трудармию. Направление под Челябинск на строительство металлургического комбината, для чего был создан лагерь из 15 отрядов (всего 65 000 трудармейцев). Жилье в землянках, выход на работу под вооруженным конвоем. Колючая проволока, собаки. Отказ стричься наголо, снять армейские знаки различия и портупею.

1942, лето – **1950**. — Работа бондарем, электриком, затем шофером (без прав) внутри Челябинска. Рабочий день 12 часов и больше при одном выходном в месяц. Пища – баланда и

400 г хлеба. Частые обыски. Общие партсобрания охраны и трудармейцев – членов партии. Лишение воинского звания. Ежедневная смерть 8–15 человек в каждом отряде от непомерного истощения и сурового климата. В общей могиле Челябинга погребено более 15 000 трудармейцев. Прибытие в лагерь в конце войны пленных немцев, румын, финнов, чеченцев, латышей.

1950. — Освобождение из трудармии, переезд в Канск к родителям, сосланным туда в начале войны. Внесение в трудовой стаж лагерных лет по принципу один за два.

Я - немец. Вот и все мое несчастье,-
Источник боли, гнева и пинков.
Поэтому как не поддаться страсти?
Как все ввести в поток спокойных слов?
Я знаю: трудный путь мне предстоит пройти.
И лавров не видать там впереди...

Гуго Вормсбехер, 1963 год.

В 1938 году Виктора Генриховича Фукса арестовали, обвинив в шпионаже. В Брянской тюрьме несколько месяцев продержали в камере пыток. В это время сменилось руководство НКВД, и многих заключенных выпустили, в том числе и его, ведь против Фукса не было никакого компромата. В конце 30-х годов по всему Союзу в воинских частях прошла чистка, из армии убирали представителей национальных меньшинств - их всех превратили в шпионов. В части Фукса, кроме него были арестованы летчики Шнайдер, Бамбергер - все трое немцы, а также грек, еврей, поляк и литовец. Одного даже успели расстрелять.

Виктора Генриховича выпустили, но из-за ареста демобилизовали из армии. Удивительно, но он добился восстановления на службе и даже успел покомандовать эскадрильей истребителей и участвовал в боях с фашистской авиацией. Но в конце 1941 года по приказу Сталина были сняты с фронта все немцы, в том числе и Виктор Генрихович. Командир полка Родин и комдив не хотели отпускать опытного и хорошего летчика. Его посылали на ответственные задания и Родин даже поручал ему полеты в тыл врага для проведения рекогносцировки. Приказы Фукс всегда выполнял, но все же он услышал от Родина:

- Виктор Генрихович, это был последний ваш полет. Я получил из штаба армии третье предупреждение - всех немцев надо немедленно отправить в тыл. Попытался возражать, но пригрозили строгим наказанием, если не выполню приказ. В том числе и вас.

Так Фукс оказался в глубоком тылу, в Магнитогорске. Там, в начале 1942 года, сделал попытку вернуться в авиацию, но в штабе округа заявили, что это невозможно - приказ Сталина. Прошло месяца два, и его мобилизовали в трудовые колонны.

Далеко везти не стали и он оказался в Челябинске, где на огромном пустыре предстояло строить металлургический завод. Лагерь трудармейцев занимал несколько гектаров. Каждый отряд был оцеплен колючей проволокой. Вокруг сторожевые вышки, собаки.

Увидев колючую проволоку, Фуксу в голову пришла одна мысль - надо бежать. Но потом понял: бежать некуда. При нем партбилет, удостоверение. Первый встречный сразу поймет,

кто он такой и откуда.

Всех вновь прибывших повели в баню, которая находилась вне ограждения. Новобранцы, которые были с Фуксом, безропотно дали себя остричь наголо и побрить, а Виктор Генрихович отказался подчиниться. Банщики-немцы стали уговаривать и объяснять, что за его неподчинение их накажут. Но рядовые вступились за офицера - все-таки командир эскадрильи! Тогда банщики уступили и только попросили натянуть поглубже пилотку, иначе задержат на пропускном пункте.

На территорию лагеря Фукс ступил со знаками различия на гимнастерке. К нему сразу подошли охранники и потребовали их снять. Он отказался подчиниться и стал настаивать на том, чтобы ему показали приказ наркома о его увольнении из армии. В ответ услышал: «У нас есть распоряжение Берии. Мы подчиняемся только ему, а не наркому обороны».

Виктор Генрихович все равно не снял знаков различия. Позже политрук отряда, из милиционеров, прогуливаясь с ним, стал уговаривать:

- Надо, подчиниться, ведь заставят.

За пределами отрядной территории находился особист, его называли «кумом», и он мог своей властью силой снять с него все знаки различия. Но Фукс не подчинился и продолжал их носить.

Отряды между собой никаких контактов не имели, каждый работал на определенном участке. Один строил каменный цех, другой - электролизный. Жили трудармейцы в землянках. Под самой крышей окошко и общие нары. На работу их выводили под винтовкой, всякий раз звучало: «Шаг влево, шаг вправо - стреляю без предупреждения!»

Через некоторое время Фукса поставили бригадиром над 12 трудармейцами. На работу он шел первым в своей форме. За ним строем следовала бригада. Замыкал шествие вооруженный охранник. Охранники и иная «обслуга» называли трудармейцев не иначе как «фрицами» и «фашистами». Особенно часто они выслушивали такие оскорбления при входе и выходе с территории отряда.

С первых же дней на пропускном пункте один охранник все приставал к Фуксу:

- Слушай, летчик. Отдай мне свою портупею.

Здесь она тебе не положена.

- Нет уж! - он отвечал. - Мне никто не запрещал ее носить.

- Смотри, еще попомнишь..., - в ответ угроза.

В качестве новоиспеченного бригадира бондарного цеха Фукс привел в цех людей. Начальник цеха, бывший младший лейтенант милиции, спрашивает:

- Здесь будете работать? А знаете, как бочки делать?

- Как же! - отвечает летчик, - в полете я «бочки» двойные и какие угодно выполнял.

Он понял шутку и рассмеялся. А потом серьезно спросил его кто он и не скрыл недоумения, почему опытного летчика сняли с фронта и привезли делать тару.

- Неправильно это, не должно так быть.

И такие нормальные люди встречались трудармейцам.

Фукса быстро избавили от бондарничества и перевели электриком по наружной цепи, а затем перевели в шоферы, и он работал внутри лагеря. Прав у него не было, но начальник лагеря разрешил. Раз Фукс летчик, стало быть, сможет водить и автомобиль.

На работе в лагере за одно-единственное нарушение могли послать в каменный карьер. А там люди подолгу не выживали. Рабочий день трудармейцев длился по 12 часов, иногда больше. Во всяком случае, меньше 10 часов не работали. В неделю полагался один выходной. Его проводили в землянке, на нарах. Трудармейцы так выматывались за неделю, что о культурном отдыхе не было речи. Да им ничего и не предлагали - ни кино, ни книг. Из газет была одна «Правда».

Письма писать разрешалось, но они часто не доходили ни к ним, ни к адресатам. Иногда получал письма с тщательно вымаранными строками.

Все эти мучительные годы Фукс оставался членом партии и, естественно, присутствовал на партсобраниях. На них водили из бараков строем. Среди охранников тоже были коммунисты. На собраниях они занимали первые ряды перед президиумом, а трудармейцы садились подальше. В президиуме обязательно восседали начальник и политрук лагеря. В докладах задавалось общее направление, чтобы мы не заходили в своих мыслях «куда не надо».

По соседству размещался женский отряд. В нем содержались уголовницы. Однажды, когда Фукс уже переселился на территорию строящегося завода, они пробрались в его комнату и вытащили книги и гимнастерку с партбилетом в кармане. «Зэчки» подбросили партбилет с учебником английского языка на-

зад. Билет был передан в парторганизацию, и Виктору Генриховичу вкатили выговор за то, что плохо хранил партийный документ. Выговор сопровождался назиданием: великий вождь Сталин так много делает блага для всех наций, в том числе и для вас, немцев, и мы должны это ценить. И подобные речи приходилось выслушивать на каждом партсобрании.

Про пищу вспоминать страшно. В 6 утра трудармейцев поднимали и вели в, так называемую, столовую - на улицу к месту, где были сбиты столики. Даже элементарного навеса не имелось на случай дождя или снега. Каждый подходил к столику со своим котелком и ложкой, где наливали один черпак жижицы, в которой плавают хвостики мелких рыбешек и кости. Это заменяло мясо. В обед иногда давали на второе чуть-чуть пшена, а летом зелени. На ужин - хлеб, его выдавали утром и сразу дневную норму - 400 граммов. В начале каждый пробовал оставлять часть на вечер, но его нередко воровали. Голод правил людьми.

Каждый месяц по несколько раз в бараках устраивали обыски. Считалось, что немцы обязательно запасаются оружием и возможны какие-либо диверсии, а то и восстание. Трудармейцев выгоняли из землянок независимо от погоды - и в грязь, и в стужу. Группа охранников копалась в вещах, перерывала нары. До двух часов стояли строители на улице в ожидании, когда закончат унижительную процедуру. Однажды при таком обыске охранник взял у Фукса учебник английского языка, раскрыл и при нем начал листать. Наткнувшись на карту полушарий, вырвал ее. «Зачем?» - не удержался и воскликнул Виктор Генрихович. - «Здесь запрещено иметь карты». - «Да разве по этой уйдешь куда?» - «Ты - летчик, сможешь и по этой уйти». И разорвал лист.

Ближе к концу войны в лагерь стали прибывать германские военнопленные. Они размещались отдельно и носили военную форму. Общаться с ними нашим немцам было строго запрещено. Еще позже прибыли румынские военнопленные. Были в «Челяблаг» и финны, и чеченцы, и латыши...

Трудармия для Фукса закончилась в 1950 году. Его отпустили, и он уехал в Канск к своим родителям, которые были туда сосланы. Виктор Генрихович все еще оставался членом ВКП(б), но воинского

звания был лишен еще в трудармии.

Годы, проведенные в «Челяблаг», теперь входят в трудовой стаж по принципу: один за два. Слабое, откровенно говоря, утешение для каждого трудармейца.

Список исправительно-трудовых лагерей, имеющих рабочие колонны немцев

1. Севураллаг – пос. Сосьва, Свердловской обл.
2. Ивдельлаг – г. Ивдаль, Свердловской обл.
3. Усольлаг – г. Соликамск, Молотовской обл.
4. Вятлаг – пос. Лесной, Кировской обл.
5. Краслаг – г. Канск
6. Бакалстрой – ст. Бакал, Челябинской обл.
7. Тагилстрой – г. Нижний Тагил
8. Соликамскстрой – г. Боровск, Молотовской обл.
9. Тавдинлаг – г. Свердловск
10. Севжелдорлаг – пос. Железнодорожный, Коми АССР
11. Кимперсайлаг – пос. Кимперсай, Актыбинской обл.
12. Строительство Свияжск – Ульяновск – Волжский ИТП
13. Умалытстрой – пос. Умалыга, Хабаровского края
14. Богословлаг – пос. Турьинские Рудники, Свердловской обл.

Зам. Начальника ГУЛАГа НКВД СССР майор госбезопасности Добрынин

ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1а. Д.128

«В системе НКВД рабочие колонны из мобилизованных немцев существовали при 25 лагерях и стройках, в которых трудилось большинство мобилизованных немцев. (См.: ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1. Д. 127. Л.25) Только на семи из этих объектов к началу 1944 г. трудилось свыше 50% всех мобилизованных (Бакалстрой – свыше 20 тыс., Богословлаг – около 9 тыс., Усольлаг – 8,8 тыс., Воркуталаг – 6,8 тыс., Соликамбумстрой – 6,2 тыс., Ивдельлаг – 5,6 тыс., Востураллаг – 5,2 тыс. В 22 лагерях использовался труд 21,5 тыс. немцев (на 1 января 1944 г.). Практически полностью из мобилизационным немцев состояли рабочие колонны при таких лагерях, как Ухтоижемлаг (3,7 тыс.), Унжлаг (3,3 тыс.), Усольлаг (2,8 тыс.), Джидастрой (1,5 тыс.), Понышлаг (0,3).

(См.: ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1. Д. 1215. Л. 1-43)

Александр Нахтигаль

ДРУЗЬЯ

Я - немец, я ведь это не скрываю,
но я же человек, понять сумей.
Люблю Россию, ей добра желаю,
одной и вечной родине моей.

Лео Майер, 1949 г.

Встреча с каждым трудармейцем это событие, которое навсегда остается в памяти. В судьбах каждого из них много

общего, но боль всегда имеет личные ощущения. Поэтому так важно собрать воспоминания каждого, ведь они неповторимы и бесценны. Не сразу бывшие трудармейцы поддержали мое желание вновь пережить события далекого, но незабываемого прошлого. Однажды я услышал фамилию Фоос, узнал, что он прошел трудармию от первого до последнего дня. Очень захотелось с ним встретиться.

Во время нашего первого телефонного разговора Александр Александрович отказал во встрече. Но я чувствовал, что его сопротивление не твердое. После повторного звонка мы уже договорились о встрече. Меня обрадовал еще и то обстоятельство, что на нашу встречу придет его друг, тоже трудармеец. Его звали

Федор Федорович Бейм, который мне с порога заявил:

- Пора рассказать всю правду о трудармии. Слишком долго мы молчали.

Я чувствовал, что эмоции переполняют моих собеседников. Они так долго носили в себе боль и не рассказали о ней они уже не могли.

С чего начать? Конечно же, начала пути в преисподнюю.

Сейчас мы не осознаем глубину тех процессов, которые разрушали наше общество в 30-40 годы. Иногда даже можно слышать вопрос: почему народ не сопротивлялся, почему не боролся с беззаконием? Возникновение таких вопросов говорит о нашей наивности и о недооценки целенаправленных действий власти по созданию условий, при которых протест был в принципе невозможен. До войны в

30-е годы прошла коллективизация. Разрушен привычный уклад жизни миллионов людей, которые оставались без средств к существованию и теперь вся энергия протеста ушла на одно дело - сохранение жизни.

Война вновь отодвинула на задний план жажду справедливости, если неизвестно доживешь ли до утра.

- Накануне нового, 1942, года нас погрузили в вагоны. В один вагон-телятник с личными вещами нас набили почти 100 человек, на окнах решетки, - взял на себя инициативу начала разговора Федор Федорович, - Почему то мы думали, что нас везут на фронт, хотя сами ничего не знали. Ходил слух, что в таких условиях мы будем недолго. Но те, кто пособоразительней, сразу поняли, что происходит что-то не очень хорошее, раз в вагоне собрали одних немцев.

- Нас погрузили на станции Бурная, что в Казахстане, рядом с Новосибирской областью и повезли на запад, - подхватил Александр Андреевич, - а на каждой станции к нашему составу подцепляли дополнительные вагоны. Начинили с нескольких вагонов, и в итоге в Челябинск прибыло более 50 вагонов и около 5000 человек. Среди нас были не только новобранцы, но и боевые офицеры. Во время движения в нашем эшелоне появился тиф, в дороге люди умирали и на каждой станции хоронили до десятка новобранцев. Поэтому наш состав затолкали на карантин в тупик на станции Шагол.

Вагоны здесь простояли до февраля. Все это время мобилизованные работали на погрузочно-разгрузочных работах. 21 февраля 1942 года состав перегнали в район КПЗиСа (кузнечно-прессового завода имени Сталина). Состав проходил мимо пустоши, где на металлургической ферме был прикреплен плакат: «Этот завод к 1 мая должен работать». И он заработал! А трудармейцев в конце февраля строем отправили на строительство металлургического завода.

- Когда нас вели в лагерь, то построили в колонну по четыре человека и провели через ворота, так мы оказались за колючей проволокой, - вспоминал Федор Федорович, - для нас уже были готовы полуземлянки, строения в земле глубиной на метр. Нас загнали на нары, которые были склочены из не обструганной березы. Землянки не отапливались, а ночью стоял сильный холод, и шинели примерзли к нарам.

Бейма поставили дневальным в 7 лагерь, который возводил ТЭЦ, коксохимическое производство, градирню и некоторые другие объекты. Его колонна была под номером 31, и в ней содержалось до 400 человек. Она строила Бакальский завод металлоконструкций, нынешний завод автоприцепов. С 1944 до 1945 до расформирования лагеря Федор Федорович был нарядчиком.

- Как-то к нам в стройотряд прибыла новая партия трудармейцев, в которой были снятые с фронта бойцы, - рассказывал Федор Федо-

рович, - Один из них был в форме танкиста. К нему подошел охранник и после слов: «Ты, фашист, не имеешь права носить эту форму», - стал срывать с танкиста погоны. Фронтовик схватил охранника за горло и стал душить. Вместо того, чтобы разнять дерущихся, тут на танкиста набросились другие охранники, его затолкали в траншею и забили до смерти

Система содержания трудармейцев ничем не отличалась от содержания заключенных, а была даже более жестокой. Из ворот их выпускали только в сопровождении вооруженных стрелков, которые вели колонны до объекта. Порядок строгий: строили по четыре человека, через пять рядов с двух сторон шли по стрелку с собаками, шаг влево, шаг вправо - охрана стреляет без предупреждения. Место работы - зона, огороженная колючей проволокой, с вышками и охраной. Вечером с удара по куску рельсы прекращались работы и всех вели в лагерь. Порядок возврата все тот же.

Условия жизни и работы оставляли для трудармейцев немного шансов, чтобы выжить. Поэтому главная цель каждого изработанного, промерзшего и исхудавшего строителя металлургического завода - поест. Если есть возможность что-то проглотить - значит увеличивается вероятность продления жизни. Не случайно любые перебои в питании память фиксирует на всю жизнь.

- По нормам нам полагался сахар по 20 грамм в день, который выдавали сразу за весь месяц, - рассказывал Федор Федорович, - Числа 29 мы ждем сахар, но не дают. Начинается недовольный ропот: «Наш сахар пожрали». Среди нас обязательно были стукачи. Поэтому о недовольстве оперуполномоченный обязательно узнает. А любой протест даже обоснованный, должен быть подавлен. На следующий день ворчуна среди нас нет. А где он? Конечно в 18 доме. Сейчас там милиция Металлургического района, а раньше было отделение НКВД, но до сих пор в народе он так и остался «18 дом». Туда двери широкие, обратно узкие. Поговоришь и получишь статью 58 часть 2.

Бейма тоже вызывал по «сахарному делу» к себе оперуполномоченный Столетний, которого перевели в лагерь с фронта в 1943 году.

- Ты тоже участник беспорядков? А может быть ты - организатор?

Незаметно он вынимает телефонный шнур из розетки, но Федор Федорович заметил подвох. Столетний начинает в телефонную трубку говорить:

- Это 18, у меня тут имеется неподдающийся. А у вас есть отдельная камера?

Но Бейм так и не поддался на провокацию. После того как трудармию расформировали Столетний подметал территорию на проходной у останки «Доменная».

- Особенно тяжело было, когда враг подошел к Москве, - продолжал Александр Александрович, - Наш кладовщик мне рассказывал через что ему пришлось пройти.

Его бросили в камеру, в которой было очень много арестованных. Там он встретил бывшего председателя сельсовета родной деревни. Он лежал на бетонном полу мокрый, избитый и в бреду постоянно повторял несколько слов: «Нет, не жду». Через некоторое время кладовщика вызвали на допрос. Когда он зашел в кабинет, его сразу обступили несколько сотрудников НКВД. Следователь спрашивает: «Ты ждешь Гитлера?» Тут до него дошел смысл слов председателя сельсовета и он понял, что пока «правильно» не ответит на этот вопрос, живым из кабинета не выйдет. «Да, жду», - от безысходности ответил кладовщик. Сразу же оформили признание и его приговорили к 10 годам заключения.

Мы привыкли, что в трудармии могли находиться люди немецкой, корейской, узбекской или другой национальности, но только не русские. Но это не так. Никто не мог быть застрахован от всемогущества органов, карающих направо и налево. И вырваться из этой мясорубки было невозможно.

- Работал у нас Руденко, у него жена была немка. Он очень переживал, что попал в трудармию, - вспоминал Александр Александрович, - Поэтому все время пытался доказать, что он не немец. Мы его останавливали, убеждали, чтобы он переждал, не торопился. Но Руденко все же написал заявление. Долго его документы проверяли, делали запрос по месту рождения. Признали: да он не немец. А затем в клубе устроили показательный суд и ему присудили 15 лет заключения за укрывательство от службы в армии. Он сидел и плакал как ребенок. Вот такой для себя справедливости он дождался.

Пришлось испытать все прелести трудармии и Аркадию Эрнстовичу Валлоху, русскому, коренному челябинцу. Перед войной он работал на ЧТЗ. Отец Аркадия Эрнстовича работал на Бакалстрое – будущей площадке металлургического комбината и будущем месте работы его сына. С началом войны с тракторного завода Аркадия Валлоха перевели на работу в Курганскую область. Здесь же призвали в армию. Но вместо фронта, он оказался в родном Челябинске.

- Нас посадили на трамвай 3 номер, и мы доехали до кислородного завода. А потом пешком шествовали до Челябинского металлургического завода, - вспоминает Аркадий Эрнстович, - Пока шли стали переговариваться и оказалось что те, кто имел русские фамилии, остались на вокзале. А у кого оказались фамилии неподходящие, как у меня, построили в колонны и повели.

- Но вы то русский?

- Мы не выясняли национальность, говорили только о фамилии. Нас очень поразило, что мы оказались за колючей проволокой. На недоумевающих лицах можно было прочитать только один немой вопрос: ребята, куда мы пришли?

Первый ряд колючей проволоки был установлен за мельницей Победа. Там же был построен деревянный мост, и за ним располагалась

вахта. Так трудармейское пополнение перешло в оцепление Челябинского металлургического завода.

В первую очередь их повели в баню. В ожидание своей очереди они сели на полянке, благо на дворе тепло июль. Вдруг в бане возник шум, послышались крики, забежали охранники. Как оказалось, в бане мылась команда, которую сняли с фронта. Среди них были офицеры, с личным оружием, награжденные, даже орденом Ленина. Им был венгер по национальности. Пока они мылись, с их гимнастерок сняли награды, забрали личное оружие.

- После помывки наши две группы объединили, - вспоминает Аркадий Эрнстович, - и сразу появились охранники с собаками, нас построили в колонны и под собачий лай нас повели в 5 стройотряд. Он находился рядом с каменным карьером у реки Миасс. Там мы увидели еще одну зону с двумя рядами колючей проволоки. Вокруг охранная полоса, вышки стрелков. Это был самый тяжелый момент.

Новобранцев расселили в брезентовых палатках на 40-50 мест, где были установлены нары. Утром следующего дня подъем на работу. Их накормили баландой, и повели на каменный карьер. Это, конечно, жуткое зрелище. Большие камни они не таскали, а возили на тачках. Трудармейцам давали кувалды и, если камень очень большой, они его разбивали, потом грузили в тачку и поднимали вверх в камнедробилки.

- Много говорить мы не имели возможности, но все возникающие разговоры сводились к одному, - продолжал Валлох, - все считали, что мы здесь пропадем, работали много, а кормили очень и очень плохо. И все наши старания были направлены на то, чтобы выжить.

Не рассуждай, а работай. Это, по-моему, был главный девиз, под которым работали трудармейцы. Их мнения никто не спрашивал, оно никого не интересовало, а жизнь трудармейца ничего не стоила.

- Разговаривать в то время ты права не имеешь. Можешь, конечно, поговорить лет на 10. Не имеешь права спрашивать, и мы не спрашивали, - вспоминал Александр Александрович, - А как мы работали! Наша бригада бетонировала скиповые ямы на второй домне, ставила опалубку, закладывала арматуру. Зима, а мы месяцами не видели постели. Бетон шел сутками без перерыва. Мы опускали огромные конструкции высотой до 25 метров. Хорошо хоть объект считался пусковой, и мы получали по килограмму хлеба, но постели не видели.

- А где спали?

- Нам разрешали возле монгалок, самодельных печек (хотя Комаровский запрещал разжигать костры на стройплощадке). Нам стало чуть легче, когда врага остановили под Москвой, - уточнил Александр Александрович, - Чуть лучше кормить стали. А то в пище жиров совсем не было, и трудармейцы умирали как мухи. В 9 стройотряде стояло семь барачных, в

которых содержали сумасшедших. Они сидели весь день в помещениях и маленьких весах взвешивали кусочки хлеба. Там был сын одного моего знакомого. Они уже не могли кушать и медленно умирали. Это надо быть страшно здоровым человеком, чтобы все выдержать. Я в нашем колхозе был как тарзан и спал на улице. В трудармии все выдержал, у меня только чирей был. Даже гриппа не болел, а спал на снегу, как собака. Но, чтобы так жить, надо иметь железное здоровье.

- Кем вы себя ощущали?

- Мы были хуже заключенных, - говорит Александр Александрович, - Узбеки работали, их лучше кормили, заключенных лучше кормили, а нам хуже давали. На ремонтно-механическом заводе было три столовые: для узбеков, заключенных и трудармейцев.

Без вины – виноватые. Этот ярлык был намертво приклеен к трудармейцам. Но мало было просто безропотно работать как каторжанин, кроме этого власти старались морально раздавить личность. Для этого даже за незначительный проступок полагалось самое суровое наказание. Как-то Фоос из-за повышенной температуры пришлось сходить в стационар. Возвращается в барак - нет его одеяла. Сразу появился следователь, Фооса сажают в карцер, ведь за пропажу имущества полагается 10 лет тюрьмы. Освободили его только после того, когда помощник по быту подтвердил, что Фоос сдавал одеяло.

- Что самое страшное в лагере?

- Самое страшное для нас – голод, - сразу отвечает Федор Федорович, - Лошадь работы не боится, только побольше овса. Так и человек. А выжить было невозможно, если посылали на бетонные или земляные работы. Месяц поработаешь, и тебя актируют – ты труп. Котлованы рыли огромные: 40 метров глубины, по шесть перекидов. Транспортное средство одно – тачка, которую толкали на 200 метров. Все работали и не роптали, никто не хотел попасть в «18 дом».

- Не кормили нас. Еда не компенсировала расход сил, если ты бетонируешь сутки без перерыва, - добавляет Александр Александрович.

- Очень часто в рацион входили два раза баланда и один раз хлеб, - добавляет Федор Федорович, - Давали тогда 200 граммов хлеба и даже из них 20 грамм удерживали на питьевые дрожжи.

Естественно, в таких условиях была высокой смертность. Как же хоронили трудармейцев?

- Я свою долю возил, - вступает в разговор Александр Александрович, - В 9 стройотряде работал в бригаде тяжелого труда. Приходит начальник участка Черный к бригадиру Классену и просит рабочих. А на эту «работу» посылали уже по большому благу. В первую очередь нас вели в столовую и кормили. Ели столько, что даже согнуться не могли, ешь и не можешь остановиться. Дело было зимой, нас подвели к сараю-моргу, где стояли тела. Зимой дело было. Все голые с бирками на пальце ноги. Мы

их клали на повозку, накрывали брезентом и везли в поле. А там находился ров, вырытый экскаватором еще летом. Мы делали каждую ночь по одному рейсу.

- В 1944 году я был в лагере дневальным. И вот в течение суток мы списывали со списочного состава по 120-160 человек из 8500, которых всего было в лагере, - продолжил Федор Федорович, - Обычно это происходило так. Дежурный врач звонит в отряд и говорит о том, что надо активировать умершего. Бирки уже заготовлены. Дежурный отряда, он вольнонаемный, берет список и диктует фамилию. Присутствуют: я, как дневальный, и врач. Затем санитар берет бирку и крепит ее шпагатом к большому пальцу ноги, и ночью, никогда днем, вывозили тела на одной или двух конных подводах.

- Подвод выделяли всегда столько, сколько надо, - добавляет Александр Александрович.

- Тела грузим их в присутствии ответственного дежурного лагеря, - продолжает Бейм, - Кладем штабелями крест накрест, чтобы не расползались. Накрываем брезентом и через бастрык затягиваем. Первый могильник ходил за отвалами коксохимического производства, а потом копали братские могилы у непрерывно заготовительного стана. Смерть каждого трудармейца строго документировалась. Акт составлялся в нескольких экземплярах: шли через проходную – оставляли один экземпляр, другой - у ответственного дежурного, третий – у врача.

Изолировать каждого трудармейца, лишить его поддержки извне и даже внутри себя, полностью подчинить обстоятельствам – это была главная цель руководителей строительства. Как могли люди сопротивлялись, не давали себя сломать. Выстоять без взаимопомощи было невозможно.

- Общались только между собой. Сформировались какие-то группы, - вспоминает Аркадий Эрнстович, - Нас было трое. Получим баланду и разговариваем: мы - по-русски, другая группа по-немецки. Когда мы только начинали работать, нас вызывал оперуполномоченный, здесь же сидел нарядчик, который на каждого составлял личное дело. Записывал, где родился, когда крестился. А оперуполномоченный вел беседу: «Вы мобилизованы в трудовые колонны по решению Комитета Обороны», а так как я был членом комсомола, то должен следить, не будет ли в отряде организован мятеж, и вовремя обо всем сообщать. Стоишь, поддакиваешь, «нет» ведь не скажешь, но ничего подобного не было. Вот лагерные взаимоотношения. А заводские отношения. Я очень мало общался с начальником цеха, а он был единственным вольнонаемным. К осени 1942 года все руководители среднего звена были немцы. Вот им честь и хвала. Был Шульц Вася, Рихард Яковлевич Фогельгезагт, Александр Адольфович Цейтлер. Это мои начальники. Я старался хорошо работать, а они старались мне помочь.

- Как это проявлялось?

- Когда ремонтно-механический завод доставлял в отряд справки о выработки, то те, кто выработал 100 процентов, получали второй котел, 150 - третий котел. Наши немцы-руководители, хотя сами получали второй котел, как конторские служащие, а те, кто честно работал, обязательно получали третий котел. И этим сохранили немало жизней.

- Что происходило в лагере, когда объявили о Победе?

- В нашем 7 стройотряде вечером объявили и за ночь убрали колючую проволоку и вышки. Утром мы встали, а вокруг лагеря аккуратный штакетник, - вспоминал Федор Федорович, - Начальник лагеря Бородкин собрал всех подчиненных и объявил всех вольными казаками в течение недели.

Как это не удивительно, но Федор Федорович даже и не надеялся, что после Победы для трудармейцев ослабнет режим содержания. Так и получилось. Репрессированным выдали паспорта, но в них стояла печать «разрешено проживать только в Челябинске». Бейм очень хотел увидеть мать, не стал ждать разрешения и поехал к ней в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область. В областном центре надо было делать пересадку. Ходил он по вокзалу, боясь каждого человека в форменной фуражке, и, естественно, милиционер обратил на Бейма внимание. Он его окрикнул, Бейм сделал вид, что обращаются не к нему, и стал удаляться. Но милиционер его догнал:

- Гражданин, ваши документы?

Бейм лихорадочно стал искать бумаги и протянул профсоюзный билет, удостоверение члена МОПРа (Международной организации помощи революционерам).

- У вас есть документ, удостоверяющий личность?

Пришлось предъявить паспорт. Милиционер долго его изучал. «Ну, - думал Бейм, - пропал». А милиционер шепотом спрашивает:

- А что, Челябинск, закрытый город?

Оказалось, что не вся милиция знала о существовании людей, имеющих ограничения в правах и не знали таких надписей в паспортах.

Только в марте 1956 году Федора Федоровича Бейма, как и сотни тысяч других трудармейцев, были сняты со спецучета.

Можем ли мы представить силу духа нашего человека, его стремление жить нормальной человеческой жизнью? Уверен, многие не представляют как жаждали трудармейцы нормальной жизни. Как только сняли с учета спецкомендатуры, семья Беймов получила участок земли для строительства дома. Федор Федорович стал обустраивать свой дом, свою крепость по доброй немецкой традиции.

Он провел меня по нему с экскурсией. Я никак не ожидал увидеть такую красоту. Потрясала кухня площадью около 16 квадратных метров, одна стена которой окно, другая стена - зеркальная. Большая комната метров 25, с подвесными потолками, о которых может мечтать самый состоятельный человек. В доме ванная, туалет. Все сделано на совесть, с душой.

Федор Федорович с любовью и гордостью показывал свое родовое гнездо. Здесь он провел свадьбы своих детей, и более 100 человек веселились без тесноты. Здесь он отметил 80 летний юбилей. Давно уже нет тех, кто загнал его за колючую проволоку, объявил врагом государства, а Федор Федорович, никого не предавал, по-прежнему полон сил и энергии.

А какой след оставила трудармия в душе каждого из своих подопечных? Ведь с такой силой им прививали безропотность и безмолвие?

- Это из меня не ушло и никогда не уйдет, - подвел невеселый итог Александр Александрович, - Каждый день жду, что придут ко мне и скажут: «На выход с вещами». У нас в России ничего невозможного нет, у нас все возможно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР № 4367-1726 сс

от 24 ноября 1948 г.

г. Москва, Кремль.

О ВЫСЕЛЕНЦАХ

Совет Министров СССР отмечает, что имеются неоднократные случаи побегов с мест обязательного поселения и возвращения к местам прежнего жительства выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др.

Имели место многочисленные факты, когда Министерство внутренних дел СССР в нарушение закона выдавало разрешение выселенцам на возврат в места их прежнего жительства.

На территории Крымской области за период с 1944 года по 1948 год задержано бежавших с мест поселения в Крым 644 человека выселенцев крымских татар и др., причем в ряде случаев задержанные выселенцы возвращались органами Министерства внутренних дел СССР и Прокуратуры СССР в места расселения без привлечения за побег к уголовной ответственности.

Наличие подобной антигосударственной практики в работе административных органов стало возможным в результате попустительства со стороны Министерства внутренних дел СССР и Прокуратуры СССР.

Наряду с этим, установленные Уголовным Кодексом РСФСР меры наказания за побег с мест поселения (ст. 82 УК РСФСР) — лишение свободы до трех лет и за укрывательство (ст. 59-13 УК РСФСР) — лишение свободы до одного года, являются явно недостаточными.

В целях укрепления режима поселения выселенцев из числа чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также усиления уголовной ответственности за побеги выселенцев с мест обязательного и постоянного поселения Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновных привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматривать в Особом Совещании при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения или способствовавших их побегу, и лиц виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат в места их прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания за эти преступления — лишение свободы на 5 лет.

Внести по данному вопросу в Президиум Верховного Совета СССР прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР.

2. Обязать Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова) и Генерального Прокурора СССР (т. Сафонова) впредь всех выселенцев, задержанных за побеги с мест обязательного расселения, а также лиц, виновных в побеге, в укрывательстве выселенцев, и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, арестовывать и привлекать к уголовной ответственности с рассмотрением дел в Особом Совещании при Министерстве внутренних дел СССР, строго руководствуясь настоящим решением.

3. Распространить на выселенцев (чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др.) пункт 12 Постановления Совета Министров СССР от 3 июня 1948 г. № 1841-730 о привлечении к уголовной ответственности и осуждении на восемь лет лишения свободы лиц, высланных на поселение и продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни в местах поселения.

4. Обязать Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова) в месячный срок проверить работу местных органов Министерства внутренних дел СССР по осуществлению административного надзора за выселенцами, в особенности в части надлежащего учета поселенцев и обеспечения режима, исключающего возможность побегов.

По итогам проверки принять необходимые меры и о результатах доложить Совету Министров СССР.

Министерству внутренних дел СССР впредь установить строгий контроль за работой своих местных органов по обеспечению необходимого режима в местах расселения выселенцев.

5. Обязать Министерство государственной безопасности СССР (т. Абакумова) через органы охраны Министерства государственной безопасности СССР на железнодорожном и водном транспорте принять меры к выявлению, задержанию и аресту выселенцев, бежавших с мест обязательного поселения.

6. Обязать Генерального прокурора СССР т. Сафонова и Министра внутренних дел СССР т. Круглова расследовать все случаи, когда задержанные в районах их прежнего жительства (Крым, Чечено-Ингушетия, Кабарда, Поволжье, Калмыкия и др.) выселенцы были возвращены обратно в места расселения без привлечения их к уголовной ответственности за побег, и виновных в допущении этой антигосударственной практики привлечь к строгой ответственности.

О результатах в месячный срок доложить Совету Министров СССР.

Председатель Совета Министров Союза ССР И. Сталин
За Управляющего Делами Совета Министров СССР М.Смиртюков

В.Г. Фукс

ПОГРОМ

Глава третья

Из Красной Армии – в концлагерь НКВД

Длинный состав теплушек медленно, со многими остановками в пути, пропуская эшелоны с вооружением и красноармейцами на запад, а другие, с ранеными, - на восток и

на юго-восток, вез с прифронтовой полосы Западного фронта немцев глубоко в тыл, на Урал. Нет, это не были немцы-фашисты, захваченные в результате боевых действий в

плен частями Красной Армии, что можно было предположить, глядя на плотно задвинутые и закрученные проволокой двери вагонов, это не были и раненые красноармейцы, вывозимые в тыловые госпитали. Эшелон вез вполне здоровых советских граждан немецкой национальности. Через люки вагонов то и дело выглядывали красноармейцы в пилотках и вскоре исчезали в глубине, но тут же появлялись другие. Со случайными прохожими они на остановках поезда не вступали в разговоры, это строго запрещали конвоиры, сопровождавшие эшелон.

Почему их сняли с фронта, куда везут? Рассуждая между собой, они делали разные догадки, вплоть до самых фантастических: не затевает ли Япония открыть фронт на востоке Советского Союза, не туда ли движется эшелон? Чем дальше на восток продвигался эшелон, тем больше у них крепла в этом уверенность, и они были довольны, что страна их не отвергает, доверяет защищать Родину, пусть на другом ее крае. А еще многие из них питали надежду увидеть родные места, когда эшелон приблизится к Волге: чем черт не шутит, могут знакомые встретиться на какой-нибудь станции. Да вот только никто из них не знал, что их родина на Волге больше не существует. Указ президиума Верховного Совета им никто не зачитывал, о нем политруки ничего не рассказывали. И все-таки, когда миновал стороной Москву, эшелон приближался к реке, по всем вагонам раздались громкие крики радости и надежды:

- Ребята! Волга!

Все бросились к люкам, дверям вагона, выискивая любую щель, через которую хотя бы одним глазком можно было бы увидеть Волгу, рассмотреть свою родину на том берегу. Многие не знали, что до нее отсюда несколько сот километров.

Нам, командному составу (двадцать человек) от младшего лейтенанта и до капитана, предоставили отдельную теплушку, в ней было достаточно просторно, не сравнить с вагонами, в которых ехали красноармейцы, где трудно было найти свободное место для лежания. И еще одной «привилегией» мы пользовались: могли даже на ходу поезда приоткрывать дверь вагона, а то и держать ее полностью открытой. Однако перед мостом, когда эшелон надолго останавливался, пропуская поезда, конвоиры, бесцеремонно приказывали:

- Закройте вагон! На мосту не открывать!

С того момента, когда на одной из остановок эшелона конвоиры услышали песню не на русском языке, раздававшуюся изнутри вагона, они твердо убедились, что везут настоящих шпионов, и после этого «уровень бдительности» подняли на более высокую ступень. Но, проходя мимо открытого вагона, в котором находились командиры, они невольно становились в тупик: как же так, шпионы, а при ручном оружии?

...Эшелон с двумя тысячами военных, снятых с фронтов по приказу «отца народов»,

разгрузился в Магнитогорске. Командиров поместили в общежитие, вечером покормили, а утром следующего дня собрали на «сообщение» в большой брезентовый палатке, штабе строительного батальона. Командир обратился к сидящим за длинным столом немцам-командирам с кратким вступительным словом:

- Товарищи, на мою долю выпала незавидная честь вести разговор с вами, командирами Красной армии, снятыми с фронта по причине национального происхождения. Я вам откровенно сочувствую, но вы знаете, приказы не обсуждаются и я, как и вы, должны понять, что нам остается только их выполнять. Прежде всего хочу довести до вашего сведения о полученном приказе из округа, предписывающем изымать оружие у прибывающих с фронтов военнослужащих. В связи с этим прошу всем сдать пистолеты и патроны, положив их на стол.

Капитан, сидевший рядом с командиром батальона, собрал все со стола.

- Теперь продолжим разговор, - сказал командир. - Наш батальон, личный состав которого состоит из полутора тысяч красноармейцев, выполняет важную государственную задачу: строит железную дорогу в направлении Уфы.

- А мы-то чем будем заниматься? - спросила женщина-врач.

- Согласно приказу из округа, будете работать на общих основаниях.

- А именно на каких работах? - не отставала военврач.

- Что касается Вас лично и медсестры, прибывшей с вами, то работать будете при батальоне по своей специальности. Остальные - на общих работах, а они у нас однотипные, а именно - земляные. Другой работы у нас нет.

- Так это как понять, - спросил капитан Рис, - нам выдадут лопаты?

- Да. - Чувствовалось, комбату неловко было произнести это отрывистое «да».

А сидящие вокруг стола капитаны и лейтенанты, только словом «Да!» лишенные званий и переведенные в рядовые, буквально онемели.

- Товарищ комбат, приказ об увольнении нас из армии имеется?

- Такого приказа я не получал, но секретный приказ из округа об использовании всех прибывших с фронта на земляных работах по строительству насыпи железной дороги, лежит в моем сейфе.

- А не будет выглядеть дискредитацией Красной Армии в глазах населения, что командиры, со знаками различия в петлицах, копаются в земле?

- Я с вами согласен, а что бы вы предложили при наличии такого приказа?

- Я предлагаю точно выяснить наше положение, узнать в округе.

- Если я позвоню в округ, мне влетит на всю катушку за колебание в выполнении при-

каза.

- Разрешите тогда кому-нибудь из нас поехать в округ.

Комбат призадумался, повернулся в сторону сидящего рядом капитана, о чем-то с ним поговорил.

- Если вас пошлю, выпишу литеры, мне еще больше влетит. Официально я вас послать не могу, сделать это можете по личной инициативе, без получения от меня каких-либо документов.

- Мы согласны.

- Тогда сделаем пятиминутный перерыв, вы выйдете наружу, выберете двух уполномоченных и скажете мне их фамилии.

Мы вышли, собрались в кружок. Обсуждение длилось недолго: выбрали капитана Риса и меня. Немного дольше длилось обсуждение финансовых вопросов. С фронта отправили нас с минимальными суммами денег, у каждого в кармане оставались считанные рубли. Подсчитали, сколько надо уплатить за два билета до Свердловска и обратно, сколько на питание на четыре-пять дней. Кое-как наскребли необходимую сумму.

- Итак, кого вы избрали? - спросил комбат.

- Как предупреждал, - продолжал он, - официальных документов я вам дать не могу. Но пока вы там заседали, я написал записку, которая вам пригодится в округе.

В записке было написано: «Командирам немцам, прибывшим эшелонами с фронтов в количестве двадцати человек в званиях от капитанов до младшего лейтенанта, предлагаю немедленно приступить к земляным работам по строительству насыпи железной дороги на Уфу».

- Покажете эту записку начальству, к которому сумеете пробиться. Но учтите, я вас в Свердловск не посылал.

На следующий день я и Рис поехали на вокзал, обратились в кассу за получением билетов, но их в продаже не было: поезд ходил не каждый день, вагоны были забиты до потолка пассажирами и вещами. Кассир посоветовала обратиться к военному коменданту, но никакого военного с повязкой на рукаве мы не заметили, правда, маячил где-то там, на перроне у вагонов, младший лейтенант - кавалерист с саблей на боку, но не кавалеристы же бывают военными комендантами станций! Потом он зашел в зал, забрался в неказистую клетушку с надписью снаружи «Справочная», сел перед окошком, приготовившись отвечать на вопросы пассажиров. Когда мы подошли, у окошка уже стояла молодая женщина, мы заняли очередь за ней.

- Как проехать до... (она назвала место).

Кавалерист, ближе пододвинувшись к окошку, ответил:

- Это очень просто: сядете в автобус, а там спросите, где вторая блядина.

Женщина вдруг пунцово покраснела, отпрянула от окошка:

- Хулиган! Нализался до пьяна, а еще военный.

Мы, услышав ответ кавалериста женщине, расхохотались, но тут же подошли к ней. Поспешил сюда и кавалерист, выскочив из своей будки, мы успели его спросить:

- С Волги?

- Да, из Бальцера.

Потом, в его присутствии, мы объяснили женщине:

- Извините его. Он немец, наш немец, советский, они многие русские слова произносят неправильно. Когда мы двое ехали на вокзал, мы узнали, что в городе есть две плотины на реке Урал: первая и вторая, вот он и предлагал вам сойти у второй.

Кавалерист, галантно щелкнув шпорами перед женщиной, оправдывался:

- Да, да, они верно говорят, я про блядину имел не вас... - он окончательно смутился.

- Не могли по-другому назвать, например, «Дамм».

Сквозь смех женщина спросила:

- Ну а дальше, когда я доеду до «дама», куда идти?

Он объяснил.

Узнав, что мы тоже немцы, младший лейтенант рассказал, как он стал военным комендантом:

- Приехал с фронта, явился к военкому города Иньякину, доложил, на каком фронте был. «Вы ранены?» - спросил военком. - «Никак нет здоров как, извините, бык» - «Вы что, дезертировали с фронта? Вас надо забрать! Еще и с оружием, саблей!» - «Я не дезертир, меня сняли с фронта и отправили в тыл, сказали, что есть такой приказ, сам его я не читал. Я вас прошу, товарищ майор, отправьте меня на фронт». - «Ничего не понимаю: здоров, как бык, а шляется по тылам. Какой у вас имеется документ?» Прочитав, что Гоппе, младший лейтенант, направляется в тыл согласно приказу № 35105, военком сказал: «Ну и что я с вами буду делать? В Магнитогорске у меня кавалерии нет, у нас здесь домны, вы знаете об этом? Направить вас туда - всех рабочих саблей разгоните. Так куда же вас деть? Впрочем, есть место! - воскликнул майор. - У нас есть железнодорожный вокзал, на который вы приехали, а коменданта там нет, начальство говорит, не положено, станция тупиковая. Но ничего, надо же вас куда-то пристроить. Сегодня же приступайте к исполнению своих обязанностей». - «Есть! приступить к обязанностям военного коменданта Магнитогорского вокзала». Вот так и служу здесь, - ответил на наш вопрос, как попал в коменданты, младший лейтенант Гоппе (забегая вперед, скажу, что через некоторое время его вызвали в органы в Карталы, посадили до выяснения, каким образом «германский шпион» оказался военным комендантом вокзала стратегически важного города Магнитогорска. А польку он просился на фронт, его и отправили - на «трудовой», то есть в концлагерь.

- А о билетах не беспокойтесь, посажу в любой вагон поезда, что стоит у перрона, доедете до Челябинска, а там пересядете на

Свердловск.

Мы еще поговорили, кто на каком фронте был, а потом он нас посадил в вагон, и мы поехали...

- Как это мог комбат додуматься до такого безобразия, - возмущался окружной прокурор, читая записку, которую мы ему передали в день приезда. - Это надо же - у офицеров вместо оружия - лопаты. Он соображает или нет, что этим наносит ущерб авторитету Красной Армии? Немедленно отменить это глупое распоряжение! - продолжал он шуметь, будто что-то зависело от нас.

- Я вот вам пишу официальное распоряжение на его имя, передадите ему лично.

В коротком письме было написано: «Ни в коем случае не использовать командный состав не по назначению. Вы дискредитируете своими распоряжениями авторитет армии».

Потом прокурор сказал, что завтра поставит вопрос о правильном использовании командного состава на заседании Военного Совета округа, о результатах будет сообщено магнитогорскому горвоенкому.

Запиской прокурора мы были очень довольны, однако вовсе не закончили пребывание в стенах округа лишь получением ее. Оба, Рис и я, ходили с этажа на этаж, из коридора в коридор в поисках именно того начальника, большого или маленького, кто смог бы помочь нам отправиться на фронт в действующие воинские части: он - в артиллерийскую, я - в авиацию.

Но все было напрасно, всем было не до нас, а если бы кто и нашел для нас свободную минуту, то, узнав, что перед ним стоят «немецкие шпионы», замахал бы обеими руками с возгласом:

- Чур, от меня! Чур, от меня! - и на всякий случай, взглянув на портрет Генералиссимуса, перекрестился бы трижды.

В Магнитогорске нас ждали с нетерпением, пока их никуда не посылали работать. Первым, кто нас встретил, был комендант вокзала, кавалерист Гоппе. Он долго расспрашивал о поездке в округ, приглашал в гости (жил он на частной квартире). А о наших «избирателях» и говорить нечего: деньги у них кончились, а кто им будет выдавать жалованье? Поскольку прокурор сказал, чтобы мы все шли прямо к военкому, мы к нему и пошли. Оказывается, он распоряжение получил уже по телефону.

Сидели мы все в приемной военкомата, оживленно разговаривали между собой, и, волнуясь, ожидали, куда назначит военком на работу. Каждого выходящего от него мы спрашивали: «Куда назначен?» Я решил заходить в кабинет последним

- Вас я назначаю командиром строительного батальона, - прямо с порога, не дав освоиться в кабинете, произнес военком.

Для меня его слова были равносильны грому среди ясного неба. Намерение военкома назначить командиром стройбата вызвало серию доказательств с моей стороны о полном моем несоответствии такой должности.

- Ничего, - повторял Инякин, - справитесь, если в воздухе справлялись с летчиками, то тут, на земле, с рядовым составом тем более справитесь.

Я продолжал отказываться от предложенного назначения.

- Ну, хорошо, в таком случае найду вам другую должность, - и он стал просматривать какой-то список на столе.

Воспользовавшись минутной паузой, я попросил дать работу в авиационной части, хотя сомневался в существовании в таком глубоком тылу какой-либо авиационной части.

- Попробуем, - произнес военком, поднимая телефонную трубку. - Есть у нас здесь школа гражданской авиации, может, у них что-то найдется подходящее.

Подходящая должность нашлась, хотя и не летная.

Я был принят на должность начальника строевой части этой школы. Видя каждый день перед собой самолеты, чувствовал себя приобщенным к авиации, не терял духа, надеялся снова сесть за штурвал, пусть даже лишь учебного биплана У-2.

Живя во временном общежитии, начал подыскивать частную квартиру, намереваясь впоследствии вызвать в Магнитогорск свою семью, хотя не знал еще, где она находится, не знал, что правительство так коварно поступило с населением республики немцев Поволжья, обманным путем сослав всех немцев в Сибирь за их национальное происхождение, и что в их число попала и моя русская жена вместе с двумя детьми и русская мать. Путем переписки с административными органами г. Энгельса, узнал, что жена и родители сосланы в город Канск Красноярского края. Через письма в этот город узнал адрес семьи. С большим трудом удалось родителям добиться железнодорожного билета жене для приезда ко мне с детьми.

Хозяин дома по Карадырской улице предоставил нам комнату, изолированную от двух других, в проходной стояла кровать самих хозяев, в другой помещались квартирантки - две молодые девушки. Хозяин дома относился ко мне и семье хорошо, плату за комнату брал совсем малую. Прописывался по своему воинскому удостоверению, паспорт мне не полагался, пока служил в военной авиации. Авиашкола предоставила во временное пользование солдатскую кровать. Дети спали на полу. Жили мы на очень скудную мою зарплату, получаемую в школе.

Однажды большая группа курсантов, закончив обучение в школе гражданской авиации, должна была переехать в Военную авиационную школу для переобучения и последующего направления в авиационные части. Какова была моя радость, когда узнал, сопровождать их придется мне, но главное, что эта авиашкола была хорошо мне знакома и находилась не где-нибудь, а в моем городе Энгельс!

У военкома получил документы на сопровождение курсантов, счастливый, что уже завтра

увидю свой родной город, встречу друзей и знакомых, ходил по кабинетам, согласовывая последние вопросы по командировке. В коридоре попался лейтенант, с которым был знаком с момента назначения меня в авиашколу. Он поздоровался, прошел к военкому, вскоре разыскал меня, сказав, чтобы зашел к Инякину.

Можно себе представить, как лейтенант напугал военкома, предупредив, что тот поручает сопровождать курсантов в Военную школу летчиков «германскому шпиону», только по недосмотру военкомата не оказавшегося до сих пор в Челябинском концлагере: военкомат давно мобилизовал всех немцев, включая красноармейцев, командиров и гражданских лиц, в этот лагерь.

На второй день в военкомате были собраны «последние из могикиан» города Магнитогорска. Нас, восемь человек, сопровождал адвокат.

Привезя нас на окраину Челябинска и предложив расположиться на пригорке напротив здания какой-то тюрьмы за колючей проволокой, адвокат неожиданно вспомнил, что у него в городе живет сестра, которую хочет навестить, а так как учреждение уже не работает, придется нам как-нибудь переночевать на траве до утра.

Оставшись без «пастуха», предоставленные самим себе, члены группы разговорились на тему, куда и зачем их привезли. Может быть, под воздействием хорошей, теплой погоды некоторые стали рисовать радужные перспективы предстоящей жизни в Челябинске, наметили завтра же поехать в центр города, посмотреть достопримечательности, сходить в кино.

С того места, где мы сидели, виден был небольшой участок территории по ту сторону колючей проволоки, лишь изредка появлялся там человек, и снова наступало полное безлюдье. Не было никакого признака, по которому можно было определить, какое там предприятие, что производит.

Но вдруг там из-за поворота дороги появилась колонна людей, по мере приближения в нашу сторону все более удлинявшаяся за счет ее хвостовой части, конца которой не было видно. Их, понуро двигавшихся людей, было сотни, много сотен, сопровождаемых вооруженными охранниками и лающими овчарками. Они шли почти прямо на нас, голова колонны вышла через охраняемые ворота налево, за ней потянулась вся колонна. Шли молча, лишь изредка из этой массы заключенных раздавался возглас, довольно громкий, на что охранники реагировали окриком «прекратить!». Впервые увидев такое большое скопление заключенных, подумалось: а сколько же их тогда наберется по всей стране?

Неужели все эти люди совершили преступления, их так много? В этот момент до слуха донеслись сразу несколько немецких слов, раздалось в ответ: «Прекратить! прекратить!».

От неожиданности мы, как по команде, вскочили с мест, упершись глазами в лица совсем близко проходящих людей, силясь по-

лучить ответ: неужели все они немцы? Наши, советские, немцы? Сомнений быть не могло, это не были военнопленные, шли гражданские люди, временами разговаривавшие по-русски.

Они тоже жадно всматривались в наши лица, надеясь узнать в ком-нибудь своего знакомого. Вели колонну людей в баню, находящуюся за пределами огороженной колючей проволокой зоны.

Бежать! Немедленно бежать!

Казалось, мысль такая мелькнула и в голове каждого из стоящих рядом обреченных на заключение в концлагере «новобранцев». Смотрели на меня, ожидая моего мнения, нет, не решения, - никто из них не послушался бы моего запрещения уходить, если бы такое последовало, да и кто я такой, собственно говоря? Я для них никто, как и они для меня, мы завтра будем все заключенными.

Бежать! Свербила мысль. В кармане было удостоверение, выданное авиационной частью, что являюсь командиром эскадрильи, его никто у меня не забирал. Но куда бежать? И «этично» ли в наше, советское время быть в бегах? Но ведь бежали же во все времена из заключения, и в царское, и в советское, и белые, и красные. И виновные в преступлениях, и безвинно осужденные. Чего же ждать, не походим ли мы на баранов, стоящих в очереди на заклание всего в нескольких метрах до бойни? И опять тот же вопрос: куда бежать?

В этот момент, отделившись от колонны, один из охранников с овчаркой на привязи, подошел к нам.

- Вы кто такие? Покажите документы!

Мои условно-подопечные растерялись.

- Мы, нас Мы - это из Магнитогорска.

- Что вы здесь делаете? Шпионите? Идите за мной, - и для острастки он поближе подпустил овчарку. - А вы, товарищ командир, почему здесь? Проходите тоже со мной.

И он повел нас, следом за колонной, к бане.

Планирование мысленное, как избежать добровольного заключения в концлагерь, пришлось срочно отбросить, и заняться спасением воинского удостоверения, с которым ни за что не хотелось расставаться.

Пока люди мылись в бане, нас, «пленных», стерег чуть поодаль другой охранник с овчаркой. Немцев из колонны к нам не допускали, но кто-то из них то и дело выкрикивал по-русски: «Откуда вы?» Или: «Вер зинт зии?» - по-немецки.

- Прекратить! - орала охранники, подводя поближе овчарок.

Долго пришлось нам ожидать помывки приведенных людей, хотелось пить, но охранник запретил даже вставать с места. Когда все помылись, раздалась команда:

- Становись!

Громко залаляли овчарки, порываясь в сторону людей.

Подошел какой-то старший начальник.

- Кто такие? - спросил, обращаясь ко мне.

«Прощай, свобода», - решил я, стараясь избежать возможного обдыска.

- Мы - немцы, мобилизованы военкоматом в город Челябинск. Сюда должен подойти сопровождающий нас человек.

- Не теряйте времени, идите мыться!

Он вызвал банщика:

- Под вашу ответственность, помыть этих восемь человек, за ними через час придет сопровождающий охранник.

Баню обслуживали трое немцев, видимо, из тех, кому партия и советская власть доверяла такое ответственное дело, как подачу теплой воды к шайкам.

- Подходите стричься, объявил главный банщик, держа в руках машинку.

Все безропотно, по очереди, постриглись.

- Вы тоже, товарищ командир, - сказал затем банщик.

- Я не дамся стричься, я не баран.

- Но здесь такой порядок, - полупросящим голосом произнес банщик.

- Плевать мне на ваш порядок.

Подожли и другие банщики, и мои подопечные. Банщики были в замешательстве, не будут же они силой удерживать меня за руки и ноги, чтобы постричь. Федя - один из самых молодых моих подопечных - сказал:

- Да кого это вы хотите стричь? Разве не видите, что перед вами летчик? Ну, нас постригли, так мы - рядовые, а он командир.

Банщики начали смущенно высказывать сомнения, будет ли это законно, не влетит ли от начальства. Потом с любопытством начали расспрашивать об авиации, не страшно ли летать.

- Ну ладно, товарищ командир, мы вас стричь не будем, только когда будете в зоне, закрывайте волосы пилоткой.

Все были довольны разрешением «спорного» вопроса.

- Мойтесь, товарищи, только извините, мыла у нас нет, и мочалок тоже.

Вместо мочалки пришлось применить носовой платок.

После окончания «мытья» банщики посоветовали не дожидаться прибытия охранника, которого вообще могут не прислать до самого утра, а идти самим в зону, к управлению лагеря. Все согласились, так как сильно проголодались, и надеялись, что кто-то нас там накормит (наивная мысль!). Цепочкой пошли к проходной в зону. Вахтер, увидев со своего поста идущего впереди группы людей командира Красной Армии, вытянулся в струнку, вяло стукнул каблуками, козырнул, приложив руку к помятой фуражке.

- Проходите, товарищ командир.

Остальных, что были в штатском, задержал:

- Пропуск!

- Они идут со мной.

- Тогда проходите, - вахтер открыл калит-

ку. Когда мы отошли от проходной шагов на двадцать, вахтер крикнул, обращаясь к отставшему от нашей группы:

- Эй ты, вернись сюда!

Тот вернулся.

- Ты кто?

- Я немец.

- А те, что впереди?

- Тоже немцы.

- А командир кто такой?

- И он немец.

Вахтер, испугавшись, громко заорал, щелкнул затвором винтовки:

- Эй ты, в пилотке, - слова относились ко мне, - вернись, все вернись! Ты, - (это тоже относилось ко мне), - почему не предъявил мне пропуска?

- Во-первых, прошу на меня не тыкать, а во-вторых, пропуска с меня вы не требовали.

- Еще не тыкать на него, здесь таких, как ты, фашистов и шпионов, десятки тысяч.

- Прошу не обзывать, товарищ вахтер, и не забываете, как солдату положено обращаться к старшему по чину.

- Молчать! Вот поставлю всех по стойке смирно, и будете мне стоять до утра, я все имею право делать, даже пристрелить.

Не делая никакой паузы, сказал:

- Может, ты отдашь мне свою портупею вместе с ремнем, все равно ты теперь уже не командир.

- Не вам определять, кем я буду.

Вахтер ушел в будку, куда-то позвонил, минут через пять вышел.

- Все идите вон в том направлении, - показал рукой, - там увидите землянки за колючей проволокой, это - ваша родина.

В зоне стройотряда нас по одному, по два развели по разным землянкам, которые отныне на долгие годы станут «нашей родиной», нашей была длинная двухскатная крыша, закрывавшая траншею и упировавшаяся по всей длине карнизами в землю, поэтому с обеих сторон землянки окон не было, лишь одно было рядом с тамбуром при входе, но оно было бесполезным, дневной свет через него едва достигал трех-четырёх метров в глубь землянки. Постоянно в бараке тускло горело пять лампочек. С другого конца землянки выхода не было.

Начальник УРЧа (учетно-распределительной части), человек с прибалтийским акцентом, показал мне и Феде нашу землянку и ушел. Словно в медвежье лежбище, влезли мы в «нашу родину», в которой на двухъярусных нарах лежало до тысячи рабов-немцев - был вечер выходного дня.

- Не стесняйтесь, - произнес пожилой немец, сидевший на нижней наре, - небось, в армии не такие нары. Ничего, привыкнете, тут на вашем месте лежал тоже бывший военный, да вот сегодня утром свежи на свалку.

- На какую «свалку»?

- Закопали, значит, по-вашему. Умер от истощения, мрут каждый день по пять-восемь и больше человек.

- Тут и хоронить не успеешь, - удивился Федя.

- Хоронить? Наступит ваша очередь «хоронить» - будете раздевать трупы догола, стаскивая с нар и погружая навалом на подводу, а потом повезете на окраину стройплощадки, на пустыре сбросите, тоже навалом, в общую яму. Хорошо еще, что ни в одном из трупов вам не узнать своего родного или знакомого человека, даже если вам известно, что он этой ночью умер: трупы - кости, обтянутые кожей.

Система Челябинского концлагеря НКВД была рассчитана на моральное и физическое уничтожение советских немцев. Пока еще они были нужны в качестве рабочего скота, в соответствии с чем строилась работа репрессивного аппарата: охранники, конвоиры оскорбляли немцев, грозили убить по дороге к объектамстроек, политаппарат Управления лагеря применял всякого рода средства морального убийства заключенных (так называемых «трудмобилизованных»), не гнушаясь ничем, используя, в частности авторитет Эренбурга, чью людоедскую статью политаппарат поместил в лагерной газете «За сталинский металл», называлась она «Убей немца!».

«Если ты убил одного немца, убей другого - нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней, не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев... Убей немца! - это кричит родная земля, не промахнись. Убей!»

В тон Эренбургу на Ялтинской конференции трех глав государств Сталин сказал Черчиллю: «Всех немецких пленных надо перестрелять!» Черчилль вышел из зала, а когда возвратился, Сталин, оправдываясь, сказал: «Это была шутка».

Хорошо «шутил» «вождь мирового пролетариата»!

Ни Сталин, ни Эренбург не были одиноки в своем откровенном проявлении неприкрытого шовинизма, К.Симонов озаглавил свое стихотворение о германских немцах словами: «Убей его!», писатели М.Шолохов, А.Толстой, К.Федин в своих очерках проявляли аналогичные людоедские чувства, проецировавшиеся рикошетом на советских немцев.

В отрядах концлагеря среди трудмобилизованных (то есть рабов) упорно распространялся слух, наводивший ужас на каждого, кто слышал его: источник гласил, якобы сотрудник КГБ, родственник одного трудармейца, сказал: «Вы, немцы, что же думаете, если фашистские войска захватят Москву, вы уцелеете? Не ждите, вас ожидает катынская участь, не повезут в глубь Сибири, слишком дорого обойдетесь государству, вас расстреляют на месте (При дележе Польши в 1939 г. судьба ее людей извергов Гитлера и Сталина не интересовала. СССР в своей части интернировал 15 тысяч поляков в лагерях Катынского леса под Смоленском. Ожидая возможного захвата Германией своими войсками Смоленска в случае войны, советское правительство размышляло, что делать с интернированными

поляками: оставлять в лагерях нельзя, иначе, попав в руки вермахта, они присоединятся к нему, но и в Сибирь вывезти невозможно - слишком дорого обойдутся. Было принято соломоново решение: расстрелять поляков на месте. Палач Берия со своими головорезами с успехом справились со сталинским заданием, закопав трупы в Катынском лесу.)

С этим преступлением связано другое событие о нем пишет английский военнопленный, находившийся в германском плену вместе со старшим сыном Сталина Яковым: «Я помню, как 14 апреля, закончив раздачу обеда, унтрешарфюрер (сержант СС) подошел к Якову и, сунув ему под нос газету, сказал: «Господин старший лейтенант, посмотрите-ка, какое свинство учинили ваши люди». Это было первое сообщение в немецкой печати о массовых захоронениях в Катыни, где 13 апреля 1943 г. немцы обнаружили могилы 4143 польских офицеров. Сообщение стало тяжелым ударом для Якова Джугашвили... В тот же вечер он бросился на проволоку под током высокого напряжения, и одновременно в него выстрелил часовой...»

После окончания войны польские правительства требовали признания советским правительством факта преступления, спрашивая: «Где же наши поляки?» Сталин нагло отвечал: «Ищите их в Манчжурии». После его смерти Хрущев отвечал: «Это не мы уничтожили ваших людей, это немцы совершили». Потом брехать наступила очередь Брежневу, «авторитетно» заявившего, что «преступление совершили не мы, а Германия». Потребовалось целых пятьдесят лет, чтобы советское правительство устами Горбачева признало, что катынское преступление совершили органы НКВД с ведома и по указанию Сталина.

Хотелось быстрее заснуть, чтобы утром, встав, на свежую голову обдумать все, убедиться, что вовсе не за многорядной колючей проволокой находишься. Было около двенадцати часов ночи, когда я заснул. Вдруг в землянке раздался громкий крик:

- Подъем! Всем стоять у нар, не шевелиться, вещи свои не трогать!

- Опять шмон, - произнес мой сосед.

Охранники ревностно приступили к проверке нар и вещей заключенных, то бишь трудармейцев. Не считаясь ни с чем, бросали вещи на пол, пытались что-то найти под нарами, ощупывали людей, покорно, молча наблюдавших за происходящим.

Охранник открыл мой чемоданчик, увидев учебник английского языка, развернул первые страницы.

- Что это за иностранная книга?

- А вы не видите? По-русски написано, что учебник.

- Ну-ну, не разговаривать, сам вижу. А это что за карта? - И прежде, чем я спохватился, вырвал из середины книги страницу с изображением двух полушарий Земли.

- Карты иметь запрещается, - знающим тоном произнес он.

- Но это же полушария, по ним никуда не убежишь, - возмущился я.

- Знаем мы вас, ты и по ним убежишь, тем более что летчик.

Не отдохнув из-за шмона, утром в шесть часов едва похлебав баланду, людей построили на плацу перед землянками. Начался развод. Для того чтобы «воодушевить» заключенных-немцев, в стороне два раба-немца играли - один на балалайке, другой - на гармошке. Развод длился долго: надо было пересчитать более четырех тысяч рабов. Выводили за зону отряда побригадно. Хотя я в столярном деле несколько не разбирался, меня назначили бригадиром бондарей - изготавливать бочки в столярном цехе. «Бригадир» же обязан, по инструкции ГУЛАГа НКВД, идти впереди ее, что и было мне предписано делать.

И вот: из зоны отряда на стройку Челябметаллургстроя НКВД СССР выходит колонна из 12 человек во главе с летчиком ВВС старшим лейтенантом, со знаками различия в петлицах, которые не захотел снять при «поступлении» в концлагерь, в синей пилотке со звездой, за ним следует «музвзвод» в количестве одного человека, играющего кое-как на старой расстроенной гармошке. За «музвзводом» следуют десять рядовых заключенных, всех замыкает охранник с винтовкой наперевес, объявляющий:

- При движении к объекту любой, кто делает шаг влево или вправо, будет мною застрелен! Всем ясно?

По пути на «объект», дорогу пересек начальник стройки Комаровский, восседая на белой лошади и сопровождаемый вестовым цыганом на черной кобыле. Выражение лица Комаровского было таким, будто он объезжает войска на параде на Красной площади в Москве, а не контролирует работу рабов-немцев, финнов, чеченцев, калмыков, латышей и лиц других национальностей, которых к концу 1943 года на стройке было более пятидесяти тысяч. К этому времени, ввиду крайне плохого питания и установления Комаровским двенадцатичасового рабочего дня для рабов, из-за плохой одежды, сильных морозов, в лагерях стройки умерло более десяти тысяч мобилизованных трудармейцев.

Через тридцать лет он издаст свою книгу «Записки строителя», в которой будет рачтывать похвалу строителям и монтажникам, но упустит «небольшую деталь»: шовинисту «не было возможности» отметить отличную работу рабов - немцев и лиц малочисленных наций. Однако о себе нашел «возможность» написать в книге массу хвалебных слов и вдобавок поместил на первой странице свою фотографию в генеральской форме.

В начале девяностых годов во дворце Челябинского металлургического комбината состоялась встреча ветеранов стройки, на ней обсуждался, среди других, вопрос о личности Комаровского, чьим именем партократы называли одну из улиц Металлургического района города, все говорили о многочисленных ре-

прессиях, проводившихся органами НКВД. Собравшиеся приняли резолюцию с обращением в комиссию при обкоме партии по расследованию репрессий в 30-40-х и в начале 50-х годов с просьбой изучить этот вопрос и дать оценку деятельности Комаровского в период его пребывания на посту начальника стройки.

Обком партии и НКВД не вынесли решения по поводу этих зверских преступлений НКВД на территории концлагеря в Челябинске и о преступной роли Комаровского. Разве коммунистическая партия допустит наказания проводника ее политики угнетения национальностей? Рука руку моет.

Дойдя до какого-то цеха, встретился мужчина в спецовке. Он распределил членов бригады по местам, мне же, взглянув на мои петлицы, сказал:

- Вы, пожалуйста, посидите вон там, начальник скоро придет.

По-видимому, он принял меня за посетителя к его начальнику, одновременно был смущен: не может быть, что этот старший лейтенант назначен сюда рядовым рабочим, да еще и в полной командирской форме.

Я прошел вглубь цеха и, поскольку стульев там не было, сел на свободный деревообрабатывающий станок. В цехе завизжали циркулярные пилы, загромыхали перебрасываемые деревянные брусья. Шум пил мне иногда напоминал шум взлетающих самолетов на аэродроме, а когда все пилы разом умолкали, мерещилось, что самолеты рухнули на землю. Я почувствовал, что засыпаю в этом холодном, со всех сторон продуваемом сквозняками, цехе. Но вдруг пилы перестали совсем гудеть, человек в спецовке крикнул:

- Встать!

Оказалось, что команда «Встать!» относилась не ко мне, а только к членам бригады, находившимся в цехе, видимо, зашел какой-то начальник.

Он проходил мимо всех станков, останавливался, о чем-то спрашивая рабов-немцев и, все ближе двигаясь к месту, где сидел я, подал команду всем продолжать работать. Он подошел ко мне, естественно, я не собирался встать перед ним по стойке «смирно».

- Отдыхаете? - вежливо спросил он. - Отдыхайте, отдыхайте, работа не убежит. Приглядывайтесь, как это делается.

Постояв немного, спросил:

- Вам приходилось делать бочки?

- Приходилось.

- Какие?

- Одинарные и двойные.

- Это какие, я таких не видел, как вы их делали?

- Одинарные просто на прямой, а двойные - после разгона самолета в горку.

Начальник таращил на меня глаза, ничего не понимая. Через минуту, слегка хлопнув меня по плечу, рассмеялся:

- Я и не заметил, что петлицы у вас голубые, авиационные.

Он еще несколько минут простоял возле меня и сочувственно сказал:

- Я полагаю, что по национальности вы немец?

- Да.

- Нехорошо поступило с вами правительство, - он оглянулся по сторонам, - разве можно было в такое время летчика вместо использования на фронте послать в лагерь, как заключенного. Наверное, вы и на фронте были?

- Был.

- Теперь вот и мне, штатскому человеку, приходится стеречь старшего лейтенанта, чтобы не убежал.

- Не беспокойтесь, не убегу.

- Да, я знаю, если бы и захотели, вам не убежать. Вся территория стройки опажана контрольно-следовой полосой, через каждые сто метров стоят в укрытиях часовые НКВД, кто ступит на нее, будет убит.

Еще раз пожелав мне ознакомиться с производством бочек, он ушел.

Мне повезло, что попал на такую «непыльную» работу. Но это только «кажущееся» везение: уже на следующий день меня, со всей бригадой, перевели копать траншеи, могли бы перевести и на добычу скального камня, собирание трупов умерших поотрядно из всего лагеря, или послать на лесоповал.

Тысячи людей после тяжелого, изнурительного двенадцатичасового труда возвращались медленными шагами, сопровождаемые овчарками и конвоирами, в свои стройотряды.

При приближении моей бригады к воротам вахты вышли охранники и стали пересчитывать ее, попутно ощупывая людей на предмет возможного...? Чего? Спрятанной бомбы, пулемета, пушки.

Старший вахтер вышел из проходной, простер руку в мою сторону:

- Эй ты, пилотка, зайди ко мне.

Мою бригаду в это время пропустили на территорию отряда и там распустили, я зашел к вахтеру. Ничего не говоря, вахтер Ткачук взялся руками за мой командирский ремень и портупею, подержался за них, потом сказал:

- Ты знаешь, что я хочу тебе сказать? - обращался грубо на «ты». - Отдай мне твой ремень, можешь без портупеи, она мне не нужна.

- С какой стати я отдам свой ремень, да еще такому грубияну, разве вам так разрешается обращаться с трудмобилизованными?

- Говори: с заключенными, - поправил меня Ткачук, - вы все здесь просто заключенные, и нам разрешается обращаться, как хотим. Так отвечай, отдаешь ремень? - не выпуская его из рук на моем теле, повторил вахтер.

- И не подумаю, вы не достойны носить командирские ремни, я о вас пожалуюсь начальству.

- Попробуй только, пожалеешь потом.

Ткачук толкнул меня к входу на территорию.

Вымогательство со стороны вахтеров и охранников было обычным делом, немцы боялись об этом заявлять начальникам, зная, что вымогатели могут отомстить. Наскоро умывшись, рабы спешили к кухне. Там они с жадностью глотали баланду с тухлыми костями мелкой рыбешки, пальцами выгребали остатки из котелков и направлялись в землянки отдыхать. Но не все: коммунистов вызывали в «красный уголок», где им читали лекции «о дружбе народов» и «величии» Сталина.

Многим стало невтерпещлуслушать славословие в адрес того, по чьей вине они оказались безвинно заключенными концлагерей НКВД, они стали бросать свои партбилеты в клоаки наружных уборных. И сколько бы ни старались ищейки из НКВД определить, чьи билеты лежат в говне, труд оказывался бесполезным: листки с фамилиями предварительно тщательно разрывались на мелкие кусочки. «Коммунисты», ставшие теперь бывшими, оправдывались случайностью потери своих партбилетов. Особист вызывал по ночам «вредителей», «саботажников» и других «врагов», допрашивал их, «пришивал» соответствующую статью уголовного кодекса, после чего человек исчезал навеки, о котором только на вечерних «смотрах» обитателей четырех - шеститысячных отрядов огромного лагеря НКВД узнают из зачитываемых приказов Комаровского.

Перед строем рабов-немцев зачитывали список расстрелянных, в каждом из которых было по восемьдесят-сто фамилий.

Трупы расстрелянных сбрасывали в те же траншеи на краю строительной площадки, куда ежедневно свозили сотни со всех отрядов умерших от голода, дистрофии, замерзания.

Зимой для копки могил выделялось до десяти бригад рабов-немцев, каждая из которых состояла из 20-25 человек, но и их не хватало, тогда остающиеся трупы оставляли сваленными в кучу до весны, когда с помощью бульдозеров их сгребали в общую яму, будто они были сдохшей скотиной. К ногам каждого трупа привязывали дощечки с личным номером, присвоенным при поступлении в концлагерь. А к чему они были нужны? Кто и когда будет по ним опознавать своих родных? И разрешит ли преступная организация, называемая НКВД СССР, когда-нибудь разрывать эти ямы родственникам, чтобы перезахоронить своих отцов и сыновей по-человечески на их родине?

При входе на «кладбище» была землянка, строго охраняемая, в которой сидел человек, регистрировавший в книге номера трупов.

В начале шестидесятых годов на территорию «кладбища» стали сваливать шлак с металлургического завода, но благодаря агроному подсобного хозяйства «Челябметаллургстроя» Георгу Якобу удалось сохранить кладбище, которое он засеял травой.

Но и мертвым рабам советской власти не давали покоя: школьники и студенты Челябинска разоряли могилы с целью добычи черепов, за каждый из них Патологический институт платил

мародерам по двадцать пять рублей!

Разрешили бы правители с трупами погибших русских так поступать? Патологический институт знал, откуда приносят черепа, знал и обком коммунистической партии, они виновны в организации наживы на трупах погибших рабов-немцев.

Всего на этом кладбище похоронено более 20 тысяч рабов нерусских национальностей, замученных в концлагере ЧМС НКВД.

<http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Fux/21.htm>

Фукс В.Г. «Погром». Документальная повесть о преступлениях советского режима – физическом уничтожении немецкой нации в СССР в период с 1930-х годов до конца столетия. Красноярск, Издательство «Гротеск», 2001 г.

В.Н. Новоселов, Уральская государственная академия физической культуры

ЯКОВ ДАВИДОВИЧ РАПОПОРТ – КРУПНЫЙ ОРГАНИЗАТОР ПРОМЫШЛЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ

Среди когорты наиболее талантливых руководителей народного хозяйства Урала достойное место занимает Яков Давыдович Рапопорт. В 1930-1950 гг. он был начальником строительства крупнейших промышленных объектов, имевших общегосударственное стратегическое значение. Однако вклад Я.Д. Рапопорта в развитие советской промышленности до сего дня не нашел достойного отражения в исторической науке.

Я.Д. Рапопорт родился 12 октября 1898 г. в Риге в семье служащего. В связи с угрозой захвата Прибалтики немецкой армией в начале первой мировой войны семья эвакуировалась в Воронеж, где в 1917 г. Рапопорт окончил реальное училище. В январе 1917 г. он вступил в РСДРП. Осенью 1917 г. приступил к занятиям на медицинском факультете Дерптского университета, эвакуированного в Воронеж, но смог закончить только три курса. Это было связано с большим объемом работы Я.Д.Рапопорта в Воронежской ЧК, где с августа 1918 г. он работал следователем, зав. отделом, заместителем председателя Воронежской ЧК, оперативным работником в органе ГПУ - ОГПУ. В феврале-сентябре 1922 г. Рапопорта перевели в наркомат иностранных дел на должность секретаря наркома. Затем был перевод на хозяйственную работу. В мае 1924 г. он вернулся в ОГПУ, где служил в экономическом отделе.

С июля 1930 г. Рапопорт работал в управлении лагерей, занимая руководящие посты, а 9 июня 1932 г. был назначен заместителем начальника ГУЛАГа. С ноября 1932 г. он стал заместителем начальника строительства Беломоро-Балтийского канала, а затем (с августа 1933 по сентябрь 1935 г.) начальник Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ. В 1935-1940 гг. он возглавлял строительство

Рыбинского и Угличского гидроузлов, одновременно (в 1939-1940 гг.) был начальником Волжского лагеря.

В сентябре 1940 г. Рапопорт встал во главе вновь созданного Главного управления гидротехнического строительства НКВД [3, с.108]. Параллельно со строительством Угличского и Рыбинского гидроузлов и Волго-Балтайского канала он руководил строительством Северо-Двинского водного пути, сооружением гидроэлектростанций на реке Клязьме (Верхне-Клязьминская ГЭС под Владимиром) и Боровической ГЭС под Костромой. Главк, во главе которого он стоял, также вел строительство объектов № 200 в Лужской Губе, №20 в Николаевске-на-Амуре и №213 (порт Находка).

По решению ГКО от 22 августа 1941 г. приказом по НКВД №001127 от 23 августа 1941 г. Рапопорт был назначен первым заместителем начальника Главного управления оборонительных работ (ГУОБР), оставаясь в должности начальника Главгидростроя. Начальники Северного и Южного управлений ГуОБРа А.Н. Комаровский и М.М. Царевский находились в его подчинении. После приказа по НКВД № 0450 от 24 октября 1941 г. Главгидрострой был расформирован, а Я.Д. Рапопорт назначен заместителем начальника Главпромстроя НКВД СССР. В 1941-1943 гг. он командовал третьей саперной армией. В 1943 г. эта армия решением ГКО была переброшена на строительство Нижне-Тагильского металлургического комбината, а сам Я.Д. Рапопорт стал начальником Тагилстроя.

Постановлением Совнаркома СССР № 199 от 22 февраля 1943 года ему было присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы, В 1944 г. Я.Д. Рапопорт сменил А.Н. Комаровского на посту Челябинметаллургстроя. И здесь он проявил себя с наилучшей сто-

роны. В характеристике от 16 января 1947 г., подписанной секретарем Челябинского обкома ВКП(б) указывалось: «Как начальники строительства и лагеря проявил себя знающим сложное дело хозяйственного руководства большим коллективом рабочих, служащих и инженерно-технических работников и большими массами лагерного коллектива». День Победы строители встретили на подъеме, досрочно выполнив задание правительства по вводу в эксплуатацию сложнейших производственных объектов на Челябинском металлургическом заводе. Сразу после окончания Великой Отечественной войны с участием Рапопорта на ЧМС были разработаны планы по строительству жилья и объекту социально-культурного назначения. Однако вместо реализации этих планов коллектив ЧМС получил особо важное правительственное задание - начать в районе Кыштыма сооружение завода №817, предназначенного для получения ядерного оружия.

На основании постановления Совнаркома СССР №>3150-952 чч от 21 декабря 1945 г. и приказа НКВД СССР № 001550 от 30 декабря 1945 г. начальнику Челябметаллургстроя Я.Д. Рапопорту предписывалось немедленно приступить к строительству завода №817, для чего организовать стройуправление № 859 НКВД.

В декабре 1945 г. Я.Д. Рапопорт направил в Кыштым батальон трудармейцев, а в январе первые два батальона военных строителей. В сильные морозы развернулось строительство землянок и бараков для основных сил» В тяжелейших условиях была проложена железнодорожная ветка от станции Кыштым к промышленной площадке. Я.Д. Рапопорт, находясь в Челябинске, ежедневно занимался новой стройкой, во все более возрастающих масштабах направляя туда тысячи строителей, транспорт, механизмы, технику, мате-

риалы, продукты питания, оборудование для предприятий строительной индустрии. Летом 1946г. выросли городки военных строителей, лагеря для заключенных. К началу осени 1946 г. основные задачи первого организационного этапа строительства были выполнены... Челябметаллургстрой на первом этапе оказал огромную помощь новому коллективу, но не менее важно было вовремя отделить его от «родителя». Все больше трудностей возникало в управлении стройкой из-за того, что Я.Д. Рапопорт находился за 100 километров от нее...

Я.Д. Рапопорт обладал большими организаторскими способностями. Он редко выезжал на объекты, но хорошо знал сильные и слабые стороны своих коллег, умел создать условия для максимального раскрытия способностей людей. Ему выпала неблагодарная роль начинать уникальную стройку в стране с разрушенной в результате войны экономикой. Некоторые его решения дали большие положительные результаты, когда Я.Д. Рапопорта давно уже не было на Урале, и ими воспользовались те, кто пришел после него.

Несмотря на самоотверженный труд всего коллектива график сдачи объектов на строительстве № 859 не был выполнен. Л.П. Берия возложил ответственность на Я.Д. Рапопорта. В июле 1947 г. на стройку приехала правительственная комиссия, которая нашла много недостатков в его работе.

10 ноября 1947 г. приказом по МВД был восстановлен Главгидрострой МВД СССР. Его начальником вновь стал Я.Д. Рапопорт. В январе 1949 г. по совместительству его назначили начальником строительства канала Волга-Дон. После смерти И.В. Сталина он был переведен в министерство строительства СССР начальником Главречводстроя, а в июне 1953 г. уволен в запас...

Информация к размышлению: Я.Д. Рапопорт упоминается в романе «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицина:

«Так в пору было бы им выложить на откосах канала шесть фамилий — главных подручных у Сталина и Ягоды, главных надсмотрщиков Беломора, шестерых наёмных убийц, записав за каждым тысячу по тридцать жизней: Фирин — Берман — Френкель — Коган — Рапопорт— Жук».

Историки Гуверовского института Михаил Бернстам и Арнольд Бейхман сравнивают Рапопорта с организаторами немецких концентрационных лагерей — нацистскими преступниками Адольфом Эйхманом и Генрихом Гиммлером

Без публикации

Совершенно секретно

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО И ПОСТОЯННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ВЫСЕЛЕННЫХ В ОТДАЛЕННЫЕ РАЙОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

г. Москва, Кремль

№ 133/12

26 ноября 1948 г.

В целях укрепления режима поселения для высланных Верховным Советом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их выселения не были определены сроки их выселения, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных лиц проведено навечно, без права возврата их

к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ. Дела о побегах выселенцев рассматриваются в Особом совещании при МВД СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, привлекать к ответственности. Определить меру наказания за эти преступления – лишение свободы на срок до 5 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Д. № 111/45 ГАРФ. ф. 7523. Оп. 40. Д. 62. Л. 1.

Виктор Гринимаер

УБЕЙ ЕГО...

Огромную роль в те грозные, военные времена играла пресса, нагнетавшая «праведный гнев». Народ действительно верил поговорке: «Что написано пером – не вырубишь топором».

«Убей немца!» в запале патриотических чувств или конъюнктурных соображений, написал, широко известный тогда своими искрометными публикациями, Илья Эренбург, и ему подобострастно вторили другие его собраты по перу и пропагандистскому цеху. Этот злободневный лозунг моментально стараниями этих пропагандистов разнесся по всем уголкам необъятной страны.

Напечатанные в армейской газете «Красная Звезда» те публикации были обращены, казалось бы, не к тыловикам, а к воюющим на фронте бойцам. Но меньше всего эти пламенные слова задевали души именно фронтовиков. Им, окопникам, зачастую было не до газетного чтива. Они и без газетных призывов знали в кого им стрелять в боевой обстановке. Кому-то они, эти призывы, даже показались обычной интеллигентской нарочитостью и вызвали снисходительную ухмылку, спрятанную от политкомиссаров под нахмуренными бровями.

Зато в глубоком тылу убийственная статья Эренбурга упала на удобренную людским горем, благодатную почву, подняла мощную пенистую пропагандистскую волну. Захлестнуть этой девятибальной волной хотелось каждого, кто хоть как-то причастен к этому ненавистному слову – «немец». Здесь в тылу невозможно было найти явного вооруженного врага или сочувствующего ему. Но выплеснуть свой праведный гнев кое-кому требовалось!

Здесь имелись, конечно же, в изобилии, и военнопленные, доступ к которым был открыт в основном только у администрации и сотрудников лагерей. Даже работали они чаще всего на отдельных строительных площадках под особой охраной. Это уже после войны,

когда и фронтовики вернулись, и напряженность во взаимоотношениях спала, пленные нередко оказывались расконвоированными, бродили по нашим поселкам в поисках подаяния, хоть и «кормили их лучше, чем наших рабочих», как свидетельствовали некоторые надзиратели.

Самыми же доступными в той напряженной обстановке для любого встречного-поперечного: и праведного «мстителя», и уличного хулигана стали свои, советские граждане и гражданки немецкой национальности. Будь то старики или женщины, или бестолковые мальцы. И немалое количество их тут обитало, около двух миллионов. Каждому «мстителю» беспрепятственно доступны.

Моего старшего брата, в то лихое время – семи лет от роду, тоже «убивали», как учил прославленный поэт, орденоносец Константин Симонов: «сколько раз встретишь его, столько раз и убей». Били его за то, что он, почти сирота – отец с матерью были мобилизованы в трудармию, – клянчил чего-нибудь покушать, предлагая взамен кусочку хлеба свой детский труд, свои худенькие плечи. И получал! Били за то, что без спросу брал, «воровал», на огороде или в поле оставшуюся после уборки урожая картошку. Били за то, что он – немец.

Били его до тех пор, пока, бродяжничая, ребенок не придумал себе новую легенду, главное в которой было то, что он – эвакуированный эстонец. Почему не русский? Не похож – слишком белобрыс и голубоглаз. И акцент выдавал. А эстонцы тогда, это было никому не понятно и, казалось, невраждебно.

* * *

Убивали советских немцев в лагерях бравые, спрятавшиеся от фронта откормленные на казенных и сэкономленных лагерных харчах охранники, выбивая из них стопроцентную выработку. Перебили больше половины мужчин «призывного возраста» 15 – 55 лет. В некоторых лагерях через год «ударного» труда

осталось в живых только треть от «призыва» зимы 1942 года. После этого только поняли, что «рабочую скотинку» надо и приберегать для работы, «призывать»-то уже стало некого.

«Убей немца!», для чего-то такой лозунг висел на территории ГУЛАГовского лагеря, основным «контингентом» которого были советские немцы с каждой своей мизерной полочки, как свидетельствуют документы, добровольно сдававшие деньги, как истинные патриоты отечества, на строительство танковых колонн, авиационных эскадрилий, боевых кораблей, артиллерийских гаубиц. И, даже, получали за это благодарности от самого Верховного главнокомандующего. В одном из таких посланий Сталина говорится: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на Базстрое, собравшим 353.785 рублей на строительство танков и 1 миллиона 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Плакат «Убей немца!» пришлось нарисовать по приказу начальника такому же немцу, бывшему художнику из районной газеты где-то на далекой теперь Волге.

Выслушав очередную начальственную благодарность за что-то, однажды, мой двоюродный дядя, Роберт Рерих, еле передвигая свои распухшие ноги, потащил свою очередную ношу кирпичей на верхний ярус строящегося Челябинского металлургического завода, сорвался со сходней, разбился до полусмерти и по приказу начальника строительства был расстрелян «за саботаж».

Не один Эренбург выдвигал такие зажигательные лозунги, бывшие не фашистов, а советских немцев, но только о нем современники говорили, что в его «передовых» статьях бушует «чрезмерная страстность и пламень ненависти». Поэтично звучит, не правда ли! Но выливалось все это в далеко

не поэтические деяния слуг режима.

Бушевали эти «страстность и пламень» и в тыловых начальниках на уральских стройках ГУЛАГа Комаровском, Раппопорте, Френкеле, Зильбермане и иже с ними.

Если бы этот «пламень» действительно был направлен против врага на фронте, – это было бы понятно и оправданно. Но Гулаговские начальники палили им своих ни в чем не повинных соотечественников. Это уже преступление, это - геноцид.

Некоторые трудармейцы пытались бежать из своих опостылевших гибельных лагерей, чтобы любыми правдами или неправдами попасть на желанный им фронт. Отдельным это удавалось, о чем имеются свидетельства, даже Героями кое-кто стал. Но далеко не всем удалось осуществить свою сокровенную мечту. Большинство беглецов, рано или поздно задерживалось и отдавалось под суд. Неправедный, но скорый. Так, 15 мая 1942 года начальник Управления Бакалстроа НКВД СССР (строившего ЧМЗ) А. Н. Комаровский своим приказом отдал под суд по статье 58 пункт 14 Уголовного кодекса РСФСР трудмобилизованных

Гейденбрехта П. Я., Пеннера Д. К., Циборнуса В. А., Николауса Г. А., Деханда А. И.

Чем завершались такие суды, уже было к тому моменту общеизвестно, еще 24 марта 1942 года по Бакалстрою был зачитан приказ об объявлении приговоров такого суда. За незначительные нарушения трудовой дисциплины люди приговаривались «к лишению свободы» от полутора до десяти лет, а Штанг Иван Петрович, совершивший побег с места работы и задержанный на расстоянии 20 километров от этого места, «приговорен к высшей мере наказания – расстрелу». И было это в самом начале трудармейского ада, начавшегося в феврале.

Стоит напомнить, что только в 1942 и 1943 годах умирало до четверти от всего личного состава ГУЛАГа ежегодно.

Совершенно секретно

СПРАВКА О КОЛИЧЕСТВЕ ВЫСЕЛЕНЦЕВ, ПОДПАДАВШИХ ПОД ДЕЙСТВИЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССР от 26 ноября 1948 года, И О КОЛИЧЕСТВЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ, НЕ ПОДПАДАВШИХ ПОД ДЕЙСТВИЕ ЭТОГО УКАЗА на октябрь 1948 года

	Семей	Человек	Взрослых
Всего расселено выселенцев и спецпоселенцев	610 535	2 247 111	чел., из них 1 446 319 взрослых, в том числе: выселенцев, подпадавших под действие Указа, – 508 852 семьи (1 806 947 чел.), взрослых – 1 103 940 человек, из них:
Немцев	291 502	1 012 754	650 062
Чеченцев, ингушей	97 100	364 220	198 742
Карачаевцев	15 425	56 869	29 284
Балкарцев	8 720	31 648	16 666
Калмыков	25 863	74 918	47 660
Крымских татар, болгар, греков, армян	49 911	185 603	119 477
Из Грузии (турки, курды, хемшины)	20 241	80 935	42 049

Спецпоселенцев, не подпадающих под действие Указа, – 101 683 семей (440 166 чел.), взрослых – 342 379 чел., из них:			
Бывших кулаков	48 216	137 881	84 653
«Оуновцев»	36 193	96 584	68 341
Литовцев	14 084	47 534	33 179
«Власовцев»	–	134 667	134 667
«Указников»	–	16 465	16 465
«Фольксдойче»	1 730	3 165	2 404
Немецких пособников	1 099	2 780	1 946
«ИПХ»	361	1 099	724

Зам. начальника Отдела спецпоселений МВД СССР полковник В. Шиян
28 декабря 1948 г.

Виктор Чигинцев

БАКАЛ

У стальной колеи Транссиба

В городе много поселков, хуторов. Заимок, чья связь с «большой землей» осуществляется посредством мощенных гореликом дорог и беспроводного телефона. К числу таких поселений относится поселок Бакал, где многие годы компактно проживали копейчане немецкой национальности. Но напрасно писать на почтовом конверте название поселка, поскольку оно скорее «местечковое». Территориально Бакал расположен в границах Горняцкого отдела, а на конверте достаточно обозначить почтовый индекс, улицу, дом, фамилию.

Удивительно, но факт: жители северного крыла города не знают, что на «юге» есть поселок Зуевка, а жители южного крыла не ведают, что на «севере», кроме прочих «малоизвестных» поселений, расположен поселок Бакал.

Ничего предосудительного в этом нет. Площадь Копейского округа, например, не меньше территории Санкт-Петербурга. Но ведь есть такие петербуржцы, кто, прожив всю жизнь в северной столице, ни разу не выезжали за пределы Васильевского острова. «Местечковые» названий в Копейске много: Аул, Гортон, Зона, Кирпичики, Силовой, Нахаловка, Цинкострой, Кулацкий, Афон и т.д. На вопрос об их месторасположении отвечают: «У черта на куличках». И это тоже характеризует масштаб городской территории.

- В 5-м генеральном плане развития Копейска, - говорит архитектор городского комитета архитектуры и градостроительства Ирина Шилина, - вы не найдете местечковых названий. Нет их и на почтовых адресах, хотя привычка именовать малую родину каким-либо названием была всегда. Лучше, конечно, когда это название благозвучное и понятное.

В книге «Копейск: 100 лет в истории Отечества» говорится: «Трудмобилизованные немцы размещались в зонах, изолированных от остального населения». Поселок Бакал вырос в годы Великой Отечественной войны на заболоченных землях в километре от Транссиба между поселками Потанино и Козырево. На северо-

западной стороне железнодорожного полотна плещется озеро Третье, а на юго-восточной заболоченная солончаковая равнина переходит в лесостепную. Но немцев-трудармейцев поселили не там, где «Макар телят не пас», а в районе строительства шахты № 1-3. «Подземный горизонт шахты, - утверждает краевед Виктор Жмаев, - освоили в 1942 году. Уголь требовался для кирпичных заводов Потанино, «выпекавших» теплый трепельный кирпич для строительства объектов треста «Челябметаллургстрой». С этой целью решили проложить через степь железную дорогу-узкоколейку. Трест выделил рельсы и шпалы для строительства пятикилометровой магистрали. Кстати, железнодорожная насыпь, проложенная через холмистую местность, хорошо сохранилась до наших дней, и местные жители используют ее в качестве автодороги.

Из кирпичного боя в степи построили пять бараков. В каждом проживало не мене 20 семей. В немецкой заимке жили семьи Виль, Айхвальд, Шац, Меркер, Рейнгард, Видеман, Беккер, Кифер, Гинтер, Кишман и другие. Тянулся ввысь террикон шахты, обустроивался поселок. Бывшая горнячка, пенсионерка Ирина Фендель вспоминает:

- Нас привезли из Казахстана, где мы жили после выселения с Поволжья, голодных и полурядетых. Стали обживать. В поселке жили семей триста, это была как бы новая «республика». И здесь возродилась жизнь. В степи паслось стадо числом 180 коров, по утрам выгоняли на пастбище два табуна овец. Жили натуральным хозяйством, не голодали. Мужчины работали в шахте, женщины воспитывали детей, а меньше четвертых-пяти ребятишек в семьях не бывало. Дети помогали матерям вести хозяйство. Жители немецкой заимки готовили вкусную колбасу, коптили ароматные окорока. Никто не умел это делать лучше, чем они. Впрочем, бакальцы еще и по-стахановски рубили уголь, рачительно вели хозяйство и весело отдыхали. В поселке жили мастера игры на аккордеоне, гитаре,

баяне, - было б на чем играть! В своем клубе на танцплощадке зажигательно танцевали, пели песни, привлекая на веселые вечеринки молодежь соседних поселков. А баянист Эвольд Хортфельдер и аккордеонист Андрей Маус плату за свою игру не брали, веселили народ по велению души.

Шахта выработала ресурс в конце 60-х годов прошлого века. И как усидишь на месте, если круглосуточно идут поезда по Сибирской магистрали. Велика страна, всюду кипит жизнь. Люди уезжали на целину, возвращались в Поволжье, соединялись с родственниками на Алтае и в Казахстане, эмигрировали в Германию.

В войну немецкое поселение получило название Бакал от треста Рудбакалстрой, чьи дорожники укладывали шпалы и стелили рельсы через холмистую степь. Но даже сегодня, когда Бакал обезлюдел и в поселке продолжают жить лишь несколько десятков семей, бывшая немецкая заимка являет собой образец порядка, чистоты и культуры.

- Бакал выпестовал много достойных людей,

но сейчас это просто заброшенный поселок в степи, - говорит начальник Горняцкого территориального отдела Александр Шадрин. - На днях в официальном пакете администрации округа, напечатанном в «Копейском рабочем», показан перечень домов, где с людей не берется плата за капитальный и текущий ремонт жилья. На единственный в поселении Бакал улице Кольцова таких муниципальных домов и барачков в списке семь. Этот факт говорит о ветхости жилья. Рано или поздно люди из него будут выселены. Но пока в этой зеленой зоне города живут люди. Когда требуется, приходится ремонтировать водопровод, грейдировать дорогу, пробиваться к поселению сквозь снежные заносы.

Кому как, а мне, выросшему в поселке 205-й шахты, соседний Бакал близок и дорог. Там жили наши друзья-товарищи, друзья родителей. Там, у стальной колеи Транссиба, жила сама романтика. Пусть и новые поколения копейчан не забывают о том, что есть на карте города поселок с местечковым названием Бакал.

ФОРМУЛЯР ЛИЧНОГО ДЕЛА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА (1948 г.)

1. Личные дела на выселенцев оформляются и ведутся гор-райотделами (отделениями) МВД и ОСП МВД-УМВД по подчиненным непосредственно им спецкомендатурам.

2. В личном деле выселенца должны находиться следующие документы:

- а) справка об основании к выселению и содержанию на спецпоселении;
- б) анкета выселенца с фотокарточкой;
- в) расписки об объявлении выселенцу постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1948 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.;
- г) постановление о наложении административных взысканий (арест, штраф);
- д) справки по заслуживающим внимания агентурным донесениям и другие компрометирующие материалы;
- е) заявление выселенца о происшедших изменениях в составе семьи (рождение, смерть, брак и др.) и изменении места жительства;
- ж) материалы о привлечении к уголовной ответственности (копии обвинительного заключения и приговора).

3. Документы в личном деле выселенца подшиваются в порядке последовательности, указанном в п. 2.

4. Отобранные у выселенцев их личные документы приобщаются к личным делам в отдельном пакете по описи.

«Ссылка калмыков: как это было». Элиста, 1993. С.177-178

ОБРАЗЕЦ РАСПИСКИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА 1948 г.

Я _____ выселенец (ка)

Фамилия, имя, отчество

состоящий на учете в спецкомендатуре № _____

_____ района, _____ области

даю расписку в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к 20 годам каторжных работ, мне объявлен.

подпись «____» _____ 194__ года.

Подписку отобрал _____

должность и фамилия

«____» _____ 194__ года.

«Депортация карачаевцев...» / Сост. Р.Тебуев. Черкесск, 1977. С. 196.

МОЙ ОТЕЦ

Все было – холод, стужа, беды,
Но не было пустых обид
Мы все трудились для победы.
Мы знали: Правда победит!

Лео Майер

Уверен, что каждый человек очень трепетно относится к истории своей семьи. Но для этого ее надо знать. Мне очень повезло: с рождения знал, что я - немец; родители разговаривали дома на русском и на немецком языках; знал я и о трудностях, которые выпали на долю моих родителей. Не каждый немец нашей страны может этим похвастаться. Я счастлив, что мои родители успели рассказать о своей жизни внукам. А это значит - не прервется связь поколений.

Мой отец родился в 1920 году. Статистика говорит о том, что это поколение было почти полностью уничтожено в Великую Отечественную войну. Возможно, то, что мой отец несмотря ни на что остался немцем, он не разделил судьбу большинства своих сверстников. Уверен, что не раз он вместо тыла мечтал оказаться на фронте лицом в лицо с врагом, только дорога туда ему была закрыта.

22 июня 1941 года Яков Яковлевич Нахтигаль служил курсантом школы младших авиационных специалистов Черноморского военно-морского флота.

- Война застала меня в городе Николаеве, в летном училище. Я готовился стать штурманом морской авиации. Утром пришли на завтрак и нам сообщили, что началась война. Мы не верили, как война с Германией, ведь только что заключили мирный договор. Сели за столы и тут увидели, что действительно произошло что-то особенное: обычно за столами мы сами себя обслуживали, а тут за нами стали ухаживать жены офицеров. Мы покушали и всех курсантов вывели на поляну. Нас посадили на землю, и перед нами выступил начальник строевой части майор Григорьев, это я хорошо помню. Он объявил, что враг вероломно напал на Родину в 5 часов утра без объявления войны, и уже бомбил Очаков (а наша часть до Николаева стояла в Очакове), Киев и другие советские города. Затем курсантам выдали противогазы, кружки, ложки и другие необходимые вещи.

С фронта приходили тревожные вести. Скоро война дошла и до нас. Мимо нашего военного городка рабочие шли на завод. Им приходилось проходить и мимо большого болота, заросшего камышом. И вот на утреннем построении курсантам объявляют, что рабочие заметили на болоте трех незнакомых человек с чемоданчиками, и они что-то искали в камышах. Возникло подозрение, что они -

диверсанты.

Нас вооружили и послали прочесывать болото. Было страшновато, ведь все были молодые и необстрелянные. И каждый представлял себе: идешь, а вдруг диверсант именно в тебя выстрелит. Спина от таких мыслей сразу становилась мокрой – никто не хотел погибать. Одного незнакомца мы обнаружили и арестовали его без единого выстрела. Он действительно оказался диверсантом. Остальных тоже взяли. Еще одного схватили в городе. Он покупал билет в трамвае, хотя военнослужащие ездили бесплатно. Третий заблудился. Недалеко от города стояла зенитная точка, курсанты и местные жители туда не ходили, чтобы не беспокоить охрану. А тут ночью идет незнакомец на боевую точку, его сразу и задержали. Так всех троих диверсантов и поймали.

С первого дня войны над Николаевом стали летать разведчики. Наши истребители не могли их достать. В порту же стоял эсминец в ремонте, и у него были зенитные орудия и только они могли сбивать вражеские самолеты. Через неделю в небе появились МИГи, ЛАГи и фашистские самолеты исчезли.

Мы занимались в учебных корпусах, которые находились в Сливино, пригороде Николаева. Через неделю нас перевели в лесопосадку, в которой каждое подразделение вырубало деревья, где были установлены палатки. Только мы поселились, а на другой день ночь произошло ЧП. Я как раз стоял в карауле. Вдруг слышим со стороны моря гул самолета. А мы уже по звуку поняли, что это не наш. Пока объявили тревогу, а у нас тогда каждый день объявляли тревоги, но все они были учебные и курсантам надоели. Как крикнешь: « В ружье», никто внимания не обращает.

И тут пока все убедились, что тревога боевая, самолет уже развернулся и открыл стрельбу. Он шел, начиная от посадки по всему аэродрому, и ударил по корпусам, в которых раньше жили курсанты. Мы кричим: «В ружье! В ружье!» Курсанты выбегали кто в чем. Каждый хватал винтовку и бросался в траншею. Все произошло в течение нескольких минут. Самолет сделал один заход и улетел, оставив после себя изрешеченное пулями взлетное поле и жилые корпуса.

Все понимали надо уезжать подальше от фронта и нас повезли через Волгу. Объявили: станция Безенчук. Там встала наша часть, где я стал жить, трудиться и учиться. У нас на-

чались полеты. Командиром нашей роты был лейтенант Куликов, а командиром взвода - лейтенант Слуцкий.

Как-то в начале ноября 1941 года мы стояли в карауле. Я только что вернулся с поста, и мне говорят, что я сегодня последний раз ходил в караул. «Почему?» – спрашиваю. «Тебя забирают».

А до этого, когда часть еще стояла в Оси-пенко, политрук меня вызывал для беседы, интересовался, как я буду вести себя, если враг будет в меня стрелять? А как я мог поступить – моя семья на Украине, их надо защищать. Враг же не спрашивает как твоя фамилия, да и какое она имеет к этому отношение. Я буду защищаться. «Правильно, правильно» - одобрял политрук. В части я был в почете. Меня уважали, потому что у меня такой характер – как сказали, так и надо делать, никаких отказов у меня не было. В пререкания с офицерами я не вступал.

...В общем, пришел с караула в казарму и меня вызывает командир роты Куликов. Он говорит: «Ты сегодня последний раз ходил в караул и в течение суток должен покинуть расположение училища». «А куда?» «Ты переходишь в распоряжение Безенчукского военкомата. Я не имел понятия что происходит, он тоже. Куликов думал, меня переводят в военкомат, и я там буду служить писарем.

Шел ноябрь 1941 года. На юге стояла теплая погода, и военнослужащие были одеты в летнюю форму одежды. Раз я покидал воинскую часть меня повели в столовую, накормили сколько мог съесть, выдали второй полный комплект обмундирования. Но никакой военкомат меня не ждал: дали предписание явится в стройчасть под Пензой, и мне предстояло копать противотанковые рвы.

Таким вот в туфельках, в бескозырке и в легком бушлате появился я на новом месте службы. Нашел свой батальон, мне показали командира. Он провел меня в барак, в котором находилось немало бойцов. Как оказалось, стройчасть формировалась из разгромленных частей. Здесь было много раненых, некоторые даже уже умирали, а рядом с ними сидели жены. Но никого домой не отпускали, до тех пор, пока боец не умирал. Для меня все это было в диковинку. Я к такому не привык: в училище у нас была чистота и дисциплина. Здесь стало страшно, ведь человеческая жизнь ничего не стоила.

Мне оставили все вещи и направили в бригаду. Она была особенная: в ней работали председатели сельсовета, бухгалтера, доктора, председатели колхозов. Был в нашей бригаде еще один парень, как и я, голый пережатый, Пикулин, который был родом из Белоруссии.

Большинство членов бригады было из Тамбова. К ним приезжали жены, привозили много продуктов: колбасы, мяса, сухарей. Раз в бригаде хорошо ели, то и работали хорошо, постоянно перевыполняли норму и жили очень вольготно. А раз перевыполняли, то часто нам

давали двойные пайки. Наша бригада была в почете. Я помню некоторые фамилии: Зорина из Ртишева, Андрея и Петро Копниных из Тамбова, а называли нас бригадой Долгих.

В январе 1942 года стояли сильные морозы и мужики нас, меня и Пикулина, жалели и часто отправляли погреться в частные дома. Мы должны были нарубить дров, выменять за дрова молока и приготовить место для отдыха бригады. Весь дополнительный паек они отдавали нам, и мы с Пикулиным немного отъелись. Вечный голодный я и мечтал о том, чтобы наесться до отвала. И тогда же я решил, если выживу, то после войны обязательно куплю корову и всю жизнь буду пить молоко. И эту мечту я выполнил.

5 мая 1942 года нас с Пикулиным вызвали в штаб батальона и спрашивают: «Вы хотите уехать из стройчасти?» «Конечно хотим». И нас направили работать на комбинат «Ворошиловоградуголь».

Мне повезло, я попал к замечательному начальнику участка. Он уже повоевал, был ранен и мне очень сочувствовал: он знал что я немец и потерял семью. Мы жили в бараке и меня оформили слесарем. Шахта была затоплена и недавно восстановлена. Оборудование на ней было изношенное, собранное из того, что попало под руки. Качающиеся решетки, а по ним подавался уголь, разного стандарта, поэтому часто выходили из строя.

Я был дежурным слесарем и бесперебойная работа оборудования моя первейшая задача. И вот вдруг решетки начало бить. Это трудно себе представить. Линию ломает, а смена вот-вот должна закончиться. Линию ломает, и уголь не поступает. На ремонт времени нет. Высота пласта маленькая один метр с небольшим. Тогда я спинбой упираюсь в кровлю, а руками держу решетки стык в стык, главное, чтобы уголь шел. Хотя делать это очень опасно.

К сожалению, это стало повторяться очень часто, а причину я не мог найти. Был у нас на участке стучач, в то время так было заведено, и все знали кто он такой. Однажды начальник участка ко мне подходит и говорит: «Слушай Яша, ты уходи лучше лес гнать, а то у нас аварии часты. Он такой человек, доложит, на тебя все свалят и тебя могут посадить. Скажет, нарочно вредит, немец же».

Я так и сделал, пошел в лесогоны.

А война продолжалась и к нам становилась все ближе и ближе. Мы так и работали под гулом: над шахтой летели самолеты, через поселок шли воинские части.

Началась и эвакуация гражданских лиц на восток. Когда формировали первый эшелон, еще выбирали, кого оставить для работы. А с приближением фронта стали отправлять всех подряд. Я поехал третьим эшелоном.

Так я попал в Копейск. Стояла осень 1942 года. Начальником 21 и 23 шахт был Кузьяков, и мы попали под его руководство. Комнат в общежитии не хватало. На 23 шахте строили домик для вентилятора, около лесоспускного уклона. Его переоборудовали под общежитие.

Когда меня туда поселили, там уже жили шахтеры. Нас собралось 13 человек, и все были домбассовцы. А на работу меня отправили на 21 шахту.

Как же мы жили? Жизненно важная проблема – продовольствие. У каждого был свой запас. И вот интересно: пока идет картофельный или капустный сезон, шахта всегда перевыполняла план. Как только проходит овощной сезон, плана под вопросом. Естественно, это понимало руководство шахты. И вот однажды к нам приходит директор Кузяков и спрашивает: «Можно посмотреть на ваш продовольственный склад?» «Можно» - отвечаем и достаем из-под кровати мешки с картошкой, капустой, морковкой. Он посмотрел и одобрил: «Так давайте и дольше» и ушел.

Один раз нас продал комендант. Как-то он появляется в общежитие с участковым милиционером. А мы только пришли с ночного похода за продуктами. Далеко ходили на колхозное поле, пришли с мешками капусты. Только все разложили на полу и смотрим на свое богатство и любимся. Предвкушаем, что хоть какое-то время не будем голодать. Вдруг стук в дверь и входят комендант и участковый. Милиционер стал спрашивать каждого в отдельности: «Ты где ночью был?» «Дома» «Почему тебя там-то видели?» И так он всех опросил, затем: «А паспорт есть?» У всех были паспорта, а я призывался в армию и паспорт остался в Донецке.

Так опрашивая, он всех брал не «пушку».

Когда всех опросил, приказал: «Давайте всю капусту сложите в одну кучу и, если хоть один вилок пропадет, мы вас посадим». Мы были напуганы. Затем они подогнули лошадь водовоза и все капусту увезли в дома коменданта и участкового.

Шел уже 1943 год. Очередная смена подходила к концу. Мы проходили бремсберг и должны были сделать сбойку, а выработка находилась далеко от основного участка. Для отпалки, проведения взрывных работ, я пошел на место сбойки в конце смены, для этого взял запальщика и забойщика. Сделали отпалку и провели сбойку. И направились домой. Это произошло во вторую смену, после 12 часов ночи. У меня были блокнот, карандаш, что полагается горному мастеру. У запальщика – сумка, проводка. У забойщика – кайло, топор, что им положено. Из шахты мы вышли в лесу.

Только прошли несколько десятков метров, слышим окрик: «Стой, кто идет?» Из-за деревьев вышли люди, вооруженные ружьями. Они препроводили нас в какое-то помещение. Там нас стали допрашивать, хотя было видно, что мы идем с работы. Стали каждого спрашивать: «Как фамилия?» Слышу, кто-то называет украинскую фамилию, кто-то русскую, я назвал свою. «А ты немец, - подозрительно отреагировал охранник, в результате всех отпустили. А меня посадили в карцер. Там я держали до утра.

На следующий день отправили в милицию,

в КПЗ. Там я просидел 9 дней: без допросов, моей судьбой никто не интересовался, даже с работы. Где я, что со мной случилось? Больше девяти дней меня не имели права держать. Поэтому всех арестованных отвели в баню и отправили в тюрьму в Челябинск.

Мне, кажется, она находилась на улице Сталина, 53. Посадили в 93 или 97 камеру. Она была большая, но народу там было еще больше. На допросы меня не вызывали, никаких вопросов мне не задавали.

Вдруг кричат: «Нахтигаль, на выход».

Когда вызывают, то отправляют обратно в Копейск, там опять 9 дней посижу в КПЗ, и потом опять везут в тюрьму. И так меня три раза возили. Никто ничего не спрашивал: «Откуда ты, почему здесь». Строго соблюдали только санитарный режим: в баню обязательно водили, если хоть одну вошь найдут, всю партию бракуют.

И вдруг меня перевели в другую камеру, в которой оказались одни немцы.

Я там посидел два дня. И опять команда собираться. Выходим, а у тюрьмы стоит очень много народа. Это посетители принесли родным передачи. А рядом стояла бортовая машина, нас в нее стали загружать. И вдруг в кузов полетели свертки, мешочки с продуктами. Видимо, родным они по какой-то причине не смогли продукты передать и вот они решили отдать их нам.

По нам сразу было видно, что мы заключенные: все худые и бледные. Я вообще-то крепкий был, а тут только в тюрьме переночевал и, если сяду на пол, то не мог встать без помощи рук.

Куда нас везли, мы не знали. Так я очутился в Еманжелинске. Оказалось, с нами ехал начальник Еманжелинской зоны Портнягин, и выгрузили нас на месте нынешнего сельского профтехучилища. Где расположен город, понятия не имели. Нас в первую очередь повели в баню. А потом послали на работу - сидеть без дела нельзя - картошку перебирать.

Начальником караула был Константин Петрович Элерт. Он знал, что у нас на уме и постарался уберечь нас от беды. Мы же голодные и у нас одна мысль, найти что-то съестное и сразу тащить это в рот. Пока картошку перебирали, мы набивали ею карманы, потом прятали по всем углам где только могли. А Элерт ходил, вытаскивал картошку из наших запасников и объяснял:

– Вы после тюрьмы, объедитесь, и вам будет очень плохо. Вот так у меня прошел первый день в Еманжелинске, не знал я, что здесь проживу всю оставшуюся жизнь.

Что из себя зона представляла? Это были длинные землянки, разделенные на две половины. Вход был с двух концов. До войны в них содержались заключенные, потом зоны от них освободили и в землянках стали жить репрессированные советские немцы.

Я приехал, когда они там уже год жили. Шел 1943 год. Определили меня на работу на 19 шахту.

Наша жизнь ничем не отличалась от жизни заключенных. Как-то меня назначили в зоне старшим, и я должен был каждую неделю докладывать в комендатуру о тех, кто нарушает режим. О моем желании и не спрашивали, вызвали и назначили.

И вот мне говорят: «Ты знаешь, что Дитрих уехал в Новосибирск?» Это происходило уже после войны, в 1947 году. «Нет, не знаю», - отвечаю, - Раз уехал, вернется». День прошел, второй, третий. Думаю тянуть больше нельзя, надо идти докладывать.

А комендантом был Роднов, комендатура находилась там, где был ресторан «Шахтер», (а сейчас налоговая инспекция). Я прихожу в кабинет. Он сидел в полушубке, военной форме. Я хотел сесть за стол, но он показал на стул у двери, и выложил на стол наган. «Ну, думаю, шапку ты не снял, не разделся и стоишь передо мной, наган еще выложил. Не поддамся тебе». Я хоть и был молодой, но уже битый. Меня не пугнешь.

И я стал ему врать. Сказал, что только вчера узнал, что Дитрих уехал и сегодня пришел. Сел у двери и глаза опустил вниз. На него не смотрю, потому что могу сбиться, не привык врать. Он меня путает, а я стою на своем. И так он от меня ничего не добился и отпустил. Через пару дней вызывают, и я получил 15 суток карцера.

Первую ночь переночевал, и утром слышу, как женщин выводят на прогулку. Потом слышу, как охранник подходит к моей двери. Она открывается и охранник приказывает: «На выход с вещами». Не пойму что происходит, ведь только первую ночь переночевал. Выхожу, а рядом с камерой стоит мой друг, Моргунов.

Он работал заведующим гаражом и потом механиком в стройконторе. Мы с ним вместе учились в учебном комбинате. Хороший мой товарищ, фронтовик, танкист. Он Будапешт освобождал. Он стоит серьезный, в руках - сумка. Милиционер говорит мне: «Иди», а рядом стоит и комендант. Мы все поднялись на второй этаж.

Зашли в кабинет и оформили документ, что я отбыл все 15 суток - за одни сутки. Тут и мама поспела. А мой спаситель - Моргунов рассчитывал так, если не сумеет выручить из карцера - передаст передачу, а сумеет - вместе пойдем праздновать Пасху.

Мне в жизни везло на хороших людей. Я до пенсии проработал на 19 шахте и на всегда запомнил своих товарищей, многих из которых уже нет в живых. В забое я работал с Николаем Яковлевичем Кравченко, Иваном Яковлевичем Штро, лесогоном у нас был Александр Штабель...

- Работа шахтера опасная?
- Очень даже.

Мне можно было даже не задавать этот вопрос. Но непросто получить у шахтера, который почти 30 лет проработал в забое, правдивый ответ на этот вопрос: к опасности привыкают. Но мне вспоминается случай, когда отец по-

сле смены пришел домой и снял майку, то под ней на боку красовался огромный синяк. Упал - таким было его объяснение. Только спустя много лет мы с мамой узнали правду. Оказалось, что отца придавило стойкой (бревно, которое подпирает лаву). И если бы бревно уперлось в грудь, то его бы раздавило. А так только прошлось по боку и оставило огромный синяк.

- Ты никогда не жалел что стал шахтером?

- Нет, потому что я даже учился на эту профессию до войны. Это тоже занимательная история как я попал в горный техникум. Учиться далеко мне нельзя было: у нас не было средств, ведь отец умер, и только мама работала. Кончил я семь классов, год пропустил, потому что мы не смогли дать продуктов для школы. Чтобы прожить, мы сдавали комнату под дачу.

Как-то у нас стали жить бабушка с внуком Святославом, ему было два года. А его отец - Фома Григорьевич Дзюба, я его до конца дней своих не забуду, работал главным врачом городской больницы в Донецке, по выходным приезжал к нам. Однажды Фома Григорьевич поинтересовался, чем я хочу в жизни заниматься. Я ответил, что меня интересуют машины. Он попросил меня показать свидетельство об образовании. У меня там троек не было, только «4» и «5». Он тогда сказал: «Тебе надо обязательно учиться».

Фома Григорьевич и предложил поступить в горный техникум: там предстоит много машин изучать, к тому же на Донбассе горняк самый уважаемый человек. Я подумал, что горняк будет лазить по горам и согласился. Дзюба отвез мои документы.

Впереди экзамены. Мы в школе изучали украинский язык со второго класса и с пятого класса - русский, грамматику и литературу. Учителя все были немцы. Если вы пишете диктант на русском языке, то знаете, если произносится «а», то пишется «о». А на украинском, как слышишь так и пишешь. «Хата» значит хата, «видмино», это значит отлично. И так далее. А по-русски говорят «харашо», а пишут «хорошо».

Мне предстояло писать диктант по русскому языку. А преподавателем была москвичка, когда она читала у ней все звучало на «а». А я, как слышу, так и пишу.

Когда пришел за результатами, мне показывают мой диктант, он был весь красный. Ужасно смотреть было. Но мне дали допуск, так как по математике и физике были пятерки, но с условием - до конца года сдать экзамен по русскому языку. Я упорно учился и выполнил это условие.

- Прошло много времени, как ты покинул Украину. Вспоминаешь ли ты свои родные места?

- Особенно сейчас очень скучаю, вспоминаю свое село и особенно людей с которыми вырос. А вспоминается только хорошее, проблем во взаимоотношениях у меня не было.

Такой уж у меня характер, не баловался, да и жизнь меня не баловала.

- Вообще ты считаешь себя счастливым человеком?

- Очень даже счастливым. Я пошел на пенсию и не инвалидом.

- Сейчас твоих ровесников не так много осталось?

- Я позавчера был на шахте, очень мало осталось. Сейчас, бывало, лежишь на диване и вспоминаешь, как в школу ходил. Я все помню, где мой класс был, как школа стояла. Учителей всех помню. В школе по словам учили украинский язык, писали: кобыла – лошадь, хата – дом, батько – отец. Начали со второго класса. А с пятого класса началась литература. Изучали «Хата Моргана» Кацубинского, стихи Тычина. Это я уже не забуду. Леси Украинку, Шевченко изучали. И в техникуме горном еще изучали. И русский язык изучали.

Жизнь была очень тяжелая. Мы были втроем в нашей семье, мама одна работала. Что она могла заработать на трудодень? В 1934 году пришлось выйти из колхоза. Существовать не на что было. В 1941 году всех мобилизовали,

мама рассказывала, всех увезли на фронт, в мясорубку. Как только выпустили из вагонов, и в этот момент налетела вражеская авиация, бомбить начали, и все погибли со словами: «Мама, мама». Совсем неподготовленными были, их брали как пушечное мясо. Так началась война.

Сейчас отца уже не в живых. Несмотря на всю свою нелегкую жизнь, он до последних дней сохранил оптимизм, всегда радовался жизни. Потому что опорой ему была семья. Он знал, что дома всегда он может отогреться, набраться сил. Где его ждет любимая жена – Фрида.

Когда отца не стало, я перебирал бумаги на его столе и нашел листок, на котором он переписывал слова известной немецкой песни «Schein ist die Jugend» - «Прекрасна молодость». Когда он остался один, в самые трудные минуты жизни, он вспоминал любимые строки:

Schein ist die Jugend,
Sie kommt nicht merr.

Прекрасна молодость, но она не повторяется.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

№1590/К.

16 апреля 1949 г.

Министерство внутренних дел СССР докладывает о проделанной работе в январе-феврале 1949 г. по усилению режима в местах расселения выселенцев и спецпоселенцев, по организации точного учета, правильного и обязательного их трудоустройства и укрепления административного надзора в местах поселения.

По состоянию на 1 апреля 1949 г. на учете органов МВД всего состоит 2 307 410 выселенцев и спецпоселенцев (вместе с членами семей).

Из этого количества на учете состоит выселенцев 1 835 078 чел., в том числе немцев – 1 035 701 чел., чеченцев и ингушей – 365 173 чел., карачаевцев – 57 491 чел., балкарцев – 31 873, калмыков – 77 279 чел., крымских татар, греков, армян, болгар – 186 535 чел., хемшинов, турок, курдов – 81 026 человек.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. эти лица расселены в местах поселения навечно.

Спецпоселенцев на учете состоит 472 332 чел., из них бывших кулаков – 158 593, лиц, служивших в немецких строевых формированиях, легионеров и полицейских – 135 319 чел., членов семей «оуновцев» – 96 191 чел., членов семей литовских националистов – 46 940 чел., лиц, выселенных по общественным приговорам за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведение антиобщественного паразитического образа жизни – 28 311 человек, членов семей активных немецких пособников и «фольксдойче» – 5849, сектантов «ИПХ» – 1129 человек.

В соответствии с постановлениями Правительства СССР выселенцы и спецпоселенцы расселены в следующих районах Советского Союза: в Казахской ССР – 820 165 чел., в Средней Азии – 340 253 чел., на Урале – 245 396 чел., в Западной Сибири – 479 617 чел., в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 237 325 чел., в Центральных районах СССР – 184 654 человека.

...Все трудоспособные выселенцы и спецпоселенцы заняты в районах расселения на работах в сельском хозяйстве и в различных отраслях промышленности и строительства.

...Режим и административный надзор за выселением и спецпоселением осуществляется специальными комендатурами МВД. В настоящее время имеются 2679 спецкомендатур, каждая из которых обслуживает от 300 до 1000 взрослых выселенцев и спецпоселенцев.

С. Круглов, В. Рясной, В. Шиян

Марина Морозова

КЛАДБИЩЕ-ПРИЗРАК УХОДИТ ПОД ЗЕМЛЮ

Интернациональные захоронения в поселке Второй участок Коркино до сих пор не имеют опознавательных знаков

Немного мистики

Кладбище в поселке Второй участок не раз напоминало о себе. Впервые, когда рыли канаву для отлива воды из тридцатой шахты. Ров прошел как раз по могилам германских военнопленных. Вдоль канавы тогда валялись черепа и кости. Старушки крестились и присыпали их землей, мальчишки хвастались друг перед другом страшными находками. Отец моей подруги, будучи школьником, как-то принес в класс череп, положил на учительский стол и прикрыл газеткой. За эту неуместную шутку четвероклассника навсегда исключили из школы. Так и остался человек с неполным начальным образованием.

Недавно краеведы из местной школы N 5, составляя план кладбища, вновь нашли человеческие останки. Как они попали на поверхность? Пока тайна. Однако это повод вспомнить об усопших и подумать о дальнейшей судьбе старых захоронений.

Чужие среди своих

Случилось так, что почти вся жизнь «русского» немца Евгения Адамовича Криста прошла рядом с этим кладбищем-призраком. Был он очевидцем захоронений, тут покоятся родственники. После войны ему, бывшему трудармейцу, пришлось поселиться недалеко от поселкового погоста. Потом почти полвека ходил мимо него до шахты на смену и обратно. Так невольно и стал хранителем кладбища, вернее, памяти о нем.

Родился Евгений Крист в многодетной семье, что жила в богатом немецком колхозе неподалеку от города Миллерово в Ростовской области. Как и все советские дети, ходил в школу, с семи лет помогал родному колхозу. А потом грянула война, осенью 1941 года немцев выселили в голодные степи Узбекистана. Уезжая, колхозники получали расписки о сданных государству зерне и скотине. Взвешивали и записывали все с немецкой педантичностью, верили, что когда-то справки пригодятся.

На чужбине успели построить землянку, поработать на уборке хлопка. Но вскоре всех мужчин от мала до велика «демобилизовали» в трудармию и отправили на Урал. Евгений Крист вместе с земляками валил лес под Магнитогорском и Новотроицком. Потом их привезли в Коркино. Нужны были свежие силы для разработки угольного разреза. Стоял морозный январь 1942-го, одежда на трудармейцах была изодрана. Спустили парней под землю - там теплее.

Так и стали шахтерами-невольниками. Жили за колючей проволокой под охраной часовых с винтовками, на работу водили под конвоем. У Криста все это вызывало недоумение:

- Что это? Большая ошибка? Мы ни в чем не виноваты.

Грелись в шахтах

Зимой в шахте было теплее, чем в землянках. Утром люди иногда вставали с деревянных нар, покрытые инеем в палец толщиной. Чечевичный суп, кусок хлеба и – «отогреться» в шахту. Вечером, грязные и усталые, снова валились на нары. Дни не считали. Такая жизнь притупляла мысли и чувства.

Евгений Адамович по памяти рисует мне план зоны: ворота, КПП, семь землянок, два двухэтажных дома для охранников, баня, столовая. Важное строение - сарайчик, именуемый «моргом». Сюда из землянок стаскивали покойников. А умирали по несколько человек за ночь.

Через какое-то время оставшихся в живых перевели в другую зону, поблизости, и ослабили охрану. На место трудармейцев поселили пленных румын, воевавших на стороне фашистской Германии. За «колючкой» их начали муштровать. Румыны маршировали, пели строевые песни. Когда соседей не стало, трудармейцы предположили, что чужеземцев отправили на фронт, воевать теперь уже на другой стороне. Весной 1943-го, после Сталинградской битвы, привезли пленных солдат Третьего рейха.

Оборванцы

Какими были наши поверженные враги? На этот вопрос может ответить мой собеседник Евгений Адамович Крист, ведь зоны трудармейцев и военнопленных находились по соседству, а работать иногда приходилось в одной шахте и даже в одних забоях:

- Они были молодыми, практически наши ровесники. Их привезли в военных мундирах, в них они и работали. Быстро стали такими же грязными и оборванными, как мы.

- А спецовок в то время не было?

- Что вы? - в свою очередь удивляется мой собеседник. - Спецовку и обувь из транспортной ленты мы впервые получили только после войны.

Попутно узнаю, что не было для невольников и шахтерских «тормозков». Все 12 часов под землей работали без обеденных перерывов. Даже воды не пили вдоволь. А смертельное воспаление

легких схватывали, когда выходили разгоряченными из забоя и утоляли жажду снегом.

- Было ужасно, но война есть война, - констатирует Евгений Адамович.

На разных немецких

- Удавалось ли поговорить с пленными?

- Пытались разговаривать по работе, но не понимали друг друга. Наш немецкий сильно отличается от их языка. Даже произношение другое, они «р» не выговаривали, это сильно мешало пониманию. Так что, когда надо было что-то поднять или унести, объяснялись жестами, - признается Евгений Крист.

Как они себя вели?

- Насколько мне известно, были спокойными и послушными. Работали, не ленились. Как и мы, трудармейцы.

- Не довелось видеть, как их хоронили?

- Как хоронили военнопленных, не видел, но думаю, что так же, как и наших, - вспоминает Евгений Адамович. - Мы жили в одной землянке с мужем моей старшей сестры. Однажды он заболел, ночью умер. Я сам отнес его в «морг», сложил руки на груди, как положено. Потом его и трупы других трудармейцев сложили штабелем на сани, подвезли к большой могиле, скинули туда, как дрова. А все не входят, тогда охранник утрамбовал тела ногами, и мы стали засыпать их землей. Уж если к нашим покойникам было такое отношение, к трупам «настоящих» немцев, наоборот, относились еще хуже.

О родине велели забыть

День Победы - 9 мая 1945 года - стал первым выходным в жизни трудармейцев, возможно, и для военнопленных в этот день устроили праздник. Как вспоминает Евгений Адамович, на работу их не повели, собрали в столовой и довольно сытно накормили. Победе радовались все, надеялись вернуться домой, встретиться с родными. Однако и этому не суждено было сбыться. Уезжать не позволили, хотя вскоре после войны жить стало свободнее, многие «бойцы» трудовой армии женились на местных девушках.

- До 1956 года ходили раз в месяц отмечаться в комендатуру, но это не-обременительно было, хотя обидно, - рассказывает Евгений Крист.

Он тоже встретил свою «половину» - девушку Тамару, белоруску по национальности. Вскоре поженились, дом отстроили на территории бывшей зоны. Так и остались тут на всю жизнь, воспитали троих детей.

Почти на 20 лет пережил Евгений Адамович свою супругу. Оказался однолюбом, второй раз жениться не стал. У детей уже давно свои семьи, поэтому живет бобылем.

Особенности национального характера

Некоторый европейский шик его небогатого дома, идеальная чистота вымощенного кир-

пичом двора безошибочно укажут прохожему на то, что здесь живет немец. Без работы 84-летний Евгений Адамович никогда не сидит, делать все привык аккуратно и основательно. Горячительным напиткам предпочитает кофе и квас. Искренне считает, что «при коммунистах» было больше порядка. Второй участок имел свои магазины, медпункт, клуб, аптеку, детский садик. Сейчас все разрушено. Теперь за каждой мелочью приходится ехать в поселок Роза или Коркино.

Для многих российских немцев своеобразной компенсацией за бывшие обиды стала возможность переехать в Германию. Однажды засобирился туда и Крист. Для начала навестил племянника, уже обосновавшегося на исторической родине. Не понравилось.

- Климат не тот - сразу угодил там в больницу, - сетует Евгений Адамович. - А главное, маленькое там все какое-то, простора нет.

Зато на Втором участке у Криста дышится полной грудью. Живет он на крайней в поселке улице Шахтера. Налево от его «фирменного» немецкого дома простираются бескрайние поля и лес, направо - самый глубокий в Европе угольный разрез. Впереди - «марсианские» пейзажи отработанных шахт. Евгений Адамович безошибочно находит на этой территории ямы от землянок военной поры и контуры немецкого кладбища, где покоятся рядом трудармейцы и пленные солдаты Третьего рейха, а неподалеку от них и обычные жители поселка Второй участок, умершие в довоенные и военные годы.

Прервалась связь времен

Земля в этом месте растрескалась - верный признак того, что борт разреза «тянет» кладбище. В недалеком будущем оно может совсем сползти в гигантскую яму полукилометровой глубины, исчезнуть навсегда. Тогда совсем прервется связь времен.

Почему меня волнует судьба чужих могил? Может, потому, что до сих пор точно не знаю, где покоится мой дед, погибший под Сталинградом? А сколько у нас кладбищ и могил, забытых или стертых с лица земли? Евгений Адамович подтверждает мои размышления рассказом:

- После войны у немцев появилась возможность свободно передвигаться. Мы с братом, тоже бывшим трудармейцем, поехали в Узбекистан, на станцию Сырдарья, где в войну от голода погибли наши сестры, мать, маленькие племянники. А там уже и кладбища никакого нет, все хлопком засеяно. Негде крест поставить, нечему поклониться.

В 90-х годах судьбой заброшенного кладбища возле поселка. Второй участок обеспокоились члены местного общества «Мемориал». Обращались в городскую администрацию и к руководству Челябинской угольной компании с просьбами хоть как-то обозначить это место, запретить там проведение земельных работ. Получили понимание и обещание все уладить. Однако ничего не дождалось. Более

того, пару лет назад для нужд разреза «Коркинский» по кладбищу протянули железнодорожную ветку.

Оправдание всегда можно найти. Не до этого представителям местной власти, в городе и без того полно насущных проблем, требующих сиюминутного решения. Вот в этом и беда.

Как сказал один из философов, современное общество потеряло ощущение времени. Мы живем настоящим, не помня о прошлом, не задумываясь о будущем. День прошел, и ладно! А на душе все-таки неспокойно. Видимо, время мстит нам.

**ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НА ИМЯ МИНИСТРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
ТОВ. ИГНАТЬЕВА С. Д.**

Третий вопрос

Многочисленный поток в Приемную родственников и членов семей спецпоселенцев с жалобами и заявлениями разностороннего характера:

а) С просьбой о разрешении взять на попечение детей, родственники которых умерли в месте спецпоселения и им выезд к родственникам запрещен.

б) С жалобами на то, что органы МГБ и их комендатуры в местах спецпоселения принудительно взяли на учет членов семей (жену, брата, сестру), которые приехали к месту поселения родственника (отца, мужа) добровольно и им запрещен обратный выезд.

в) С просьбой снять со спецпоселения жену, муж которой был спецпоселенцем и давно умер. Многие такие жены вышли замуж за лиц, не имеющих ограничения.

г) С просьбой снять со спецпоселения бывших жен (русских) местных немцев, греков, татар, ингушей, финнов и др., которые не имеют зарегистрированного брака или осуществили расторжение брака. Некоторые из них вышли повторно замуж за русских.

д) С просьбой снять со спецпоселения взрослых детей спецпоселенцев, которые лишены возможности свободно выбирать учебные заведения и выехать в режимные города, не могут зарегистрировать брака с лицами, проживающими за пределами зоны спецпоселения или в режимной местности и т.д.

е) С жалобами на строгий режим комендатур МГБ в местах спецпоселения, лишающий возможности тяжело больным спецпоселенцам выехать на лечение в районные областные города и другие центры, на курорты и т.д. Невозможность спецпоселенцам выехать в отпуск к своим родным и родственникам.

Из характера перечисленных жалоб и просьб видно, что многие вопросы о спецпоселенцах на сегодня необходимо пересмотреть и разработать новое положение, что сократит поток жалоб и заявлений, поступающих в МГБ СССР.

Начальник приемной МГБ СССР полковник Полубояров

19 сентября 1951 года

ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Лл.216-217.

МАЛАХОВА (СУППЕС) АМАЛИЯ ГЕОРГ-ЯКОВЛЕВНА

(Из воспоминаний)

«Родилась 14 апреля 1925 г. в с. Гуссенбах, Жирновского района, Волгоградской области. Я хочу рассказать о своем отце, репрессированном в 1937 году. О себе, отправленной в 18-летнем возрасте на дальний суровый Урал. Начну все по порядку.

Я с родителями жила на Волге, в селе Гуссенбах, в котором проживали в основном немцы большой дружной семьей. Нас у мамы было пятеро детей. Я очень хорошо помню своего папу, большого, доброго с колючими усами. Он был грамотным человеком, пользовался авторитетом у односельчан, работал в сельсовете. Мы его очень любили и он нас тоже. Но пришел страшный 1937 год. 12 декабря 1937 года в 21 час в нашу дверь постучали,

это пришел местный участковый с понятными, сделали обыск, забрали все фотографии и увели нашего папочку. Мы остались с мамой: старшему брату Егору было 14 лет, мне 12, среднему Вите 6, сестре Анне 3 и самому маленькому один месяц. Больше я своего папу не видела. Папу приговорили к 10 годам лишения свободы, а за что?

Отбыл он свой срок в Горьковской области, ст. Сухобезводная. Мы переписывались до войны, а затем связь прервалась. Жили мы с тех пор очень тяжело. Наш отец умер в тюрьме 31 июля 1942 года. Но на этом наши несчастья не закончились. Пришел еще один страшный год – 1941. И российские немцы стали неблагонадежными. Тогда нас решили послать

подальше. В сентябре 1941 года в сельсовет пришло указание о депортации всех жителей в Сибирь. Все семьи были предупреждены о выселении за три дня. Каждой семье предоставили одну подводу. 7 сентября к нашему дому подъехала телега, мы сложили самое необходимое и поехали на станцию Медведица. Все проходило спокойно, без суеты, без криков и рыданий, но я запомнила молчаливые слезы своей мамы. На станции всех посадили в товарные вагоны по 90 человек в каждый. Мы ехали в другую жизнь долго, 22 дня. Ехали под конвоем. Кормили один раз в день горячим супом и 200 граммов хлеба.

Конечная станция – Тюмень, а затем на барже по реке Тобол с заходом в населенные пункты, в которых по списку отправляли на берег. Нас высадили в деревне Кулига (Редькино). Местные жители встретили нас хорошо, мы сняли полдома, а через три дня пошли работать. Надо было зарабатывать «на

хлеб». Я со старшими братьями перекапывала огороды, т.е. урожай уже был собран хозяевами, а нам разрешили вновь перекопать и собрать оставшиеся. Это нам очень помогло в первую зиму. Так началась новая жизнь.

Но мы не знали, что нас ждут новые испытания. В 1942 году забирают старшего брата Егора в трудовую армию и отправляют в Свердловск. В 1943 году меня забирают и отправляют в Златоуст. В этот город из нашего села приехало 65 женщин в возрасте от 17 до 40 лет. Все мы жили в одном бараке, работали на одном военном заводе (им. Ленина). Мне тогда было 18 лет.

С 1943 года живу в Златоусте. Вот такая у меня судьба. Репрессировали моего отца, сослали всю семью. Свободным человеком я стала лишь в 1956 году, да и то не до конца.

«Не может быть забвения...» Статьи, воспоминания, биографии. Златоуст, 2013

ZAVODFOTO из ЖЖ: Из серии «Заброшенные заводы»:

КВАРЦЕВЫЙ ШИХАН

Скала Шихан состоит сложена твердыми кварцитами, поэтому уцелела от природного разрушения, хотя ей несколько сот миллионов лет. Название «Шихан» — в переводе с тюркского на русский — островерхая возвышенность, бугор, гребень высоких гор.

mishainik.livejournal.com © 2012

Природа происхождения Шихана такая же, как у курумов и руинных рельефов Нургуша, Голой сопки, Столбов и Медведей.

Величина кварцитового останца с 4—5-этажный дом. На нем почти нет растительности, а на самой верхушке имеется ровная площадка, как бы специально устроенная для обозрения окрестностей.

Мимо Шихана проходит дорога от Рудничного на Бакал, но она закрыта по причине хищения металлолома.

Северная сторона Шихана отвесная, с южной достаточно пологий склон.

С 1961 года скала дважды объявлялась памятником природы и дважды исключалась из этого списка. Так что если будет высокая потребность в кварците, то Шихан может исчезнуть.

В 1941-1946 годах рядом с каменным останцем Шихан, у его северной стенки, имелось небольшое кладбище, где в этот период хоронили заключенных 15-го отряда Бакаллага НКВД СССР, 8-го отряда Бакаллага, жителей Успенского поселка и трудмобилизованных киргизов и таджиков. Следы кладбища проявились, когда в 1971 прокладывалась новая автодорога около скалы Шихан, в настоящее время кладбище засыпано отвальными породами.

Рядом находится уникальная кварцитовая пещера, которую, к сожалению, не было времени посетить.

<http://mishainik.livejournal.com/76899.html>

БУРАН (рассказ)

«В безглазой, полной холода степи,
Где нет дорог, там к смерти все пути».

А. Степанов

Приглушенный лай собак она слышала уже давно, еще утром, когда сквозь пелену пурги справа от себя она на миг увидела очертания небесного светила.

О, каким оно, это светило, бывает жарким в знойные летние дни, когда ты в поле сгибаешься над длинными грядками моркови, вручную пропалывая и прореживая нежную зелень с чуть заметными корешками. А каким нежным оно бывает, когда, искупавшись, ты выйдешь из студеной речки и приляжешь на чистый песочек или нежную травку. А еще оно бывает неприветливо холодным, вот таким, как теперь в этой зимней бескрайней казахской степи.

Бывало и дома, на Волге, ей приходилось бежать пешком по морозу за семь километров в кантонный центр в школу, а потом, под вечер – обратно. Хорошо, если ветер в спину, тогда бежишь, подгоняемый им, и дорога не кажется такой долгой, а мороз – таким жестким. Но если он несет навстречу ледяные иголки, впивающиеся в нос и щеки, до боли хлещущие по глазам, выбивая слезы, – тогда дорога становится бесконечной, приходится периодически отворачиваться, брести спиной вперед и падать, зацепившись каблук за снежный бархан.

Сначала, оказавшись с остальными попутчиками брошенной среди степи, она со всеми вместе пыталась что-то предпринять, найти укрытие, утеплиться. Но поблизости не оказалось никаких материалов для строительства, ни оврагов, ни нор. Выбившись из сил, люди стали находить небольшие углубления и набиваться в них по несколько человек, чтобы согреться хоть чуть-чуть друг от друга.

Катя сначала тоже пристроилась к одной из групп, но почувствовала, что замерзает, встала, попыталась кое-кого убедить, что ложиться нельзя, это – верная смерть. Надо идти – может найдется место получше, какое-нибудь строение, овраг, деревья, где можно будет укрыться от холода и ветра, что-то построить. Но ее, если и поддержали, то не могли последовать. Женщины все были обременены малыми детьми, к тому же не так уж тепло одетыми: их приходилось, как цыплят брать в охапку, прижимать к материнскому телу и приседать где-нибудь, в ямке, подставив ветру свою спину. Старики тоже понимали, что стоять, сидеть или лежать на мерзлой земле, прожигаемой студеным ветром – глупо, но у стариков силы давно кончились. Был

один молодой и сильный мужчина, но он был безногим инвалидом, еще не научившись ходить с костылем, на который опирался. Нога его осталась на фронте, с которого он был комиссован на второй месяц войны.

Старики и женщины Кате сказали: «Иди. Вдруг наткнешься на людей. И сама спасешься, и, даст Бог, нам пришлешь помощь...»

И вот она идет, а собаки уже сутки лают где-то, то спереди, то сзади, то слева, то справа. Или она закружилась, или ей мерещится. Иногда вдруг слышится волчий вой.

Их, выселенных из АССР Немцев Поволжья, долго мариновали на степной станции в каком-то сарае. Другие команды быстро куда-то отправляли, а их все морозили в этом сарае, кормили кое-как...

Да, еда. У нее давно ничего во рту не было, кроме снега, кружащего немислимыми завихрениями. Она нащупала в кармане последний сухарик величиной с пятикопеечную монету. Съесть, или оставить пока?

Когда их, наконец, вызвали и приказали сесть на громадные сани, прицепленные к трактору, многие облегченно вздохнули – хоть какая-то определенность, привезут, устроят, дадут работу, – начнется жизнь

Катя остановилась, – кружилась голова, подкашивались ноги, пальцы рук и ног не ощущались вообще, все тело было как ледышка. Хотелось лечь и уснуть. Сколько суток она не спала и даже не сидела!

– Не-ет! – в ужасе закричала она, остановив себя от рокового поступка: она чуть

было не села. Надо шевелиться, идти, идти и идти, ведь лают же где-то рядом эти собаки. Лай этот и обнадеживает, и доводит до отчаяния.

Везли их не очень долго, часа три. Остановились среди степи. Комендант, или – кто он там, вылез из кабины трактора, размялся, посмотрел по сторонам, зябко поежился, удовлетворенно чему-то хмыкнул и повернулся к саням. На него были устремлены несколько десятков пар женских и детских глаз, напряженных взглядов.

– Стано-вись! – по привычке зычно командовал он.

Пока люди сползали с саней, становились спиной к ним, лицом к нему, он продолжал разминаться, прохаживаясь в новых, не растоптанных валенках, прихлопывая руками в меховых рукавицах. Руки зябли, да и вообще, неуютно в пустынной степи зимой, хоть и одет

ты в теплый полушубок и почти нет ветра, но мороз пробирает до заслуженных костей. И зачем ему эта морока, с этими людишками, лопочущими что-то на своем противном языке. Сидеть бы сейчас в теплой канцелярии. За что ему такое наказание – который месяц возить-ся с какой-то немчурой. Одно утешение – на фронте, пожалуй, похуже бывает.

– Раз, два, три... – стал он пересчитывать груз, доставленный к месту назначения. А может, и не сюда нужно было привезти их, – с сомнением поглядывал он по сторонам. Но прочь сомненья: по времени в пути – все точно! Досчитав до конца, посмотрев в бумагу и поняв, что сбился все же со счета, он осмотрел нестройный ряд и махнул рукой – пересчитывать, мол, не буду, обратно еще тащиться, сколько времени, дай бог к ночи поспеть, дни-то все короче.

– Слушай меня, – крикнул он по привычке, хотя и так стояла гробовая тишина, даже грудные дети помалкивали. – Здесь будете обу-страиваться, нароете землянок, будете жить и работать. Еда на первое время есть у каждого, а там подвезут. Не вздумайте бежать. За побег – знаете, что будет. Все! Расходись!

– А лопаты, доски – где? – решительно произнес одноногий, одетый в солдатское обмундирование.

– Доски? – вздрогнул он, подумав что-то свое, – да, лопаты, – все еще растерянно повторил комендант.

Но замешательство его было произвольным и мгновенным. Он действительно забыл приказать загрузить самое необходимое для строительства землянок сразу же как вышел из теплого помещения комендатуры. Но не показывать же этим свой промах.

Будут вам лопаты, все будет, сейчас привезут, – прокричал он, вскакивая в трактор, – трогай! – приказал он трактористу.

Люди смотрели вслед уезжающему трактору, а по степи все усиливалась, и усиливалась поземка...

Постояв немного. Катя медленно двинулась дальше, внимательно прислушиваясь, откуда донесется лай. И вот он послышался, теперь – справа, она повернулась и осторожно, шаг за шагом пошла в том направлении, стараясь делать обеими ногами одинаковой длины шаги. Лай повторился, – Катя уверилась в правильности курса. Медленно преодолевала она пространство, ничего не видя перед собой. Иногда ветер вдруг стихал, и ей казалось: что-то чернеет вдалеке, она успевала подправить направление движения, и снег, движущейся стеной, снова преграждал обзор.

В тот день никто не приехал. К вечеру разыгрался настоящий буран, – в трех шагах ничего не увидишь. Все сбились в кучу, – обогрелись друг об друга, укрывшись всем имеющимся: одеялами, пологом, плащом... Благо, южный ветер вместе со снегом и песком принес от-тепель, но сам пронизывал так, что ужлучше бы морозец, только без ветра.

На второй день тоже никто не приехал. Если

кто-то и делал такую попытку, навряд ли добился успеха: следы все замело, ориентиров в степи никаких.

Некоторые люди, сбившиеся в кучи, груп-пы, уже не двигались – «согрелись» навечно, много ли надо голодной матери, одетой в тонкую пальтушку, и ее детишкам, чтобы степной кинжальный ветер сковал мышцы в комочки льда и остановил сердечки...

Перед Катей вдруг выросла глинобитная стена, вдоль которой пролетали снежинки и прокатывались клубки перекасти-поля. Ветер внезапно стих, будто ждал, когда эта настыр-ная девчонка выберется из снежной кутерьмы, дойдет до цели. Но ноги вдруг подкосились, и Катя с ужасом поняла, что ей никак не преодолеть это последнее препятствие.

...Там, среди оставшихся в степи, у Кати родных не было. Она здесь оказалась одна. Отец был на фронте, может быть, погиб давно, ведь у самой границы служил: маму с братишкой она потеряла еще осенью на станции «Турке-стан», где было столпотворение из ссыльных. Здесь выдавали пайки, сортировали команды... Здесь она и отстала от своих, стоя в какой-то очереди, а их в это время усадили в очередной эшелон и увезли куда-то на северо-восток, толи в Казахстан, толи в Сибирь...

Прошло долгих пятнадцать лет. Многие из-менилось в мире. Катина жизнь текла руслом, о котором никто из ее довоенных близких не мог бы себе и предположить. Будучи поволжской немкой, изучавшей русский язык только в школе и с трудом владевшая им, она теперь стала неотличимой от окружающих казашкой. Всему, что она теперь знала и умела, Катю обучили приютившие ее бездетные старики-казахи, охранявшие степные кошары с овцами. Они всю свою долгую жизнь прожили на отшибе, отчужденно, не вникая в суть происходящих в мире событий. В молодости работали на бая возле этих же кошар, потом на смену баю пришел председатель. Для них почти все осталось по старому, только посытнее стало. Новая власть была им по душе.

О том, что где-то идет большая война, старики без интереса узнали из чужих разгово-ров об отправке парней на фронт. И вот, в начале первой военной зимы Аллах послал им девчонку, не умевшую говорить. Она, правда, что-то пыталась объяснить, когда от-таяла, после того, как обеспокоенный сильным лаем собак, бабай пошел обходить кошары, вооружившись старым ружьем и взяв самого свирепого пса на поводок. Пес-то и обнаружил полузасыпанную снегом девчонку.

Старики долгую зиму учили ее всему заново. Она оказалась покладистой и восприимчивой ученицей. К весне она уже складно лопотала по-казашки, умела делать многое по хозяйству так, как умела и учила апай.

Летом кызымочку увидели люди, но на расспросы никто ничего не добился. Сама она непонимающе разводила руками, а старики только и могли сказать:

– Аллах послал.

Теперь, через пятнадцать лет, она стала статной женщиной, на которой ладно сидели любые национальные наряды. Муж, Камалдин, души в ней не чаял, детишки любили и боготворили.

Старики, выдав Катю замуж, оставили ей и ее мужу в наследство все свое хозяйство. Дождавшись первого внука, бабай ушел из жизни, апай поводилась еще и со вторым.

В это время начали пахать вокруг степь.

«Целина». Это слово было у всех на языке. В разгар пахоты вдруг прошел слух, что в степи обнаружили много человеческих костей, все больше детских. Но говорилось об этом шепотом. Катия, как и все, слушала, качала

головой, цокала языком. Приезжали люди в форме и в штатском, задавали вопросы. Но никто ничего не знал. Там выкопали яму, свалили в нее все, что нашли, зарыли и стали пахать дальше.

Прошло еще сорок лет. У Катии большая дружная семья, семеро детей, тридцать три внука, есть и правнуки. Апай Катия, лежа в своем закутке и чувствуя, что отведенные ей Аллахом дни сочтены, рассказала все о днях своей юности и обо всем, пережитом ею. С удивлением, интересом и даже ужасом слушали ее те, кому она дала жизнь, кто унаследовал ее стать, хозяйственность и жизненную мудрость...

Совершенно секретно

СПРАВКА ПО ВОПРОСАМ, ЗАТРОНУТЫМ В ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКЕ НАЧАЛЬНИКА ПРИЕМНОЙ МГБ СССР ТОВ. ПОЛУБОЯРОВА, КАСАЮЩИМСЯ ЗАЯВЛЕНИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

27 сентября 1951 года

а) Дети выселенных по решениям Правительства навечно спецпоселенцев с семьями до 16-летнего возраста состоят на посемейном учете, а по достижении 16 лет они берутся на персональный учет.

Таких детей очень много, и для освобождения их с мест поселений требуется решение Правительства.

Дети спецпоселенцев, оказавшиеся сиротами в местах поселений, беспрепятственно передаются на попечение родственникам, находящимся только в местах поселений или определяются в детские дома.

б) Действительно имели место факты взятия на учет спецпоселений родственников спецпоселенцев, прибывших в места поселения добровольно.

Такие лица из спецпоселений освобождались Особым Совещанием при МГБ СССР.

Однако 22 сентября с. г. дела на родственников спецпоселенцев были сняты с рассмотрения Особого Совещания.

По затронутому вопросу требуется указание руководства МГБ СССР.

в и г) Снятие с учета спецпоселений бывших жен спецпоселенцев, не принадлежащих к выселенным национальностям, расторгших брак, или мужа их умерли на поселении, и вышедших после этого замуж за лиц, не являющихся спецпоселенцами, рассматривается 9 Управлением МГБ СССР в каждом отдельном случае, с последующим направлением этих дел в Особое Совещание.

д) Передвижение в местах поселений взрослых детей спецпоселенцев в связи с учебой, вступлением в брак, разрешается внутри республики, края и области МГБ-УМГБ, а за пределы – 9 Управлением МГБ СССР.

По вопросу разрешения выезда взрослых детей спецпоселенцев за пределы мест поселений и в режимные города – требуется решение Правительства

е) Строгий режим в местах поселений для спецпоселенцев установлен в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года и постановлением Совета Министров СССР № 3077-1286 сс от 14 июля 1950 года.

Выезды спецпоселенцам на лечение в районные, областные и республиканские лечебные учреждения разрешаются МГБ-УМГБ в пределах мест поселений.

Выезды по указанным и другим причинам за пределы республики, края, области и в районы, не являющиеся местами поселений, разрешаются в необходимых случаях МГБ СССР.

В работе по ссылке, высылке и спецпоселению имеется много и других не решенных вопросов, в связи с этим 9 Управлением подготовлены проекты положения о ссылке и высылке, положения о спецпоселениях и инструкции по режиму для спецпоселения, ссыльных и высланных, которые были доложены руководству МГБ СССР, а также готовятся соответствующие проекты решений Правительства.

**Зам. начальника 9 управления МГБ СССР полковник В. Шиян
ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Лл.218-219.**

Вячеслав Токарчук

ПРЕДАНЫ ЗАБВЕНИЮ. ЭТОТ АД НАЗЫВАЛСЯ ПРОСТО – ТРУДАРМИЯ

В марте 1942-го, трудармейцы из числа советских немцев начали строить Челябинский трубопрокатный завод. В эти дни в уральский город стали прибывать первые эшелоны с российскими немцами-трудармейцами. Тысячи репрессированных, выселенных из родных Поволжья, Крыма, Донбасса, строили под дулом автомата и в самих нечеловеческих условиях почти все промышленные гиганты в этом регионе. Только на строительстве знаменитого Челябинского металлургического завода, одного из важнейших градообразующих предприятий, было задействовано свыше 25, а по последним оценкам – до 50 тысяч немцев.

Нижнетагильский металлургический комбинат, Бакальские рудники, шахты Копейска Опухшие от голода и холода мужчины и женщины из разорванных в клочья семей строили железную дорогу, валили лес. Однако их вклад в строительство советской экономики предан забвению. Намерено. Этим людям и их трагических судеб как бы не существовало.

Челябинский трубопрокатный, о котором пойдет речь в нашей заметке, как мы уже сказали, тоже строили немцы. Этот промышленный гигант возводился руками изнуренных военнопленных и репрессированных немцев Поволжья. Среди несчастных людей было немало женщин.

В одной из женских бригад оказалась героиня нашей публикации – Наталья Федоровна Яркова, урожденная Гейхвальд. Аббревиатура ЧТПЗ четырьмя гвоздями на всю жизнь вонзилась ей в душу, поэтому от интервью она отказывалась долго.

Многоквартирный панельный дом на улице Масленникова. Всего три минуты ходьбы до заводоуправления ЧТПЗ. Здесь одиноко живет больная женщина – живет на ничтожную тысячу рублей пенсии. Хоть и имеет она льготы по реабилитации, проку от них мало. Экономить приходится на всем - даже на лекарствах, без которых не выжить. ..

28 августа 1941 года вышел указ Верховного Совета СССР о выселении и депортации советских немцев под провокационным предлогом «пособничества германским войскам».

Многие выселенцы умерли еще в дороге от голода, так как по приказу НКВД у них отобрали все имущество. Сталинизм вынес жестокий и незаслуженный приговор целому народу, веками жившему в России и искренне считавшему ее своей родиной.

Изгнанников ждали долгие годы беспросветного каторжного труда. Трудармия. Слово

это вместило столько трагедий, что явление, которое оно обозначает, будут исследовать еще многие историки в будущем. Кто прошел через нее, свидетельствует, что это был ад на земле.

Женские трудармии были не менее многочисленны, чем мужские. Женщинам досталась каторга наравне с мужчинами – плюс гулаговский режим содержания. Обратимся к цифрам, которые иногда красноречивее любых эпитетов. 40 % всех советских немцев погибли в трудармейских лагерях. А по данным доверенной переписи населения, в СССР проживало свыше 1 миллиона 400 тысяч немцев.

- Нас называли фашистами, корили Германией и Гитлером, - говорит Наталья Федоровна, - А мы ведь были простые крестьяне, далекие от политики. В России родились и умерли наши деды и прадеды, и ни у кого из моих сельчан не было планов воевать против русского народа на стороне Гитлера. Мы вообще не хотели никакой войны, честно трудились и не думали, что станем «врагами народа».

Когда ее пришли выселять, у Натальи умерла бабушка, не пережившая унижений и разочарения. Родных больше не осталось: родители без вести пропали в самом начале войны, брат не вернулся из армии.

И вот осталась она сиротой, так в довершение всего военные из НКВД пришли отбирать дом и все имущество. Ее выселили последней из села Розенфельд Краснокутского района Саратовской области. По деревне ходили осиротевшие недоенные коровы. В дома вселялись новые жильцы. Приспели новоселы и в дом Натальи. Она вспоминает: в растерянности и ужасе случайно задела банку со сметаной, та разбилась на глазах у новых хозяев ее дома. Они сразу же донесли, что выселенка имущество напоследок крушит. Чуть не посадили

Собраться было велено в 24 часа, с собой почти ничего взять не разрешили. Месяц везли как скотину в товарняках, люди рядом с ней умирали от голода. Привезли в Алтайский край. Там она работала недолго, вскоре забрали в трудармию в Челябинск. Сказали – на три месяца, а оказалось – на долгие годы.

- Привезли нас в Челябинск в марте 1942 года, - вспоминает Наталья Федоровна. – До конца войны были на положении пленных, на работу и с работы нас водили под конвоем. Сколько было всего немцев на строительстве трубного, - не знаю, но не меньше тысячи. Крестьяне, учителя, врачи Кормили крапивой, давали по 500 г. хлеба, многие умирали от

голода и холода. Раздетые, на морозе рыли траншеи, готовили стройплощадки для будущих цехов. В одном из этих цехов, позднее, уже при Хрущеве, победоносно будет отлита труба со знаменитыми на весь мир словами «Труба тебе, Аденауэр!» Разговаривать, даже по сторонам посмотреть, запрещалось. Напротив нас работали военнопленные немцы, но общаться мы, разумеется, не могли. За малейшую провинность бросали в подвал, угрожали тюрьмой. А мы и так жили, как в тюрьме. Землянки наши охранялись надзирателями. Спали на нарах. Эти землянки находились на месте нынешнего пятого цеха, одного из главных цехов предприятия.

Работали без выходных, по 12 и больше часов. Дома в жилом микрорайоне вблизи завода построены нами. Помимо этого, нас пешком гоняли за десятки километров на строительство цирка. Какой уж тут цирк, никто из нас всерьез не верил, что все это когда-нибудь закончится и кто-нибудь из нас выживет вообще. Работали у нас в бригадах в основном одни женщины. Нередко нам приходилось вагоны разгружать, и отказаться было невозможно.

Но самый страшный эпизод моей тогдашней жизни, когда у меня рука угодила в пилораму. Врачи хотели ампутировать, но я не согласилась, только палец потеряла, а рука зажила. Потом перелом ноги случился, но все равно работала, лечиться не давали. В общем, пережили мы многое, а никто этого не помнит. Даже группу по инвалидности мне не дали.

Когда родила старшую дочь Валентину, то всего на месяц после родов освободили от работы. Мужмой, Семен Яковлевич, тоже трудармейцем был, только он не немец – русский. Угодил на войне в немецкий плен, а когда вырвался оттуда, подвергся репрессиям уже со стороны русских военных. Таких у нас в то время тоже гнали в трудармию».

В 1949 году Наталья Федоровна перешла на работу в заводскую больницу. Вплоть до 1991 г. работала санитаркой в инфекционном

отделении. И сколько себя помнит, всегда жила тяжело, особенно когда похоронила мужа. На помощь государства не рассчитывает и сейчас. Не забыть пережитых унижений, они крепко пропечатались в память до конца дней. По сути, советские немцы стали беспомощными заложниками в той войне. Ни в чем не повинные люди верили, что с ее окончанием издевательства над ними закончатся.

Но спецпоселения немцев просуществовали еще до 1956 г., а ограничения в выборе места жительства были сняты для них лишь в 1972 г., через три десятилетия после войны! Ежемесячно вплоть до 1956 года все советские немцы должны были ходить отмечаться в комендатуру. А коменданты были разными: многие изощренно издевались над немцами.

Однажды Наталье Федоровне едва удалось избежать тюрьмы: явилась к коменданту с опозданием. Отделалась большим по тем временам штрафом в размере 100 рублей, хотя лишних денег в ее доме никогда не водилось, так как воспитывали они с Семеном Яковлевичем уже троих детей.

Наталье Федоровне – восемьдесят. Сын у нее давно умер, старшая дочь тяжело больна, и постоянно требуются деньги на ее лечение. Есть еще младшая дочь, но, увы, она не может или не хочет проявлять заботу о матери. Да и спрос с нее невелик, потому что на прежнем месте работы попала под сокращение, а новую работу все никак не найдет.

И сейчас Наталья Федоровна одна из немногих трудармейцев, кто остался в живых из строивших Челябинский трубопрокатный, нуждается в помощи.

Но завод, который хорошо видно из окон Натальи Федоровны Ярковой, урожденной Гейхвальд, предал забвению эту черную страницу своей истории. И даже в заводском музее нет ни строчки об этих людях. Что уж говорить о материальной помощи и моральном долге перед ними.

ВАМБОЛЬД БЕРТА ГЕОРГИЕВНА (Из воспоминания)

«Я родилась в городе Ленкорань, Азербайджанской ССР в 1941 году. Наша семья была выслана в п. Журавлевка Кустанайской области. Ехали мы в товарных вагонах по 40 человек, спали на нарах. Когда нам объявили о переселении, велели всю живность сдать, а на дорогу мы себе сушили сухари. Когда приехали на ст. Тобол, нас погрузили на телеги. Мы были с юга, плохо одеты, теплой одежды и обуви не было, сидели на перинах и подушках, которые сумели прихватить из дома. Приехали в Журавлевку, нас выбирали местные жители на постой. Нашу большую семью из 5 человек никто не взял. Поселились мы в недостроенной землянке, без окон, а мороз был градусов 40.

Окна заделали одеялами, веревками и кольями. Пол был земляной и на нем оборудовали огромную кровать из подручных материалов. Когда утром проснулись, то она вся была в снегу и инее. Печь была, но без дров. Ходили в поле за полынью, этим и топили. Мама отморозила себе ноги. Тогда председатель взял нас к себе, где мы и жили на кухне. Мы так и жили две семьи. Соседи были очень добрые люди. Летом работали в колхозе. Мужчин забрали в трудармию в Златоуст. В 1947 году мы переехали к отцу в Златоуст».

**«Не может быть забвения...»
Статьи, воспоминания, биографии.
Златоуст, 2013**

**ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР**

№ 0077624

24 октября 1951 г.

(Извлечение)

Приказываю:

1. Объявить под расписку спецпоселенцам перечисленных категорий: немецкой, чеченской, калмыцкой, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымских татар, что они в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года оставлены на спецпоселении навечно.

2. Спецпоселенцам, работающим на (название комбината), объявить под расписку о том, что они в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года оставлены на спецпоселении до окончания промышленного и капитального строительства указанного комбината.

3. Остальных лиц, направленных на спецпоселение на основании Постановления ГОКО от 18 августа 1945 года сроком на 6 лет, по истечении 6-летнего срока от спецпоселения освобождать, кроме бандпособников. И осужденных по решению Особого совещания...

7. Вновь выявленных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских, не находящихся на спецпоселении, подвергать тщательной... перепроверке и в случае их активной преступной деятельности подвергать аресту и предавать суду.

Директива МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. отменяется, как утратившая силу.

Виктор Чигинцев

ГРАНИТНЫЙ КАМЕНЬ

«Потанино – рабочий поселок при одноименной железнодорожной станции ЮУЖД. Находится в муниципальной связи с городом Копейском. Расположен к северу от центра Копейска, на берегу озера Шелюгино. Рельеф – переход полуравнины в равнину (Зап.-Сиб. низм.); ближайшие высоты – 204 и 206 м. Ландшафт – лесостепь. К северо-западу находится озеро Второе, к северо-востоку – озеро Третье. В окрестностях также много мелких озер, болотистых участков. Расстояние до Копейска 8 км. Население около 8,8 тыс. человек (в 1926 году – 147 человек, в 1995 году – около 6,5 тыс.). Поселок основан в конце 19 века при железнодорожном разъезде во время строительства Сиб.ж.д. Назван, как и станция, по фамилии известного в те годы купца – подрядчика Потанина, принимавшего участие в сооружении ж.д.пути» (из энциклопедии «Челябинская область»).

Оставим на совести автора вкравшиеся в энциклопедический текст неточности. Сейчас о другом. О том, что поселок Потанино не перестает удивлять. Своей историей, до конца не исследованной. Уникальными археологическими находками. Живописными окрестностями в ожерелье озер. Месторождением трепела и фильтром диатомитовой взвести, чистящем озеро Шелюгино. Творчеством уже ушедших из жизни поэта Виктора Нечаева и краеведа Виктора Жмаева. Гранитным камнем на могиле военнопленных и интернированных немцев, умерших в военные и послевоенные годы. На шлифованном боку гранитного валуна выбита надпись на немецком и русском языках: «Памяти всех немецких женщин и мужчин, умерших в лагере для интернированных № 1083 п. Потанино в 1945-49 годах».

Чем больше знаем, тем хочется знать больше. Словно смотрим из окон проходящих по Транссибу пассажирских поездов. Промелькнул

за окном пристанционный поселок с пожарной каланчей, а на ней – огромный портрет Иосифа Сталина. «Что за станция такая?» - задавались вопросом те, кто прибывал сюда по великому Сибирскому пути. А иные из них, ослабленные тяготами дальней дороги, тяжелым трудом и скудной пищей, оставались навечно лежать в здешней земле.

- Этот гранитный камень, - говорит мой экскурсовод по местам захоронений немцев Петр Шифельбайн, - установлен на могиле-перезахоронении. Останки покоились на старом кладбище поблизости от поселка. Когда стали разрабатывать карьеры с глиной-трепелом для кирпичного производства, останки перенесли на новое кладбище, разросшееся в степи за послевоенные годы.

Петр Михайлович Шифельбайн – копейчанин, бывший учитель физики, сейчас постоянно живущий в Германии, но много времени проводящий в родном городе и поселке. Здесь

он работает над книгой о приключениях российских немцев на исторической родине. Книга обещает быть содержательной.

- Чем мне интересен родной поселок? – делится вслух мыслям Петр Михайлович. – В силу сложившихся обстоятельств здесь, в глухом ссыльном крае, а по меркам жителей Германии, вообще таежной глухомани, побывало много интересных людей. Мне, например, известны три печатных труда о поселке Потанино, изданных на русском и немецком языках. В одной из книг как раз и сообщается о портрете Иосифа Сталина на кирпичной кладке пожарной каланчи. Вышка стоит, а портрета давно уже нет. Меняются нравы, убеждения. Вот уехали мы в Германию, но я и сегодня не уверен, смогу ли там жить постоянно. Получается, что пока больше живу в родном Копейске, хотя в Германии семья – жена, дети, внуки. Так получается, что я не собираюсь отвыкать от России.

Недавно в Копейск приезжал твой приятель из Германии Бьерн Литдке

Да, приезжал. И ваша газета писала об этом. Опять же вы писали не «просто о приезде просто немца», а пытались понять: зачем ему надо найти могилу интернированной в войну тетушки Кристель, которая тогда была восемнадцатилетней девушкой. Понять – это интересно и важно. Почему мы стоим у этого могильного камня? Нам интересно. Почему профессор из Екатеринбурга Владимир Мотревич бывал здесь дважды? И почему российское представительство Народного Союза Германии

установило здесь, на степном кладбище, гранитный камень?

В своем исследовании о численности, дислокации, проблемах сохранности кладбищ военнопленных и интернированных в Челябинской области доктор исторических наук профессор из Екатеринбурга Владимир Павлович Мотревич утверждает, что у нас таких кладбищ 30 и три из них находятся в Копейске. Впрочем, если говорить о нашем городе, речь следует вести не о кладбищах, а о местах захоронений.

- Профессор называет точные цифры похороненных. Например, в нашей области эта цифра 2220 человек, - рассуждает Петр Шифельбайн. – Не говорю о всех, но хотя бы о погребенных в Копейске следует узнать больше. Почему на могильном камне, который в этой степи может пролежать века, нет никаких имен? Ведь у останков людей, что лежат под ним, были имена и фамилии. Вот я и считаю своим долгом пролить свет на эту тайну. По-прежнему люблю физику, но что мы значим без истории, краеведения? И то, что сегодня в местной школе возобновляет работу краеведческий музей, это хорошо. Вот лежит гранитный камень, содержащий информацию о Вселенной. Эту информацию можно расшифровать. Так и о поселке Потанино. Тайны копятя от краткости человеческой памяти, и их также следует расшифровывать. Что касается поселка, то его правдивая летопись еще сокрыта за семью замками.

Виктор Гринмаер

ДОЖИЛИ!

Осень 1955 года. У нас был праздник – нашим старшим братьям, кому исполнилось 19 лет, принесли повестки из райвоенкомата в призывную комиссию. Там, в Еткуле, им произвели медосмотр, оформили полагающиеся документы, выдали военные билеты, и повестки на призыв и отправили домой рассчитывать и прощаться на долгих три-четыре года с родными и друзьями.

Уже через неделю они должны были явиться на призывной пункт с кружкой и ложкой, остриженными волосами, уволенными с работы и с недельным запасом провианта. Приподнятое настроение и недоумение у наших немцев присутствовали в ту осень одновременно.

С одной стороны – они продолжали оставаться «под комендатурой», не смея открыто пойти в соседнее село или райцентр без разрешения на то коменданта, а с другой – парней «забирали» в армию. И ни в какую-нибудь «трудовую», а в настоящую.

Не важно, как потом оказалось, что большинство все же угодило в стройбат. Главное, что вместе с другими, а не отдельно, и не

под конвоем, как отцы и матери в жутком 1942 году, а воинскими командами.

Комендатура. Это слово висело над нами как пузырь с дерьмом, готовый в любую минуту лопнуть и обдать нас очередной порцией нечистот. Периодически наши родители обязаны были являться к коменданту в отделенческую контору, когда он наезжал к нам. Нас, ребятишек, сняли с учета год назад, а родители все «отмечаются». Это унижительная процедура. Весь поселок знал, куда идут немцы через десятилетие после окончания войны.

Такой пузырь исподволь осязает каждый российский немец старшего поколения до сих пор. Из него слышатся вопросы. Пронизывают взгляды. Ощущаются мысли И это не шизофрения. Это явилось одной из причин отъезда многих на стыке тысячелетий за рубеж. Куда угодно, только подальше от тех мест, где унижали, издевались над твоим человеческим достоинством.

Уже давно существовала дружественная Советскому Союзу ГДР в восточной части Германии, а мы советские люди обязаны были

находиться под строгим надзором органов как потенциальные преступники. Абсурдность такого положения была ясна всем кроме советских правителей и рьяных службистов из НКВД, а потом – МВД или МГБ. Один из таких походов к коменданту я попытался описать в рассказе «Надежда», вошедший в книгу «Жребий».

Раз такая новость, что наших парней призывают в армию, значит, скоро и комендатуру снимут, а там и домой, чем черт не шутит, на Волгу, дорога будет открыта. Так думали наши мамы и все наши знакомые, и мы вместе с ними. Размечтались! Но не такова она, наша Родина-Мать, чтобы признавать свои ошибки. А тем более исправлять их.

Оно, конечно, и здесь, на Урале не так уж плохо, если добровольно избрал эти места своей родиной, но жить в ссылке морально все-таки очень тяжело. Дома всегда лучше. Если даже и не лучше, но душевно комфортнее. Пусть оно иногда и голодное бывало это Поволжье, но до чего же оно родное, обжитое не одним поколением предков! Всем помнились родные поволжские городки и села, знакомые улицы, свои дома, предками и собственноручно отстроенные и покинутые почти пятнадцать лет назад. Такие настроения царили у нас в спецпоселениях в то время, в ту далекую теперь осень 1955 года.

«Вот и на нашей улице праздник», – слышалось звоном в ушах, хоть, возможно, и не произносилось вслух, а только читалось на радостных лицах и в сияющих глазах.

Проводы в армию отмечали тогда широко, с размахом, весело, как свадьбу. Наша мама не пожалела, запекла в русской печи несколько поросят, – вот была закуска на Володиных, моего брата, проводах!

Поросята-то конечно ни при чем, так же как и мы, советские немцы были ни при чем, когда на нашу страну напал Гитлер. Но жертвами той войны оказались в первую очередь и на долгие десятилетия мы, поколение за поколением, а за радость частичного и мнимого освобождения от репрессий пришлось отдать в жертву поросят. К тому же они чего-то запаршивели, и хоть они были упитанными и жизнерадостными, мама решила, что все равно не жильцы они на белом свете. Так пусть хоть радость принесут.

Настрой взрослых передавался и нам – детям. Мы готовы были ехать с родными в их родные места в любой момент, мы тоже были пронизаны этим настроением ожидания СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Мы, ребята, собравшись где-нибудь за огородами или в лесочке, пели-орали невесть откуда приблудившуюся к нам песенку:

Как товарищ Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надал ему пинков.

Или что-нибудь еще из подобного репертуара. Откуда они эти песенки к нам забредали бог весть. Несмотря на оттепель и разоблачения таких важных персон песни эти пелись втихую, но все их знали.

х х х

Никто не мог и подумать, что радость та была ой какой преждевременной и вообще необоснованной, надежды – несбыточными. Разве жможно было здравым умом придумать, что пройдет еще тридцать, а потом сорок, пятьдесят лет и еще годы и годы, а вопрос останется открытым, повисшим в воздухе. Вот и шестидесятилетие Победы с помпой отметили. Только настоящих фронтовиков почти не осталось, а жертв репрессий родного правительства еще ой как много!

Перемерут все, кто в далеком сорок первом были молодыми и пополнили ряды трудармейцев, состарятся их дети и тоже начнут уходить из жизни. Мало того, можно будет уже все, даже невозможное раньше – уехать за границу. А вернуться организованно в родное Поволжье так и не суждено будет никому из высланных оттуда по недоразумению, и их потомкам. Неорганизованно в последние времена кое-кто туда приехал, но радушия там не встретили. В первую очередь, со стороны властей.

х х х

Прошли годы. Мама все ходит и ходит на эти опостылевшие отметки к коменданту. У нее трое сыновей, будущей зимой родится четвертый ребенок. В мире изменилось многое. В стране – тоже. И комендант у них новый. Люди поют новые песни. Вот и сейчас из репродуктора весело несетя: «Ой ты, дорога длинная, здравствуй, земля целинная...» Многие ее родственники оказались как раз там, в эпицентре воспеваемых событий. Они-то и поднимут эту целинную землю. Только орденов за то не получают. Лишь для нее, для мамы, мало что меняется.

За пятнадцать лет она уже стала забывать обстановку своего дома, вид родной улицы и города Бальцера на Волге. Но больше всего на свете она хочет все-таки оказаться ТАМ. Она давно забыла свое «счастливое» по поверью – двойное имя, окружающие и не подозревают, какие перед ней открывались горизонты.

Все зовут ее просто Марусей, а не Марией-Катариной и хвалят за отличных телят, которых она, мастер швейного производства, теперь воспитывает.

Над миром стоит осень 1955 года.

Отрывки из книги «Всею вопреки»

**ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ЦК КПСС О СНЯТИИ С УЧЕТА УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ**

[Не позднее 12 ноября 1955 г.]

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Секретариата ЦК КПСС нами рассмотрено предложение о снятии с учета и освобождении из-под административного надзора органами МВД находящихся на спецпоселении участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями Советского Союза, членов семей лиц, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, преподавателей учебных заведений, женщин, вышедших замуж за местных жителей, не являющихся спецпоселенцами, женщин русской, украинской и других национальностей, не подлежавших выселению, но высланных вместе с немцами, крымскими татарами и другими, по признакам их супружеских отношений, которые в настоящее время прекратились, а также лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время находится участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, 54 176 человек, в том числе немцев 39 724 человека, крымских татар 10 177 человек, калмыков 3841 человек, чеченцев 7008 человек, ингушей 3825 человек.

В числе спецпоселенцев имеется членов семей лиц, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, 17 тысяч человек, женщин, вступивших в брак с местными жителями, более 30 тысяч человек, а также значительное количество женщин русской, украинской и других национальностей, выселенных вместе со своими мужьями, с которыми они в настоящее время прекратили супружеские отношения...

Учитывая, что в настоящее время содержание на спецпоселении перечисленных выше граждан не вызывается необходимостью, считаем возможным снять их с учета и освободить из-под административного надзора органов МВД без права возвращения на прежнее местожительство и требования жилых и других помещений, принадлежавших им до выселения.

Некоторое ограничение, предлагаемое нами, связано с тем, что возвращение снимаемых с учета спецпоселенцев на прежнее местожительство вызовет их претензии на принадлежавшие им ранее жилые и другие помещения, в свое время переданные колхозникам, рабочим и служащим, которые за последние 10 лет произвели значительные материальные затраты на поддержание и восстановление этих помещений.

В связи с этим считаем целесообразным обязать Министерство внутренних дел СССР обеспечить строгое соблюдение паспортного режима лицами, освобожденными из спецпоселения.

Проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР прилагаются [76].

П. Баранов, А. Горкин, К. Горшенин, С. Круглов, П. Ивашутин, А. Старцев

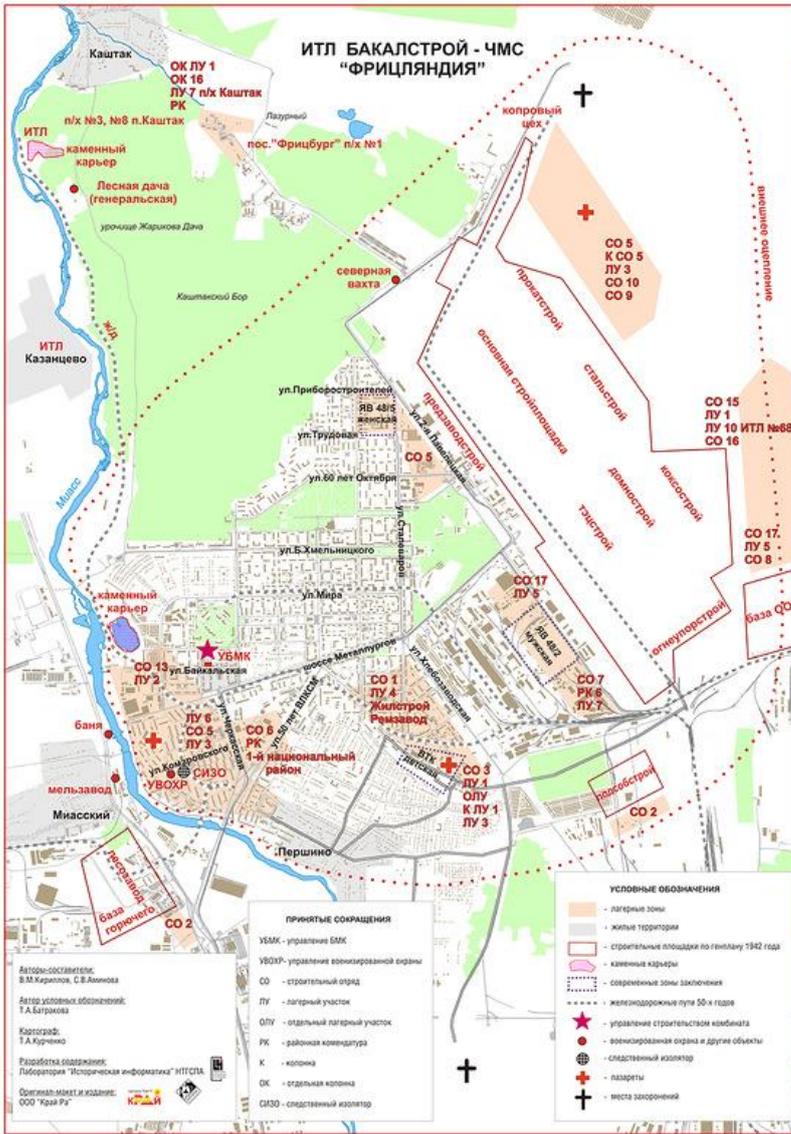
**«РЕАБИЛИТАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО МАРТ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1956 гг.
ДОКУМЕНТЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ»**

ПРИЛОЖЕНИЕ

План Бакалстройа

Медаль им. Камаровского

Строительство ЧМЗ (Бакалстрой). Бараки. Музей школы №96

Проходная под охраной сотрудников НКВД

Военнопленные строят улицу Мира (Металлургический район Челябинска)

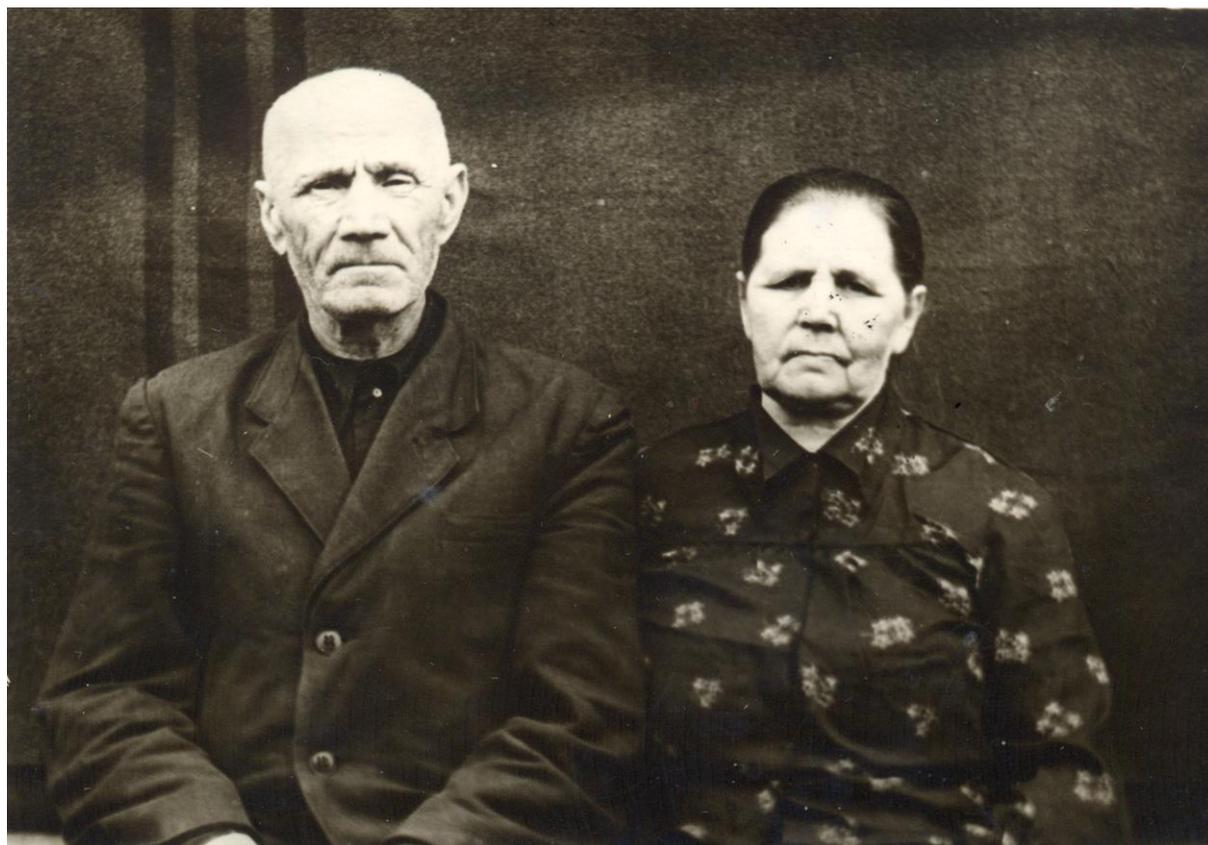
Трудармейцы: Анна Андреевна Фаст

Трудармеец: Генрих Самуилович Вагнер и его семья

Трудармеец: Генрих Самуилович Вагнер и его семья

Трудармеец: Губерт Михайлович Витлиф

Трудармеец: Альфонс Клементьевич Фраас

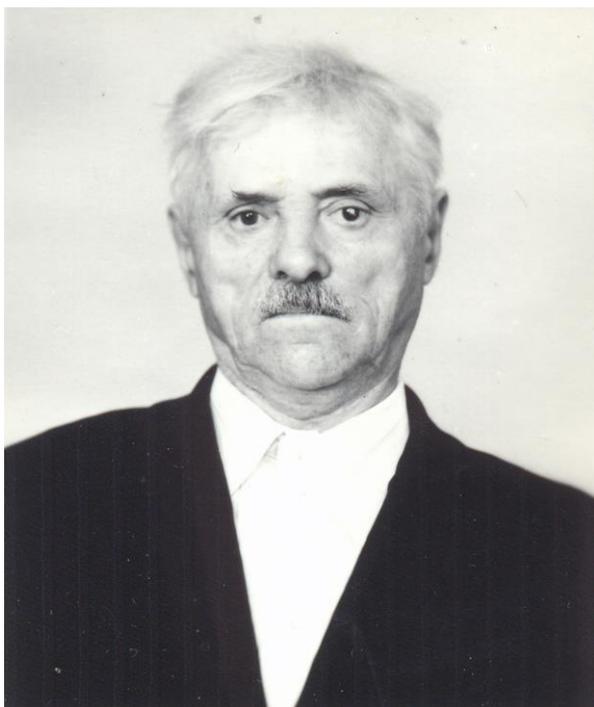

Трудармеец: Альфонс Клементьевич Фраас

В этих бараках у семьи Фраас родилось двое детей

Трудармеец: Иван Иванович Беккер

Трудармейка: Анна Валентиновна Вагнер

Иван Александрович, муж

Подружки

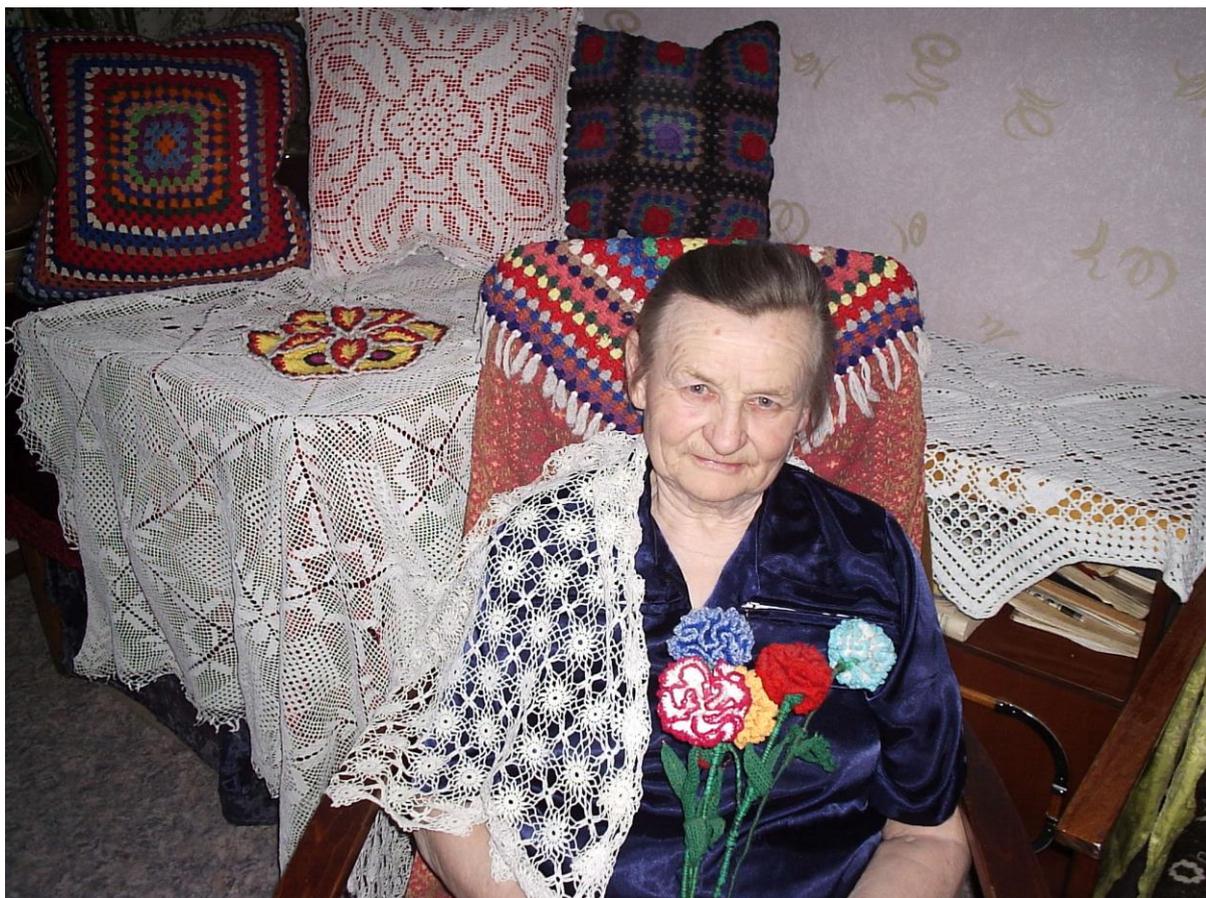
Трудармейка: Анна Валентиновна Вагнер

Дети

Альма Фридриховна Миссаль (Копейск)

Фото Владимира Вейса

Рукоделъе

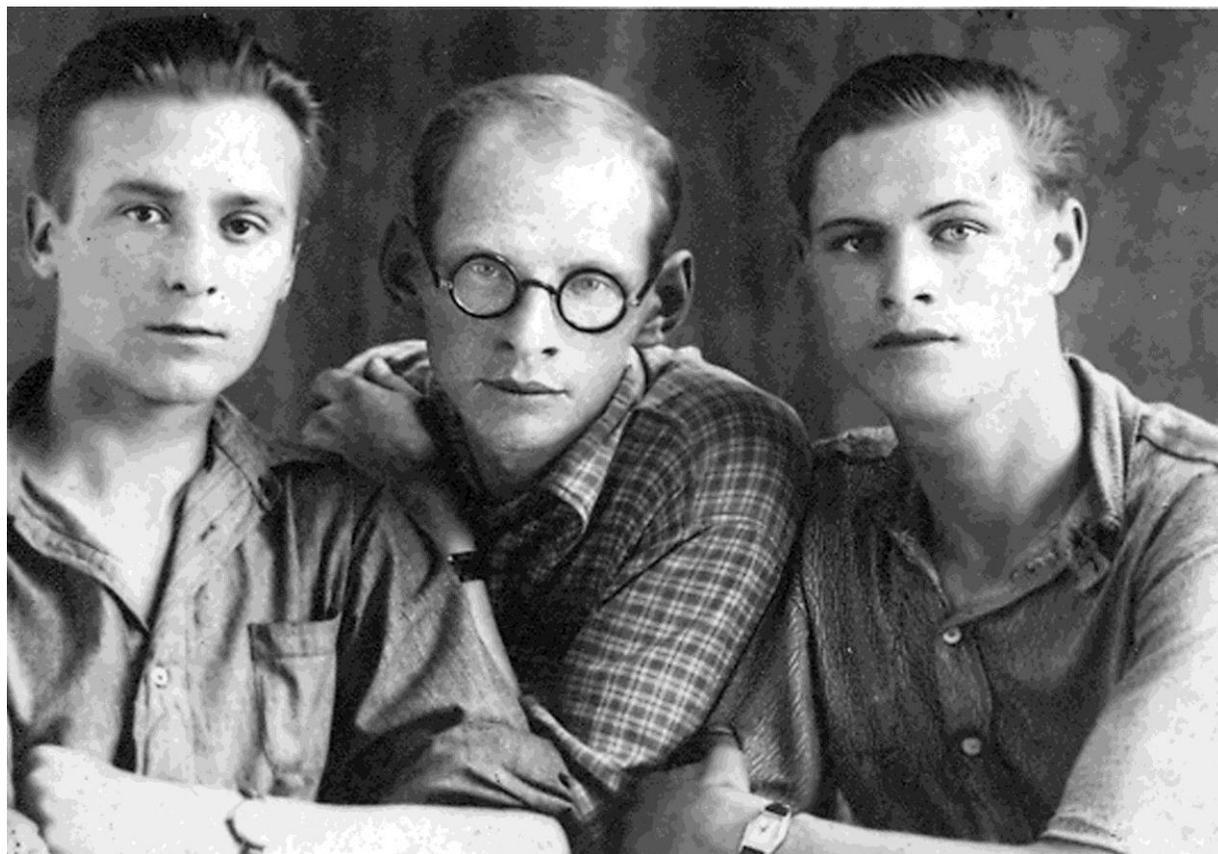

Трудармеец: Аркадий Эрнстович Валлох

С мамой

Трудармеец: Аркадий Эрнстович Валлох

С друзьями

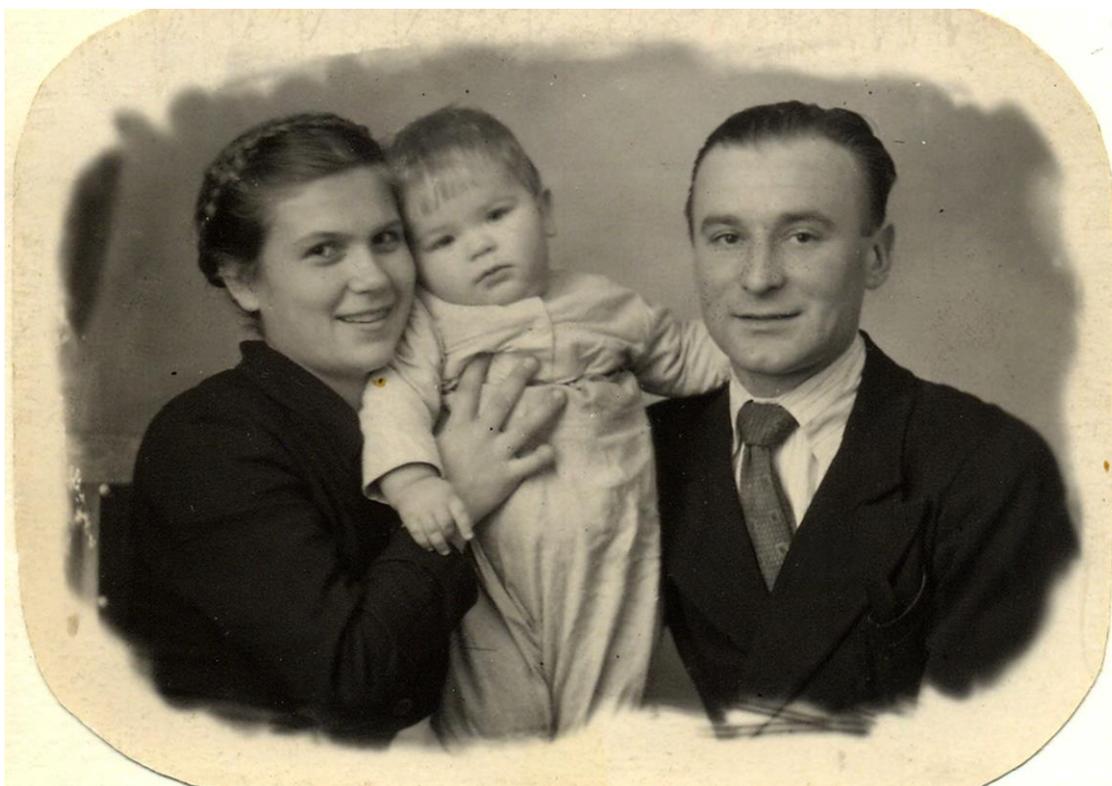

Валлохи и Гаары

Трудармеец: Аркадий Эрнстович Валлох

Аркадий Эрнстович и Ида Алексеевна

Трудармейцы

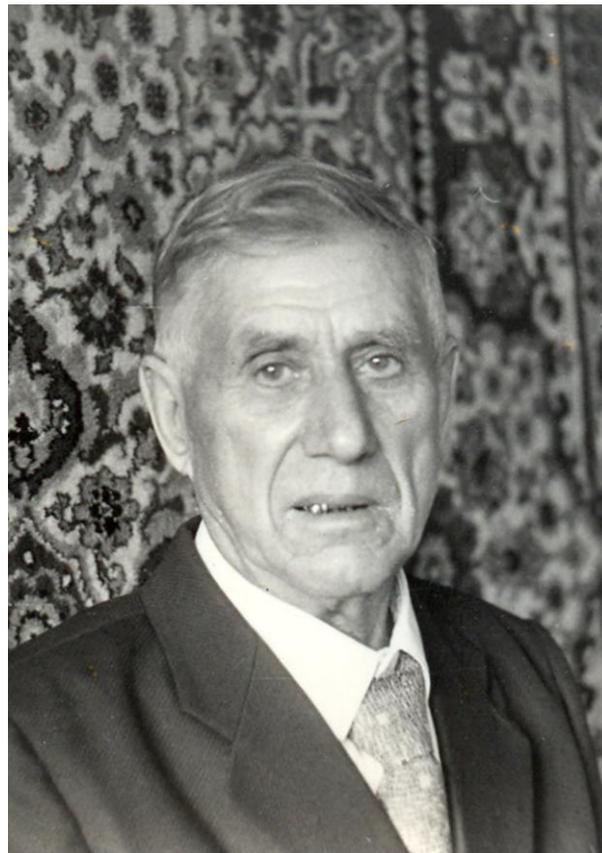

Виктор Кондратьевич Фром (в центре), справа Аркадий Эрнстович Валлох

Роман Шварц и супруга Мария Сорокина (крайние справа)

Трудармеец: Роберт Фридрихович Гаар

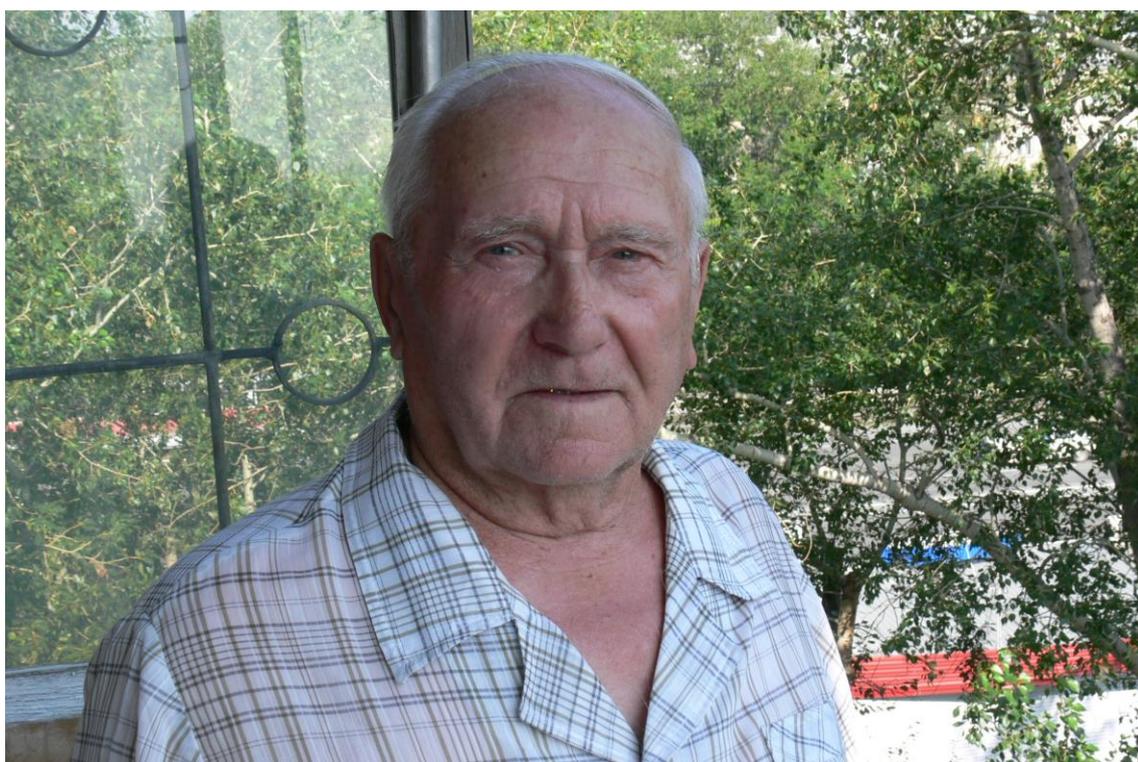
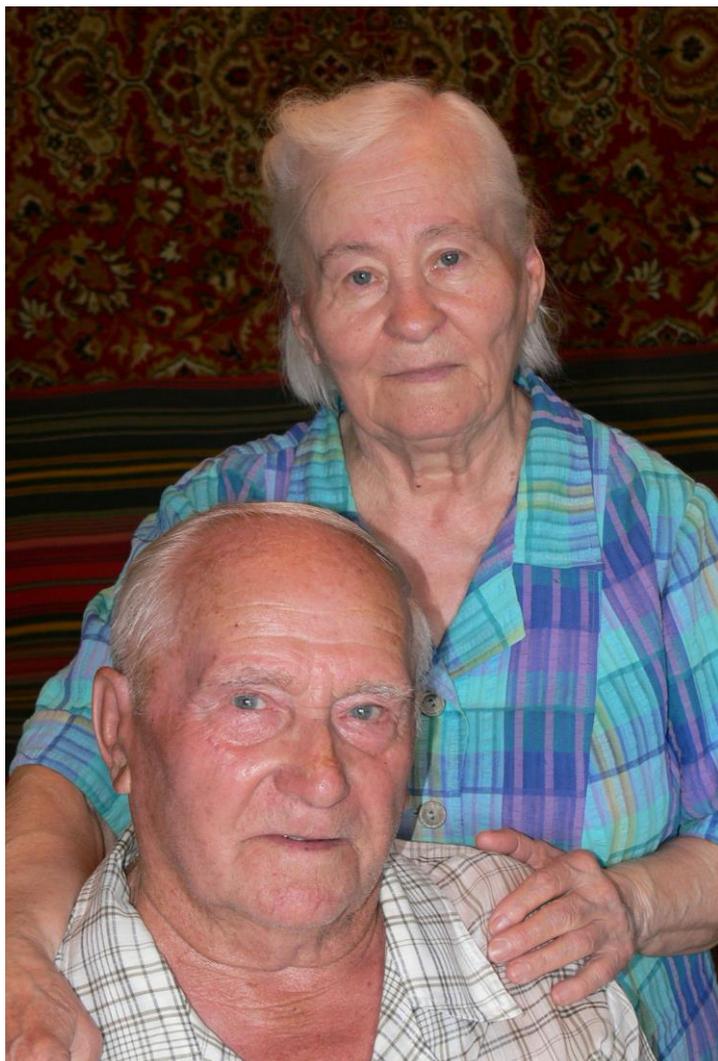

Семья

Трудармеец: Гаар Роберт Фридрихович

Трудармеец: Генрих Генрихович Фризен

Трудармеец: Генрих Генрихович Фризен

Трудармеец: Дрихель Роберт Самуилович

Трудармеец: Дрихель Роберт Самуилович

Из личного архива Миллера Александра Петровича: страницы истории

Из личного архива Миллера Александра Петровича: страницы истории

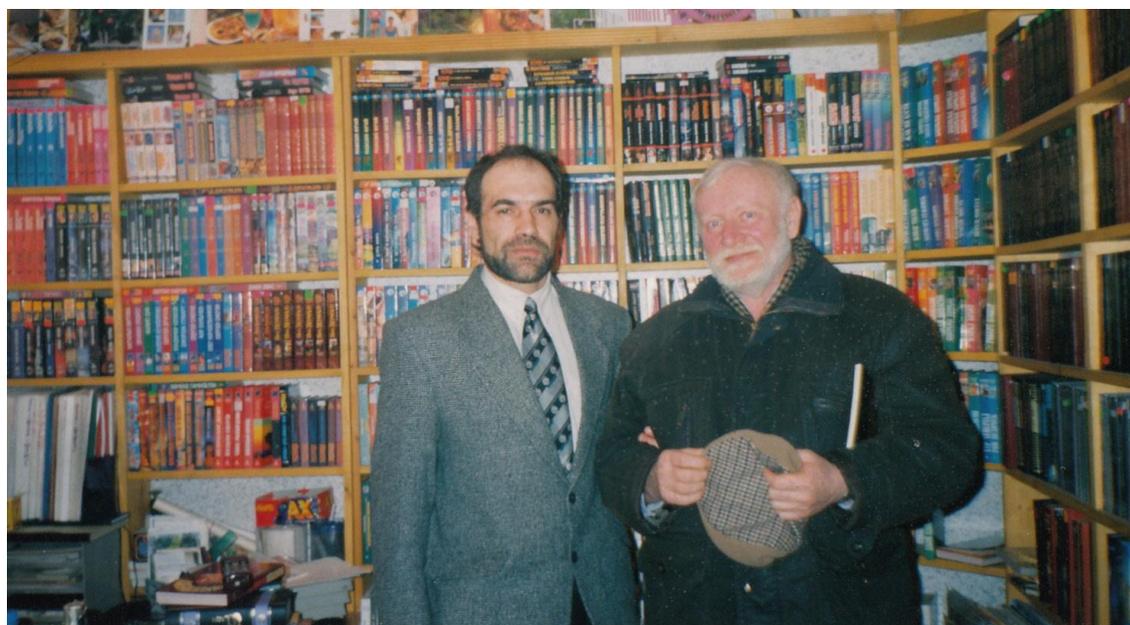
Из личного архива Миллера Александра Петровича: страницы истории

Из личного архива Миллера Александра Петровича: страницы истории

Из личного архива Миллера Александра Петровича: страницы истории

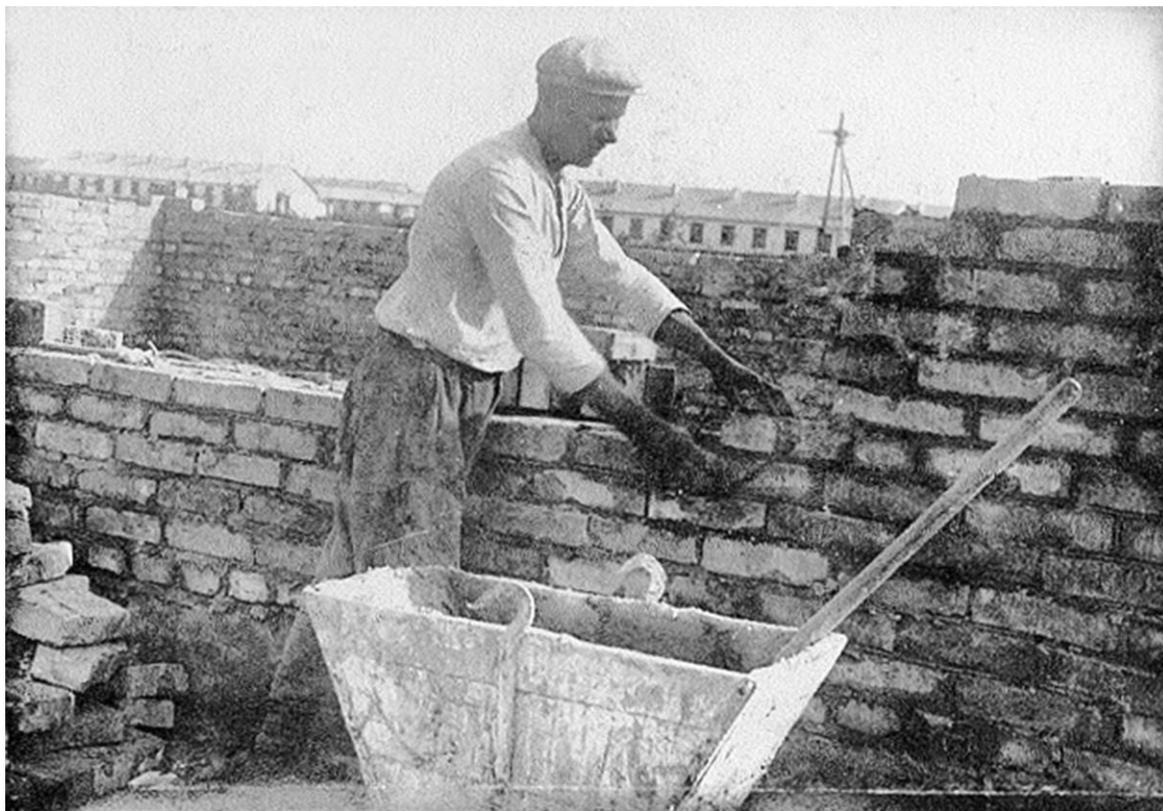
Трудармейка: Амалия Владимировна Миллер

Трудармеец: Александр Карлович Руш

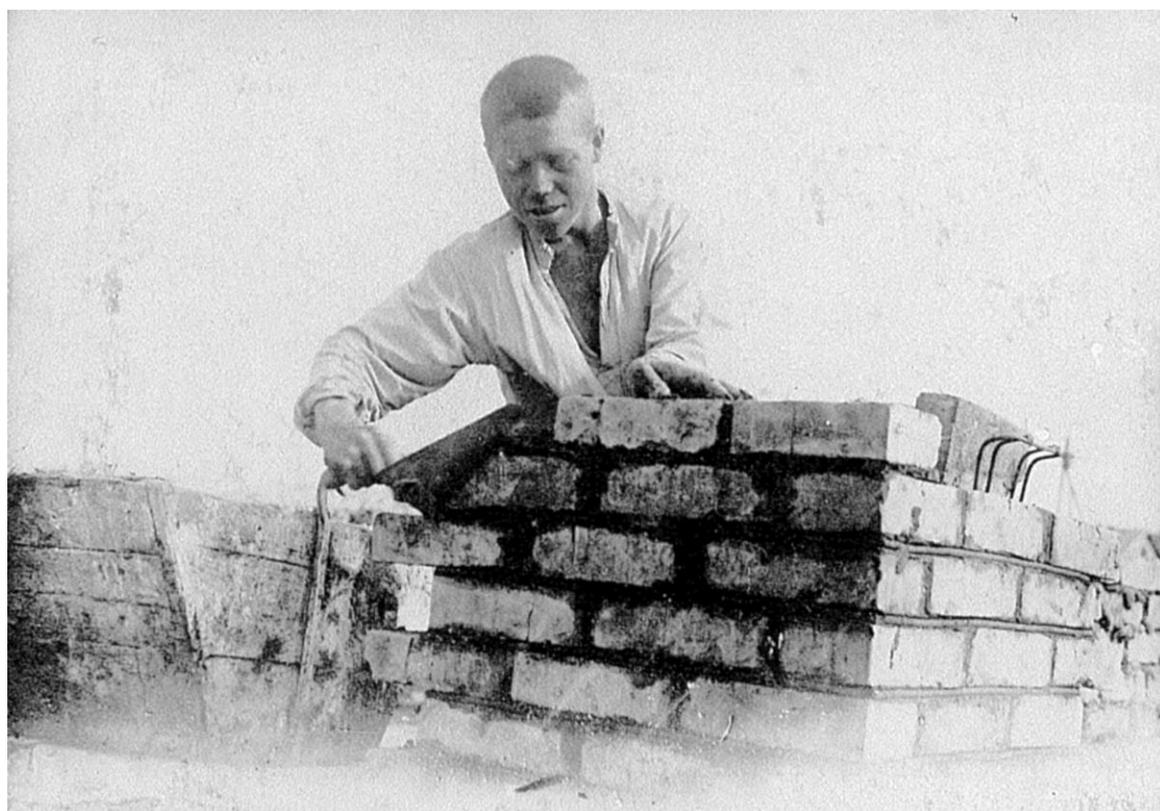
1. Трудармейские будни

2. Трудармейские будни

3. Трудармейские будни

Будни стройки ЧМЗ

Вход в лагерь НКВД в Челябинске

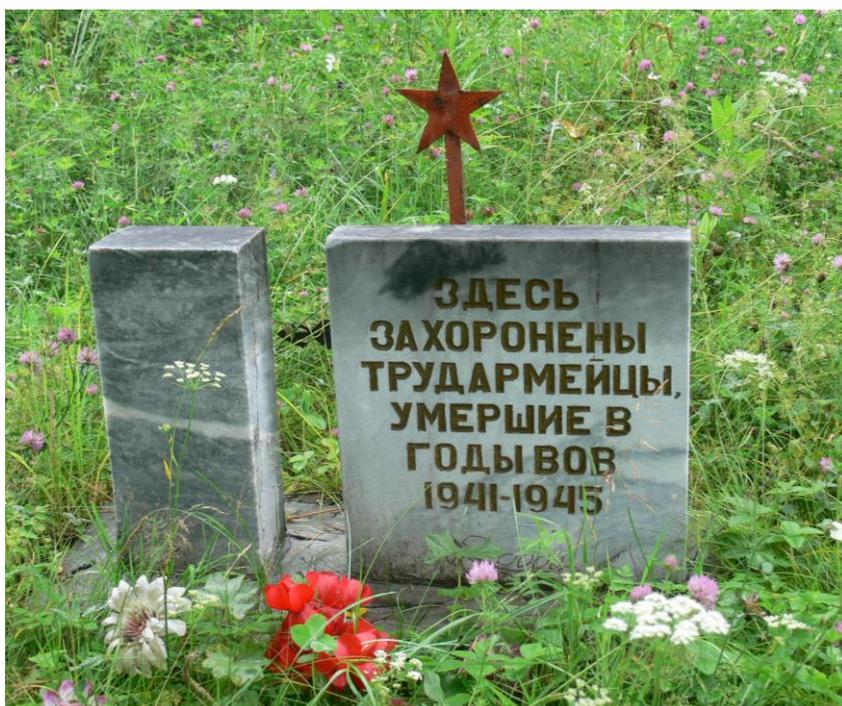
Виктор Иванович Пауль, фронтовик-трудармеец

Остались в памяти народной

По инициативе жителей села Шемаха (Нязепетровский район) и при поддержке главы поселения Павла Отставнова на сельском кладбище установлен памятный знак на месте захоронения трудармейцев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Имена и количество захороненных неизвестно.

Яков Андреевич и Мария Богдановна Суппес

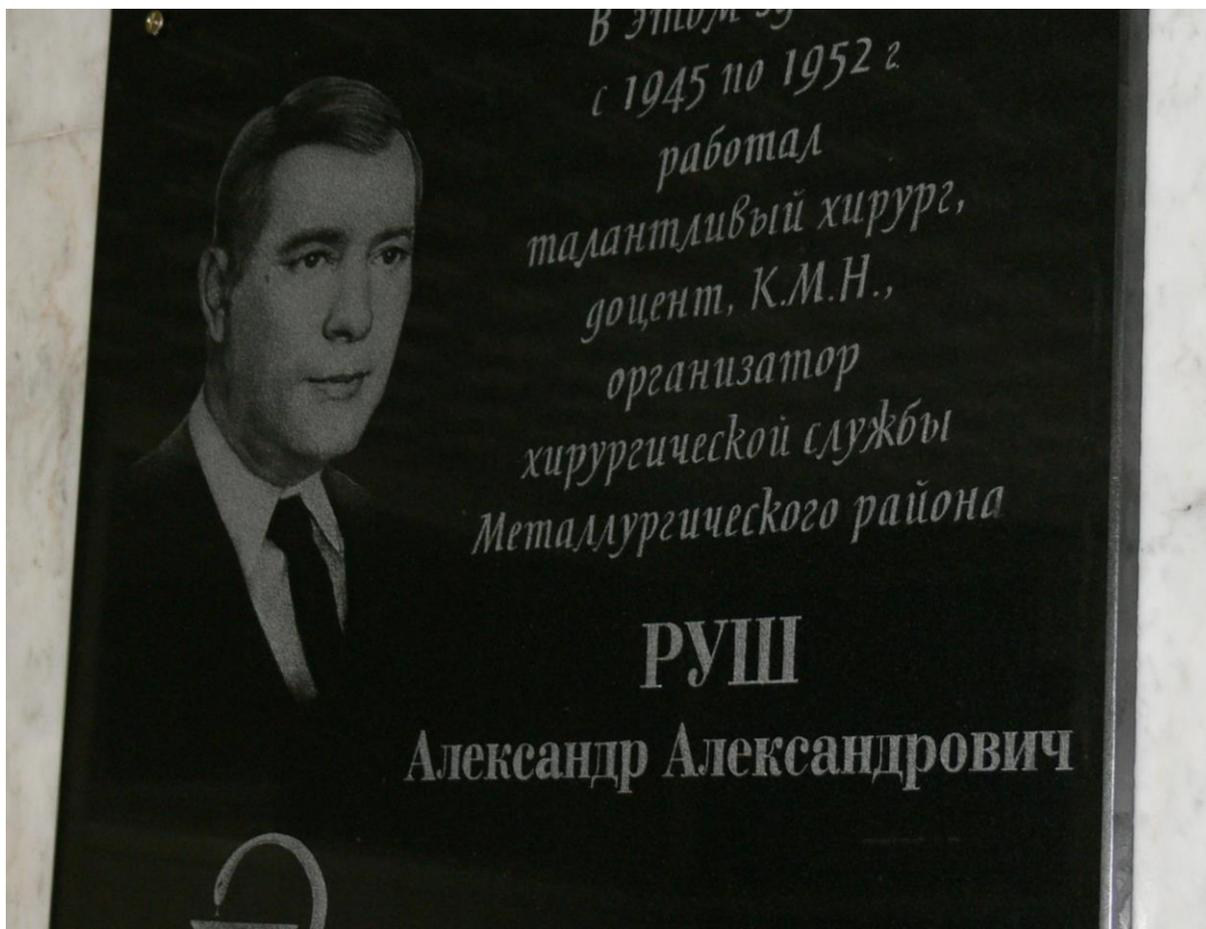

Гофман Густав Кондратьевич

Alexander A. Janzen 29.07.1915-18.06.1994 mit Anna J. Janzen geb. Fuchs 28.07.1920

Открытие мемориальной доски врачу.

Копейск, 1958 г.

Бараки Копейска

Трудармекец: Альберт Альбертович Шмидт и его семья

Трудармекец: Альберт Альбертович Шмидт и его семья

Трудармеец Альберт Альбертович Шмидт и его семья

Трудармеец: Альберт Альбертович Шмидт и его семья

Трудармейка: Мария Иосифовна Шуравина

Трудармейка: Мария Иосифовна Шуравина

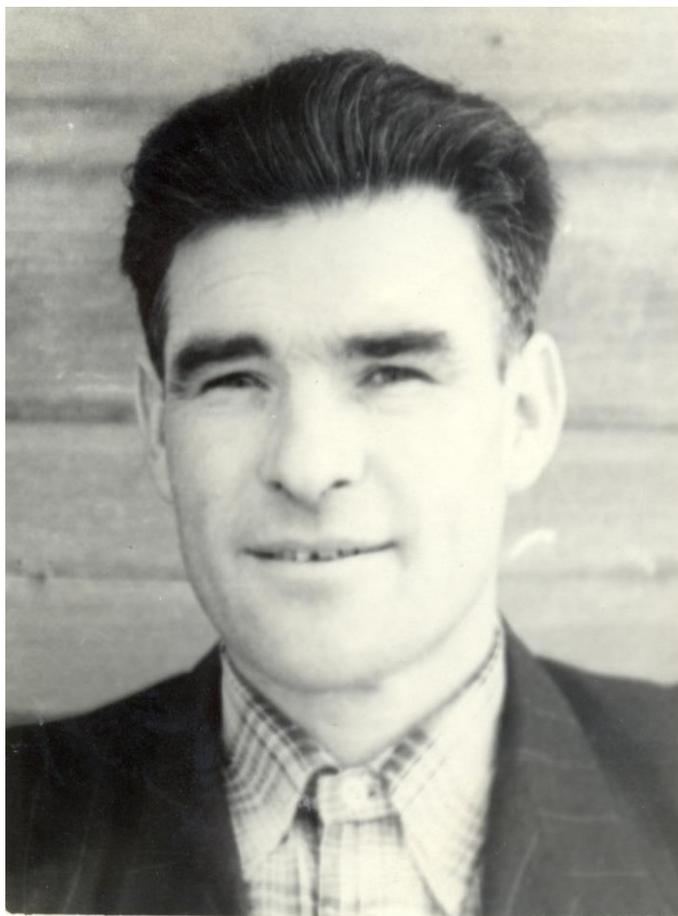
Трудармеец: Рудольф Христьянович Роммель

Трудармеец: Рудольф Христьянович Роммель

Правнучка учит компьютерной грамотности

Трудармейка: Лидия Ивановна Энграф

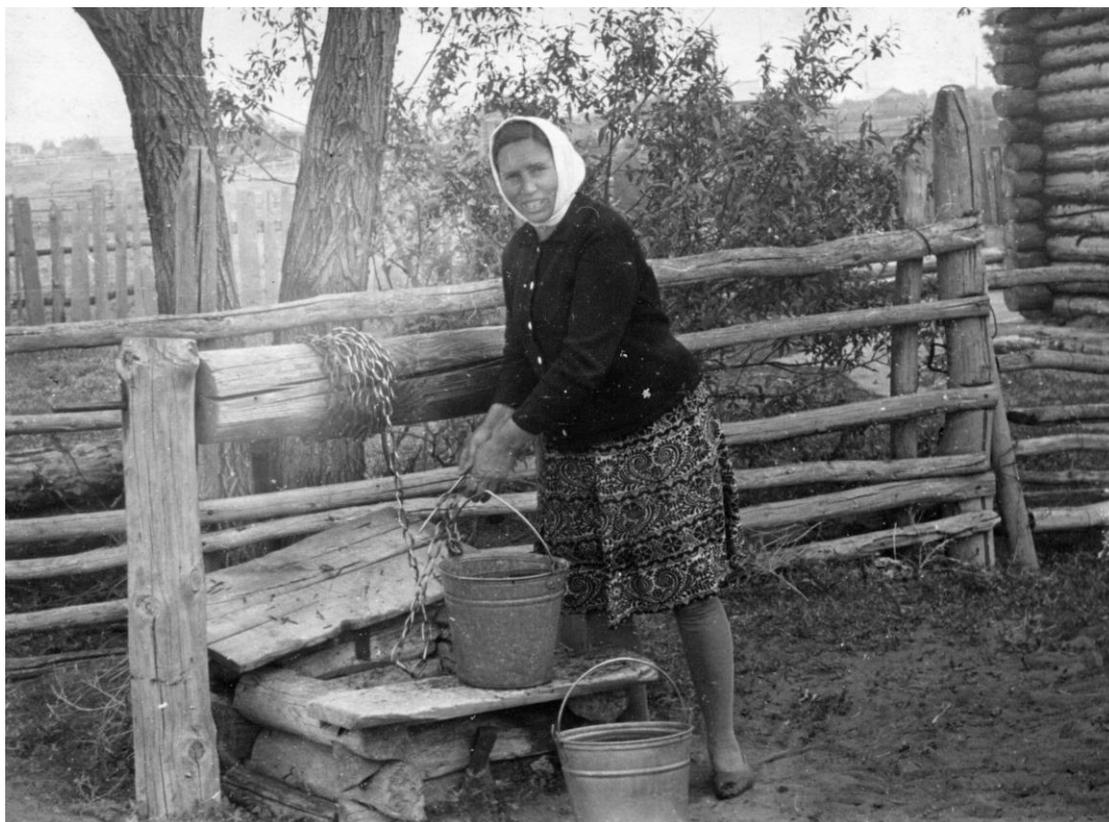

Семья Лидии Ивановны Энграф

Трудармейка: Лидия Ивановна Энграф и её семья

Трудармейка: Лидия Ивановна Энграф и её семья

Нахтигали Фрида Андреевна и Яков Яковлевич

Яков Нахтигаль, отец (крайний справа), 12 лет, (1882 год)

Анна Ивановна, мама, сын Яша и дочь Анна

Родительская усадьба (Украина, Сталинская (Донецкая) область, с. Михайловка)

Потомки

Письмо из 1941 года

В каждой семье существуют реликвии, которые передаются из поколения в поколения. Знакомство с ним всегда открывает новые исторические горизонты, дают новую информацию, которая по новому освещает привычные факты. Так наша редакция получила в свое распоряжение уникальный исторический документ — письмо красноармейца Великой Отечественной войны. Только у письма одна особенность: оно написано на немецком языке.

Сейчас мало, кто знает, что в Красной Армии служили десятки тысяч советских немцев, до ноября они были в действующей армии и вместе со всем народом сражались с фашистскими захватчиками. Осенью 1941 года было принято секретное решение о том, чтобы всех немцев из действующей армии отправить в тыловые части.

Так вот в 1941 году на боевом посту встретил врага красноармеец Карл Эрлих. О своих впечатлениях он написал 19 июля отцу Кондрату Кондратьевичу в село Шафеаузен, Унтеравонденского кантона Республики немцев Поволжья. Неизвестно в каком месте красноармеец бросил его в почтовый ящик, на письме стоит печать почтового отделения города Торопецка, Калининской области и нет отметки армейской цензуры. И оно дошло!

«Мои дорогие родители, братья и сестры, с приветом к Вам ваш сын. Я еще здоров, но Вы бы меня уже не узнали. Мы приехали 10 июля вечером на линию фронта, и уже утром начался бой. В живых остались только немногие и мы уже сутки находимся в окружении без еды. И будет ли доставлена еда, это ещё вопрос. Позвольте передать Вам привет. До свидания. Карл».

Это было его первое и последнее письмо. Оставалось 39 дней до того дня, как его родные и его народ будут депортированы на Урал, Сибирь и в Казахстан. Все это время письмо сохранилась у сестры Карла, Софьи Эрлих (Наконечной) и его нам передала внучка, Лариса Борисовна Трускова.

Werte Eltern Geschwister, B...
Каминский обл. 19. 7. 1941

42
Liebe immer und Gruß von eurem Sohn.
Bin noch gesund nur o. erkälten
wünscht ihr mich nicht mehr.

Wir kommen am 10 Juli abends an der
Frontlinie an demnach es vor am
morgen begann Dampf es blicken
nur noch einige Leben und wir be-
finden uns schon 9 Stunden in Verren-
nung ablassen. Das Eisen gehen
wir. und danach es ist.
Wie es noch kommt ist eine unbe-
antwortete Frage. Hast mir alle
Künte und Bekannte Grüße
Auf, wie es ist.